

Ж И Т І Я

СВ. СЪВЕРНОРУССКИХЪ ПОДВИЖНИКОВЪ

ПОМОРСКАГО КРАЯ,

КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

И. В. ЯХОНТОВА.

Составлено по рукописямъ Соловецкой бібліотеки.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета

1881.

Печатается по опредѣленію Совѣта Казанской Духовной Академіи. 15 сентября 1881 года.

Читалъ профессоръ *П. Знаменскій*.

ВВЕДЕНІЕ.

Агиобиографическія произведенія были самымъ распро-
страненнымъ родомъ нашей древней письменности и, при
своемъ нравственно-назидательномъ характерѣ, имѣли несо-
мнѣнно практическое значеніе, будучи лучшимъ родомъ про-
повѣди, наиболѣе понятнымъ для народа и болѣе всего лю-
бимымъ имъ; въ нихъ предлагались живые примѣры христі-
анской жизни, изъ жизни притомъ же людей русскихъ,—
родныхъ, проведенныхъ земное свое существованіе среди всѣмъ
знакомыхъ условий и обстановки родной страны. Вслѣдствіе
недостатка въ старинномъ русскомъ обществѣ критики для
этого рода произведеній въ нихъ часто вкрадывался элементъ
легендарный,—являлись разныя неисторическія черты въ из-
ображеніи личности и подвиговъ того или другаго святаго,
допускалась ошибочность въ хронологическихъ обозначеніяхъ
и другіе виды искаженія истины. Но древне-русскій чело-
вѣкъ, проникнутый непосредственнымъ благочестивымъ чув-
ствомъ къ св. угодникамъ, не сомнѣвался въ достовѣрности
агиобиографическихъ памятниковъ. Всему писменному, лите-
ратурѣ въ самомъ обширномъ ея смыслѣ, придавалось вы-
сокое значеніе; все написанное считалось выше того, что
сохранялось въ устномъ разказѣ, въ преданіи, — признава-
лось подлинною истинною, чуждою всякаго вымысла и лжи.
Такой взглядъ нашихъ предковъ на письменность выражаетъ
списатель житія препод. Іакова Боровицкаго: „таковъ бо
уставъ челоуѣцы имамы, егда бо кто глаголетъ не написано,
намъ помышляти—яко лжа есть“.

Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ научнаго разви-
тія, такое безусловное довѣріе къ житіямъ святыхъ необхо-
димо должно было поколебаться. Издавая свои Четив-Минеи,
святитель ростовскій Димитрій говорилъ: „да не будетъ ми
еже лгати на святаго“; эти слова ясно намекаютъ, что св.

Димитрій, при составленіи своего громаднаго произведенія, старался въ житіяхъ святыхъ отдѣлять историческую истину отъ вымысловъ. Также слѣдуетъ сказать и относительно труда преосвящ. Филарета, архіепископа черниговскаго, поставившаго приведенныя слова св. Димитрія эпилогомъ въ сочиненію—„Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстнѣю“. Въ своемъ—„Обзорѣ русской духовной литературы“⁽¹⁾ преосвящ. Филаретъ такъ, наприм., характеризуетъ одного изъ составителей жизнеописаній святыхъ. „Сочиненія Васильевы болѣею частію бесполезны для исторіи. Смѣлость клирика въ вымыслахъ, оскорбляющихъ исторію, хронологію, здравый смыслъ и святую вѣру, — изумительна. По всему видно, что Василій былъ охотникъ поговорить, но былъ человекъ ограниченный въ смыслѣ и скудный въ познаніяхъ, дозволившій себѣ говорить всякую ложь, лишь бы освятить любимую мысль. Говоря о Пахоміи, написавшемъ повѣсть о Василіи и Константинѣ ярославскихъ, преосвященный замѣчаетъ: „по этой повѣсти видно, что многорѣпный Пахомій съ родни безтолковому Василию“.

Въ новѣйшее время строго-научное, критическое отношеніе къ нашей агіографической писменности показалъ В. О. Ключевскій, въ извѣстномъ изслѣдованіи — „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. Пересмотрѣвши массу житій и сличивши ихъ по различнымъ редакціямъ, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что этотъ источникъ въ историческомъ отношеніи нельзя считать обильнымъ и что его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго подробнаго и критическаго его изученія. Справедливость такого положенія все-таки не исключаетъ того, что для изученія древне-русской исторіи, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ сторонъ древне-русской жизни, за жизнеописаніями святыхъ остается довольно важное значеніе, какъ историческаго источника.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы намѣрены рассмотреть съ этой стороны рядъ жизнеописаній св. мужей сѣверно-русскаго поморскаго края, сохранившихся въ древней и единственной большой библіотекѣ этого края, — разумѣемъ библіотеку Соловецкаго монастыря.

⁽¹⁾ Стр. 146.

Сѣверно-поморскій край принадлежалъ къ числу новгородскихъ владѣній. Новгородцами положены были здѣсь и начатки общественной жизни, и сѣмена христіанства. Но высшія церковная и гражданская власти „Великаго Новгорода“ не обращали должнаго вниманія ни на просвѣщеніе финскихъ племенъ — обитателей поморья, ни на улучшеніе ихъ внѣшняго быта. Отношенія князей, владыкъ и посадниковъ въ этому краю не простирались далѣе заботъ о сборѣ дани и промышленныхъ доходовъ; если у этихъ властей и были заботы о распространеніи тамъ христіанства, то — самыя незначительныя. Только отважные новгородскіе ушкуйники и промышленники, звѣроловы и рыболовы, посѣщали этотъ отдаленный край: они ставили здѣсь „страдомныя деревни“, а для удовлетворенія религіозному чувству — построили часовни. Сталкиваясь на промыслахъ съ финскими инородцами, новгородскіе промышленники могли конечно знакомить ихъ и съ своей вѣрой; но отъ такой проповѣди нельзя ожидать видныхъ послѣдствій. Въ XIV вѣкѣ на поморьѣ царило самое грубое невѣжество и суевѣріе: жители находились въ дикомъ и крайне бѣдственномъ состояніи; поселенія русскихъ были малолюдны, да и тѣ разбросаны на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и раздѣлены непроходимыми лѣсами и тундрами. Препод. Лазарь, поселившійся въ концѣ первой половины XIV вѣка на южныхъ границахъ поморья, на Мурманскомъ островѣ Онежскаго озера, нашелъ этотъ край въ такомъ состояніи:

„Первѣ единъ азъ придохъ на мѣсто сіе святое“, писалъ онъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, „живущаго никогоже не имѣхъ. А живущіе тогда именовались около озера Онега допяне и чудь, страшливые сыроядцы, близъ мѣста своего живяху... Многи скорби и бѣенія, и раны претерпѣхъ отъ сихъ звѣрообразныхъ мужей... хотяху мя сыроядцы убити и тѣло мое въ ядь себѣ сотворити“ (1).

Особенно грубо и невѣжественно было населеніе самыхъ сѣверныхъ частей поморья. — „Древне быша сіи родове; говорится о тамошнихъ обитателяхъ въ одномъ старинномъ памятникѣ, яко звѣріе дивіе, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ раселинахъ каменныхъ, не имуще ни храма,

(1) Ист. російск. іерархіи. ч. V, стр. 115.

ни инаго потребнаго къ жительствоу человѣческому; но тою животными питахуся, звѣрыми и птицами, и морскими рыбами; одежда же — кожа еленей тѣмъ быше. Отнюдь Бога истиннаго Единаго, и отъ Него посланнаго Іисусъ Христа, ни знати, ни разумѣти хотяху; но имъ же это когда чрево насытитъ, тогда оно и бога си поставляше, и аще иногда каменемъ звѣря убіетъ, камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ, еже и нынѣ въ само-ядцѣхъ зловѣріе закаменѣлое обрѣтается, еще и въ лоша-рѣхъ, обаче отчасти“ (1).

Такимъ образомъ, сѣверно-поморскій край въ XIV вѣкѣ представлялъ богатое поле для дѣятельности болѣе образованнаго народа; это, поистинѣ, была „земля жаждущая“ новыхъ, болѣе развитыхъ насельниковъ, съ болѣе возвышенной вѣрой и благоустройствомъ во внѣшнемъ образѣ жизни. Но вому было пріятно переселяться въ такую страну, „гдѣ пришла земля каменистая и стужа великая, — во все лѣто снѣги мало сходятъ“ (2)? На постоянное жительство туда могли идти только люди труда и подвиговъ, — люди съ сильной волей, которыхъ не могла страшить пустыньность, суровость края и скучное одиночество: жизнь при такихъ условіяхъ могла быть по сердцу только строгимъ инокамъ — отшельникамъ. И дѣйствительно, въ дѣлѣ заселенія поморскаго края и просвѣщенія его христіанскимъ ученіемъ всего болѣе потрудились мѣстные св. подвижники. Нѣкоторые изъ нихъ удалялись сюда даже съ прямымъ намѣреніемъ возвѣщать имя Христово, и, дѣйствительно, по преимуществу заявили себя трудами на поприщѣ проповѣди христіанской вѣры туземнымъ инородцамъ (препод. Трифонъ Печенгскій и Теодоритъ Кольскій). Другіе, хотя спеціально и не принимали на себя миссіонерскаго подвига, тѣмъ не менѣе, поселившись среди грубыхъ и суевѣрныхъ язычниковъ, тоже не остались безъ просвѣтительнаго на нихъ вліянія. Вотъ что относительно этого написалъ препод. Максимъ Грекъ въ предисловіи въ житіямъ соловецкихъ чудотворцевъ:

(1) Выдержку эту заимствуемъ изъ Соловецкой рукописи «Сады спасенія» по «Описанію Соловецкаго монастыря». Соч. архимандр. Доспеев. ч. 1, стр. 40.

(2) Акты истор. IV, 545 стр.

„Донелѣже не вселишася (препод: Савватій и Зосима Соловецкіе) въ пустый оный оубо, дотолѣ тамо потону слышашеся имя Христово... Нишѣ, по божественному апостолу, явися благодать Вожіа спасительная въсьмъ челоукомъ... Не токмо бо овругъ острова того истиннии богочетци и Христовы поклонницы быша, но; благодатию Вожію; мнози явцы иновѣрнии обратилася... православная въра распространися болѣе трехъ тысящъ отъ Соловецкаго острова и до варяжскаго нѣкоего града, зовомаго Варгавъ“ (1).

Эти слова выразительно опредѣляютъ значеніе св. подвижничества для сѣверно-поморскаго края. Ихъ дѣятельность въ пользу этой мѣстности, какъ колонизаторовъ, основателей обителей иноческих, и какъ просвѣтителей язычников-инородцевъ, должна была имѣть многосторонній характеръ, а потому и въ жизнеописаніяхъ этихъ личностей; повидимому, мы вправѣ предполагать богатство содержанія и отсюда заключать о ихъ важности для исторіи сѣвернаго поморья. Это значеніе ихъ житій увеличивается еще тѣмъ, что, помимо разнаго рода официальныхъ документовъ, сохранившихся до нашего времени, они являются едва-ли не единственными источниками для исторіи того края. Понятно впрочемъ, что историкъ можетъ воспользоваться этимъ матеріаломъ не иначе, какъ послѣ внимательнаго критическаго его разбора и оцѣнки. Критика источниковъ есть прямая подготовительная работа для составленія исторіи; а тѣмъ болѣе критически слѣдуетъ отвѣстись въ жизнеописаніяхъ святыхъ, потому что эта литература у насъ имѣла особенный характеръ, не совсѣмъ благопріятный для историческаго науки.

Древнѣйшія житія сѣверно-русскихъ святыхъ (2) отличаются краткостію и простотою въ разсказѣ, — въ своей основѣ имѣютъ известную историографическую задачу, на первомъ планѣ ставятъ фактическое содержаніе, не обращая его въ матеріалъ для церковной проповѣди или нравственно-реторическаго разсужденія“ (3). Но съ конца XIV-го вѣка

(1) Рук. Соловецк. библ. № 175, д. 13-й.

(2) Напр. житія св. ростовскихъ чудотворцевъ, св. Александра Невскаго и др.

(3) Качковскій. Древне-русскія житія, какъ историческіи источники, стр. 78.

литература житій русских святыхъ; сильно развостаясь и развиваясь, принимает иное направление. Это направление развивалось подъ иноземнымъ—византійовымъ и южнославянскимъ—вліяніемъ. Съ юга увеличился въ Руси наплывъ славянскихъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ; отсюда же явились и литературные таланты, — мастера житейнаго искусства (сербъ митроп. Кипріянь, Пахомій Логоветъ); которые установили новую теорію для составленія агіографическихъ произведеній и дали образцы житій въ новомъ направленіи. Кипріянь главною задачею „житія“ поставилъ—привести прославленіе святому, ибо „справеднику подобаетъ похвала“⁽¹⁾. Задача эта была вполне усвоена и русскимъ составителемъ житій—Епифаніемъ Премудрымъ; ее же преслѣдовалъ и Пахомій Логоветъ. Всѣ эти образцовые составители житій нашли себѣ много подражателей. Непремѣннымъ слѣдствіемъ установленнаго Кипріяномъ взгляда на задачу житія явилось стремленіе въ житіяхъ въ украшенному витіеватому слогу; развился вкусъ въ житейному краснорѣчію, ораторству, „плетенію словесъ“, простымъ изложеніемъ разсказа уже не удовлетворялись, а находили нужнымъ убирать его въ цѣты краснорѣчія, такъ что житія, изложенныя просто, первыми составителями, поручались чуждымъ писцамъ для передѣлки⁽²⁾. Витіеватымъ слогомъ особенно отличаются житія написанныя Епифаніемъ Премудрымъ и Пахоміемъ Логоветомъ. Послѣдній прочно установилъ и закрѣпилъ для русской агіографіи однообразные приемы и далъ для нея не мало образцовъ, которыми русскіе агіографы съ конца XV - го вѣка старались подражать и въ литературныхъ приемахъ и въ пониманіи историческихъ явленій. Произведенія Пахомія, благодаря его извѣстности, стали общимъ достояніемъ древне-русскихъ читающихъ людей и переписывались вездѣ. Такъ какъ написанныя имъ житія большею частію похожи одно на другое, не только по слогу, но и по содержанію, то подражать имъ

(1) Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 85.

(2) Напр митропол. Кипріянь передѣлалъ древнѣйшую редакцію житія св. митр. Петра; Пахомій — житіе пр. Варлаама Хутыжскаго, Сергія Радонежскаго и друг.

сволько жоводному и монотонному стилю: этого агіобіографа было легко при самой ограниченной степени начитанности.

Всматриваясь въ творенія Пахомія, находимъ, что въ низъ-біографическому разсказу объ известномъ лицѣ обыкновенно предшествуетъ ораторское предисловіе. Сначала авторъ обыкновенно развиваетъ въ немъ мысль, что писать житія св. мужей необходимо и полезно въ виду человѣческаго спасенія и съ цѣлію принести прославленіе святымъ; потомъ ведетъ рѣчь о своемъ скудоуміи и недостаткѣ своихъ силъ, чтобы должнымъ образомъ принести „живое похваленіе“ святому, но въ тоже время высказываетъ надежду на помощь Божію въ предпринимаемомъ трудномъ дѣлѣ, молить братію того монастыря; по порученію которой взялся за перо, о содѣйствіи ему въ началомъ трудѣ своими молитвами къ Богу; наконецъ и самъ обращается съ молитвеннымъ воззваніемъ къ святому о помощи или же—высказываетъ надежду на эту помощь. Самый разсказъ его житій язобилуетъ общими, типическими чертами, которыя не содержатъ въ себѣ ничего характеристическаго для личности известнаго святаго, только стараются подвести его подъ общій аскетическій идеалъ (*). Подражанъ Пахомью, къ ютимъ же типическимъ чертамъ стали прибѣгать и послѣдующіе русскіе біографы; особенно когда брались описывать жизнь святаго, о которомъ до нихъ дошло мало историческихъ свѣдѣній. Въ этомъ случаѣ смѣло можно было взять произведеніе Пахомія и воспользоваться своими скудными историческими свѣдѣніями; заимствованными оттуда общими мѣстами, разнаго рода риторическими украшеніями и такими чертами, которыя можно удобно переносить на всякаго святаго. Конецъ житія въ твореніяхъ Пахомія завершается похвалою святому и сопровождается

(*). Наприм.: „Родися отъ бласочестиву родителю христіану... воспитавъ бысть въ добръ ученіи и благочестіи... юнъ сынъ на игры, пустошныя, якоже обычай есть дѣтямъ, отнюдь не хождаше, но паче благоу часть избѣгаше... прѣстирися на лучшее... не дадаше сна очима своимъ... выну боряся и подвизаяся на невидимаго врага... прилагаше труды къ трудомъ... въ церквѣ Возіей прежде всѣхъ обрѣташе... со отягченіемъ власт своихъ; жуаѣ отрѣваетъ и вся шфскія мудрованія... бѣ почитаемъ всѣми и любимъ; наковель предомартаѣ слова къ братіи: таде тѣломъ отидому отъ васъ; ина дукомъ отидомъ; ина дукомъ отидомъ...“

описаніемъ посмертныхъ чудесъ. Изложеніе отличается самымъ обильнымъ краснорѣчіемъ.

Біографы св. подвижниковъ поморскаго края, писавшіе въ XVI-мъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ, какъ сыны своего времени, находились, при составленіи своихъ произведеній, подъ вліяніемъ того же взгляда на житіе, какъ на церковно-ораторское произведеніе, — взгляда окончательно установившагося къ началу XVI-го вѣка. Обстоятельство это прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду при разборѣ житій св. подвижниковъ поморскаго края, какъ историческаго источника. Далѣе необходимо обратить вниманіе на то, когда именно и кѣмъ составлено извѣстное житіе, — обозначить отношеніе автора къ описываемому въ житіи подвижнику, указать источники, на основаніи которыхъ оно составлено, и какъ составлено, — тѣми-ли дѣйствительно источниками пользовался авторъ, на которые указываетъ, или—другими, о которыхъ умалчивается, вѣрно-ли передаетъ мысль древнихъ повѣствователей, не дополняетъ ли ихъ сказанія отъ себя или не опускаетъ ли въ нихъ чего нибудь, не позволяетъ-ли себѣ какихъ либо произвольныхъ сужденій и соображеній. Наконецъ необходимо выяснитъ побужденія біографа къ написанію извѣстнаго житія и условія происхожденія послѣдняго. Такимъ путемъ изслѣдованія опредѣлится степень обилія и достовѣрности фактической стороны жизнеописаній, достоинство и важность сообщаемаго имъ матеріала.

Избираемый нами для настоящаго изслѣдованія предметъ, очевидно, нельзя назвать новымъ. Въ нашей литературѣ, какъ замѣчено было выше, существуетъ спеціально посвященный разсмотрѣнію древне-русскихъ житій святыхъ трудъ г. Ключевскаго; но онъ не исключаетъ возможности подвергнуть тотъ же предметъ вторичной разработкѣ. Это въ особенности слѣдуетъ сказать относительно жизнеописаній св. подвижниковъ поморскаго края, которыхъ г. Ключевскій обзорѣлъ бѣгло, не представляя подробной критики и лишь кратко высказывая свое воззрѣніе на эти памятники. Въ этомъ сознается онъ и самъ, когда одну изъ главъ своего „изслѣдованія“, именно—ту, въ которую вошли замѣчанія относительно житій св. подвижниковъ поморскихъ,—обозначаетъ словами: „Перечень позднѣйшихъ житій и редакцій“.

Задача нашего изслѣдованія — разобрать серію житій св. подвижниковъ поморскаго края съ выше замѣченныхъ

точекъ зрѣнія только въ большей полнотѣ и съ большею обстоятельностью.

Въ предѣлы дальнѣйшей нашей рѣчи войдетъ разборъ слѣдующихъ произведеній агіобіографической литературы:

1) Житій св. Соловецкихъ чудотворцевъ препод. Савватія и Зосимы.

2) Повѣсти о блаженномъ старцѣ Германѣ, спостницѣ преподобнымъ отцемъ Зосимѣ и Савватію.

3) Житія препод. Александра Свирскаго.

4) Житія препод. Александра Ошевенскаго (Каргопольскаго).

5) Житія препод. Антонія Сійскаго.

6) Житія препод. Θεодорита Кольскаго.

7) Житія препод. Трифона Печенгскаго чудотворца, лопарскій народъ просвѣтившаго святымъ крещеніемъ.

8) Житія св. митропол. Филиппа.

9) Повѣсти о препод. Варлаамѣ Керетскомъ.

10) Сказанія о проявленіи и о обрѣтеніи, и о чудесѣхъ препод. Вассіана и Юны Пертоминскихъ чудотворцевъ.

11) Сказанія о чудесѣхъ св. Іоанна и Логгина Яренгскихъ.

12) Житія препод. Ирнарха Соловецкаго.

13) Житія праведнаго Артемія Вервольскаго.

14) Житія препод. Никодима Кожеозерскаго.

15) Житія препод. Елеазара Анзерскаго.

16) Житія препод. Исуса Анзерскаго (Голгофскаго).

ВІСНИК
КАЗА
ДУВО
КАКА

I.

Первымъ, по времени появленія, повѣствовательнымъ трудомъ для исторіи церкви на сѣверномъ поморьѣ были житія св. Соловецкихъ чудотворцевъ, препод. Савватія и Зосимы. Обстоятельства происхожденія этихъ житій подробно передаются въ двухъ особыхъ статьяхъ, прилагаемыхъ ко всѣмъ ихъ спискамъ—„О сотвореніи житія и чудесъ препод. Зосимы и Савватія чудотворцовъ“. Изъ этихъ статей видно, что житія Соловецкихъ чудотворцевъ имѣли слѣдующую исторію.

Около 1430-го года препод. Савватій встрѣтился на рѣкѣ Выгѣ съ старцемъ Германомъ. Нашедши въ послѣднемъ себѣ друга, любителя уединенія, Савватій переправился съ нимъ на Соловки и „изрече вся, аже о себѣ“ ему—„старцу Герману“⁽¹⁾. Нѣсколько лѣтъ проживши на пустынномъ островѣ, отшельники удалились на материкъ и болѣе не встрѣчались другъ съ другомъ. Германъ вскорѣ, на рѣкѣ Сумѣ, повстрѣчался съ старцемъ Зосимомъ, тоже искателемъ подвиговъ уединенной жизни; Германъ „сказа ему вся поряду, аже о блаженнѣмъ Савватіи, и о состояніи острова того Соловецкаго и о угодныхъ мѣстѣхъ ко устрою монастыря“⁽²⁾. Отшельники переехали на Соловки и основали обитель.—Въ монашесствѣ было уже обычнымъ, укоренившимся явленіемъ—писать житія тѣхъ подвижниковъ, которые своею жизнію и дѣятельностью заслужили болѣе почтительнаго и благодарнаго воспоминанія въ братіи; этого слѣдовало ожидать и относительно памяти о преподобныхъ основателяхъ Соловецкой обители, особенно о преп. Зосимѣ, который особенно много потрудился въ ея устроеніи.

(1) Ркп. Соловецк. библ. № 175, л. 29 на обор.

(2) Тамъ же, л. 47 на обор.

Препод. Зосима скончался въ концѣ XV-го вѣка (1478 г.), когда въ агіографической литературѣ установился уже искусственный стиль.—И величіе препод. Зосимы, и понятія современниковъ требовали отъ будущаго его біографа своего рода умѣнья, чтобы изложить его житіе „стройно“ и витиевато; но на отдаленномъ сѣверѣ, въ такой обители, каковою была Соловецкая въ концѣ XV-го вѣка, не находилось талантливаго біографа. Отъ того здѣсь, на первыхъ порахъ, мѣстныя условія взяли — было даже перевѣсъ надъ современнымъ взглядомъ на житіе.—Проникнутый искреннимъ желаніемъ сохранить для обители воспоминанія о своихъ соотрудникахъ — начальникахъ Соловецкихъ, старецъ Германъ, пережившій Зосиму, диктуетъ клирикамъ то, что самъ узналъ отъ препод. Савватія и Зосимы относительно ихъ жизни, и клирики пишутъ подъ его диктовку „памяти“. Онъ повѣдалъ имъ о томъ, „еже видѣ въ животѣ блаженнаго Савватія, и како прииде съ нимъ на островъ Соловецкій, и ангеломъ Божиимъ изгнавшимъ изъ острова Соловецкаго рыбодовца, и о преставленіи чуднемъ препод. Савватія, и по преставленіи Савватіевѣ како прииде препод. Зосима на Соловки, и паки Германъ съ нимъ, и видѣ видѣніе божественнаго луча осіявашаго мѣсто, идже обитель составлена, и церковь прекрасну на воздусѣ, и ина многа, яже видѣ при животѣ блаженныхъ отецъ. Ся вся повесть Германъ клирикомъ писати на памяти, и писанія того не мало было“ (1). Все это, разумется, было записано „просто“, — „якоже сказоваше имъ (Германъ) простою рѣчию, тако они и писана, не украшающе рѣчи, но точію памяти ради писана житія блаженныхъ отецъ Зосимы и Савватія“. Неудивительно, что эта первоначальная редація житій препод. Зосимы и Савватія нашла себѣ весьма мало сочувствія среди братіи.—По преставленіи Германовъ, читаемъ въ сказаніи Досіея „о сотвореніи житій Соловецкихъ чудотворцовъ“, „братія не радиха о писаніи томъ, просто бо писана“.

Записки, составленныя подъ диктовку неумѣящаго грамотѣ Германа, стояли по изложенію ниже установившагося въ тому времени стilia житій, а потому не получили распространенія среди иноковъ и существовали только въ одномъ

(1) Тамъ же, л. 110 на обор. и 111. — См. примечаніе на стр. 11.

экземпляръ; ихъ дальнѣйшая судьба была слѣдующая. — Пришелъ на Соловки какой-то священноинокъ; побывъ тамъ нѣсколько времени, онъ удалился, неизвѣстно куда, и унесъ съ собою записки; братія Соловецкая не подорожила ими и дозволила ихъ унести неизвѣстному гостю. Повѣствуя объ этомъ, Досиеей спокойно замѣчаетъ: „намъ же безъ писанія оставшимъ о житіи начальнивъ мѣста сего Соловецкаго монастыря“.

Послѣ этого записки Германа были утрачены навсегда. Воспроизвести ихъ снова на бумагѣ соловецкіе иноки не позаботились, быть можетъ — потому, что имѣли возможность пробавляться устными разсказами о своихъ „начальникахъ“, такъ какъ преданіе о нихъ къ концу XV-го вѣка еще не успѣло состарѣться: въ обители существовали иноки, лично знавшіе препод. Зосиму и жившіе подъ его руководствомъ. А составить и изложить „стройно“, „не простою рѣчію“, житія Соловецкихъ начальниковъ — изъ числа братіи было некому; Соловецкой братіи и въ болѣе позднѣе время (во время правленія новгородскою епархіею архіеп. Макарія) приходилось отправлять на славянскій югъ монаха Богдана съ порученіемъ отыскать тамъ искусное перо для составленія похвальныхъ словъ препод. Зосимѣ и Савватію (1).

Составленіе новой редакціи житій Соловецкихъ чудотворцевъ принадлежало „священно-иниоку Досиеею“. Онъ, какъ говоритъ самъ о себѣ, пришедши на Соловки, засталъ въ живыхъ препод. Зосиму, былъ нѣкоторое время его ученикомъ и удостоился даже „своими руками скутати и погребсти его тѣло“. Со старцемъ Германомъ Досиеей жилъ въ одной кельѣ, „написаніе Германово о житіи препод. Савватія видѣлъ, держалъ у себя не одинъ годъ и прочиталъ ео многимъ вниманіемъ“. Изъ всѣхъ этихъ источниковъ Досиеей могъ имѣть весьма достовѣрныя свѣденія объ основателяхъ Соловецкой обители, но, при всѣхъ такихъ удобствахъ, не рѣшался взяться за перо и писать ихъ житія,

(1) Похвальные слова препод. Зосимѣ и Савватію были составлены Черноризцемъ Филологомъ; они помѣщены въ Правосл. Соб. за 1859 г. и въ заглавіи приписаны Черноризцу Зиновію. Свѣденія о Филологѣ Черноризцѣ изложены въ Прибав. къ Твор. св. отдѣль 1859 г. ч. XVIII, стр. 522—547.

считая себя „грубымъ и недовольнымъ смысломъ на бже великое дѣло“. Но разъ какъ-то случилось Досиею быть въ Новгородѣ у архіепа Геннадія. Разговаривая „о устроении бѣта Соловецкаго острова и о начальникахъ Соловецкаго монастыря“, владыка сталъ просить Досиея „написать о ихъ житіи и о чудесѣхъ“. „Влико вразумѣши — напиши ми! памяти ради, говорилъ онъ; вѣру бо имамъ въ начальниковъ монастыря вашего, яко Савватіе, егда на Валаамѣ въ монастырѣ былъ, и авъ у него — ученикъ; а онъ мнѣ старецъ былъ: вѣмъ его старца житіемъ велика и свята“. Не смотря на то, что инокъ смиренно признавался владыкѣ въ своей грубости и скудоуміи, послѣдній все-таки убѣдилъ Досиея взяться за это дѣло, и онъ, „примъ благословеніе Богу поспѣшествовавшу, молитвъ ради препод. отецъ Досимъ и Савватія, написалъ памяти ради“, сколько могъ⁽¹⁾. Такимъ образомъ появилась вторая редакція житій Соловецкихъ чудотворцевъ.

Досиею говорить, что былъ въ Новгородѣ „не мало лѣтъ“. Во все продолженіе этого неопредѣленнаго срока времени, онъ „держалъ у себе писаніе то“, но стѣдился явиться къ архіепископу съ своимъ произведеніемъ, „неураченнымъ словесы“, его заняла мысль, — какъ бы найти такого искуснаго челоѣка, который бы обработалъ его писаніе и изложилъ краснорѣчивѣе, такъ, чтобы его можно было безъ стѣсненія поднести новгородскому владыкѣ⁽²⁾, хотя послѣдній, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, вовсе и не требовалъ отъ Досиея краснорѣчиваго произведенія. Проникнутый искреннею сыновнею любовію къ преподобному Савватію, владыка Геннадій остался бы благодаренъ Досиею за всякій біографическій трудъ, потому что желалъ имѣть письменныя сказанія о Соловецкихъ подвижникахъ только „памяти ради“.

О стилѣ инока Досиея можетъ свидѣтельствовать его „Сказаніе о сотвореніи житія и чудесъ препод. Досимъ и

(1) Тамъ же, л. 112.

(2) Мысль эта писана ясно, выражена въ Волоколамскомъ спискѣ житія Соловецкихъ чудотворцевъ (Сб. Моск. дух. акад. № 659). Досиею здѣсь такъ отзывается о своемъ трудѣ: „Написавъ и держалъ у себя и думашахъ; — како вѣсти во гартіепископу отъ мужа, понеже дщину написалъ, но удобрити, якоже бы сложно, недоумѣхъ“.

Савватія“ (1); сказаніе это изложено довольно стройно, ясно и просто, — церковнославянскимъ языкомъ; такую же, если не болѣе украшенною рѣчью, надо полагать, были написацы имъ и записки о Соловецкихъ чудотворцахъ. Но Досиеей все-таки находилъ свой слогъ достаточнымъ только для составленія небольшого сказанія о сотвореніи житія, а оставить написанными такую же рѣчью самыя біографическія сказанія — считалъ неприличнымъ и желалъ имъ дать дитературную обработку. Простая церковно-славянская рѣчь тогда уже считалась недостаточною для изложенія житій святыхъ.

Такой человекъ, который могъ удовлетворить желанію Досиеей, нашелся въ лицѣ митрополита Спиридона, проживавшаго въ заточеніи въ Терапонтовомъ монастырѣ (2). Встрѣтившись съ нимъ въ упомянутомъ монастырѣ, Досиеей сталъ уговаривать и „понуждать“ его „преписать и изложить стройно житіе начальниковъ Соловецкихъ“, для чего и передалъ ему тѣ памяти, какія самъ составилъ по просьбѣ Геннадія. Какія качества и способности дѣлились и требовались отъ біографа по понятіямъ людей въ началѣ XVI-го вѣка, — объ этомъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Досиеей, которыми онъ характеризуетъ митроп. Спиридона, какъ біографа: „бѣ бо онъ тому (т. е. дѣлу составленія житій) мудръ добре, имѣя (умѣя) писанія ветхая и новая“. Спиридонтъ рѣшился исполнить желаніе Досиеей, — „Божіимъ изволеніемъ не отречеса, понуди старость свою и надиса во общую пользу хотящихъ ревновати сихъ преподобныхъ житію“. Такъ говорить о составленіи житій Соловецкихъ чудотворцевъ самъ Досиеей (3); митрополитъ же Спиридонтъ передаетъ объ этомъ короче и нѣсколько иначе.

„Поточену ми бывшу въ странахъ Бѣла-езера, въ монастыри пречистыя Богородицы, въ Терапонтовѣ, понуждену ми

(1) Тамъ же, л. 110 на обор. — 113.

(2) Извѣстія о митроп. Спиридонтѣ, говоритъ г. Ключевскій (стр. 200, примѣч.), скудны и не ясны. Летопись говоритъ о немъ подъ 1476 годомъ: „приде изъ Царя-града въ литовскую землю митр. Спиридонтъ, родомъ тверитинъ, поставленъ на мѣстѣ патрiархомъ, а повелѣнъ турскаго царя“ (Карацъ. VI, примѣч. 629). Неизвѣстно, когда и, какъ повалъ онъ въ заточеніе въ Терапонтовъ монастырь.

(3) Рун. № 478, л. 110.

«сущу отъ нѣкоего мниха тоя обители Соловецкѣя, именемъ Досиеея, тамо бо ему игуменомъ бывшу, и исповѣда ми вся подробну о преподобныхъ, ова и написана дастъ ми на памятѣхъ. Авъ же вся сія собрахъ, елико возмогохъ, Богу помогающе ми за молитвъ преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, и написахъ житія ихъ въ пользу духовную хотящимъ спастися и ревновати преподобныхъ отецъ добродѣтельному житію» (1).

Изъ этихъ словъ митроп. Спиридона можно выводить, что Досиеей въ своихъ „памяткахъ“ помѣстилъ не все, что зналъ о преподобныхъ; нѣкоторыя свѣденія онъ устно сообщилъ митроп. Спиридону, и только уже изъ-подъ пера послѣдняго они вошли въ составъ житій. Въ самихъ житіяхъ дѣйствительно сохранились намеки, служащіе подтвержденіемъ словъ Спиридона; такъ, въ описаніи явленія препод. Зосимы Досиеею, тогда еще Соловецкому игумену,—читаемъ: „се повѣда священноиноуъ Досиеей“.

Въ началѣ житія препод. Савватія (2), митр. Спиридонъ указываетъ еще другой живой источникъ, изъ котораго ему приходилось заимствовать данныя для составленія житій Соловецкихъ чудотворцевъ. Онъ получалъ свѣденія о преподобныхъ „отъ боголюбивыхъ мужъ и отъ бесѣдъ духовныхъ, и отъ приходящихъ мнихъ острова того, и отъ нихъ истязалъ вмаѣ, краткими бесѣдами, и написалъ въ пользу духовную“.

Эта-то уже третья редакція житій Соловецкихъ чудотворцевъ и дошла до нашего времени. Приведенная исторія ихъ происхожденія представляетъ собою замѣчательное и довольно характеристичное явленіе: въ ней весьма замѣтно отобразилась борьба между простымъ, скромнымъ желаніемъ—имѣть „памяти“ о св. подвижникахъ и установившимся въ концѣ XV вѣка взглядомъ на житіе, какъ на витіеватое произведеніе.

Послѣ митроп. Спиридона, который составилъ самыя біографіи и записалъ околѣ 8 посмертныхъ чудесъ (3), къ

(1) Ркд. № 175, л. 105.

(2) Тамъ же, л. 19 на обор.

(3) Эти чудеса—явленіе препод. Зосимы Даніилу, страдающему на морѣ, чудеса—«какѣ начаша образы висати», видѣніе Іосифа, Герасима (3), Флимона и Досиея; сюда же относится и разсказъ Досиея о пред-

житіямъ преподобныхъ. прибавленъ еще длинный рядъ чудесъ. Изъ лицъ, занимавшихся ихъ описаніемъ, известны: игуменъ Вассіанъ⁽¹⁾ и св. митроп. Филиппъ⁽²⁾ въ бытность его игуменомъ на Соловкахъ; послѣ св. Филиппа были и другіе, не известные по имени, продолжатели этого дѣла, такъ какъ рассказы о чудесахъ преподобныхъ въ нѣкоторыхъ спискахъ житій⁽³⁾ восходятъ до начала настоящаго столѣтія.

Статья священноинокъ Досіея о сотвореніи житій Соловецкихъ чудотворцевъ очевидно также написана послѣ редактированія ихъ митроп. Спиридономъ; вѣроятно, Досіей не удовлетворился сказаніемъ послѣдняго („о сотвореніи житій“), такъ какъ оно кратко и притомъ же не описываетъ цѣлой исторіи ихъ происхожденія; своей статьей Досіей захотѣлъ восполнить этотъ пробѣлъ, но, вѣроятно, вздѣся за дѣло не вскорѣ послѣ появленія Спиридоновской редакціи, такъ что къ тому времени въ его головѣ уже успѣло помутиться сознание о томъ, когда именно эта редакція вышла въ свѣтъ. Въ опредѣленіи времени ея появленія между сказаніями митр. Спиридона и Досіея замѣчается разногласіе, если впрочемъ показаніе послѣдняго не принимать за круглое число.

Митроп. Спиридонъ говоритъ: „списахъ же житія сія рабовъ Божіихъ, первоначальникъ Соловецкихъ, преподобныхъ отецъ... въ лѣто 734“⁽⁴⁾, т. е. въ 1503-мъ году. По словамъ же Досіея⁽⁵⁾ оказывается, что редакція житій митр. Спиридона появилась спустя 30 лѣтъ по смерти преп. Зосимы, слѣдовательно—въ 1508 году (преподобный Зосима скончался въ 1478 году). Впрочемъ, г. Ключевскій не рѣшается приписать хронологическую ошибку самому Досіею и думаетъ, что статья Досіея „О сотвореніи житій“ сохра-

смертному общаніи святаго, заключающійся краткой похвалою послѣднему.

(1) Ркп. № 175, л. 115.

(2) Тамъ же, л. 185.

(3) Наприм., Ркп. Соловецк. библиот. № 180.

(4) Ркп. № 175, л. 109 на обор.

(5) „Списавъ же житія сія преподобныхъ отецъ до тридцати лѣтъхъ преставленія блаженнаго отца Зосимы“. Тамъ же, л. 113.

нилась въ позднѣйшей передѣлкѣ переписчиковъ, а первоначальный видъ ея былъ тотъ, въ какомъ сохранилъ её волоколамскій списокъ житій^(*); доказательствъ въ пользу такого мнѣнія г. Ключевскій не приводитъ. Но можно предположить и наоборотъ, что въ волоколамскомъ спискѣ, по году указанному митроп. Спирилономъ (о времени составленія имъ житій), произведена позднѣйшими переписчиками поправка хронологической неточности въ „Сказаніи“ Досисея. Что статью Досисея, въ какомъ видѣ она сохранилась въ волоколамскомъ сборникѣ, можно счесть за позднѣйшую, исправленную, — на это даетъ право то обстоятельство, что она тамъ занимаетъ мѣсто въ концѣ житій, послѣ посмертныхъ чудесъ, а не между ними, какъ въ болѣе распространенныхъ спискахъ.

Для оцѣнки достоинства и значенія дошедшей до насъ редакціи житій Соловецкихъ чудотворцевъ нужно опредѣлить, — въ чемъ именно состояла работа митроп. Спиридона, какъ онъ отнесся къ тѣмъ „памятямъ“, которыя вручилъ ему Досисей.

Отвѣтомъ на эти вопросы, прежде всего, служатъ слова самого митр. Спиридона, которыя были приведены выше; изъ нихъ можно заключать, что въ его трудъ вошли, кромѣ фактовъ, которые были записаны въ памятахъ Досисея, еще сужденія о преподобныхъ „отъ боголюбивыхъ мужъ и отъ бесѣдъ духовныхъ и отъ приходящихъ мнихъ острова того“. Свою работу Спиридонъ характеризуетъ кратко: „азъ же вся сія собрахъ, едико возмогахъ“; отсюда слѣдуетъ, что дошедшая до насъ редакція житій фактической стороною богаче и обильнѣе, чѣмъ — прежнія.

У Досисея находимъ указаніе болѣе на литературную сторону дѣятельности митроп. Спиридона. — Досисей говоритъ, что понудилъ митрополита „преписать и изложить стройно житія начальниковъ Соловецкихъ, и писаныя тѣ памяти“ далъ ему. Вотъ чего добивался Досисей; ему хотѣлось имѣть житія, написанныя въ современномъ литературномъ вкусѣ; онъ болѣе заботился о формѣ изложенія, — сторонѣ часто внѣшней, а не о содержаніи, — внутренней и главной для

(*) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 202.

историка сторонѣ агиографическихъ произведеній. Насколько митроп. Спиридонъ удовлетворилъ желанію Досиеея, — сказать нельзя. До насъ дошелъ отзывъ объ этой литературной сторонѣ Спиридоновской редакціи житій уже отъ болѣе поздняго времени, отъ второй четверти XVI вѣка; отзывъ этотъ высказанъ былъ препод. Максимомъ Грекомъ. Составляя предисловіе къ житіямъ Соловецкихъ чудотворцевъ, Максимъ Грекъ высказалъ слѣдующее.

„Досиеей, ученикъ преподобнаго Зосимы, написа (разумѣются „памяти“) убо потонку и не ухищренно, и якоже бы возможно тамо живущимъ (жителямъ окрестностей Соловецкаго острова) человекамъ глаголатиже и прочитати... того ради Досиеей неухищренно, ниже добрословесіемъ пишаше, но яко воспоминанія ради трудолюбнаго житія преблженныхъ отецъ нашихъ, да слышаще и ревнують по нимъ добродѣтелямъ“. Спиридона же, по словамъ Максима Грека, Досиеей упросилъ „подробну преписати и удобрити достохвальное пребываніе. Онъ же отчасти убо и добрословесіемъ украси, но не все, тамо ради живущихъ человекъ“, которые — „мало свѣдуще російскаго языка“ (1).

Г. Ключевскій отнесся къ приведеннымъ словамъ Максима Грека съ полнымъ довѣріемъ и въ свою очередь замѣтилъ, что „Досиеея и митроп. Спиридона, въ ихъ трудахъ по жизнеописаніямъ Соловецкихъ чудотворцевъ, заставляла упрощать книжное добрословіе малограмотность тогдашнихъ иноковъ Соловецкихъ и поморянъ“ (2). Но если приведенныя слова Максима сопоставить съ „Сказаніемъ Досиеея о сотвореніи житій“, то, кажется, скорѣе придется придти къ отрицательному взгляду на мнѣнія Максима Грека и г. Ключевскаго. — Досиеей сталъ писать „памяти“ по просьбѣ архіеп. Геннадія и, слѣдовательно, прямымъ и ближайшимъ образомъ для него самаго, а не для Соловецкихъ иноковъ и сѣверныхъ поморянъ, „малосвѣдущихъ тогда російскаго языка“. Имѣя въ виду ближайшимъ читателемъ своихъ, „памятей“ новгородск. владыку, Досиеей потому и заботился придать своему произведенію краснорѣчивую форму, обработать

(1) Ркп. № 175, л. 11.

(2) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческія источники, стр. 370.

его съ литературной стороны; напротивъ, если бы онъ предназначалъ свой трудъ для Соловецкихъ иноковъ и окрестныхъ тамошнихъ жителей, людей малограмотныхъ, даже „мало свѣдущихъ россійскаго языка“, то могъ бы написать „памяти“ безъ всякаго стѣсненія; тогда ему не было-бы причины держать ихъ у себя; не за чѣмъ было обращаться съ просьбою и къ митр. Спиридону „изложить стройно“, потому что, какъ можно судить о стилѣ Досіоея по его сказанію, онъ самъ сумѣлъ бы изложить „памяти“ примѣнительно къ пониманію Соловецкихъ иноковъ. Что касается митр. Спиридона, то онъ при составленіи житій, быть можетъ, и руководился тѣмъ соображеніемъ, какое ему приписываетъ Максимъ Грекъ, но самъ не даетъ на это намекъ въ своемъ „сказаніи о сотвореніи житій“..., а говоритъ только, что потрудился надъ жизнеописаніями, сколько могъ. Такимъ образомъ на приведенныя слова Максима Грека слѣдуетъ смотрѣть только, какъ на выразительный отзывъ его времени о достоинствѣ литературной стороны житій Соловецкихъ чудотворцевъ, но принимать его объясненіе, чѣмъ именно вызвано было такое, относительно небогатое витійствомъ, изложеніе этихъ житій,—нельзя, по крайней мѣрѣ касательно слога Досіоеевыхъ памятней.

Житія Соловецкихъ чудотворцевъ, редактированныя митр. Спиридономъ, по своей задачѣ и цѣлямъ, дѣйствительно, составлены въ духѣ искусственнаго стиля житій XV-го вѣка, но по своему изложенію—далеко уступаютъ послѣднимъ. Въ нихъ не было никакого предисловія,—непремѣнной части житій, выходившихъ изъ подъ пера образцовыхъ агіобіографовъ; самыя біографіи написаны простымъ церковно-славянскимъ языкомъ и не заключаютъ въ себѣ такого витійства и „плетенія словесъ“, какъ наприм. произведенія Пахомія Логовета и другихъ писателей того вѣка.

Обращаясь частіе къ самому содержанію житій Соловецкихъ чудотворцевъ, нельзя не замѣчать многихъ страницъ, которыя страдаютъ отсутствіемъ фактовъ и наполнены общими, типическими чертами, которыя всего лучше и скорѣе усвоивались біографомъ, поставившимъ цѣлью своего труда привести нравственно-назидательную пользу читателямъ и послушателямъ житій. Это въ особенности слѣдуетъ сказать относительно житія препод. Савватія. Судя по тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ біографамъ (т. е. преп. Гермѣ-

ну, иноку Досиею и митроп. Спиридону) приходилось заимствовать свѣденія объ этомъ подвижникѣ, читатель, болѣе или менѣе знакомый съ агіобіографическими произведеніями, въ житіи препод. Савватія легко можетъ замѣтить съ самыхъ же первыхъ страницъ мѣста, не имѣющія за собою значенія историческихъ фактовъ.

Биографъ препод. Савватія самъ признается, что ничего не знаетъ относительно его жизни до прихода въ Бѣлоозерскую обитель; въ описаніи же дальнѣйшихъ періодовъ его жизни—чувствуетъ себя сильнѣе: здѣсь онъ уже не затрудняется незнаніемъ, смѣло берется за перо и повѣствуетъ съ полною увѣренностію въ истинности сообщаемыхъ свѣденій. Эти свѣденія прежде всего могли быть получены біографами отъ самого препод. Савватія; въ житіи сказано, что онъ, встрѣтившись съ препод. Германомъ, „изрече ему вся, яже о себѣ“,—фраза весьма неопредѣленная и растяжимая, говорить обо всемъ и ни о чемъ. Съ вѣроятностію можно предполагать, что препод. Савватій сообщилъ Герману о своей жизни на Бѣлоозерѣ и въ Валаамскомъ монастырѣ; о пребываніи преподобнаго въ послѣднемъ мѣстѣ Досиеей, надо полагать, что-нибудь узналъ также отъ владыки Геннадія, потому что этотъ и просилъ Досиею написать о преподобномъ по той причинѣ, что жилъ съ нимъ на Валаамѣ, находился подъ его непосредственнымъ надзоромъ и зналъ его, какъ человѣка „житіемъ велика и свята“. Однако въ дошедшей до насъ редакціи житія пребываніе препод. Савватія въ упомянутыхъ мѣстахъ описано такими словами, которыя сами говорятъ о своемъ идеальномъ, неисторическомъ характерѣ; мы встрѣчаемъ здѣсь исключительно только общія мѣста и типическое изображеніе жизни идеальнаго подвижника; никакъ нельзя предположить, чтобы самъ преподобный рассказывалъ Герману о своемъ пребываніи въ тѣхъ монастыряхъ именно въ такомъ тонѣ, въ какомъ оно обрисовано въ житіи, такъ какъ это прямо отзывалось бы самохвалствомъ. А владыка Геннадій конечно не могъ передавать о жизни своего уважаемаго „старца“ (на Валаамѣ) въ такихъ общихъ чертахъ, въ какихъ она изображена біографомъ⁽¹⁾; очевидецъ тѣмъ никогда бы не ограничился и въ

(1) Приводимъ изъ житія небольшую выдержку въ подтвержденіе высказанной мысли: „Живяше блаженный Савватіе (на Бѣлоозерѣ) съ

подтвержденіе своихъ словъ не преминулъ бы привести хоть какой нибудь характеристическій рассказъ о подвижникѣ.

Подобными же фразами описано біографомъ и пребываніе препод. Савватія на Соловкахъ вмѣстѣ съ Германомъ, хотя бы отъ изображенія этого періода жизни слѣдовало ожидать большихъ подробностей, такъ какъ Германъ—очевидецъ и сподвижникъ Савватія могъ сообщить о его пребываніи на Соловкахъ прямыя фактическія данныя. Правда, мы находимъ рассказъ о томъ, какъ поморскіе жители враждебно отнеслись къ поселенію препод. Савватія съ Германомъ на доголѣ необитаемомъ островѣ; но этотъ рассказъ весьма достовѣрный по своей основѣ, подъ перомъ біографа, писавшаго на основаніи преданія, принялъ легендарную форму и не можетъ считаться историческимъ въ томъ видѣ; въ какомъ передается въ житіи. Наконецъ, болѣе содержательный въ историческомъ отношеніи рассказъ о послѣднихъ дняхъ жизни препод. Савватія также не свободенъ отъ общихъ фразъ и типическихъ чертъ идеальнаго подвижника. Въ этомъ описаніи особенно высказалось чувство благовѣнія къ преподобному, чѣмъ только и можно объяснить встрѣчающіяся тутъ риторическія прикрасы и вымышленныя фантазію автора подробности.

Получивъ „извѣщеніе отъ Бога“ о приближеніи смерти, рассказываетъ въ житіи, преп. Савватій пожелалъ напутствовать себя въ будущую жизнь принятіемъ Св. Тайнъ; по его молитвѣ „установился въ то время море, и бысть тишина велія въ мори“; старецъ благополучно, въ два дня, переплылъ морскую пучину и достигъ мѣста, называемаго Выгъ наволокъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ нѣкоего игумена Нафанаила и высказалъ ему желаніе исповѣдаться у него и отъ руки его сподобиться причастія Св. Тайнъ. Нафанаилъ предложилъ Савватію добраться до часовни, стоявшей на рѣкѣ Выгѣ, и

пребывающими тамо мнѣти, и соодолѣвъ тѣмъ послушаніемъ къ игумену и еже о Христѣ братству въ заповѣданныхъ ему службахъ, къ сему же многими воздержаніемъ и пощеніемъ изнуряя тѣло свое, и соодолѣваше страстемъ, купно же и всѣмъ слѣчнымъ бѣсовскимъ. Любимъ же бѣ и славимъ отъ всѣхъ тамо пребывающихъ инокъ, и отъ самого игумена обители той, за многое его послушаніе и смиреніе, яко образу ему быти во всѣхъ добродѣтеляхъ. Рян. Сол. библ. № 475, л. 20 на обор.

тамъ подождать нѣсколько времени; „нигдѣ бо скоро званъ есмь отъ человека, болѣзнь имущаго гажу“. На эти слова препод. Савватій сказалъ: „не отлагай, отче мой духовный, до завтра, не вѣри бо сключившихся, что будетъ по сихъ“; „назnamenуетъ ему“, пишетъ биографъ, „вѣкако отхоженіе свое отъ тѣлеси вскорѣ быти“. Нафанаиль убѣдился и удовлетворилъ просьбѣ преподобнаго. Савватій остался наединѣ. Въ то время пришелъ къ нему новгородецъ Иванъ, человекъ богатый, и началъ предлагать милостыню; блаженный похвалилъ предложеніе мужа, но не принявъ милостыни, повелѣвъ еѣ подать нуждающимся и началъ поучать его „о милостыни и о любви, и цѣломудріи, и домохадецъ милосердіи, и о вступленіи вдовиць и сирыхъ“. Потомъ препод. сказалъ своему собесѣднику: „чадо Иване, пребуди здѣ ночь сію и узриши благодать Божию, и завтра безтруднымъ путемъ отыдеши въ путь свой“. Иванъ не послушался и отправился къ морю, намѣреваясь отплыть; „и въ томъ часѣ трусь велий бысть въ мори“; это заставило Ивана отложить свое путешествіе. Преподобный началъ готовиться къ смерти: „что не творяше, и что не дѣяше, да получить божественнаго сіанія!“ наконецъ, изнемогши, легъ на одрѣ и самъ „ко исходу блаженныя си души вѣщеніе (вѣжденіе) сотвори“.

Дальнѣйшій ходъ повѣствованія показываетъ, что преп. Савватій, въ разговорѣ съ Иваномъ, подѣ словами: „узриши благодать Божию“, разумѣлъ обстоятельства, имѣвшія послѣдовать за своею кончиною.—Явившись на утро, Иванъ насильно втолкался въ двери и нашель препод. Савватія сидящимъ въ мантии и въ укуолѣ; подлѣ него стояла кадильница, „желія же исполнена благоуханія неизреченнаго!“ Иванъ ужаснулся, счелъ преподобнаго живымъ и обратился къ нему: „рабе Божій, отдай же ми, яко дерзостнѣ видохъ, многию вѣрою одержимъ, къ твоей святости“. Отвѣта не воспослѣдовало. Долго Иванъ стоялъ въ недоумѣніи и спрашивалъ себя: „аще оставлю таво преподобнаго безъ управленія, то Божія страха боюся; аще ли святаго тѣлеси привоснуся недостойныма рукама, то боюся, да не како что постражду ненадежно за недостойнство“. Потомъ, „дерзнувъ вѣрою“, взялъ почившаго, отнесъ въ часовню, и положилъ на срединѣ ея. Скоро прибылъ и игуменъ Нафанаиль и тѣло преподобнаго было погребено въ той же часовнѣ (1).

Вообще, житіе препод. Савватія отличается крайнею бѣдностью фактическаго содержанія и повсюду переполнено житейными приѣмами, такъ что, если отбросить послѣдніе, то останутся только одни голыя указанія на пребываніе преподобнаго въ Бѣлоозерской и Валаамской обителяхъ, на его прибытіе на Соловки, удаленіе отсюда на рѣку Выгъ и на обстоятельства кончины. Въ историческомъ отношеніи это житіе имѣетъ весьма мало значенія; гораздо важнѣе оно въ отношеніи литературномъ, потому что довольно наглядно показываетъ, къ какимъ способамъ и приѣмамъ прибѣгалъ биографъ начала XVI-го вѣка, когда слишкомъ мало зналъ о дѣйствительной жизни описываемаго подвижника.

Житіе препод. Зосимы Соловецкаго не чуждо недостатковъ житія препод. Савватія, но отличается большею содер-
жательностью историческихъ свѣдѣній.

Биографъ не могъ знать о жизни препод. Зосимы до прибытія послѣдняго на Соловки отъ другихъ лицъ, кромѣ него самого; однакоже захотѣлъ представить полное, цѣлостное жизнеописаніе преподобнаго, отъ первыхъ и до послѣднихъ дней. Значеніе Зосимы для обители было гораздо больше и важнѣе, чѣмъ значеніе препод. Савватія, а потому и жизнеописаніе перваго естественно было нужнѣе для братіи и требовало къ себѣ большаго вниманія отъ биографа. По общему приѣму многихъ составителей житій, биографъ препод. Зосимы въ описаніи первоначальнаго, неизвѣстнаго періода его жизни прибѣгъ къ обычнымъ типическимъ чертамъ.

Такъ, дѣтство препод. Зосимы обрисовано по образцу многихъ другихъ житій, гдѣ обыкновенно рассказывается, что благочестивые подвижники происходятъ отъ добродѣтельныхъ родителей, воспитываются въ страхѣ Божиѣмъ, съ ранняго возраста начинаютъ презирать мірскую славу, богатство и почести и жаждутъ блаженства небеснаго. Повѣствуя объ удаленіи Зосимы на Соловки, биографъ влагаетъ въ уста преподобнаго тексты изъ Свщ. Писанія⁽¹⁾; имиже подерѣпляетъ и общія мысли своего разсказа⁽²⁾. Положеніе

(1) Наприм. обычныя въ житіяхъ слова: «Господи настави мѧ» и проч. Ркп. № 175, л. 47 на обор.

(2) Наприм. сказавъ, что препод. Зосима началъ совѣщаться съ Германомъ о переправѣ на Соловки, биографъ отъ себя замѣчаетъ, что такъ поступилъ Зосима, исполняя слова писанія: «вопроси отца твоего и возвѣститъ тебѣ, — старцы твоѧ и рекуть тебѣ». Тамъ же, л. 47 на обор.

преподобнаго, по прибытіи на Соловецкій островъ, біографомъ изображено кратко, въ самыхъ общихъ чертахъ, и не представляеть ничего отличнаго отъ подобныхъ же описаній, встрѣчающихся во многихъ другихъ жизнеописаніяхъ св. пустынножителей; и какъ въ послѣднихъ верѣдко передаются рассказы о видѣніи св. подвижникомъ, по прибытіи на мѣсто уединенія, на небѣ или на воздухѣ чудеснаго сіянія, а иногда — церкви надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ впоследствии бываетъ сооружаемъ храмъ, такъ тоже самое встрѣчаемъ и въ жизнеописаніи препод. Зосимы. Описаніе подвиговъ его по прибытіи на Соловки весьма сходно съ таковымъ же описаніемъ въ житіи препод. Савватія, — повторяются однѣ и тѣже типическія фразы и общія мѣста. На нѣкоторыхъ страницахъ житія препод. Зосимы, а равно и препод. Савватія, попадаются такіа выраженія и описанія, гдѣ проглядываетъ значительное знакомство біографа съ твореніями Пахомія Логовета, наприм., — съ жизнеописаніями препод. Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго. Таковы, наприм., выраженія: „онъ же (препод. Савватій), яко рабъ нѣвій, безъ ижекупа работаше и безъ всякаго превословіа“⁽¹⁾..., „любимъ же бѣ и славимъ отъ всѣхъ тамо пребывающихъ инокъ“⁽²⁾..., „прилагаше труды къ трудомъ“ и друг. Въ рассказѣ о нападеніи бѣсовъ на препод. Зосиму приводятся выраженія буквально сходныя съ подобными мѣстами житія препод. Кирилла Бѣлозерскаго⁽³⁾. Далѣе слѣдуетъ болѣе фактическая часть жизнеописанія. Кратко сказавъ о сооруженіи первоначальной „церквицы“, біографъ повѣствуетъ объ отправленіи посольства къ новгородскому владыкѣ съ просьбою о дозволеніи освятить еѣ; для чего прислать антиминосъ и другія потребныя вещи, а также — и игумена для новоустроенной обители; затѣмъ говорится о намѣреніи поморянъ завладѣть Соловецкимъ островомъ и его угодьями. За упоминаніемъ объ удаленіи съ Соловковъ игумена Павла и его

(1) Сравн. Ркп. № 175, л. 23 и Ркп. № 224 (житіе препод. Сергія Радонежскаго), л. 153.

(2) Сравн. Ркп. № 175, л. 20 на обор. и 22 на обор. и Ркп. № 219 (житіе препод. Кирилла Бѣлозерскаго), л. 33, 34 и 37.

(3) Сравн. Ркп. Соловецк. библ. № 175, л. 53 на обор. и Ркп. № 219, л. 32 на обор.

преемника Θεодосіа слѣдуетъ разсказъ объ избраніи братією въ это званіе препод. Зосимы; въ описаніи этого событія нельзя не замѣчать значительнаго сходства съ изображеніемъ подобнаго же факта въ житіи препод. Сергія Радонежскаго (1). Одна и та же обстановка описываемыхъ событій, буквальный повтореніе угрозъ, произносимыхъ братією препод. Сергію и иноками Соловецкой обители препод. Зосимѣ, отказывавшемуся отъ предлагаемаго почетнаго званія, а также дословное сходство нѣкоторыхъ выраженій въ повѣствованіи о бесѣдѣ преподобнаго съ владыкою, равно какъ и при разсказѣ о самомъ фактѣ поставленія Зосимы въ игумена, — все это даетъ достаточное основаніе предполагать, что составитель житій Соловецкихъ чудотворцевъ находился при написаніи ихъ подъ сильнымъ вліяніемъ жизнеописаній другихъ св. подвижниковъ, позволяя себѣ дѣлать изъ нихъ даже копировку событій. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно повѣствованія о встрѣчѣ Соловецкою братією игумена Зосимы. Легендарный разсказъ о томъ, какъ монастырскій пѣсъ покупался съѣсть просвиру отъ службы препод. Зосимы, выпавшую изъ пазухи нѣкимъ гостей, и не могъ никакъ прикоснуться къ такой святинѣ, — весьма сходенъ съ подобнымъ же событіемъ, выставляемымъ причиною основанія монастыря Михалицкаго на урочищѣ Молотковѣ (2).

Далѣе идетъ разсказъ о построеніи большой церкви. Сказавъ затѣмъ въ самыхъ общихъ житейныхъ выраженіяхъ о распространеніи обители и объ увеличеніи братства, авторъ повѣствуетъ о перенесеніи мощей препод. Савватія на Соловки.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается біографъ на изображеніи послѣдняго путешествія препод. Зосимы въ Новгородъ; здѣсь онъ не могъ не высказать своего сочувствія къ отживавшей свой вѣкъ новгородской старинѣ.

Прибывши въ Новгородъ ходатайствовать за свою обитель, препод. Зосима долженъ былъ заявиться къ Марѣ посадницѣ. Гордая женщина не допустила къ себѣ подвижника и даже приказала отогнать отъ своего дома. Удаляясь прочь и качая головою, преподобный сказалъ (бывшимъ съ

(1) Сравни Рип. № 175, л. 61—65 и Рип. 224, л. 158 и т. д.

(2) Сравни Рип. № 175, л. 68—69 и Новг. Лѣт. I, 26; III, 248.

нимъ) ученикамъ своимъ: „Се днѣ грядуть, иже дому сего жителіе не изслѣдятъ стопами двора сего и затворятся двери дому сего, къ тому не отверзутся, и будетъ дворъ ихъ пустъ“ (1).

Марѳа раскаялась въ своемъ поступкѣ, пожелала принять благословеніе отъ преподобнаго и позвала его къ себѣ на пириество. — Вотъ сидитъ за трапезой честной старецъ, сидитъ „съ обычнымъ смиреніемъ и кротостію, молча“, соблюдая и въ боярскомъ домѣ монастырское воздержаніе. Вдругъ, во время пира, преподобный „исполнился ужаса и страха“; взглянувъ на бывшихъ за столомъ бояръ, онъ увидалъ „ужасное видѣніе, страха и трепета исполнено“, — шестеро бояръ сидѣли безъ головъ. Три раза Зосима обращалъ свой взоръ на этихъ людей и всё видѣлъ ихъ безъ головъ. Старецъ вздохнулъ, прослезился, поникъ долу и не могъ болѣе вкушать отъ предложенныхъ яствъ и питій, но не сказалъ ничего. „Что ты ужаснулся, сидя за обѣдомъ? Что ты видѣлъ и отъ чего заплакалъ?“ спросилъ Зосиму послѣ окончанія пириества одинъ ученикъ его, а потомъ еще одинъ благочестивый бояринъ, тоже бывший вмѣстѣ съ преподобнымъ въ домѣ посадицы, повдѣе и самъ удалившійся изъ раззореннаго отечества въ Соловецкую обитель. Зосима рассказывалъ о видѣніи, истолковалъ его смыслъ и „повѣда никомуже повѣдати (сихъ невзреченныхъ Божиихъ судьбъ, хотящихъ сбытиса во время свое, донележе и въ жизни сей есмь“. Видѣніе скоро сбылось; исполнилось и пророчество преподобнаго Зосимы о запустѣніи двора Марѳы посадицы (2).

Старина новгородская, съ ея вѣбовыми преданьями, и грозная Москва, вооруженная татарскими силами, притѣс-

(1) Ркп. № 175, л. 23.

(2) Прииде благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ, всяя Русіи самодержецъ, и со всею братією своею и князьми русскими, и со служащими ему царьми и князи татарскими, и совокули безчисленное множество воинства на Великій Новъ градъ... Яша же и тѣхъ шесть бояриновъ, ихъ же видѣ преподобный Зосима на пиру сидящихъ, а главъ немнущихъ на рамѣхъ своихъ, Дмитрія Исакова, Губу Селезнева, Кипріяна Арузьева, и инымъ тремъ съ ними, и тѣмъ главы отсѣкоша... и ову боярыню Марѳу, и съ сыномъ ея Теодоромъ, и дщерьми, и внучаты, послаа ихъ въ Нижній Новъ-градъ, и сбытиса пророчество преподобнаго Зосимы, еже прорече о запустѣніи двора ея. Ркп. № 175, л. 90—91.

венія пустынному монастырю отъ боярскихъ рабовъ, — вотъ стороны, которыхъ такъ прекрасно касается это сказаніе, возникшее подъ вліяніемъ условий дѣйствительной жизни, но возведшее эту дѣйствительность на степень чуднаго видѣнія и пророчанія Соловецкаго подвижника. Новгородецъ по происхожденію и по симпатіямъ, препод. Зосима заранѣе плакалъ о предстоявшей судьбѣ своего отечества, предвидя пророчески, что скоро падеть сила Новгорода, затмится его слава и жителямъ придется переселиться въ другую область.

Послѣ разказа о взятіи Новгорода Иваномъ III-мъ біографъ пристраиваетъ въ изображенію послѣднихъ дней основателя Соловецкой обители; здѣсь снова являются общія типическія черты и житейныя выраженія, рисующія трогательную картину предсмертнаго прощанія подвижника съ своими духовными дѣлами, — плачь и обтованіе братіи и утѣшеніе ея бодримъ по духу умирающимъ игуменомъ.

Не смотря на то, что препод. Зосима былъ главнымъ устройтелемъ Соловецкой обители и организаторомъ тамошняго братства, его житіе далеко не представляетъ полной исторіи возникновенія и первоначальнаго состоянія монастыря; главное вниманіе свое біографъ по преимуществу сосредоточиваетъ на изображеніи душевствій Зосимы въ Новгородѣ, останавливается на описаніи построенія церкви, и особенно подробно разсказываетъ о чудесныхъ событіяхъ, видѣніяхъ и борьбѣ подвижника съ бѣсами. Въ житіи не мало замѣчается риторическихъ приемовъ, идеальныхъ чертъ и разнаго рода прикрасъ; индивидуальныя, характеристическія черты препод. Зосимы совершенно сглажены, личность его представлена типичною, да и то только съ одной стороны, — какъ образецъ мудраго и заботливаго устройства обители. Житіе это все-таки гораздо полнѣе и обильнѣе фактами изъ дѣйствительной жизни подвижника, чѣмъ житіе препод. Савватія, а потому и важнѣе послѣдняго въ историческомъ отношеніи.

Кромѣ указанныхъ житія препод. Савватія и Зосимы имѣютъ другіе недостатки. Первое изъ нихъ отличается отсутствіемъ точныхъ хронологическихъ показаній; для обозначенія времени извѣстнаго событія, біографъ употребляетъ весьма неопредѣленныя фразы: „до нѣкоемъ времени“, „нѣко-ликихъ лѣтъ“, „до маѣ времени“ и т. п. Житіе препод. Зосимы въ хронологическомъ указаніяхъ представляется же

мало путаницы и анахронизмовъ. Такъ, первый игумень Павель, по сказанію житія ⁽¹⁾, былъ посланъ на Соловки новгородскимъ архіеп. Іоною; но гораздо вѣроятнѣе, что онъ былъ поставленъ предшественникомъ Іоны—Евфиміемъ II-мъ, который управлялъ новгородскою паствою съ 1429 или съ 1430 года по 1458; такъ какъ обстоятельство прибытія игумена Павла случилось вскорѣ послѣ поселенія препод. Зосимы на Соловкахъ въ 1436 году ⁽²⁾ и устройства здѣсь обители. Ошибка эта повторилась у архим. Доснѣея, въ его „Описаніи Соловецкаго монастыря“ ⁽³⁾.

Далѣе, въ „житіи“ препод. Зосимы замѣчается путаница въ показаніяхъ относительно времени пожалованія Соловецкому монастырю дарственныхъ грамотъ. По сказанію житія ⁽⁴⁾, грамота на право владѣнія монастырю Соловецкимъ и прилежащими къ нему островами, закрѣпленная 8-ю печатами, была пожалована на имя препод. Зосимы во время послѣдняго пребыванія его въ Новгородѣ. Документъ этотъ сохранился въ подлинникѣ, въ монастырской ризницѣ ⁽⁵⁾; въ немъ прямо сказано, что грамота дается на имя игумена Іоны.....— „Весь господинъ государь великій Новгородъ, всѣ пять концовъ на вѣцѣ на Ярославовѣ дворѣ, пожаловаша игумена Ивоню и всѣхъ старцовъ обители св. Спаса и св. Николы тѣми острова Соловки и Анзеры островомъ,.... и малыми островки“. Точно также и грамоту Марены посадницы о пожалованіи Соловецкому монастырю волости на рѣкѣ Сумѣ, грамоту писанную на имя игумена Іоны, житіе опи-

⁽¹⁾ Тамъ же, л. 57.

⁽²⁾ Хотя митроп. Спиридонъ въ житіи препод. Зосимы ясно обозначилъ годъ его прибытія на Соловки (1436), однакоже историки почему-то различно указываютъ время этого событія. Г. Костомаровъ («Сѣверно-русскія народоправства», ч. II, стр. 356) утверждаетъ, что препод. Зосима съ Германомъ поселились на Соловкахъ въ 1430-мъ году. А прѣосвящ. Филаретъ (Истор. Русск. Церкви, пер. III-й, стр. 159) относитъ это событіе къ 1438-му году.

⁽³⁾ Ч. I, стр. 47.

⁽⁴⁾ Рук. Солов. библ. № 175, л. 83 на обор.

⁽⁵⁾ «Опис. Соловецк. монастыря». Соч. архим. Доснѣея, ч. 1, стр. 48—50.

божно представляеть пожелованною на кня препод. Зосими ⁽¹⁾. Сохранилась еще другая грамота Марѣи Посадницы, писанная на имя препод. Зосимы; грамота помѣчена 1470-мъ годомъ ⁽²⁾, слѣдовательно относится ко времени послѣдняго пребыванія преподобнаго въ Новгородѣ. Объ этой грамотѣ въ житіи не сдѣлано нивакого упоминанія. Ясно, что біографъ всё эти доументы перемѣшалъ, потому что писалъ житіе на основаніи преданія, которое въ головѣ Досіея успѣло утратить свою свѣжесть ко времени редактированія житія митроп. Спиридономъ; быть можетъ, Досіею, бывшій въ послѣднее время игуменства препод. Зосимы ученикомъ его, руководствуясь воспоминаніемъ, все безъ соображенія и разсмотрѣнія обстоятельство относить къ нему, какъ къ основателю и устройтелю обители, желая черезъ то придать преподобному больше славы и величія.

III.

Пребываніе и труды препод. Савватія и Зосимы на Соловецкомъ островѣ были тѣсно связаны съ жизнью „старца Германа“. Хотя послѣдній пережилъ обоихъ своихъ подвижниковъ и принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ обители, однакоже его память не скоро была почтена составленіемъ жизнеописанія. Самая продолжительность пребыванія препод. Германа на Соловецкомъ островѣ, его подвижничество съ Савватіемъ и Зосимою могли бы дать перу искуснаго біографа не менѣе матеріала, чѣмъ какимъ располагали иннокъ Досіею и митроп. Спиридонъ при составленіи житія препод. Савватія. Германъ не мало принималъ на себя заботъ для пользы Соловецкой обители. И при жизни препод. Зосимы, и послѣ его смерти, онъ неразъ путешествовалъ на материкъ для удовлетворенія нуждамъ обители, не страшась опасностей плаванія по бурному морю и не обращая вниманія на неудобства и трудности въ его

⁽¹⁾ Ркп. Соловецк. библ. № 175, л. 86 на обор. Сравни съ подлинникомъ этой грамоты, приведенной въ «Опис. Соловецк. монастыря» архим. Досіея, ч. 1, стр. 47.

⁽²⁾ «Опис. Соловецк. монастыря», ч. 1, стр. 56—57.

преклонныхъ лѣтахъ путешествій по отдаленнымъ областямъ. Онъ и скончался на службѣ Соловецкому монастырю. Не смотря на всѣ его заслуги, братія оказала въ отношеніи къ нему мало усердія и почитанія и не позаботилась о составленіи его жизнеописанія; только благодаря усердію одного инова, не отрывшаго себя по имени, до насъ дошло письменное сказаніе о сподвижникѣ „Соловецкихъ начальниковъ“. Произведеніе этого неизвѣстнаго писателя носить такое заглавіе: „Повѣсть о блаженномъ старцѣ Германѣ, сподвижцѣ преподобнымъ отцемъ Зосимѣ и Савватию: како поживе съ ними на островѣ Соловецкомъ, и о преставленіи“ (1).

Когда эта повѣсть была составлена, въ ней самой нѣтъ указаній. Г. Ключевскій относитъ время ея происхожденія къ XVII-му вѣку; доказательствъ въ пользу такого мнѣнія онъ не приводитъ, а утверждаетъ голословно, что „повѣсть составлена, какъ видно, вскорѣ по обрѣтеніи мощей Германа въ 1627-мъ году“ (2). Непонятно, какое обрѣтеніе мощей г. Ключевскій относитъ къ этому времени? Извѣстно (3), что старецъ Германъ былъ посланъ игуменомъ Арсеніемъ въ 1479-мъ году въ Новгородъ по нуждамъ обители; въ Новгородѣ, въ монастырѣ препод. Антонія Римлянина, сподвижникъ „начальниковъ Соловецкихъ“ и скончался. Ученики повезли тѣло Германа въ Соловецкую обитель, но за распутицею принуждены были оставить его на берегу рѣки Свири, у часовни деревни Хавроньской. При игуменѣ Исидорѣ (1483 — 1485 г.) мощи препод. Германа были вырыты изъ мѣста погребенія, найдены нетлѣнными и перенесены на Соловки, гдѣ и почиваютъ до сихъ поръ подъ спудомъ; другаго обрѣтенія мощей этого подвижника не было. Такимъ образомъ, если событіе обрѣтенія мощей поставятъ въ причинную связь съ составленіемъ повѣсти преподобному, то придется отнести время ея происхожденія къ началу XVI-го вѣка; но такъ думать не позволяетъ нѣкоторое косвенное указаніе, находящееся въ ней же самой. Описывая кончину Германа, біографъ, Соловецкій иновъ, писавшій въ старости,

(1) Рук. сборникъ Соловецк. библ. № 182, т. 1—12.

(2) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 325.

(3) Рук. сборн. Соловецк. библ. № 182, т. 6 и 7.

замѣчаетъ, что слышалъ объ этомъ давно, еще въ юные годы, отъ старца, который поимилъ — „како престависи и гдѣ погребеси авва Германъ“; тогда какъ другіе иновы не помнили этого. Основываясь на этомъ указаніи, время составленія повѣсти о старцѣ Германѣ слѣдуетъ относить не раньше, какъ ко второй половинѣ XVI-го вѣка или даже къ началу XVII-го, только никакъ не на томъ основаніи, какое выставилъ г. Ключевскій, предполагившій новое обрѣтеніе мощей преподобнаго въ 1627-мъ году.

„Повѣсть о старцѣ Германѣ“, какъ можно заключать изъ вышше приведеннаго заглавія, не обнимаетъ всей жизни этого подвижника; — говоритъ только о его пребываніи на Соловкахъ и о преставленіи. Значеніе ея въ историческомъ отношеніи определяется тѣми источниками, на основаніи которыхъ она составлена; эти источники указываютъ самыя авторы „что обрѣтаемъ въ житіи преподобныхъ (Савватія и Зосимы) о семъ достницѣ, — то и пишемъ“ (1). Слѣдовательно; эта повѣсть стоитъ въ прямой зависимости отъ житій препод. Савватія и Зосимы, — представляетъ не что иное, какъ выборку извѣстій о Германѣ изъ этихъ житій, отсюда авторомъ ея дословно выписанъ даже и разсказъ Досимея „о сотвореніи“ ихъ: Она дѣйствительно не сообщаетъ никакихъ новыхъ свѣденій о Германѣ сравнительно съ житіями его сподвижниковъ, да и вниманіе свое сосредоточиваетъ; можно сказать, не столько на Германѣ, сколько на личностяхъ препод. Савватія и особенно Зосимы; такъ что, если бы выдѣлать изъ нея все то, что не относится прямо въ главную темъ, то она уменьшилась бы по крайней мѣрѣ на половину. Насколько кратко говорится о Германѣ въ житіяхъ препод. Савватія и Зосимы, настолько же мало связано объ емъ и въ отдѣльной повѣсти; такъ что если бы послѣдняя не появилась на свѣтъ, то исторія не понесла бы ущерба въ свѣденіяхъ объ этомъ подвижникѣ. Сравнительно съ житіями препод. Савватія и Зосимы, повѣсть о старцѣ Германѣ представляетъ новыя свѣденія только въ описаніи послѣднихъ дней этого подвижника и перенесенія его мощей на Соловки; въ этомъ только и состоитъ самостоятельная часть разсматриваемаго произведенія. Судя по тому, что авторъ го-

(1) Ркп. сборн. Соловецк. блм. № 182, л. 1.

ворить о побужденіи своемъ взяться за литературный трудъ, можно думать, что онъ первоначально только и хотѣлъ написать объ однихъ событіяхъ, описанныхъ въ этой части. Старецъ Тихонъ, отъ котораго онъ получилъ свѣденія о кончинѣ препод. Германа, только одинъ изъ Соловецкихъ иноковъ зналъ: „како преставися и гдѣ погребеса авва Германъ“; такое забвеніе Соловецкою братією свѣденій о кончинѣ и мѣстѣ погребенія этого подвижника и было единственной причиной, побудившей автора взяться за перо (¹). Но такъ какъ объ этомъ предметѣ онъ не могъ сказать многого (²), то, для пополненія объема своего произведенія, рѣшился сдѣлать встать еще выписку о подвигахъ и жизни препод. Германа изъ жизнеописаній его сподвижниковъ, прибавить въ заключеніе похвалу преподобному и описать нѣсколько чудесъ. Такимъ образомъ и составила особая Повѣсть о старцѣ Германѣ.

При описаніи тѣхъ періодовъ жизни Германа, о которыхъ нельзя было ничего найти въ указанныхъ житіяхъ, авторъ Повѣсти прибѣгаетъ къ общимъ мѣстамъ. Таково начало Повѣсти. Сказавъ, что старецъ Германъ „отъ юна возраста проходилъ иноческое житіе, подвизался близъ океана моря“, біографъ характеризуетъ описываемаго подвижника такими типическими чертами: „мужъ бысть въ духовныхъ добродѣтелѣхъ исправляся, желаніе имѣя непрестанно къ Богу, день и ночь труды и подвиги многи показуя въ молитвахъ и въ постѣхъ“. „А еже кто прижитъ или воспита доблаго сего Германа, или отъ коея страны—се (сіе) нами не обрѣтеса, ни въ житіи преподобныхъ написаса о семъ“. Въ такихъ фразахъ описана жизнь Германа до его встрѣчи съ Савватіемъ на рѣкѣ Выгѣ. Далѣе нѣсколько страницъ „Повѣсти“ представляютъ выписку и сокращенное (изъ

(¹) «Списавша убо повѣсть сіа вны ради сицевыя», говоритъ самъ составитель повѣсти; «позже древніи отцы о аввѣ Германѣ, како преставися и гдѣ погребеса, о семъ писанію не предаша, а мнѣ, описателю повѣсти сєя, въ старость пришедшу, наче же отъ болѣзни угѣслаему, и усумнихся, да не глубиною забвенія покрыто будетъ преставленіе и погребеніе аварца Германа». Ркп. сборн. Соловецк. библ. № 182, л. 8.

(²) Въ сборникѣ № 182 кончина препод. Германа и перенесеніе его мощей на Соловки описаны на 4-хъ страницахъ въ 4-ую долю листа.

житій Соловецкихъ начальниковъ) повѣствованіе о пребываніи препод. Савватія и Зосимы вмѣстѣ съ Германомъ на Соловецкомъ островѣ. Затѣмъ слѣдуетъ уже собственный трудъ составителя Повѣсти; рассказъ о воячинѣ Германа и о пелереженіи его мощей на Соловки, похвала преподобному и описаніе посмертныхъ чудесъ. Похвала написана на подобіе обычныхъ, встрѣчающихся въ житіяхъ: она не лишена витійства, ораторскаго воодушевленія и довольно значительна по своему объему сравнительно съ самою Повѣстію.

Чудеса, приложенныя въ Повѣсти, описаны довольно кратко, сжато и бѣгло: изъ 7-ми чудесъ только первое описано съ подробностями, остальные же передаются наскоро и въ однообразныхъ выраженіяхъ⁽¹⁾. А между тѣмъ, въ историческомъ отношеніи Повѣсть только и могла бы имѣть значеніе по изображенію чудесъ. Похвала Герману, какъ состоящая только изъ набора громкихъ и пышныхъ выраженій, не можетъ имѣть другаго значенія, вромѣ чисто литературнаго.

Житія препод. Савватія и Зосимы, равно какъ и Повѣсть о старцѣ Германѣ, хотя и составлены въ духѣ образцовыхъ агіографическихъ произведеній, все таки далеко не въ такой силѣ отличаются противуисторическими свойствами искусственнаго стила, какъ житія послѣдующаго времени. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше и больше получали себѣ распространенія литературныя творенія знаменитыхъ составителей житій, и особенно — вышедшія изъ-подъ руки Пахомія Дрогоета. Произведенія Пахомія касались такихъ личностей св. подвижниковъ, которые пользовались почти всероссійскою извѣстностію, особенно въ монашествующемъ мірѣ; мы разумѣемъ препод. Сергія Радонежскаго,

(1) У нѣкаго чловѣка сыну его, именовъ Ивану, болѣзнь сердечная вайде, и приде ко образу преподобнаго Германа, и помолился, и приложися, и здравъ бысть. У иного чловѣка сынъ, именовъ Максимъ, одержимъ лютымъ бѣсомъ, и приведе его ко образу преподобнаго Германа, помолился, и приложивъ его и здравъ бысть отъ вадуга того. Жена нѣкая, именовъ Феодосія, одержима очною болѣзнію, приде ко образу преподобнаго Германа, помолился, и приложивъ, и здравъ бысть. Ино чловѣкъ, именовъ Феодоръ, у лѣваго она его возрасте борозавица, и вайде, и вайде ему око все, приде съ вѣрою ко образу преподобнаго Германа, помолился, и приложивъ, и здравъ бысть. Рад. сбор. № 182, л. 48.

Кирилла Бѣлозерскаго и Варлаама Хутынскаго. Они были основателями такихъ монастырей, изъ которыхъ появилось весьма значительное количество другихъ монастырей-колоній; естественно, что каждый подвижникъ, основывая новый монастырь, не прерывалъ своей духовной связи съ прежнею обителью, — выносилъ изъ послѣдней не только уставъ для своей брати, но вмѣстѣ съ тѣмъ распространялъ славу и о св. подвижникѣ, первоначальномъ устройтелѣ того монастыря; понятно, что чѣмъ больше извѣстности приобретало себѣ имя св. подвижника, тѣмъ болѣшимъ вниманіемъ пользовалось его жизнеописаніе. Житія препод. Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, а также и Варлаама Хутынскаго принадлежали къ числу самыхъ распространенныхъ въ сѣверной Руси, а потому и влияніе ихъ на житейную письменность было особенно велико въ XVI вѣкѣ, когда русской агіографіи было сообщено сильное возбужденіе кононизаціею святыхъ на соборахъ 1547 и 1549 годовъ и церковно-историческою дѣятельностію митр. Макарія. Въ его время искусственный стиль окончательно, такъ сказать, затвердѣваетъ: предисловіе и послѣсловіе становятся непрѣмыми составными частями „Житія“; типическія черты и риторическіе приемы получаютъ еще болѣе значеніе. Изъ житій, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, дальнѣйшая группа является вполне произведеніями, составленными по всѣмъ правиламъ агіографической реторики, при усердномъ подражаніи образцовымъ писателямъ и особенно — твореніямъ Пахомія. Таковы, по преимуществу, житія препод. Александра Свирскаго, Александра Опевенскаго и Антонія Сійскаго.

III.

Библиографическія свѣденія относительно Житія препод. Александра Свирскаго сообщаются самимъ составителемъ его, игуменомъ Свирскаго монастыря Иродіономъ; они изложены отчасти въ предисловіи къ житію ⁽¹⁾, отчасти въ особой главѣ „О списавшемъ житіе святаго“ ⁽²⁾, которая по-

(1) Ркп. Соловецк. библ. № 228, л. 1—3.

(2) Тамъ же, л. 109 на обор.—111.

мѣщается вслѣдъ за разказами о чудесахъ. Изъ этихъ мѣстъ узнаемъ, что житіе преподобнаго Александра Свирскаго составлено въ 1545 (змиг) году, въ 12-й годъ по преставленіи преподобнаго († 1533 г.), — промежутковъ времени, сравнительно довольно краткій, дающій на первый разъ достаточное основаніе предполагать въ этой біографіи богатство содержанія и заключать о ея важномъ значеніи въ историческомъ отношеніи. Предположеніе это получаетъ для себя еще болѣе прочную опору, если обратить вниманіе на то, отъ кого и какимъ путемъ получилъ біографъ свѣденія о жизни преподобнаго. Иродіонъ говоритъ, что самъ засталъ препод. Александра въ живыхъ, имъ самимъ былъ принятъ въ Свирскій монастырь и постриженъ, отъ него же самого „былъ приведенъ и на священнической чинъ“. Значить, мы имѣемъ дѣло съ біографіею, составленною очевидцемъ святаго. Иродіонъ оставилъ указанія и на то, откуда и какимъ путемъ до него дошли свѣденія о тѣхъ періодахъ жизни преподобнаго, которыхъ самъ не былъ очевидцемъ: „се бо елико о семь блаженнѣмъ и величѣмъ отцѣ нашемъ Александрѣ испытовая слышахъ отъ первыхъ мене отецъ, бывшихъ съ нимъ въ то время, таже и вписахъ, еже слысахъ отъ нихъ“ (¹). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „не отъ слышанія бо токмо сія приемъ, но и отъ честныхъ и свѣтолѣпныхъ устъ блаженнаго“ (²). Написано житіе „повелѣніемъ господина преосвященнаго Макарія, митрополита всея Россіи, и по благословенію господина преосвященнаго Θεодосія, архіепископа Великаго Новаграда и Пскова“ (³).

Приведенныя указанія располагають читателя относить ся съ довѣріемъ къ жизнеописанію Александра Свирскаго, видѣть въ этомъ памятникѣ цѣнный историческій источникъ. Г. Ключевскій въ своемъ изслѣдованіи (⁴) дѣйствительно высказываетъ одобрительное замѣчаніе относительно этого житія; онъ говоритъ, что источники (изъ которыхъ Иродіонъ

(¹) Ркп. Соловецк. библ. № 228, л. 109 на обор.

(²) Тамъ же, л. 2 на обор.

(³) Тамъ же, л. 111.

(⁴) Древне - русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 262—263.

получалъ свиденiя о препод. Александрѣ) внушаютъ довѣрiе къ его обширному и любознательному подробностямъ труду“. Съ полнымъ довѣрiемъ къ этому памятнику отнесся въ свое время преосвщ. Филаретъ (1), описавшiй жизнь Александра на основанiи рукописнаго житiя, и затѣмъ—графъ М. Толстой, буйвально повторившiй въ своихъ „Разсказахъ изъ исторiи Русской церкви“ (2) жизнеописанiе преподабнаго, составленное этимъ преосвященнымъ. На самомъ же дѣлѣ трудъ игумена Иродiона не заслуженно пользуется такимъ авторитетомъ. Болѣе внимательное и серьезное отношенiе къ жизнеописанiю препод. Александра Свирскаго приводитъ къ такому заключенiю, что это далеко не самостоятельный, компилятивный трудъ, и притомъ довольно странной компиляцiи. При составленiи „Житiя“ Иродiонъ, человекъ довольно начитанный въ агiографической литературѣ, твердо заучившiй приемы ея: искусственнаго стиля, по преимуществу воспользовался трудами Пахомiя Логовта, жизнеописанiями препод. Θεодосiя Печерскаго, Сергiя Радонежскаго, Варлаама Хутинскаго и Кирилла Бѣлозерскаго. Эти произведенiя служили для Иродiона капитальными источниками, изъ которыхъ онъ въ изобилiи почерпалъ то, что находилъ нужнымъ; выписывалъ иногда съ дословною точностiю цѣлыя страницы; переносилъ въ свой трудъ не только типичскiя изображенiя, разнаго рода амплификацiи и риторическiя прикрасы, но даже и цѣлыя факты, отъ чего, разумѣется, къ жизни препод. Александра приложилъ много такого, что скорѣе можно подвергать сомнѣнiю, чѣмъ принимать на вѣру. Такимъ чисто рабскимъ отношенiемъ къ поименованнымъ трудамъ Иродiонъ весьма много повредилъ самому же себѣ, невольно заставляя излѣдователя скептически смотрѣть въ житiи препод. Александра и на такiя, сообщаемыя тамъ, свиденiя, которыя, быть можетъ, описываютъ дѣйствительность.

Не приступая пока къ подробному критическому разбору даннаго житiя, мы первоначально ограничимся только немногими, наиболѣе вѣскими и выдающимися, указанiями.

(1) Русскiе святые, чтимые всею церковiю или местно. Опытъ описанiя жизни ихъ. Черниговъ. 1864 г. См. мѣсяцъ Августъ, стр. 156—144.

(2) См. стр. 360—363.

второмъ привели насъ къ составленію только что высказаннаго взгляда на этотъ агиографическій памятникъ.

Неоспоримымъ доказательствомъ того, что Иродіонъ дѣлалъ компіляцію съ житія препод. Сергія Радонежскаго, служатъ—разсказъ „о произведеніи воды отъ горнаго езера въ низнее и о поставленіи мельницы“⁽¹⁾, и сказаніе „о видѣніи Пресвятыя Богородицы, како явися святому на основаніи церкви честнаго Ея Покрова“⁽²⁾. Для описанія перваго (т. е. разсказа „о произведеніи воды“) Иродіонъ обратился къ сказанію Сергіева житія о изведеніи источника⁽³⁾. Во общемъ Иродіонъ воспроизвелъ сказаніе почти дословно, допуская измѣненія и отступленія только тамъ, гдѣ того требовала самая сущность описываемаго событія, но и эти разности Иродіономъ вставлены такъ, что свидѣтельствуя о компіляціи разсказа не менѣе, чѣмъ самое описаніе его, взятое въ цѣлости⁽⁴⁾. Бувальное сходство въ описаніяхъ поименованныхъ событій между Иродіономъ и Пахоміемъ Логоетомъ идетъ съ самыхъ первыхъ словъ; Иродіонъ только вставилъ отъ себя лишнее „и о семъ же пави“, очевидно для того, чтобы этимъ связать предъидущій разсказъ съ послѣдующимъ. Самый приступъ къ разсказамъ дословно одинъ и тотъ же, какъ у Пахомія, такъ и у Иродіона; тоже обнаруживается и въ изображеніи первоначальныхъ обстоятельствъ, которыя послужили поводомъ къ произведенію чуда. Но такъ какъ

(1) Ркп. Соловецк. библ. № 228, л. 54—57.

(2) Тамъ же, л. 72—73.

(3) См. Ркп. Соловецк. библ. № 499, л. 363 на обор. 365. Передѣлавая редакцію Епифаніева житія препод. Сергія, Пахомій Логоетъ нѣсколько измѣнилъ разсказъ о изведеніи источника. Такъ, первая редакція (ркп. Троицк. лавры, № 746, стр. 224) представляетъ слѣдующія подробности въ этомъ разсказѣ: „баше чаша а дубравы, вѣдѣе вынѣ честный монастырь есть, тогда убо рѣка течаше, яже есть и доньяѣ, яже отъ Клементія, не вельми близъ монастыря течеть, другая же рѣка, яже вынѣ подъ монастырь течеть, на томъ же мѣстѣ отъскони рѣка на башѣ; тогда какъ въ редакціи Пахомія уже нѣтъ этого упоминанія о рѣкѣ. См. Зап. Импер. Новоросс. Унив. Годъ 4-й, т. 6-й, гл. 3-я «о значеніи литературной дѣятельности Пахомія», стр. 88.

(4) Какъ разсказъ Пахомія «о изведеніи источника», такъ и разсказъ Иродіона «о произведеніи воды...» приводятся нами параллельно съ приложеніемъ. См. № 1.

самыя обстоятельства туда были совершенно различны; то, по-
нявно, Иродіонъ въ своемъ разсказѣ долженъ былъ нѣсколько
отступить отъ моделинника; На препод. Сергія братія негодуе-
тъ за то, что ей трудно носить воду издалева, а на препод.
Александра иноши досадуютъ изъ-за неимѣнія мельницы. Въ
дальнѣйшемъ ходѣ рѣчи Иродіонъ снова обращается къ Па-
хоміеву сказанію „о изведеніи источника“, и описываетъ съ
него буквально: уворивны, высказываемыя братіей препод.
Александру, дословно тѣже самыя, какія слышитъ отъ ино-
вовъ и препод. Сергія; равно какъ и отвѣты преподобныхъ
на упрѣки совершенно одинаковы. Далѣе опять встрѣчаемъ
разности. Угнѣшивъ печалившуюся братію надеждою на помощь
Божію, препод. Сергій прямо отправляется на извѣстное мѣ-
сто и, нашедши въ одномъ мѣстѣ остатокъ дождевой воды,
начинаетъ молиться Богу. Препод. Александръ Свирскій сна-
чала раздумываетъ, — какъ бы и гдѣ поставитъ мельницу.
Сообразивъ, что это дѣло можно устроить, соединивши верх-
нее озеро, стоящее на горѣ, съ нижнимъ, онъ, вмѣстѣ съ
нѣкоторыми изъ братіи, идетъ туда и, сотворивши молитву,
начинаетъ прорывать каналъ. Когда эта работа была окон-
чена, вода изъ верхняго озера быстро, съ сильнымъ норы-
стымъ шумомъ, побѣжала въ нижнее и угрожала опа-
сностію самому монастырю, образовавъ подъ нимъ громад-
ный ровъ. Тогда препод. Александръ, преклонивъ колѣни,
обратился съ молитвою въ Господу, которая составляетъ
буквальное повтореніе молитвы препод. Сергія, произнесен-
ной послѣднимъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ему желательно
было имѣть водный источникъ. Но такъ какъ, по сказанію
житія, Александръ сталъ молиться по другому поводу, чѣмъ
препод. Сергій, то очевидно и молитва послѣдняго не мог-
ла быть повторена въ его устахъ съ строгою точностію; и
вотъ Иродіонъ дѣлаетъ замѣну словъ Сергіева житія: „да-
руй намъ воду на мѣстѣ семъ“, такимъ выраженіемъ: „по-
даждь уставленіе водамъ симъ“, и затѣмъ снова продолжа-
етъ списывать буквально. Какъ препод. Сергій, такъ и Але-
ксандръ въ молитвѣ просятъ Господа „явить славу Свою“.
У Пахомія далѣе говорится: „якоже и въ пустыни чудодѣй-
ствоваше Моисеомъ ерѣцкая десница Твоя, и отъ камене
Твоимъ цавелѣниемъ воду источи“. Иродіонъ счелъ для сво-
его разсказа, какъ бы неумѣстнымъ вложить эти слова въ
уста препод. Александра: „якоже и въ пустыни чудодѣйство-
ваше Моисеомъ ерѣцкая десница Твоя, и отъ камене Твоимъ
цавелѣниемъ воду источи“.

и въ Колосса едѣ чудодѣйствоваше: архистратигомъ Михаиломъ вѣривша Ти десница, воду внутрь камени сохранивъ“. Наконецъ, какъ въ Пакоміевомъ сказаніи повѣствуется, что препод. Сергій, произнесши молитву, сотворилъ крестное знаменіе надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ просилъ Господа извести источникъ, послѣ него и забила изъ земли вода ключемъ, такъ точно и препод. Александръ Свирскій, помолвившись, „протеръ десную руку и возложилъ образъ честнаго креста на стремленіе быстринамъ, и абіе на стремнинѣ горы низходящія воды уставишася и теченіе водамъ преста“.

Гораздо большую компіляцію представляетъ сказаніе Иродіона „О видѣніи Пресвятыя Богородицы, какъ явися святому на основаніи церкви честнаго Ея Покрова“⁽¹⁾; оно цѣликомъ, включительно отъ перваго и до послѣдняго слова, повторяетъ разговоръ Пахомія „О посѣщеніи Богоматери къ святому“ (Сергію)⁽²⁾. Разности противъ подлинника у Иродіона конечно есть и въ этомъ сказаніи, но незначительны; онѣ состоятъ частію въ пропускѣ отдѣльныхъ словъ и въ вставкѣ своихъ, какъ наприм., вмѣсто имени — Михай (ученикъ препод. Сергія, свидѣтель посѣщенія преподобнаго Богоматерию) — Аванасій; препод. Сергій рассказываетъ о своемъ видѣніи ученикамъ Исааку и Симону, а препод. Александръ Свирскій — своему духовному отцу, Исаи. — По сказанію Сергіева „житія“, Богоматерь является преподобному послѣ его обращенія къ Ней съ молитвою о ходатайствѣ предъ Господомъ, дабы Онъ приарѣлъ на святую обитель. Богоматерь, явившись въ видѣніи, утѣшила препод. Сергія обиданіемъ своего непрестаннаго покровительства новоустроенному монастырю. Молитва, которую влагаетъ Иродіонъ въ уста препод. Александра, дословно таже самая, какую читаемъ въ разговорѣ Пакомія „о посѣщеніи Богоматери“; въ ней нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о церкви Покрова пресвятыя Богородицы, съ построеніемъ которой Иродіонъ поставляетъ въ

⁽¹⁾ Ркп. Соловецк. библ. № 228, л. 72—75.

⁽²⁾ См. Ркп. Соловецк. библ. № 499, л. 357—359. При передѣлкѣ Епифаніевой редакціи житія препод. Сергія Пахомій также измѣнилъ и разговоръ о явленіи Богородицы святому. См. Зап. Импер. Новоросс. Унив. Годъ 4-й, т. 6-й гл. 3, стр. 88—89. Сопоставленіи тексты сказаній Иродіона и Пахомія въ приложеніи. См. № 2.

святого; зѣмо паче солнечныхъ лучъ надъ всеи монастырени^ю.

Сличивъ сказаніе Иродіона съ описаніемъ Пахомія въ разсказѣ „О посѣщеніи Богоматери къ святому“ нельзя не удивляться тому обстоятельству, что біографъ Александра Свирскаго вовсе не упоминаетъ объ источникѣ, изъ котораго заимствовалъ какъ самое событіе „явленія“...., такъ и обрисовку его, а выдаетъ повѣствуемое за свой собственный трудъ, что видно изъ заключительныхъ словъ разсказа: „Сіе же чудо исповѣда святый смиренному мѣ Иродіону, аки отъ иного лица глаголаше, а не яко отъ себе, и того ради и Аванасія себе преименова“. Последняя фраза стоитъ въ странномъ противорѣчьи съ другимъ мѣстомъ сказанія, гдѣ именемъ Аванасія называется ученикъ препод. Александра, удостоившійся быть свидѣтелемъ описываемаго явленія Богоматери; затѣмъ, по словамъ того же сказанія, преподобный самъ нарочно приглашаетъ въ себѣ „духовнаго отца Исаію“ и повѣдаетъ ему, отъ своего собственнаго лица, обо всемъ случившемся; что же могло побудить преподобнаго передавать тоже самое Иродіону не отъ себя, а отъ имени Аванасія? Не думалъ-ли біографъ такимъ замѣчаніемъ прикрыть свое рабское отношеніе къ сказанію Сергіева житія „о посѣщеніи Богоматери“, и выѣсть съ тѣмъ расположить читателя относиться съ полнымъ довѣріемъ въ такому копилативному повѣствованію? Какъ бы то ни было, но неудачность приспособленія сказанія Сергіева житія къ событію построения Покровенной церкви въ Свирскомъ монастырѣ, прирасы въ изображеніи явленія Богоматери препод. Александру [сравнительно съ повѣствованіемъ о подобномъ же событіи у Пахомія], черты легендарнаго свойства и, главное, дословное сходство въ описаніи, — все это весьма сильно подрываетъ довѣріе къ повѣствованію Иродіона и если не въ состояніи отвергнуть его въ самой основѣ, то несомнѣнно свидѣтельствуетъ о неистинности его именно въ томъ видѣ, въ какомъ оно выставляется въ рассматриваемомъ житіи.

Кромѣ житія препод. Сергія, Иродіонъ при составленіи жизнеописанія пользовался еще Пахоміевой редакціей житія препод. Варлаама Хутынского; въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе повѣствованія о чудѣ препод. Александра надъ „женою разслабленною“⁽¹⁾ съ чудомъ препод. Варлаама „о

(1) Ркп. Соловецк. библ. № 228, л. 89 на обор. — 90.

визь Константины" (1). Буквальное сходство (въ описаніи) этихъ чудесъ идетъ не съ самого начала: разсказъ, а начинается въ срединѣ и простирается до конца, за пропускомъ строкъ вовсе ненужныхъ къ разслабленной жещинѣ.

На тѣсное родство произведенія игумена Иродіона съ „житіемъ“ препод. Кирилла Бѣлоозераго указываетъ, главнымъ образомъ, повѣствованіе объ удаленіи препод. Александра изъ Валаамской обители (2); разсказъ объ этомъ представляетъ буквальное повтореніе Пахоміева разсказа, об отшествіи препод. Кирилла изъ Симонова монастыря на Бѣлоозеро (3). Очевидно, въ данномъ случаѣ Иродіонъ является болѣе умѣлымъ компиляторомъ, потому что переноситъ въ свое произведеніе изъ другаго житія известное описаніе для изображенія однороднаго факта: въ жизни своего святого. Здѣсь Иродіонъ дозволяетъ себѣ отступленія отъ подлинника, пропускаетъ не только отдѣльныя слова и выраженія, но и болѣе крупный мѣста, такъ, наприм., онъ обобщаетъ строки, на которыхъ Пахомій дѣлаетъ замѣчаніе относительно обычной препод. Кирилла въ глубокой вечеръ, но совершеніи правили, пѣть акакисть Богоматери. Тайнозвенный голосъ, призывавшій препод. Кирилла на Бѣлоозеро, послышался ему во время пѣнія словъ одного икоса: „Стражное рождество видѣвше, устранимся міра, и умъ преложимъ на небо“ (4). Такъ какъ Иродіонъ нашелъ нужнымъ опустить упомянутое замѣчаніе Пахомія относительно обихованія препод. Кирилла пѣть акакисть, то въ разсказѣ его о призваніи Александра Свирскаго въ пустыню произошла нѣкоторая разница отъ подобнаго же мѣста въ жизнеописаніи препод. Кирилла. Препод. Александръ слышитъ таинственный голосъ, призывавшій его въ пустыню, по окончаніи молитвы въ Богоматери, а не во время пѣнія акакиста, какъ

1. Ркп. Соловецк. библ. № 226, л. 67 на оборотѣ 69. Въ приложеніи приводимъ параллельно тексты описаній того и другаго чуда. См. № 3.

2. Ркп. Соловецк. библ. № 228, л. 27 и 29 об. на оборотѣ и оборотѣ.

3. Ркп. Соловецк. библ. № 249, л. 39—41. Въ приложеніи приводимъ параллельно мѣста того и другаго житія. См. № 4.

4. Ркп. Соловецк. библ. № 226, л. 67 на оборотѣ 69. Въ приложеніи приводимъ параллельно тексты описаній того и другаго чуда. См. № 3.

5. Ркп. Соловецк. библ. № 249, л. 39—41. Въ приложеніи приводимъ параллельно мѣста того и другаго житія. См. № 4.

6. Ркп. Соловецк. библ. № 226, л. 67 на оборотѣ 69. Въ приложеніи приводимъ параллельно тексты описаній того и другаго чуда. См. № 3.

повѣствуется о преходѣ Кириллѣ. Разсказъ о слышаніи голоса, равно какъ и обстоятельства этого чуднаго явленія, Иродіономъ буквально взяты изъ повѣствованія Пахомія, съ замѣною имени Кириллѣ именемъ Александрѣ; разница только въ томъ, что, по сказанію Пахомія, „Кириллѣ видитъ свѣтъ сіяющъ полунощнымъ странамъ Бѣлаозера“, а препод. Александрѣ Свирскій видитъ такой же „свѣтъ въ востоку и къ полудни“. За описаніемъ этого видѣнія у Иродіона находимъ еще разность противъ житія препод. Кирилла. Препод. Кириллѣ, удостоившись таинственнаго призванія, самовольно, вмѣстѣ съ Терапентомъ удаляется изъ Симонова монастыря. Иродіонъ нашель неприличнымъ повѣствовать объ удаленіи своего учителя изъ Валаамской обители такъ, какъ передаетъ Пахомій о Кириллѣ; отступая на время отъ повѣствованія Пахоміева, онъ обратился за помощію къ реторикѣ житій и взялъ типическія черты, какими въ весьма многихъ біографіяхъ (1) обрисовывается фактъ оставленія подвижникомъ известнаго монастыря. Препод. Александрѣ оставляетъ Валаамскій монастырь съ дозволенія и благословенія игумена, предварительно разсказавъ послѣдному о своемъ видѣніи. Пришедши къ игумену, преподобный припадаетъ къ его ногамъ; услышавъ о случившихся съ нимъ таинственныхъ событіяхъ, игумень „прозрѣваетъ своими внутренними очами, яко благодать Божія бѣ на немъ“ (препод. Александрѣ), и благословляетъ его въ путь. Александрѣ уходитъ изъ монастыря, „радости многи исполнися, и слезамъ же многимъ отъ очю его изливатися“. Дальнѣйшія конечныя строки повѣствованія объ удаленіи препод. Александра въ пустыню буквально повторяютъ разсказъ Пахомія о прибытіи препод. Кирилла на Бѣлоозеро.

Приведенныхъ мѣстъ изъ житія препод. Сергія Радонежскаго, Варлаама Хутинскаго и Кирилла Бѣлоозерскаго, кажется, вполне достаточно, чтобы на нихъ обосновать высказанное нами положеніе о тѣсной связи или, точнѣе говоря, прямой зависимости разсматриваемаго жизнеописанія отъ произведеній Пахомія Логовета, — считать первое сборною и даже не совѣтъ удачною компиляціею съ послѣд-

(1) См. напр. житіе препод. Савватія Солонскаго, Александра Ошевенскаго, Николая Кожезерскаго и др.

Иродіонъ при составленіи житія — также; такую высказыванетъ Пахомій въ предисловіяхъ къ житіямъ препод. Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго и Варлаама Хутынскаго ⁽¹⁾. Иродіонъ вторитъ Пахомію и въ томъ отношеніи, что, подобно ему, сознаваясь въ недостаткѣ смысла, говоритъ о себѣ, что не взялся бы за трудъ, превышающій силы; если бы не припоминать себѣ образъ лѣвиваго раба, о которомъ говорится въ Евангеліи ⁽²⁾. Очевидно, предисловіе составлено Иродіономъ вовсе не отъ сердца и убежденія, а по подражанію образцовому биографу XV-го вѣка. Этимъ только и можно объяснить то явленіе, что оно состоитъ въ противорѣчій съ главою „о списавшемъ житіе“ касательно причинъ, вызвавшихъ прошехождение послѣдняго. Но и самая глава „о списавшемъ житіе“ составлена Иродіономъ также съ явнымъ подражаніемъ приемамъ Пахомія; яв. это могутъ указывать слѣдующія фразы, совершенно сходныя съ встрѣчающимися въ житіи препод. Кирилла Бѣлоозерскаго ⁽³⁾: „Кто бо доволенъ вса поряду и смислати добраа управления сего блаженнаго мѹста? Кто же ли возможетъ же достойно того похвалити?“ Подобно Пахомію Иродіонъ говоритъ, что дѣло составленія имъ житія совершилось „Божією волею и святаго произволеніемъ“.... „радовахся благодаря того, яко тако потрудися и тако поживе въ послѣднемъ семъ вѣцѣхъ рода нашего, и пави же еще не бѣ ни отъ когоже списано житіе святаго. И о семъ же многа ми мепаль и скорбы обдержаше душу мою; тѣмъ же, яко мнокою паче любовію содержимъ есмь въ святаму и великому оуду Александру покусихся отъ грубости сердца моего, еже отъ него слышавши и видѣхъ, отъ многа (въ малое) списать“. Тѣмъ самымъ мысли и въ оченъ сходныхъ выраженіяхъ высказалъ и Пахомій Логоетъ, передавая Епифаніеву редакцію житія препод. Сергія ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Ср. Ркп. № 228, л. 2 на обор. Ркп. № 219, л. 25 на обор. Ркп. № 499, л. 413.

⁽²⁾ См. Ркп. № 224, л. 38.

⁽³⁾ Ркп. № 219, л. 21 на обор.

⁽⁴⁾ Ср. Ркп. № 228, л. 440 на обор. Миско-Четья. Святоср. Ркп. (Солов. библ. № 499, л. 413. Ркп. № 219, л. 24 на обор.)

Представленные разности въ показаніяхъ игумена Иродіона относительно побужденій, какими было вызвано появленіе житія препод. Александра, изъ которыхъ два имѣтъ взятъ и описаны словами Пахомія Логовита, служатъ однимъ изъ лучшихъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ о вліяніи послѣдняго на науку агіобіографическую литературу XVI и послѣдующихъ вѣковъ, а въ составитель разсматриваемаго житія заставляютъ видѣть рабскаго подражателя этому официальному біографу своего времени. И по мыслямъ, и по высказываемымъ чувствамъ, не говоря уже о буквальномъ сходствѣ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, предисловіе къ житію препод. Александра, равно какъ и специальная глава „о списавшемъ“..., принадлежатъ Пахомію: Иродіонъ только нарядился въ одежду этого талантливаго біографа, какъ она ни мало шла къ его личности.

Въ самомъ повѣствованіи Иродіонъ старается обнять всю жизнь препод. Александра и начинаетъ описывать ее съ самаго ранняго періода. Такъ какъ объ этой порѣ жизни преподобнаго онъ не имѣлъ несомнѣнно историческихъ свидѣній, то для изображенія ея ему оставалось прибѣгнуть къ обычному средству, — къ общимъ мѣстамъ, которыхъ не мало можно было найти въ поименованныхъ трудахъ Пахомія. Свои агіобіографическія произведенія, какъ извѣстно, Пахомій любилъ начинать характеристикой родителей описываемаго святаго; эта характеристика является довольно однообразною во всѣхъ житіяхъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера, такъ какъ вытекала вѣсьма не изъ знанія дѣйствительной жизни тѣхъ лицъ, а изъ того преднамѣреннаго соображенія, что святымъ людямъ всего естественнѣе происходитъ отъ добрыхъ и благочестивыхъ супруговъ (*). И вотъ, подѣ

(*) Мысль эта прямо высказана въ житіи препод. Сергія: „... не попусти бо. Божъ, иже таковому дѣтищу возсіати хотищу дитроу своему, отъ родителю неправедну, но прежде проуготова и устраивъ таковая праведна родителю его и потомъ отъ него Своего Си произведе угодишка.... прежде же подобаще почтати и похвалити родителю его, да отъ сего яко нѣкое приложеніе, похвалы и почести ему будетъ, ронжеже лѣно бжеде ему, отъ Бога дароватися многымъ людемъ на успѣхъ, на спасеніе же и на пользу. И того ради не бѣ лѣно таковому дѣтищу отъ неправедну родителю, ниже инымъ, спрѣчь неправеднымъ родителемъ таковаго не бѣ лѣно родити дѣтища. Ркн. № 224, л. 42.“

вліяніемъ такого взгляда, Пахомій починаєть говорить о добродѣтеляхъ, какими отличалась жизнь родителей святаго: точно такой же пріемъ замѣчается и въ произведеніи Иродіона. Отець препод. Александра обрисовывается человѣкомъ „благочестивымъ, богобоязненнымъ, нищелюбивымъ, попремногу въ добродѣтеляхъ сіяющимъ, и аще кто инъ всѣми благими дѣлы на земли доброденствующимъ зѣло и гобзующимъ, паче же сихъ добрыми нравы — беззлобіемъ и правдою, милостынею и кротостію, молитвою и постомъ Богу угождающимъ“ (1). Мать преподобнаго характеризуется биографомъ „ничимъ же отстающей благихъ нравъ мужа своего“.

Послѣ такого, богатаго плеоназмами, приступа, биографъ начинаєть говорить о рожденіи преподобнаго; и здѣсь онъ, слѣдуя пріемамъ искусственнаго стила житій, старается обрисовать фактъ съ обычной типической точки зрѣнія. Препод. Александръ даруется родителями отъ Бога по силѣ ихъ моленій. — Какъ, наприм., въ житіи препод. Аврамія Смоленскаго (2) читаемъ, что его благочестивые родители, родивши 12 дочерей, долгое время пребывали безплодными, почему обратились ко Господу съ молитвою о дарованіи чада, послѣ чего и получили желаемое; такъ подобнымъ же образомъ описываются и обстоятельства рожденія препод. Александра Свирскаго. Иродіонъ, впрочемъ, передаетъ объ этомъ съ болшими подробностями, но онъ — вобще не историческаго характера. Такъ онъ повѣствуетъ, что Василиса (мать препод. Александра), оставаясь неплодною послѣ рожденія сыновей и дочерей, „поносима бѣ и оскорбляема мужемъ своимъ“. Супруги долгое время находились въ сильной печали отъ своего неплодства; наконецъ, „отвергнуши отъ себе печаль“, они входятъ въ „ложницу свою и объ ночь со слезами молятся Господу“ о чадородіи (3). Иродіонъ приводитъ даже самую ихъ молитву. Въ ней благочестивые поселяне припоминають Авраама и Сарру, и прочихъ праведниковъ, вторымъ по молитвѣ Господь разрѣшилъ неплодство. Не-

(1) Ср. Ркп. № 224, л. 42. Ркп. № 219 (житіе препод. Кирилла Бѣлооз.) л. 26. Ркп. № 226 (житіе препод. Варлаама Хутынск.), л. 35 на обор. Житіе Аврамія Смоленскаго. См. Правосл. Соб. 1859 г. Октябрь.

(2) Правосл. Собес. 1859 г. Октябрь.

(3) Ркп. Соловецк. библ. № 228, л. 4.

историчность этих свѣдѣній открывается изъ слѣдующихъ словъ молитвы родителей препод. Александра. „Дажь намъ“, обращаются они къ Господу, „по Твоей благодости прижитіе, еще чада мужеска полу, иже будетъ утѣшеніе душамъ нашимъ, и наслѣдникъ нашего достоянія и спожительства, и жезлъ старости нашей, на него же рупцѣ возложше почивѣ“. Не понятна, странна такая просьба въ устахъ родителей, преподобнаго послѣ того, какъ самъ же биографъ нѣсколько выше сказалъ объ нихъ: „родишася же има сыны и дщери, ихъ же и божественнымъ крещеніемъ просвѣтивше, и благимъ правомъ научивше, о Господѣ веселистася“ (1); развѣ эти дѣти не могли служить утѣшеніемъ для своихъ родителей, быть помощниками для нихъ въ старости и наслѣдниками ихъ достоянія? На нихъ родителямъ естественнѣе было питать такіа надежды, чѣмъ на такого дѣтища, о дарованіи котораго они только еще просятъ Господа. Самъ же биографъ ниже показываетъ, что препод. Александръ явился для родителей не такимъ, какимъ они, по своей молитвѣ, желали имѣть для себя, и нимало не оправдалъ ихъ надеждъ, удалившись въ пустыню, тогда какъ братъ его—Іоаннъ становится инокомъ уже по смерти отца и матери (2). Такимъ образомъ, этотъ разсказъ самъ говоритъ о своей идеализаціи; таковъ же характеръ и дальнѣйшаго хода рѣчи. Какъ въ житіи препод. Сергія Радонежскаго находимъ, что мать, послѣ того какъ онъ, еще будучи въ ея утробѣ, трижды прокричалъ въ церкви,—„пробываше до времени рожденія его соблюдаешя отъ всякіа скверны и отъ всякой нечистоты“ (3); такъ подобнымъ же образомъ поступаютъ и родители препод. Александра Свирскаго: „отъ зачатія его уразумѣвшя“, они „и естественныя законныя любви и постеди отлучитися общавахуса, и особно въ чистотѣ тѣла даже и до конца живота сохранить желающе“ (4).

Въ обозначеніи времени рожденія препод. Александра Иродіонъ допустилъ ошибку: по его словамъ это событіе со-

(1) Ркп. Соловецк. библ. № 228, л. 3 на обор.

(2) Тамъ же, л. 35.

(3) Ркп. № 224, л. 46—47.

(4) Ркп. № 228, л. 5.

вершилось въ 1449-мъ году ⁽¹⁾, во время княженія Василия Васильевича, при митрополитѣ Фотіѣ, въ правленіе новгородскою епархіею владыки Евсеѣя (разумѣется Евсеѣй II-й). Годъ рожденія препод. Александра не могъ совпасть съ этими хронологическими показаніями, потому что митроп. Фотій умеръ въ 1441-мъ году и слѣдовательно по управленію русскою церковію не могъ быть современникомъ новгородскаго владыки Евсеѣя II-го, который былъ избранъ на кафедру около 1430-го года, хиротонисованъ въ 1434-мъ и скончался въ 1458-мъ году ⁽²⁾.

Описаніе дѣтства препод. Александра биографъ начинаетъ обычными житейными фразами. — „Родители же блаженнаго отрока зѣло возрадовашася душею и прославиша Бога, непрезрѣвшаго моленіи ихъ, и по малѣ времени чтородина и второе водою и духомъ, и божественнымъ крещеніемъ просвѣтивше и, и убо божественный отрокъ крѣпился духомъ о Господѣ и растяне добръ“. Далѣе идетъ рѣчь объ ученіи отрока; буквальное сходство выраженій, въ какихъ говоритъ объ этомъ предметѣ биографъ, съ разсказомъ объ ученіи препод. Сергія Радонежскаго, даетъ прямое основаніе утверждать, что и здѣсь Иродіонъ является рабскимъ подражателемъ пріемовъ Пахомія Логовета, смѣло перенося обстоятельство изъ жизни препод. Сергія на личность своего святаго. Для ясности и наглядности приводимъ параллельно тексты изъ обоихъ житій.

изъ житія ПРЕПОД. СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

„Внегдаже достигже седмаго лѣта возрастомъ, вдаша его родители на ученіе грамотѣ. Стефану убо брату святаго сѣвѣнѣ нѣбако изучившуся, семуже косно и несоро учащуся. Учитель же его со многимъ прилѣжаніемъ уча, и ничтоже

изъ житія ПРЕПОД. АЛЕКСАНДРА СВИРСКАГО.

„Времени же достигже и даша и въ наученіе грамотѣ святымъ книгамъ. Сверстникомъ же святаго во ученіи сѣвѣнѣ и нѣбако изучився, семуже косно и несоро учащуся. Учитель же его со многимъ прилѣжаніемъ уча,

(1) Ркп. № 228, л. 5.

(2) Истор. Россійск. іерархіи, т. 4-й.

спѣяше. Се же бѣ по' строе-
нію Божію, яко да отъ Бога
книжный разумъ дастся ему,
а не отъ челоуѣкъ. Во единъ
же убо отъ дней изыде освя-
щенный отрокъ Варфоломей
проходится, якоже бѣ ему
обычай и т. д. (Рѣш. Соловецк.
библ. „Минея Четья“ Сентябрь.
№ 499, л. 353).

и ничтоже успѣваше. Се же
бѣ по устроению Божію, яко
да отъ Бога книжный разумъ
дастся ему, а не отъ чело-
вѣкъ. И во единъ убо отъ
дней идетъ освященный отрокъ
Амосъ, якоже бѣ ему, обычай
всегда „проходити“ и проч.
(Рѣш. № 228, л. 65б)

Такимъ образомъ, и препод. Сергій, и препод. Алек-
сандръ (въ ихъ житіяхъ) одинаково представляются плохими
учениками среди товарищей; и тотъ и другой понимаютъ
грамоту „косно и не скоро; и того и другого „учитель“ со
многимъ прилѣжаніемъ учаше и ничтоже успѣваше“. Явленіе
это Иродіонъ объясняетъ буквально словами Пахомія Лого-
вита.

Въ житіи препод. Сергія далѣе идетъ рассказъ о даро-
ваніи ему разума къ пониманію книжнаго ученія, передает-
ся его встрѣча и беседа съ неизвѣстнымъ старцемъ, кото-
рый далъ отроку часть просфоры въ знаменіе благодати Бо-
жія и разума святаго Писанія“. Биографъ Свирскаго не рѣ-
шился перенести такое повѣствованіе въ свое произведеніе
цѣликомъ; рассказъ его о дарованіи препод. Александру
„разума къ пониманію книжнаго ученія“ нѣсколько разни-
тся отъ рассказа о томъ же предметѣ Сергіева житія, со-
храняя впрочемъ наибольшее сходство съ нимъ въ сущности.
Препод. Александръ, какъ и препод. Сергій, научается гра-
мотѣ послѣ совершившагося чудеснаго событія. Житіе раз-
сказываетъ, какъ однажды отрокъ Амосъ (мирское имя преп.
Александра) умилило, со слезами на глазахъ молился въ цер-
кви предъ иконою Спасителя и Богоматери объ успѣхѣ въ
обученіи книжномъ, „приводить и самую молитву отрока
Амоса. Затѣмъ, когда отрокъ, высказавши свой горестный
чувства предъ иконою, лежалъ на землѣ и заливался слеза-
ми, „абіе нѣкое Божіе явленіе явися, глаголя: востани, не-
бойся, а еже просилъ, то примеша“. Услыхавъ эти утѣши-
тельныя слова, отрокъ поднялся, возблагодарилъ Бога и съ
веселымъ лицомъ и великою радостію въ сердцѣ возвратил-
ся домой. Родители съ перваго же взгляда на его лицо

узнають, „яко отъ Бога таковому посѣщенію быти“, радуются за своего сына, благодарятъ Бога и съ этой поры про-
славляются еще большею любовію къ своему дѣтищу „и не-
сытною душею навѣ зряста по вся дни“. Родители радуются
„о разумѣ отрока“, а ближніе сесѣди въ столь великомъ уди-
вленіи отъ него, что прямо говорятъ: „яко сей божествен-
ный отрокъ хочетъ быти изряденъ въ добродѣтели сіяючи
и въ тѣлесномъ возрастѣ и благолѣпнн мнзѣ, и премудро-
сти, бѣ бо отрока благолюбезно и весело душею“ (1). Сказавъ
эти слова, біографъ вздумалъ далѣе представить подробную
характеристику препод. Александра въ его отроческомъ воз-
растѣ; съ этою цѣлію онъ снова обратился къ жизнеописа-
нію препод. Сергія и, нимало не позаботившись о связи
рѣчи, дословно выписалъ оттуда, начиная выраженіемъ:
„во ученіи же преспѣвая день и ночь“, почти цѣлыхъ 4
страницы изъ разсказа объ аскетическихъ подвигахъ преп.
Сергія, приложивъ все изложенное тутъ въ личности преп.
Александра (2). Къ этой заимствованной характеристикѣ онъ
правда сдѣлалъ значительное добавленіе отъ себя, но въ этомъ
добавленіи читаемъ однѣ типическія фразы, которыя только
свидѣтельствуютъ о страсти біографа къ плеоназмамъ, ги-
перболамъ и риторическимъ амплификаціямъ, но не даютъ
ни одной исторически вѣрной черты о препод. Александрѣ.

Какъ въ другихъ житіяхъ (3) повѣствуется, что, по ис-
полненіи совершеннолѣтія, родители намѣреваются сочетать
своего сына, проявлявшаго съ ранняго дѣтства иноческіе
подвиги, законнымъ бракомъ, но благочестивый отрокъ
отрекается отъ супружеской жизни, предпочитая ей мона-
шескую; такъ точно повѣствуетъ и Иродіонъ о препод.
Александрѣ. Разсказъ объ удаленіи преподобнаго изъ роди-
тельскаго дома въ Валаамскій монастырь довольно общи-
ренъ, но содержитъ въ себѣ почти одни апріорныя сообра-
женія самого біографа. Это видно изъ того, что послѣдній
дословно передаетъ самыя рѣчи преподобнаго съ однимъ
изъ старцевъ Валаамской обители. Если и можно признать

(1) Рив. № 228. л. 7.

(2) См. сличеніе текстовъ въ приложеніи, № 5.

(3) См. наприм., въ житіи Адрамнн Смоленскаго, Григоріи Вальшевскаго
и многихъ другихъ.

изъ этого разсказа что нибудь несомнѣнно историческимъ, то только то обстоятельство, что препод. Александръ встрѣтился въ нѣвоей веси съ старцами Валаамскаго монастыря и получалъ отъ нихъ болѣе подробныя свѣденія объ этой обители, что не могло не расположить его къ удаленію въ нее на жительство. Изложивъ рѣчь Валаамскаго инока, въ которой онъ научаеъ препод. Александра, что ради подражанія Христу слѣдуетъ пренебречь родственными связями, Иродіонъ затѣмъ буквально заимствуетъ у Пахомія Логоета выраженія, которыми послѣдній ведетъ разсказъ о бесѣдѣ Сергія съ неизвѣстнымъ старцемъ по поводу неуспѣха своего въ книжномъ обученіи: „Божественный юноша сіа слышавъ, и яко земля доброплодна приѣмлющи сѣмя въ сердцѣ своемъ словеса старца“... (1). И далѣе:

ИЗЪ ЖИТІЯ ПРЕПОД. СЕРГІЯ РА-
ДОНЕЖСКАГО.

„Зримый же старецъ зраше внутренними очима отроку душевную его чистоту и глаголи его въ сласть приимаше, и разумѣ хотящей благодати явитися на немъ“.

ИЗЪ ЖИТІЯ ПРЕПОД. АЛЕКСАНДРА
СВИРСКАГО.

„Прозорливъ быше старецъ и Духа Святаго наполненъ, и зраше на юношу, видя его душевную чистоту, и глаголь его въ сладость послушаше, и разумѣ хотящую благодать явитися на немъ“.

Подобнымъ образомъ повѣствованіе Иродіона о приходѣ старца въ домъ родителей препод. Александра и объ его бесѣдѣ съ ними есть не что иное, какъ сокращеніе разсказа Пахомія о посѣщеніи неизвѣстнымъ старцемъ дома родителей преп. Сергія (2); изъ сказанія Пахоміева Иродіонъ по необходимости выпустилъ тѣ строки, въ которыхъ передается о томъ, какъ препод. Сергій, пришедши въ церковь вмѣстѣ съ старцемъ, по приказанію послѣдняго началъ искусно читать часы и пѣть въ великому удивленію своихъ родителей.

(1) См. Рув. № 328, л. 12. Рув. № 499, л. 354.

(2) Тамъ же, л. 13 и Рув. № 499, л. 354. Тексты разсказовъ обоихъ житій сопоставлены въ приложеніи, № 6.

На Валаамъ удаляется препод. Александръ тайкомъ; охъ испрашиваетъ у своихъ родителей позволеніе сходить, подъ предлогомъ какой-то нужды, въ недалеку весь „во описи“ и такимъ образомъ, по выраженію житія, „укралъ отпущеніе“. Биографъ передаетъ рѣчь преподобнаго къ своимъ родителямъ по этому поводу и рисуеъ трогательную картину его прощанія съ матерью; рѣчь отрока Амоса къ родителямъ и ихъ отвѣты на нее передаются въ библейскихъ выраженіяхъ, явно говорящихъ о неисторическомъ характерѣ повѣствованія и объ идеализаціи описываемаго событія.

Описаніе самаго отшествія препод. Александра изъ отеческаго дома представлено по образцу многихъ другихъ житій, гдѣ обыкновенно повѣствуется, что святой, уходя въ монастырь или въ пустыню, не беретъ съ собою ничего, кромѣ одежды и незначительнаго количества хлѣба для пропитанія (1)). Во время пути удостоивается видѣній и чудесныхъ знаменій, предсказывающихъ, что онъ сдѣлается основателемъ обители и черезъ то послужитъ спасенію многихъ. По обычаю Иродіонъ влагаеъ въ уста преподобнаго молитву, въ которой отшельникъ проситъ Господа наставить его на путь свой; къ желанному монастырю преподобный слѣшитъ быстрыми шагами, постоянно опасаясь, какъ бы его не догнали родители и не возвратили къ себѣ въ домъ. Переправившись чрезъ рѣку Свирь и будучи застигнутъ вечернею темнотою близъ одного озера, котораго очаровательная мѣстность не могла своею красотою не поражать зрителя, преп. Александръ снова со слезами обращается съ молитвою къ Богу, дабы Онъ наставилъ его на путь спасенія. Заснувши по окончаніи молитвы, преподобный слышитъ голосъ, который повелѣваетъ ему идти въ Валаамскую обитель и пребывать тамъ „довольно времени“ на службѣ братіи и предсказываетъ, что послѣ этого на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ таинственное явленіе, онъ оснуеъ новую оби-

(1) Весьма замѣтно сходство въ описаніи удаленія препод. Александра на Валаамъ съ житіемъ препод. Феодосія Печерскаго; встрѣчается буквально повтореніе выраженій изъ послѣдняго. Ср. Ркп. № 228, л. 14 на обор. и 16. и главу житія препод. Феодосія объ „отъяженіи“ святаго отъ матери своей къ Киеву. См. Патерикъ Печерскій. Ркп. Солрв. биба. № 629, л. 81 на обор. — 52.

тель; необычайный свѣтъ осіяваетъ при этомъ мѣсто, на которомъ почиваетъ преподобный. Проснувшись, Александръ начинаетъ размышлять: „что се хочетъ быть?“ Смыслъ чудеснаго явленія скоро становится ему понятнымъ; онъ радуется и проливаетъ слезы умиленія. Слова старца Валаамской обители, утѣшавшаго преподобнаго надеждою, что „Господь управитъ путь его“, подтверждаются потомъ вторичнымъ видѣніемъ. Помолвившись Господу; дабы Онъ послалъ каковаго нибудь спутника до Валаамской обители; Александръ замѣчаетъ „етера мужа“; мужъ этотъ, освѣдомившись, что преподобный спѣшитъ на Валаамъ, изъявляетъ желаніе быть его попутчикомъ и вмѣстѣ съ нимъ отправляется въ путь. Видъ монастыря, къ которому такъ стремился Александръ, производитъ умиленное впечатлѣніе на его пламенно-религіозную душу; предъ вратами монастыря онъ долгое время молится со слезами. Приводимая біографомъ молитва состоитъ изъ набора текстовъ св. Писанія, въ которыхъ онъ отъ лица препод. Александра высказываетъ буквально: пониманіе словъ Спасителя, заповѣдавшаго оставить отца и матеръ, дабы идти по стопамъ Его. Окончивъ молитву, преподобный оглядывается по сторонамъ, но не находитъ уже своего спутника и отсюда заключаетъ, что въ его лицѣ былъ „ангелъ Божій“.

Разсказъ о приходѣ препод. Александра въ самый монастырь, объ его встрѣчѣ съ иноками и бесѣдѣ съ игуменомъ, — не представляетъ никакихъ исторически-несомнѣнныхъ чертъ; и здѣсь приходится встрѣчать общія мѣста и риторически-однообразныя житейныя приемы. Главное вниманіе біографъ сосредоточилъ на разговорѣ препод. Александра съ игуменомъ Валаамской обители; игумену, какъ это можно встрѣчать въ жизнеописаніяхъ другихъ св. подвижниковъ⁽¹⁾, отвѣчаетъ на заявленіе препод. Александра сдѣлаться инокомъ рѣчью о трудности монашеской жизни и указываетъ на слабость его юныхъ силъ къ перенесенію тя-

(1) Бесѣда препод. Александра съ игуменомъ Волоколамскимъ Іоанномъ дословно описана Преподіомъ выраженіями житія препод. Феодосія Печерскаго изъ разсказа о пришествіи святаго къ великому Антонію и о постриженіи его. Ср. Ряз. № 229, л. 48. Патерикъ Печерскій. Ряз. № 629, л. 53.

желыхъ подвиговъ иноческаго званія; но при этомъ Иродіонъ тотчасъ же спѣшитъ замѣтить, что игумень, высказывая свои доводы, сразу узналъ въ своемъ собесѣдникѣ доброга юношу, могущаго смѣло принять на себя иноческое званіе. Какъ о томъ старцѣ, который сообщалъ препод. Александру свѣденія о Валаамскомъ монастырѣ, такъ и объ игуменѣ Иродіонѣ одинаково отзывается, какъ о человѣкѣ прозорливомъ, который, послѣ первыхъ же словъ своего разговора съ преподобнымъ, „проразумѣ хотящую благодать явится на немъ“, увидѣлъ, „яко хочетъ Богу сосудъ избранъ быти“. На слова игумена Александръ отвѣчаетъ рѣшительнымъ намѣреніемъ повиноваться ему во всемъ и полнѣйшимъ отреченіемъ отъ своей воли, послѣ чего и удостоивается быть принятымъ въ число братіи. Далѣе слѣдуетъ описаніе подвиговъ препод. Александра въ званіи инока; описаніе это состоитъ исключительно изъ набора житейныхъ фразъ самого общаго характера; рядъ этихъ фразъ начинается обычнымъ, заученнымъ почти всѣми біографами, выраженіемъ: „остризаеть власы главы своея, вкупѣ же со отъятіемъ власъ отлагаетъ и долу влекущая мудрованія“, и заканчивается слѣдующими тоже типическими словами: „яво игумену и всей братіи дивитися великому его смиренію, и толику въ юности (по словамъ житія, препод. Александръ принялъ постриженіе 26-ти лѣтъ) благонравію, и укрѣпленію, и бодрости, и весьма прославиша о семъ Бога“⁽¹⁾.

Мы прослѣдили первую главу біографическаго повѣствованія о препод. Александрѣ; изъ этого разбора видно, что она въ большей своей части представляетъ не что иное, какъ чистую компиляцію съ житія препод. Сергія Радонежскаго. Иродіонъ дѣлалъ отсюда часто дословныя выписки, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нельзя было такъ поступать, онъ, какъ человѣкъ знакомый съ агіобіографической литературой, прибѣгалъ къ типическимъ чертамъ, общимъ житейнымъ выраженіямъ, добавляя ихъ нерѣдко и своими собственными ображеніями. Замѣчательны особенная наклонность этого біографа—влагать рѣчи въ уста разныхъ лицъ, встрѣчающихъ

⁽¹⁾ Это описаніе подвиговъ препод. Александра Иродіонъ буквально взялъ изъ житія препод. Феодосія Печерскаго. См. Ркп. № 228, л. 19 и Ркп. № 629 (Патерикъ Печерскій), л. 53 на обор.—54.

ся въ разказѣ, и стремленіе всему придавать обстановку неземнаго, величественно-чудснаго: всѣ лица, упоминаемыя имъ, далеко не походятъ на обыкновенныхъ людей; они отличаются рѣдкою набожностію, примѣрнымъ благочестіемъ и даромъ прозорливости. Изъ всего его разказа можно признать наиболѣе историческимъ развѣ только то обстоятельство, что препод. Александръ имѣлъ бесѣду съ инокомъ Валаамской обители объ иноческой жизни и удалился въ эту обитель тайно отъ своихъ родителей.

Слѣдующая глава: „о еже взысканіи блаженнаго отрока“, есть букввальное повтореніе изъ житія препод. Θεодосія Печерскаго сказанія о пришествіи матери святаго къ Києву, лишь только приспособленнаго къ личности препод. Александра. Компиляція Θεодосіева житія заканчивается упоминаніемъ о постриженіи родителей святаго. Представляемъ сличеніе текстовъ въ приложеніи. См. № 7.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ повѣствованія Иродіонъ пользуется разными житіями, выписывая изъ нихъ то небольшія фразы, то длинныя тирады и даже цѣлыя страницы. Сначала идетъ заимствованіе изъ житія препод. Сергія; сопоставляемъ тексты.

ЖИТІЕ ПРЕПОД. СЕРГІЯ.

„Родителіе его иноческаго житія сподобльшеса отъ житія отходить. Сей же Варфоломѣй, сынъ ею, проводивъ ихъ, якоже подобаетъ благолѣпнѣ, псалмопѣніемъ надгробнымъ, и погребе честно, и пришеде въ домъ отца своего, помысли въ себѣ глаголя: яко и азъ смертенъ есмь, яко же и родителіе мои“.

ЖИТІЕ ПРЕП. АЛЕКСАНДРА СВИРСК.

„Блаженный же Александръ слышавъ о семъ, яко родители его отъ житія преставистася, и благодарныя молитвы Богу о семъ воздавая, и много же жаливъ си того ради,

ПОМЫСЛИ ВЪ СЕБѢ ГЛАГОЛЯ: ЯКО И АЗЪ СМЕРТЕНЪ ЕСМЬ, ЯКО ЖЕ И РОДИТЕЛІЕ МОИ“.

Смерть родителей побудила препод. Сергія удалиться въ пустыню, а препод. Александра—въ большимъ подвигамъ; описаніе этихъ подвиговъ Иродіономъ, за нѣкоторыми пропусками, дословно взято изъ житія препод. Θεодосія Печерскаго (1). Приступая за тѣмъ къ разказу объ уходѣ преп.

(1) Сличеніе текстовъ см. въ приложеніи, № 8.

Александра изъ Валаамской обители, Иродіонъ снова обращается къ „житію“ препод. Сергія Радонежскаго и буквально, выражениями Пахомія Логовскаго излагаетъ причину, побуждающую преподобнаго удалиться изъ монастыря; эта причина заключается въ томъ, что примѣрное поведеніе препод. Александра обратило на себя вниманіе всей братіи, и его стали похвалять и удивляться его труднымъ аскетическимъ упражненіямъ. Подобныя упреки, какъ объясненіе удаленія подвижника изъ монастыря въ пустыню, встрѣчаются въ большей части житій святыхъ; что такое объясненіе не вытекало изъ дѣйствительнаго знанія біографомъ жизни святаго, — это всего лучше доказывается Пахоміевой редакціей житія препод. Сергія. По разсказу перваго біографа препод. Сергія Епифанія, Сергій ушелъ изъ своего монастыря на Кирилъчачь во вѣдѣніе того, что нѣкоторые изъ братіи не пожелали имѣть его игуменомъ; Пахомій же объяснилъ удаленіе Сергія желаніемъ убраться отъ человѣческой славы и предаться безмолвной жизни.

Точно также слѣдуетъ смотрѣть на приводимую Иродіономъ бесѣду Александра съ игуменомъ, въ которой преподобный проситъ у того себѣ позволенія оставить обитель и удалиться въ пустыню; игумень находитъ Александра еще не вполне берѣпшимъ для подвиговъ уединенной жизни и заставляетъ его остаться въ стѣнахъ монастыря. „И сіе, замѣчаетъ отъ себя біографъ, не безъ Бога бываетъ, паче же благосли и щедротъ Его изволенія, да не яко свѣтило въ пустыхъ, яко дождь спудомъ зашедеъ, въ горахъ покрнется“ (1). Біографъ отсюда снова возвращается къ типическому изображенію подвиговъ святаго; нѣкоторыя выраженія въ этомъ мѣстѣ повѣствованія буквально сходны съ подобнымъ же описаніемъ въ житіи препод. Кирилла Бѣлоозерскаго (2). Сравнительно съ предъидущимъ, взятымъ изъ житія препод. Федосія Печорскаго, описаніемъ подвиговъ святаго, это новое не даетъ никакой характеристической черты и свидѣтельствуетъ единственно только о любви біографа къ плеоназмамъ и повтореніямъ однообразныхъ житейныхъ фразъ.

(1) Ркп. № 228, л. 26.

(2) Тамъ же, ср. Ркп. № 249, л. 33 и далѣе.

Далѣ слѣдуетъ описаніе удаленія препод. Александра изъ Валаамскаго монастыря въ пустыню; оно взято Иродиономъ буквально, съ нѣкоторыми выпусками, изъ житія препод. Кирилла Бѣлозерскаго. Разсказъ этотъ нами разобранъ уже выше. Третья глава („приходъ святаго въ пустыню въ дѣтствѣ“ (1466)) начинается слѣдующими выраженіями буквально сходными съ однимъ мѣстомъ въ житіи препод. Сергія Радонежскаго. — „И по семъ начать дѣло, первѣе сотвориъ себѣ хивину малу, въ ней же нѣчто мало покою приимаше отъ труда“⁽¹⁾. Неумѣнье Иродиона, при рабскомъ отношеніи къ источникамъ, удачно располагать заимствованный оттуда матеріалъ обнаруживается и въ этой главѣ. Несомнѣнно, что, описывая приходъ Александра въ пустыню, онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ житія препод. Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго; въ нихъ обихъ повѣствуется, что святые, по прибытіи въ пустыню, первоначально ходятъ по ней, отыскивая мѣсто для поселенія, и, облюбовавши его, ставятъ себѣ хивину. По сказанію Иродиона, препод. Александръ прямо приходитъ „на прежде покаянное ему Богомъ мѣсто“, гдѣ и сооружаетъ себѣ „хивину малу“; затѣмъ біографъ представляетъ довольно сходно съ выраженіями житія препод. Кирилла, описаніе мѣста, въ которомъ поселился преподобный; далѣе же слѣдуетъ рѣчь о томъ, что Александръ началъ обходить и осматривать „мѣсто то“, обдумывая — „гдѣ величу себѣ соорудити“. После этихъ словъ Иродионъ обращается въ житію препод. Кирилла и выписываетъ оттуда слѣдующія выраженія: „видѣвъ же мѣсто красно и нѣкую лучу божественну обіавшу его, идѣ же и донынѣ монастырь стоитъ, блаженный же Александръ въ томъ мѣстѣ вселися“⁽²⁾. Сказавъ далѣе нѣсколько самыхъ общихъ словъ объ уединенной жизни Александра въ пустынѣ, біографъ спѣшитъ описать чудерное явленіе преподобному, — явленіе, въ которомъ ему былъ слышанъ таинственный голосъ, указывавшій ему принимать въ себѣ всякаго, имѣющаго излечить желаніе подвижиться въ той пустынѣ. Къ разсказу объ этомъ явленіи Иродионъ сбѣгалъ приступить изъ обычныхъ житейныхъ выраженій; почему можно

(1) Ркп. № 228, л. 28 на обор. Ср. Ркп. № 439, ¼. 668.

(2) Тамъ же, л. 29 и Ркп. № 219, л. 40—42, 50—51.

съ вѣроятностію заключить, что и самое „описываемое событіе имъ взято изъ какого нибудь другаго житія, или же составляетъ плодъ его авторскихъ соображеній. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ самый текстъ рѣчи: сдѣлавъ приступъ въ разсказу о видѣніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „но подобаше бо и нѣмъ многимъ его рода спастися, и ровно-ангельское житіе его подражающе, и Богу того ради приблизитися“, біографъ затѣмъ прерываетъ свое повѣствованіе такими словами: „и яко же досихъ слово повѣсть“. Далѣе слѣдуетъ самый разсказъ о видѣніи, начинающійся такъ: „идущу же убо нѣкогда блаженному отцу“ и проч. Рѣчь біографа, описывавшаго дѣйствительный фактъ, не можетъ идти въ такой формѣ, въ каковой она является у Иродіона; явно, что послѣдній, составляя свое произведеніе при помощи нѣсколькихъ источниковъ, держалъ себя неспокойно, торопился, перебѣгалъ отъ одного въ другому, не успѣвая даже болѣе или менѣе удачно сдѣлать между собою тѣ фразы и тирады, какія заимствовалъ изъ источниковъ. Самый разсказъ Иродіона о явленіи состоитъ въ слѣдующемъ⁽¹⁾.

Въ одно время препод. Александръ отправился на озеро за водой и дорогою „пѣлъ Давидсвія пѣсни“. Послышался ему гласъ, называвшій преподобнаго по имени и говорившій ему: „понеже еси Моимъ заповѣдемъ бысть хрѣнитель, тѣсный и скорбный усердно прошедши путь, сеже ти множество людей и безчисленно собрахъ, якоже ти предречено бысть. Ты же убо сихъ не отрици, но простертима рукама приими, и наставникъ тѣмъ ко спасенію бывъ“. Александръ палъ ницъ, „умъ же перомъ мысленнымъ вознесъ на небо“, воздалъ благодареніе Богу и, почерпнувъ воды, возвратился въ келью.

Разсказъ заключается неизмѣннымъ и, такъ сказать, классическимъ, при повѣствованіи о подобныхъ событіяхъ, для біографовъ выраженіемъ: „сеже все бысть, да сбудется Богомъ реченное: не можетъ градъ укрытися верху горы стоя“ и проч.... „тако же и сему преподобному отцу“.

Повѣсть „о приходѣ ко преподобному Александру Андрея Завалишина“⁽²⁾ несомнѣнно имѣетъ въ своей основѣ

(1) Ркп. № 228, л. 39.

(2) Тамъ же, л. 30—34.

историческій фактъ, но въ самомъ описаніи оно тоже страдаетъ компилятивнымъ характеромъ, кромѣ того слишкомъ обнаруживаетъ личное стремленіе автора придать изображаемому событію обстановку чудеснаго.—Такъ, наприм., Иродіонъ влагаетъ въ уста Завалишина, который, гоняясь за оленемъ, натолкнулся на хижину Александра, слѣдующія слова, съ какими онъ обращается къ святому подвижнику: „мню же азъ, рабе Божій, яко не елень гонимый быти мною, но Божія нѣкоя есть сила приведе мя сѣмо къ твоему преподобству, яко да и азъ сподоблюся святаго ти благословенія и молитвы“. Продолженіе рѣчи Андрея Завалишина, въ которой онъ сообщаетъ преподобному о своихъ видѣніяхъ чудныхъ знаменій „прямо мѣста“, гдѣ поселился святой, составлено на подобіе таковыхъ же разсказовъ, встрѣчаемыхъ въ житіяхъ многихъ св. подвижниковъ, какъ, наприм., житіи препод. Кирилла Бѣлозерскаго. У Иродіона повѣствованіе объ этихъ видѣніяхъ имѣетъ болѣе чудеснаго, чѣмъ подобный же разсказъ у Пахомія Логоета; послѣдній, отъ лица нѣкаго земледѣльца Исаи, передаетъ только о слышаніи таинственнаго звона близъ того мѣста, гдѣ препод. Кириллъ построилъ монастырь (1), Иродіонъ же отъ лица Андрея Завалишина говоритъ, что надъ мѣстомъ, гдѣ поселился Александръ, приходилось замѣчать „многажды—овогда яко столпъ огненъ стоящъ, овогда же яко зарю нѣкую божественну сіяющую, а иногдаже яко дымъ отъ земли къ высотѣ восхождаше“. Вслѣдъ за этимъ біографъ разсказываетъ, что препод. Александръ, по усердной просьбѣ, открылъ Андрею слѣдующее о своей жизни въ пустынѣ, предварительно заповѣдавъ никому не сообщать объ этомъ.—„Я человекъ грѣшный, называюсь Александромъ; прежде жилъ въ обители св. Спаса на Валаамѣ, но потомъ удалился въ эту пустыню, желая въ одиночествѣ плакаться о своихъ грѣхахъ. Семь лѣтъ живу я здѣсь, не видя никого изъ людей, кромѣ тебя сегодня; во все это время я никогда не вкушалъ хлѣба, а довольствовался травою, а иногда („нѣколико время довольно“) ѣлъ одну землю. „Какъ трудно тебѣ было жить?“ спросилъ изумленный бояринъ. „Прежде было тяжело“, отвѣчалъ подвижникъ, „я изнемогалъ сердцемъ, валался на землѣ, бу-

(1) Ркп. № 219, л. 42.

лучи не въ состояннн поднять головы и молиться стоя. Я совершала пѣніе свое лежа на землѣ. Однажды страдая сильно утробною, я замѣтила стоящимъ предо мною преславнаго мундѣ, который спросилъ меня: чѣмъ ты боленъ. Я отвѣчалъ— утробною. Покажи мнѣ больное мѣсто, сказалъ онъ. И когда я указывалъ, онъ положилъ на меня свою руку и молвилъ: „се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горѣ сего будетъ“. Съ того времени чувствую себя здоровымъ, благодаря Бога за Его милосердіе“.

Дальнѣйшій разсказъ „О приходѣ брата его (т. е. преп. Александра) Іоанна къ нему въ пустыню“⁽¹⁾, изложенный въ довольно распространенномъ видѣ, весьма скуденъ фактическимъ содержаніемъ и не представляетъ ничего характеристическаго; если освободить его отъ обилія общихъ мѣствъ, риторическихъ выраженій, разнаго рода амплификацій и собственныхъ соображеній біографа, то его можно бы передать въ весьма незначительномъ количествѣ строкъ. Біографъ, наприм., сначала говоритъ, что препод. Александръ при встрѣчѣ облобызалъ своего брата, и „вельми обрадовался“ его приходу; далѣе въ самыхъ обычныхъ житейныхъ выраженіяхъ идетъ рѣчь о подвигахъ обоихъ братьевъ во время пребыванія въ пустынѣ⁽²⁾. Не одѣлавъ ни малѣйшаго упомянанія о камнѣ вибудь другомъ лицѣ, которое бы навѣщало препод. Александра въ его уединенной отшельнической жизни; біографъ въ ряду типическихъ выраженій относительно подвиговъ святаго приставляетъ такое: „оскорбляемъ же вельми терпаше доблественнѣ, радуяся надеждою воскресенія и будущаго желающаго на небеси блаженства“. Последующій ходъ рѣчи своею фактическою стороною весьма напоминаетъ разсказъ Пахомія Логовета о случившемся несогласіи между препод. Кирилломъ Вѣлозерскимъ и Тера-

(1) Ркп. № 228, л. 35—39.

(2) Наприм. читаемъ: «Пребыста оба вкупѣ, ово убо въ законѣ Божіи поучающеся, ово же о земныхъ вѣсѣхъ ни едиго творяше слово, а еже бо отъ дѣла рукъ ихъ быше избылуа, сіа требующимъ даяху... одеждама же вельми обнищаваху... по времени же доволнѣ воздержанія ихъ, и бдѣнія, и труда, на среди келіи сѣдѣше, не восклоняюще ни къ стѣнѣ хребетъ свой». Ркп. № 228, л. 35.

понтѣмъ изъ за устройства мѣста жительства (1). Пахомій говорить, что препод. Кирилль „тѣсное и жестокое (жительство) хоташе“, а Терапонтъ — „пространное и гладкое, и се-го ради другъ отъ друга разлучишася“. Подобное нѣчто находимъ и въ произведеніи Иродіона. Препод. Александръ Свирскій, вспомнивъ бывшее къ нему „обѣтованіе“, началъ съ своимъ братомъ созидать „обителище, ко иже хотящимъ житіе оставляли суетнаго міра и приступити къ Богу, и приимати равенъ ангеломъ образъ“. Преподобный задумалъ „распространить мѣсто“, устроить большую ограду; а братъ его Іоаннъ, „о безмолвіи научаяся, утѣсняше жилище“. Дѣло дошло до того, что Іоаннъ обратился къ препод. Александру съ укоризненными словами: „престани величаться и ширя себѣ“. Александръ сильно былъ огорченъ этимъ; ночью онъ обратился съ молитвою къ Богу, раскаяваясь въ своемъ намѣреніи, прося помилованія и руководства. Молитва, приводимая отъ лица святаго, очевидно есть произведеніе самого біографа. Стремленіе постѣдвѣло придавать всему въ разсказѣ гиперболическое освѣщеніе особенно замѣтнымъ образомъ проявляется и здѣсь, въ обрисовкѣ положенія преподобнаго на молитвѣ:... „сичеваая съ плачемъ исповѣдуя ношь всю, даже до утреннихъ слезъ, сконча: отъ многато же плача и захлипанія не могій глаголати ничтоже, но обаче стоя на молитвѣ, простирая рудъ свои, никакоже сгибати тѣхъ, но сихъ протяженіемъ, яко простирая, сиче утруждаа тѣло свое, къ трезвенію души возвода“. Конецъ разсматриваемой главы представляетъ весьма странную композицію одного мѣста изъ житія препод. Сергія Радонежскаго. Иродіонтъ дѣлаетъ выписку изъ Пахоміева произведенія совершенно необдуманно, вовсе какъ бы не соображаясь, подходятъ строки послѣдняго къ разсказу о препод. Александрѣ, или — нѣтъ: композиція начинается даже не съ какой нибудь точки, начинающей собою новую мысль, а съ послѣдней части сложнаго предложенія. Не можемъ не представить здѣсь сличенія текстовъ того и другаго житій; оно самымъ нагляднымъ образомъ познакомитъ читателя съ авторскими приемами Иродіона. Упомянувъ о смерти и погребеніи Іоанна, Иродіонтъ пишетъ слѣдующія строки о препод.

(1) Сравни. Ркп. № 219, л. 41 на обор. Ркп. № 228, л. 35—36.

Александръ, которыя мы для сейчасъ указанной цѣли приведемъ параллельно съ выдержкою изъ житія препод. Сергiя. Постыдною мы начинаемъ приводить не прямо съ той фразы, съ которой Проловъ дѣлаетъ дословную компиляцію, а беремъ полный контекстъ рѣчи Пахомія, чтобы видѣть — что, какъ и къ чему приспособить Проловъ заимствованное у образцоваго агиооографа.

ИЗЪ ЖИТІЯ ПРЕПОД. СЕРГІЯ РА-
ДОНЕЖСКАГО.

„И понеже таковѣи славъ о немъ происходящи, и многы имаше иже тамо приходящихъ пользы ради, инии же еже сожителствовати ему моляхуса. Онъ же оубоъ пользы сподобяше не нѣкими испещренными и высокими глаголы, но Духу святому вѣтствующу усты его. Хотящихъ же жити съ нимъ утѣшаше ихъ, глаголя: чада! да не устрашитъ васъ помысль, яко мѣста пустынная и дужная; вѣсте бо, яко многими скорбми подобаетъ намъ внити во царство небесное. Ся святому къ нимъ глаголющу, ояху вси повинующесе ему, и ревнующе тому противу силъ своей, и ояху по единому ихъ въ келии безмолствующе, и тако брати число множашесе, и пребываше благодатю Христовою.“

ИЗЪ ЖИТІЯ ПРЕПОД. АЛЕКСАНДРА
СВИРСКАГО.

„Держашеся паки болъзненнаго особъ воздержанія, подвизаяся цѣла себе всѣмъ образомъ соблудности, и всякъ скверный помысль находящъ отражати.“

но Духу святому вѣтствующу усты его. Хотящихъ же жити съ нимъ утѣшаше ихъ, глаголя: чада! да не устрашитъ васъ помысль, яко мѣста пустынная и дужная; вѣсте бо, яко многими скорбми подобаетъ внити намъ во царство небесное. Ся святому къ нимъ глаголющу, и ояху вси повинующесе тому, и ревнующе ему кождо противу силъ своей, и ояху по единому ихъ кождо особъ безмолствующе, и тако брати число множашесе, и пребывающе благодатю Христовою.“

Въ сказанномъ вторичномъ прихвѣтѣ въ препод. Александрю Андрея Завалишина (1) биографъ является больше братимъ повѣдывателемъ, но и въ этомъ, незначительномъ

(1) Ркп. № 228, л. 38.

по объему, рассказъ большая часть есть дословная компиляция житія препод. Сергія Радонежскаго, именно изъ главы „о умноженіи брашенъ молитвами святаго“ (1). Очевидно, Пахоміево повѣствованіе могло вліять и на фактическую часть разсматриваемаго Иродіонова сказанія; точныя показанія Иродіона, будто Андрей Завалишинъ принесъ преподобному „бремя хлѣбовъ, и два спуды ржи, такожде и ячмени“, едва ли нужно принимать за историческія; вѣроятнѣе признавать, что Иродіонъ зналъ только то, что Андрей доставлялъ Александру съѣстныхъ припасовъ, но въ какомъ количествѣ — это біографу едва ли было извѣстно. Нельзя, разумѣется, считать исторически вѣрными и тѣ строки разсказа, гдѣ Иродіонъ описываетъ встрѣчу Андрея съ препод. Александромъ; приводитъ слова отъ лица того и другаго, сообщаетъ, будто Андрей велъ бесѣду съ Александромъ „о пользѣ душевной“, послѣ чего отошелъ въ свой домъ „слава Бога и угодника Его, святаго старца Александра, яко сподобися быти благословенъ отъ него“. Вслѣдъ за этими словами идетъ буквальный выписка изъ житія препод. Сергія; рѣчь послѣдняго къ своей братіи, по поводу чудеснаго снабженія обители продовольствіемъ, Иродіонъ вставляетъ въ уста своего святаго; выписка идетъ до самаго конца главы житія препод. Сергія: „О умноженіи брашенъ“. Далѣе слѣдуютъ такія общія фразы: вѣроятно выхваченныя Иродіономъ изъ какого нибудь другаго житія: „и оттолѣ же преподобный Александръ начатъ дрова посѣвать, и нивы пахати, и сѣяти, и добръ трудатися, и отъ трудовъ своихъ идыше“. Затѣмъ опять идетъ дословная компиляция изъ Сергіева житія; изъ главы „О составленіи общаго житія“ (2). Иродіонъ столь слѣпо подражалъ Пахомію Логотету, что взялъ у него даже самыя конечныя строки упомянутой главы, хотя находящіяся въ нихъ выраженія составляютъ не что иное, какъ только простую болтовню писателя; какъ Пахоміева глава „О составленіи общаго житія“, такъ и рассказъ Иродіона „О приходѣ паки къ нему (препод. Александру) Андрей Завалишина“ одинаково заванчиваются слѣдующими словами: „мы же на подлежащее возвратимся, настоящее же да глаголется“.

(1) Рив. № 499, т. 362—363.

(2) Тамъ же, т. 372—375.

Разсказъ „О приходѣ къ препод. Александру старца Никифора“ также не есть самостоятельное проповѣданіе Иродіона, — это почти дословное повтореніе главы изъ житія препод. Сергія „О постриженіи святаго“, приспособленное только къ личности Свирскаго (*). Историческое значеніе въ данномъ разсказѣ можно признать только развѣ за слѣдующими доказательствами Иродіона, что, пришедшій къ препод. Александру старецъ Никифоръ носилъ на себѣ желѣзныя цѣпи, пребылъ въ пустынѣ неизвѣстное время и, оставивъ преподобнаго, удалился въ Кіевъ. Все же остальное въ разсказѣ Иродіона взято изъ упомянутой главы Сергіева житія, какъ-то: описаніе встрѣчи съ препод. Александромъ старцемъ Никифоромъ, изображеніе подвиговъ святаго и его борьбы съ бѣсами. Приводимая бесѣда Александра съ Никифоромъ, по поводу намѣренія послѣдняго удалиться въ Кіевъ, составляетъ произведеніе собственной фантазіи біографа и есть не болѣе, какъ риторическая амплификація, внесенная для того, чтобы придать болѣшую живость краткому описанію. Пахомія Логовета, прощальной сцены препод. Сергія съ камицѣто старцемъ.

Въ сказаніи „О приходѣ святаго ангела къ преподобному“ (†) Иродіонъ преимущественно заботится о томъ, чтобы представить преподобнаго смиреннѣйшимъ человекомъ. Не смотря на то, что въ одномъ изъ предшествующихъ сказаній (‡) прямо говорится, что препод. Александръ сознавалъ свое предназначеніе быть основателемъ монастыря и начальникомъ братіи; не смотря на то, что явившійся ангелъ ясно напоминаетъ о прежде бывшихъ видѣніяхъ, преподобный не только не довѣряетъ рѣчи ангела, но даже принимаетъ видѣніе „за вражію лесть“, хотя явившійся мужъ на вопросъ: „кто еси, Господи мой“, — точно отвѣтилъ: „азъ ангелъ, посланъ есмь отъ Бога“. А вотъ въ какихъ выраженіяхъ описывается Иродіонъ состояніе препод. Александра послѣ того, какъ ангелъ, заповѣдавъ ему, построить церковь и „согради

(*) Сопооставляемъ параллельное самченіе тактовъ годовъ и другіе случаи разсказовъ въ приложеніи. См. № 9.

(†) Ркп. № 228, л. 42—43.

(‡) Въ сказаніи „О приходѣ брата Юанна къ преподобному въ пустыню. См. Ркп. № 228, л. 35—39.

дить монастырь“, пересталъ быть видимымъ. „Блаженный же Александръ любя безмолвіе, и сладостно въ пустыни хождаше, чаше же стоя на молитвахъ и моляся Богу избавити того всически отъ всяка лести вражїа; сице боголюбивъ сый, любовно отхождаше въ пустыню ону“. Ангель явился вторично и сказалъ: „Александръ! якоже рѣхъ ти древле: созижди церкви и братїю собери; и монастырь согради, прїидуть бо въ тебѣ многи спастися хотяще, ихъ же наставиши на путь спасенїа“. Очевидно, не только эти слова ангела, но и весь разсказъ стоять въ непримиримомъ противорѣчїи съ предшествовавшими главами повѣствованїа тогоже біографа, гдѣ передается (1); что около препод. Александра была уже братїя, которую онъ поучалъ своими наставленїями, что кромѣ хижины святаго были другїя постройки и пустынножители занимались хлѣбопашествомъ.

Эти замѣчанїя вполне приложимы и къ дальнѣйшему разсказу Иродїона „О видѣнїи святаго Троицы, еже преподобный видѣ и слыша глаголанная къ нему въ лѣто 734“ (1508 г.) (2); описанїе этого видѣнїа имѣетъ много сходнаго съ описанїемъ предъидущаго.

Препод. Александръ, не смотря на вторичное явленїе ангела, не приступалъ къ исполненїю имъ завѣщаннаго; этимъ и вызвано было новое видѣнїе. Преподобному явились три мужа въ блистающихъ бѣлыхъ одеждахъ и съ жезлами въ рукахъ; Александръ пришелъ въ сильный трепетъ и страхъ. Успокоивъ его отъ тревоги, мужи сказали ему слѣдующїя слова: (3) „Якоже глаголахъ убо тебѣ древле, и пави глаголахъ ти, и нынѣ тожде глаголю тебѣ: да созидаши церкви, и братїю собери, и монастырь соградивъ, и велиї постави, яко благоволившу ми тобою многи души спасти, и въ разумъ истинный привести“. „Преклонивъ колѣна и обиднаясь слезами“, преподобный отвѣтилъ (4): „Кто есмь

(1) Ркп. № 228, л. 38 на обор.

(2) Тамъ же, л. 43 на обор.

(3) Слова трехъ мужей передаются біографомъ препод. Александра въ формѣ рѣчи отъ одного лица; она составляютъ буквально повторенїе приведенныхъ словъ ангела, святому.

(4) Отвѣтныя слова препод. Александра буквально сходны съ словами препод. Сергія Радонежскаго, сказанными св. митр. Алексѣю,

азъ грѣшникъ, Господи, и всѣхъ человѣкъ худшій, да не толико дѣло доволенъ буду, о немъ же ми глаголаши? мѣстѣмъ достоинъ на се, толики страшны дерзая пріяти службы, и не могу азъ противу сея быти. Азъ же убо, Господи, не се-го ради придохъ на мѣсто се, да строю монастырь, но да плачуся грѣковъ моихъ“. Приказаніе повторилось снова. Тогда преподобный спросилъ: „Господи мой! дерзну предъ тобою глаголати, повѣждь ми, да како наречется имя церкви сей, юже хочеть твое челоуѣколюбіе наудатися на мѣстѣ семъ“. Отвѣтъ былъ слѣдующій: „Возлюбленне! еже еси видѣлъ въ трехъ лицехъ глаголавша съ тобою, да воздвигнеши церковь во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нераздѣлимая Троицы“. „Зрять же блаженный Господа простертыма крылома, яко ногами по земли ходящихъ и миръ преподобному глаголюща“. Оставалось еще недоразумѣніе у арх. Александра,—гдѣ, какъ и на которомъ мѣстѣ поставитъ церковь. Онъ снова обратился къ Господу съ вопросомъ, и вотъ въ одинъ день, стоя на молитвѣ и обративъ свой взоръ къ небу, онъ увидѣлъ „ангела Божія на воздухѣ, въ мантіи и въ куколѣ стояща, и крилъ простерты имуща, якоже“, замѣчаетъ біографъ, „древле иногда великому Пахомію явися; рущѣ же ему воздвигну на высоту и молитву глаголющу: Единъ Святъ, единъ Господь, Исусъ Христосъ, во славу Бога Отца. Аминь“. „И по молитвѣ глагола, яко на семъ мѣстѣ да созиждется церковь во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нераздѣлимая Троицы, и сіе рещѣ, мѣсто же оно и рукою крестообразно назнаменовавъ, и ктому невидимъ бысть“ (1). На томъ мѣстѣ препод. Александръ водрузилъ крестъ.

На первой же строкѣ слѣдующей главы говорится, что препод. Александръ имѣлъ около себя братію и для полнаго образованія монастыря недоставало только священника, который бы совершалъ службы; очевидно, и здѣсь Продіонъ допускаетъ противорѣчіе сказанному выше. Причина такого явленія очень простая: глава „О поставленіи на священство

предлагавшему препод. Сергію быть приемникомъ во святительской кафедрѣ. См. Минея Четья. Сентябрь. Ряз. Соловецк. библиот. 1900 г. л. 386.

(1) Ряз. № 228, л. 44—46.

преподобнаго Александра цѣликомъ, дословно есть повтореніе изъ житія препод. Сергія Радонежскаго разсказа „О поставленіи на священство святаго“ только съ замѣною имени Сергія—именемъ Александра и епископа Аванасія—Серапіономъ. Такимъ образомъ изъ этой главы можно вывести только то, что препод. Александръ былъ посвященъ Серапіономъ, неизвѣстно когда. Далѣе идетъ глава „о собраніи преподобнаго о Христѣ съ братією и о поставленіи церкви начальныя“⁽¹⁾. Въ началѣ идетъ чисто историческій разсказъ.—На указаномъ ангеломъ мѣстѣ была построена церковь, за дозволеніемъ объ освященіи ея были отправлены въ Новгородъ два старца — Теодоръ и Тихонъ; но такъ какъ владыка Серапіонъ въ то время былъ отозванъ великимъ княземъ Василемъ Ивановичемъ въ Москву, то посланные старцы обратились по своему дѣлу къ коломенскому епископу Мирофану, повелѣніемъ котораго и была освящена церковь. Сообщивъ эти свѣденія, Пролокъ снова обращается къ житію препод. Θεодосія Печерскаго и выписываетъ отсюда, сначала изъ главы—„О поставленіи святаго на игуменство“, а потомъ изъ главы—„О трудолюбіи святаго“,—изображеніе подвиговъ препод. Александра по принятии званія игумена, хотя раньше и не упомянулъ о фактѣ самаго поставленія его на это мѣсто. При этомъ не стѣсняется выписать изъ Θεодосіева житія даже и тѣ эпизоды, въ которыхъ разсказывается о примѣрномъ поведеніи святаго какъ мудраго настоятеля обители, первымъ отправлявшагося на работу для монастыря (наприм. носить воду, колоть дрова и проч.) и тѣмъ побуждавшаго иноковъ выходить изъ ихъ келій и дружно приниматься за необходимое дѣло. Повѣствованіе объ обычаѣ преп. Александра ночью обходить братскія кельи и поучать иноковъ буквально повторяетъ изъ Θεодосіева житія главу—„О разсмотрѣніи и наказаніи учениковъ его“⁽²⁾.

Содержаніе главы „О произведеніи воды отъ горячаго озера въ нижнее и о поставленіи мельницы“ уже разсмотрѣно было выше.

Слѣдующая глава „О посланіи къ великому князю и о поставленіи церкви каменныя“⁽³⁾ отличается довольно зна-

(1) Ркп. № 228, л. 46 на обор. — 54.

(2) Сл. Св. Сочиненіе, похвалы въ предм. № 140, л. 10 (1)

(3) Ркп. № 228, л. 57—60.

чительнымъ присутвіемъ въ ней апріорныхъ соображеній автора. Біографъ старается описать фактъ съ возможно большею подробностію. — Препод. Александръ, задумавъ соорудить новую каменную церковь, первоначально созываетъ братію въ соборъ и, сотворивъ молитву, сообщаетъ о своѣмъ намѣреніи. Иноки сначала относятся съ негодованіемъ къ предложенію святаго и говорятъ ему: „Не вѣси ли, отче, яко мѣсто се скорбно суще, ещеже и скудно при всемъ, то како или откуду возможемъ на толико дѣло приготовить потребныхъ, сель не имуще, ни богатства; ты же како глаголеши не смысля о поставленіи церкви каменны?“ Подобные рассказы встрѣчаются и въ другихъ житіяхъ; біографы, при повѣствованіи о такихъ событіяхъ, обыкновенно любятъ выставить святаго основателя обители человѣкомъ вполне полагающимся на помощь свыше, затѣвающимъ важное предпріятіе при неимѣніи наличныхъ средствъ; напротивъ, братія являются, повидимому, болѣе осторожными, не рѣшающимися приступить къ предлагаемому дѣлу вслѣдствіе скудости пустынной обители и даже укоряющими своего вождя. Это однако его не смущаетъ. Въ надеждѣ на помощь Божію, онъ съ твердостью духа приступаетъ къ осуществленію задуманнаго дѣла, убѣждая и братію только принятися за него, а дальнѣйшее предоставить на волю Божію. Мало по малу средства изыскиваются и дѣло, на которое иноки считали невозможнымъ даже и рассчитывать, приводится къ концу ⁽¹⁾.

Уговоривъ братію принятися за сооруженіе новой церкви, препод. Александръ, сотворивши молитву, отправился на нѣкое мѣсто и началъ копать землю; почва оказалась глинистою; иноки обрадовались и начали дѣлать кирпичи; нашлась известь и множество дикаго камня. Немедленно отправили троихъ старцевъ къ великому князю Васидію Ивановичу просить мастеровъ для постройки церкви. Великій князь послалъ каменщиковъ и далъ много нужныхъ вещей для монастыря; самого преподобнаго онъ просилъ помолитися „о многолѣтствѣ“ его князя и „о плоду чрева“. Старцы съ радостію возвратились въ обитель. Біографъ, затѣмъ, отъ лица Александра приводитъ и самую молитву о благоден-

(1) См. наприм., Житія Соловецк. чудотворцевъ, ісв. Флалпа.

ствіи Василія Ивановича и объ его чадородіи. Дальнѣйшія строки, гдѣ говорится о самомъ устройствѣ новой церкви, и о распространеніи обители. Иродіонъ дословно взялъ у Пахомія Логовета; приводимъ тексты.

ИЗЪ ЖИТІЯ ПРЕПОД. СЕРГІЯ РА-
ДОНЕЖСКАГО.

„Ельма же разсуднѣйшій пастырь и премудрый въ добродѣтеляхъ мужъ монастырь болши распростиранивъ, кельи убо четверообразно устрои повелъ. Посредѣ же церковь болшу воздвиже, отъсюду видима, яко зеркало, трапезу же, и иная, елика въ потребу братіямъ“.

ИЗЪ ЖИТІЯ ПРЕПОД. АЛЕКСАНДРА
СВИРСКАГО.

„Потомъ же доблоразсуднѣйшій пастырь и премудрый въ добродѣтеляхъ мужъ монастырь болшій распростиранивъ, и кельи убо четверообразно устрои повелъ. Посреди же церковь болшу воздвиже, отъсюду видима, яко зеркало, такожде и трапезу и иная, елика въ потребу братіямъ“.

Вновь созданная церковь была освящена по благословенію архіеп. Макарія.

Сказаніе „О преставленіи преподобнаго Александра“ наидучшимъ образомъ знакомить изслѣдователя съ личностью Иродіона, какъ біографа, и съ его приемами въ дѣлѣ составленія житія; разборъ этой части житія представляетъ много любопытнаго и имѣетъ научный интересъ въ дѣлѣ изслѣдованія нашей агіобіографической литературы. Разсмотрѣвъ съ подробностію это сказаніе, мы нашли, что оно почти цѣлкомъ списано съ имѣвшихся подъ руками у біографа источниковъ, а потому менѣе всего можетъ разсчитывать на довѣріе историка.

Сначала Иродіонъ дѣлаетъ выписку изъ житія препод. Варлаама Хутыцкаго, изъ главы — „О началѣ зданія церкви каменныя всемилостиваго Спаса“, гдѣ, между прочимъ, не рѣдаются свидѣнія о концѣ этого святаго; при выпискѣ Иродіонъ обходитъ тѣ строки, гдѣ біографъ препод. Варлаама говоритъ о возвращеніи въ Хутыцскій монастырь брата Антонія, будущаго преемника преподобнаго по званію игумена, и заканчиваетъ компиляцію словами: „монастырь сей и по смерти моеи ничимъ же оскудѣетъ, аще любовь будетъ

между вами" (1). Затѣмъ Иродіонъ вставляетъ отъ себя нѣсколько строкъ, гдѣ перечисляются разныя добродѣтели, къ исполненію которыхъ святой на смертномъ одрѣ увѣщевалъ братію. Сказавъ далѣе, что преподобный намѣтилъ приемникомъ себя, по игуменскому званію, того изъ четверыхъ старцевъ (Исаія, Никодимъ, Леонцій и Иродіонъ), котораго изъ нихъ угодно будетъ назначить архіеп. Макарію, и заповѣдалъ братіи относиться съ уваженіемъ къ новому начальнику, — біографъ обращается къ житію препод. Сергія, откуда дословно выписываетъ приводимую Пахоміемъ предсмертную бесѣду святаго къ братіи. Отъ этого источника онъ потомъ переходитъ къ новому, — къ житію препод. Кирилла Бѣлозерскаго и изъ устава этого святаго выбираетъ завѣщаніе относительно вина. Послѣ такой выписки Иродіонъ снова раскрываетъ житіе препод. Сергія и заимствуетъ дословно его послѣднія слова къ братіи: Далѣе приводитъ, тоже вѣроятно заимствуя изъ житія какаго нибудь другаго святаго, завѣщаніе препод. Александра братіи бросить его тѣло по смерти въ болото и тамъ затоптать; приводится отвѣтная рѣчь иноковъ. Снова идетъ буквальная выписка изъ житія препод. Варлаама Хутыискаго, причѣмъ Иродіонъ допустилъ для красоты и отъ себя нѣсколько словъ.

Описаніе погребенія препод. Александра, изображеніе душевной скорби братіи по почившемъ игуменѣ — Иродіонъ съ буквальною точностію взялъ у Пахомія, изъ житія препод. Сергія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію сказаній о чудесахъ препод. Александра Свирскаго. Выше мы уже имѣли случай показать, что и въ разсказѣ о чудесахъ Иродіонъ позволялъ себѣ дѣлать дословную компіляцію съ труда Пахомія Логоета; такой приемъ онъ допустилъ не только при описаніи чуда препод. Александра надъ женою разслабленной, но и при изображеніи многихъ другихъ чудесъ. Такъ для описанія чуда препод. Александра "О слѣпой женѣ, како исцѣлѣ у гроба", Иродіонъ рабски воспользовался Пахоміевымъ разсказомъ, въ житіи препод. Сергія, о чудѣ надъ слѣпымъ прибавивъ отъ себя для живости рѣчи лишь только нѣсколько словъ, въ которыхъ женщина высказываетъ свое сокрушеніе

(1) См. сопоставленіе текстовъ въ приложеніи, № 11.

но поводу того, что не могла дойти до гроба святаго; всѣмъ своимъ тѣсноты собравшимся въ монастырь „богомощцевъ“. Не можемъ не привести здѣсь параллельнаго сопоставленія тѣснотъ какъ изъ разсказа Иродіона объ этомъ чудѣ, такъ и изъ разсказа Пахомія объ упомянутомъ чудѣ препод. Сергія.

„ЧУДО СВЯТАГО СЕРГІЯ ОСЛѢПОМЪ“
(Реп. № 499, л. 409 на об.).

Человѣкъ пѣкій страненъ слѣпотою одержимъ, водимъ милостыни проси, отъ седми лѣтъ ничтоже види. Слышавъ яже отъ святаго бывающая чудеса у гроба его, и приведе съ бысть во обитель празднику приспѣвшу святаго Духа спешствію. И множеству народа бывшу, оному нищему стоящу внѣ церкви, и водащему и отпешу пѣвія ради потребы, онъ же слышавъ пѣнія во церкви, плакаше липненія водащаго, еже внити въ церковь и доклонитися гробу святаго.

Скорый же въ помощѣхъ и готовый къ послушанію, блаженный Сергій явися ему тогда страннымъ образомъ и, за руку емъ, къ рацѣ приведе. Слѣ-

„ЧУДО ПРЕПОДОБНАГО АЛЕКСАНДРА О СЛѢПОЙ ЖИВѢ. КАКО ПЕЧАЛѢ У ГРОБА ЕГО“ (Реп. № 228, л. 84—85).

„Приде же нѣкогда во обитель святаго пѣкая жена, Анна именовемъ, страннаже быше, и слѣпотою одержима бѣ дѣла ничтоже видѣ, и слышавъ яже отъ святаго бывающая чудеса у гроба его; и приде въ монастырь Пречистыя Дѣвоначалыныя Троицы, празднику сущу, приспѣвшу въ то время святаго Духа спешствію. И множеству народа бывшу, оной же женѣ стоящи внѣ церкви, у гроба святаго; слышавши же ей пѣнія въ церкви пѣваема, и начатъ плакати липненія своего, яко не могущи ей прийти ко гробу святаго, многого ради множества народа, и сего ради начатъ велимъ гласомъ вопити и глаголати: горе мнѣ странницѣ убозѣй, яко не сподобихся прийти и доклонитися святому гробу его“. Скорый же въ помощѣхъ и готовый къ послушанію, блаженный Александръ явися ей во образѣ знаема нѣкогого старца, зваема Свѣтолана, и за руку

цнѣ же осязавъ, тожмо прикоснуся раки святаго, абіе прозрѣ, и видѣвъ всѣхъ, и знаемыхъ по образу познавши; и тако велимъ гласомъ благодареніе воздаяше святому о прозрѣніи своемъ. И видѣвши вси множество народа возрадовашася о бывшемъ чудеси и прославиша Бога, и во вся страны проповѣдающе святаго Сергія чудеса. Исцѣлѣвый же неотступно пребысть во обители святаго раба божія братіямъ“.

емъ, къ радѣ приведе. Она же осязаніемъ тожмо прикоснуся раки святаго, и абіе прозрѣ; и увидѣ всѣхъ, и знаемыхъ по образу познавши; и тако велимъ гласомъ благодареніе воздаяше святому о прозрѣніи своемъ. И видѣвши вси дивное чудо множество народа возрадовашася о бывшемъ чудеси и прославиша Бога, и во вся страны проповѣдающе святаго Александра чудеса. И исцѣлѣвшая жена отиде въ домъ свой радуясь, слава Бога, и угодиша Его, святаго Александра“.

При описаніи „Чуда о женѣ, како исцѣлѣ молитвами святаго“ (1), Продіонъ пользовался рассказомъ Пахомія „О исцѣлѣвшемъ мужи молитвами святаго Сергія“ (2).

Описаніе „Чуда святаго о женѣ разслабленнѣй“ (3), помимо самыхъ первыхъ строкъ, гдѣ приводится обозначеніе мѣстности, въ которой жила женщина, и указывается имя послѣдней и ея мужа, сначала представляетъ буквальную компиляцию уже съ сейчасъ упомянутого, тоже компилятивнаго, рассказа о чудѣ („О женѣ, како исцѣлѣ молитвами святаго“). Фактическая разность въ изображеніи чуда надъ разслабленной женщиной, сравнительно съ тѣмъ рассказомъ, состоитъ въ слѣдующемъ.— Тамъ упоминаемая женщина получила исцѣленіе у себя дома, какъ только изъявила желаніе посѣтить обитель святаго. Родственники разслабленной также дали обѣщаніе привести её въ монастырь препод. Александра, на праздникъ Сошествія св. Духа; наступилъ день праздника, жена пожелала помолиться у гроба святаго,

(1) Ркз. № 228, л. 86—87.

(2) Минея, Четв. Сентябрь. Ркз. 499, л. 390.

(3) Ркз. № 218, л. 93 (на обор.— 96).

но встрѣтила препятствіе со стороны мужа. „И се“, повѣству-
 етъ Иродіонъ, „пришедши нѣкая Божія сила и вземъ за ру-
 ку жены тоя, и поразѣ ю въ лице ея своею ея рувою, и
 приле рува къ лицу ея, и щоку ея искривило баше опакѣ,
 и падши на землю, и бысть яко мертва лежаци и безглас-
 сна, и нападе страхъ на вся ту предстоящия сердободи ея.
 Сей же лежаци безгласнѣ и трепещущи на много часъ, и
 внезапно явися святый, глаголя: како ми еси солгала и пре-
 ступила заветъ свой, не приде на праздникъ въ монастырь
 мой помолитися, а сего ради злѣ мучима будещи“. Далѣе слѣ-
 дуетъ отвѣтная рѣчь разслабленной женщины. Слова, какия
 влагаетъ въ ея уста Иродіонъ, суть ни что иное, какъ
 буквальная выдержка изъ Пахоміева разсказа въ житіи препод.
 Сергія „О воиждѣ избавленномъ отъ поганыхъ“ (1), именно
 повтореніе рѣчи воина, съ какою онъ обратился къ дрепод.
 Сергію, когда былъ застигнутъ татарами. Приводимъ здѣсь
 въ параллели эти мѣста, чтобы нагляднѣе видѣть, гдѣ и
 какъ Иродіонъ отстудаетъ отъ своего подлинника, замѣняя
 отдѣльныя слова другими.

изъ житія препод. Сергія Ра-
 донезскаго.

Той же увы, всячески жи-
 вота своего отчаявся, ничтоже
 надежно имѣя, ко избавленію,
 укораша себе о раскаяніи обѣ-
 та, еже ко святому, и срам-
 лящеса прочее призывать, свя-
 таго Сергія, да помощь, сице
 глаголя: въ дравду азъ, ока-
 янный умираю, не сохранивъ
 обѣта, еже къ тебѣ, святый
 Сергіе: аще не прогнѣваещи-
 ся, святе, въ конецъ и уни-
 лосердишися на мое недосто-
 инство, губо и предлавно
 покажиши своя чудеса. Уже
 бо пави, не могу солгати, се

изъ житія препод. Александра
 свирскаго.

Жена же лють вопіяше:
 увы всячески живота своего
 отчаявся, и ничто же надежно
 имѣяше ко избавленію, укор-
 яше себе о раскаяніи обѣта,
 еже ко святому, и срамляше-
 ся прочее призывать святаго
 на помощь; сице глаголаше:
 яко въ правду азъ, окаянная,
 умираю, не сохранивъ обѣта,
 еже къ тебѣ, рабе Божій,
 аще не прогнѣваещиши, святе,
 въ конецъ и унилосердишися
 на мое недостойнство, те губо
 и предлавно покажиши
 своя чудеса. Уже бо пави

бо безотвѣтенъ есмь и студа
исподнихся, ии своя добро-
цѣтующія юности разлучаюся
злѣ; тако ему горько съ ры-
даніемъ плачущаго

отому не могу солгати тебѣ,
же бо безотвѣтна есмь и студа
исподнихся, ии своего живота
завѣ разлучаюся и чаюгда
горько сърыданіемъ плачущаго

Велѣдъ за этиль въ разказѣ Пахомъ говорится, что
„звѣровиднѣи“ (татары), нахъ брѣвѣвшіеся убитъ молодого во-
ина, въ отвѣту кротость преложишася, яко изумлени остави-
ша его; ничтоже отъ рана възложиша на нѣ. Иродіонъ же
въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія сообщаетъ, что на
раскааніе женщины святой отвѣтитъ словами: „аще хощеша
исцѣленіе получитьи, то иди въ монастырь святыя Живонач-
чайныя Троицы, и тамо исцѣленіе получиши“. Пробудив-
шись отъ сна, разслабленная стала просить родственниковъ,
чтобы они отвезли ее въ гробу преподобнаго; тѣ согла-
сились. И когда, во время пути отъ села своего къ мо-
настырю, на разстояніи пяти поприщъ, разслабленная по-
чувствовала себя вполне здоровою, родственники возрадова-

лись „и тако скоро притече
во обитель святого, боася, да
некако паки тажчайше нѣчто
постраждетъ. И пришед-
ши въ монастырь, припаде
ко гробу святого, и начатъ
со слезами молитися благо-
дарю тя, отче преподобне, яко
не презрѣ моленія моего. И
такое молебная совершивше, и
конечнѣ исцѣленіе получи
И исповѣда всѣмъ великая
Божія чудеса и скорое засту-
пленіе и милость славнаго въ
чудесѣхъ, святого отца Але-
ксандра, бывшее на ней ми-
лосердіе, яко ча долбоыва отца,
и въ радости мнози обლობыа
раку святого, и отиде въ
домъ свой, слава Бога и угодо-
ника Его, святого и великаго
въ чудесѣхъ Александра“.

„... и тако скоро притече
во обитель святого, боася, да
некако паки тажчайше нѣчто
постраждетъ.

лись „и тако скоро притече
во обитель святого, боася, да
некако паки тажчайше
что постраждетъ. И пришед-

И исповѣда всѣмъ великая
Божія чудеса и скорое засту-
пленіе, и милость славнаго въ
чудесѣхъ святого Сергія; быв-
шее на немъ милосердіе, яко
же чудоблюбива отца, и въ
радости мнози обратю утре-
дивъ и милостивно влани, обло-
быа раку святого, и отиде
въ домъ свой, слава Бога и
угодника Его, святого вели-
каго въ чудесѣхъ Сергія“.

И исповѣда всѣмъ великая
Божія чудеса и скорое засту-
пленіе и милость славнаго въ
чудесѣхъ, святого отца Але-
ксандра, бывшее на ней ми-
лосердіе, яко ча долбоыва отца,
и въ радости мнози обლობыа
раку святого, и отиде въ
домъ свой, слава Бога и угодо-
ника Его, святого и великаго
въ чудесѣхъ Александра“.

И исповѣда всѣмъ великая
Божія чудеса и скорое засту-
пленіе, и милость славнаго въ
чудесѣхъ святого Сергія; быв-
шее на немъ милосердіе, яко
же чудоблюбива отца, и въ
радости мнози обратю утре-
дивъ и милостивно влани, обло-
быа раку святого, и отиде
въ домъ свой, слава Бога и
угодника Его, святого вели-
каго въ чудесѣхъ Сергія“.

И исповѣда всѣмъ великая
Божія чудеса и скорое засту-
пленіе и милость славнаго въ
чудесѣхъ, святого отца Але-
ксандра, бывшее на ней ми-
лосердіе, яко ча долбоыва отца,
и въ радости мнози обლობыа
раку святого, и отиде въ
домъ свой, слава Бога и угодо-
ника Его, святого и великаго
въ чудесѣхъ Александра“.

При описаніи „Чуда святаго о мужи разслабленнѣмъ“, біографъ препод. Александра пользуется сказаніемъ Пахомія въ житіи препод. Сергія „О юноши сухорукомъ“ (1). По обычаю, въ началъ разсказа авторъ обозначаетъ имя мужа, надъ которымъ совершилось описываемое чудо, мѣсто его жительства и время продолжительности болѣзни; далѣе идутъ фразы, особенно любимыя этимъ біографомъ, повторяемыя имъ во многихъ разсказахъ о чудесахъ препод. Александра: „слышавъ яже отъ святаго бывающая чудеса у гроба его, и помышляше въ себѣ: како бы ему достигнути во обитель святаго отца Александра и у гроба его исцѣленіе получить“ (2). Послѣ этого заноситъ въ свое повѣствованіе изъ Пахоміева сказанія „О юноши сухорукомъ“ слѣдующія слова: „и тебѣ ради странствуя по многимъ странамъ, Христа ради, трудяся тѣломъ своимъ“ (3). Разсказъ Пахомія затѣмъ передаетъ, что сухорукій юноша прибылъ въ весь дѣкую Сергіева монастыря, гдѣ и явился ему препод. Сергій. Событіе, описываемое Иродіономъ, происходитъ нѣсколько иначе: недолго послѣ поприщъ до обители святаго и сильно изнемогши отъ болѣзни, мужъ разслабленный началъ взывать къ преподобному: „преподобный Александръ! помози ми и избави мя отъ недуга сего“. „О великое чудо! восклицаетъ Иродіонъ, „только въ мысли своей помянувъ святаго, и абіе явися...“ Стн этого слова онъ опять продолжаетъ библейскую выписку изъ Пахоміева разсказа о сухорукомъ, избѣнивъ выраженіе подлинника: „иди во обитель, юже слышалъ еси Сергіеву и видѣлъ“, — такимъ образомъ: „иди въ монастырь святаго Живовначальни Гроицы, и у гроба моего приложишися“. Конечн разсказа, гдѣ говорится о прибытіи больного въ монастырь, чтобы воздать благодарность святому за исцѣленіе, Иродіонъ по всей вѣроятности, взялъ тоже у Пахомія, изъ описанія втораго чуда „о Захаріи Бороздинѣ“ (4).

Дальнѣйшее въ житіи препод. Александра чудо о жетнѣ разслабленнѣмъ (5) по описанію имѣетъ весьма много буквеного сходства съ сейчасъ разобраннѣмъ разсказомъ.

— на Z —

(1) Ср. Рук. № 228, л. 96 на обор. — 97, Рук. № 499, л. 211 на обор. — 212.

(2) Ср. Рук. № 228, л. 97 на обор. и Рук. № 499, л. 205.

(3) Рук. № 228, л. 97 на обор. — 99.

(4) Рук. № 228, л. 97 на обор. — 99.

Пользуясь, большею частию рабска, житієм препод. Сергія какъ при передачѣ біографическихъ свѣденій о препод. Александрѣ, такъ и при описаніяхъ его посмертныхъ чудесъ, Иродіонъ иногда проникался столь великимъ уваженіемъ въ Пахоміеву произведенію, что нѣкоторые мѣста послѣдняго выписывалъ не одинъ разъ, хотя бы и для обрисовки далеко не однородныхъ фактовъ. Такъ сказаніе „О юноши сухо-рукомъ“ онъ компилируетъ, описывая чудо „О мужи разслабленнѣмъ“; понятно, что отнестись вполнѣ пассивно въ Пахоміеву повѣствованію о сухорукомъ, при разсказѣ о разслабленнѣмъ, было для Иродіона не возможно, а потому онъ и сдѣлалъ оттуда выборку только наиболѣе подходящихъ мѣстъ. Совершенно иначе поступилъ Иродіонъ съ тѣмъ же разсказомъ Пахомія при описаніи „чуда святаго о нѣкоемъ юноши, разслаблену руку имущемъ, како исцѣлѣ у гроба его“. Очевидно, послѣднее чудо по своему фактическому содержанию должно было представлять болѣе сходства съ сказаніемъ Пахомія о сухорукомъ; а потому Иродіонъ нашелъ вполнѣ удобнымъ, при описаніи его, воспроизвести опять это сказаніе Пахомія уже съ болѣе буквальною точностію. — Здѣсь сходство между обоими описаніями начинается съ перваго же слова, съ самого приступа въ разсказу. Затѣмъ идетъ обозначеніе имени юноши, котораго касалось чудо, мѣста его жительства, продолжительности времени, въ какое онъ страдалъ болѣзнію руки. Въ разсказѣ Пахомія слова „и того ради странствуя по многимъ странамъ, Христа ради тружаяся тѣломъ своимъ“, поставленіи въ причинную зависимость отъ смысла предъидущей фразы: „и нѣя суху руку, за осжѣ лѣтъ прикорченѣ въ ребрамъ его“. Въ повѣствованіи Иродіона тѣже слова являются наиболѣе соответствующими ходу рѣчи. — Юноша Аванасій жилъ у нѣкоего архіепископа болгарина Андрея. Когда заболѣла рука и Аванасій не могъ работать, то бояринъ отослалъ его отъ себя, какъ человѣка ненужнаго. „И того ради“, продолжаетъ Иродіонъ, прилаживая слова Пахомія къ своему разсказу, „помысли въ себѣ странствовать по многимъ странамъ, Христа ради тружатиася тѣломъ своимъ“. Далѣе слѣдуетъ уже буквальная компиляція подлинника, но съ обычнымъ, отъ лица Иродіона, добавленіемъ словъ обращенія юноши къ препод. Александрѣ и за „выпускомъ строемъ, по самой сущности ихъ смысла совершенно непригодныхъ для біографа

Сверскаго: Разбирая произведение Иродіона, мы, какъ въ биографической его части, такъ и въ отдѣлѣ сказаній о чудесахъ, оставляли свое вниманіе только на болѣ крупныя компилятивныя мѣста, которыя особенно бьютъ въ глаза, оставляя въ сторонѣ заимствованія мелкія, — какъ то отдѣльныя фразы и обороты рѣчи. Теперь изъ ряда чудесъ, описанныхъ Иродіономъ, беремъ такое, которое рѣшаемся разобрать съ полнѣйшею подробностію, „Чудо святаго о жєнѣ Евдраксіа“⁽¹⁾. При описаніи этого чуда, Иродіонъ пользовался рассказами Пахомія Логоета — „О Игнатіи архимандритѣ“ и „О Захаріи Бороздинѣ“ (два разсказа)⁽²⁾, но пользовался далеко не такъ, какъ при повѣствованіи о другихъ событіяхъ, напр. о поставленіи мельницы, заноса въ свое компилятивное произведеніе цѣлыя страницы изъ житія преп. Сергія; въ данномъ случаѣ этотъ биографъ является усердно-дропотливымъ компиляторомъ: онъ роется въ поименованныхъ разсказахъ Пахомія, переписываетъ страницы ихъ впередъ и назадъ, прискивая для себя подходящую фразу, отдѣльное выраженіе и періодъ.

Слова приступа въ разсказу — „полезно есть и сіе повѣдати“ взяты Иродіономъ изъ сказанія о Игнатіи архимандритѣ, дальнѣйшія строки, съ перемѣною названій, изъ сказанія о Захаріи.

изъ житія препод. СЕРГІЯ
(Ркп. № 499, л. 402—403).

„Бысть убо нѣкій вельможа
Захарія именемъ, старѣй вель-
можа граду Твери, жилище
имый яко двѣсти поприць, отъ
обители святаго“.

изъ житія препод. АЛЕКСАНДРА
(Ркп. № 228, л. 99).

„Бысть убо нѣкій мужъ Фи-
фиппъ именемъ, жилище
имый въ нѣкоей веси, ей же
имя Инокѣвницы, яко а по-
приць отъ обители святаго“.

Далѣе идетъ заимствованіе изъ втораго чуда о томъ же (т. е. Захаріи).

(1) Ркп. № 228, л. 99—100.

(2) Минея Четья, Сентябрь. Ркп. № 499, л. 401 на обор. — 402—406.

случилось ему въ болѣзнь такую зубную впасти и только болѣзнь его множащися, яко мѣсти и челюстемъ его сокрушиться“... (Минея Четья. Сентябрь. Ркп. № 499, л. 403 на обор.).

Слѣдующія выраженія: „во едину же отъ нощей немощная она жена помяну блаженнаго святаго старца Александра, колика исцѣленія творить Богъ его ради“ — списаны съ Пахоміева разсказа о Симеонѣ Антоновѣ⁽¹⁾. На взглядъ читателя таковой нашъ разборъ описанія Иродіономъ чуда о женѣ Евпраксіи можетъ, съ перваго раза, показаться страннымъ и почестся за излишнее критическое отношеніе къ фразамъ; на самомъ дѣлѣ мы далеки отъ придирчиваго отношенія къ разсматриваемому сказанію. Наше положеніе несомнѣнно подтверждаютъ слѣдующія, дальнѣйшія въ данномъ разсказѣ, строки, которыя Иродіонъ взялъ съ буквальной точностію у Пахомія изъ сказанія о Захаріи Бороздинѣ: „И во единъ убо отъ днй восхотѣ (женщина Евпраксія) пойти въ монастырь святаго и во гробу его приложиться, и благодареніе воздати святому“. При чтеніи этого мѣста unavoidably возникаетъ вопросъ: за что Евпраксія намѣревалась, отправившись въ монастырь, воздать благодареніе святому? Контекстъ рѣчи не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго намека для разрѣшенія таковаго недоумѣнія. Странность и неумѣстность приведенныхъ словъ въ разсказѣ Иродіона для насъ будетъ понятна, если обратимся къ Пахоміеву сказанію о Захаріи и взять ихъ тамъ въ контекстѣ рѣчи:

Пахомій передаетъ, что вельможа Захарій, во время своей болѣзни, яко имѣи въру ко святому (Сергію), приимше отъ хлѣба трапезы обителя его, и на трапезѣ своей прежде свѣтлоу того вкушаше, и тако молитвою святаго облегчаваше болѣзнь его, и по малѣ времени здравъ бысть, не оста ничтоже болѣзни его въ немъ“⁽²⁾. За этими выраже-

⁽¹⁾ Ср. Ркп. № 228, л. 99 на обор. Минея Четья, Сентябрь. Ркп. № 499, л. 405.

⁽²⁾ Минея Четья. Сентябрь. Ркп. № 499, л. 403.

ниями у Пахомія и слѣдуютъ тѣ слова, которыя въ разсказѣ Иродіона являються совершенно непонятными; послѣдній вѣдѣть ихъ у Пахомія, очевидно вовсе не обративъ вниманія на ихъ содержаніе и связь въ рѣчи. У Пахомія исцѣленный даетъ обѣщаніе сходить въ монастырь и воздать благодареніе святому, а у Иродіона тоже самое дѣлаетъ больная.

Этотъ же причину объясняется неумѣстность въ разсказѣ Иродіона и дальнѣйшихъ словъ Пахоміева повѣствованія, которыя служатъ продолженіемъ вышеприведенныхъ, но поражаютъ читателя (чуда о женѣ Евпраксіи) еще большею странностію, становятъ его въ тупикъ, а въ составитель разсказа заставляютъ видѣть пассивнаго компилятора повѣствованій Пахомія, совершенно подрывая довѣріе къ атому описанію, потому что „гдѣкая Божія сила“ въ изображаемомъ Иродіоновомъ событіи быть больную женщину совершенно напрасно.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПАХОМІЕВА РАЗСКАЗА О ЗАХАРІИ БОРОЗДИНѢ.

„И тако день отъ дни помыслиающу ему, и въ забвеніе приде, якоже и во мнозѣхъ челоувѣцѣхъ случается; егда въ нужди есмь, тогда къ Богу приобѣгаемъ, и получивше избавленіе—благодѣянія не воспоминаемъ и не благодарни бываемъ; тако по сему образу и сіе бысть, во множествѣ мирскихъ поченей“...

Далѣе идетъ компиляція, впрочемъ съ незначительнымъ измѣненіемъ противъ подлинника, изъ Пахоміева сказанія о Игнатіи архимандритѣ; она продолжается до самого конца разсказа о чудѣ надъ женой Евпраксіей.

ИЗЪ РАЗСКАЗА „О ИГНАТІИ АРХИМАНДРИТѢ“.

„Въ ту же ночь пребышу ему, и восхотѣ урванити и ускорити въ путь свой, свѣтѣ“

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИРОДИОНОВА РАЗСКАЗА О ЖЕНѢ ЕВПРАКСІИ.

„И тако день отъ дни помыслиающу ей, и въ забвеніе приде, якоже во мнозѣхъ челоувѣцѣхъ случается; егда въ нужди есмь, тогда къ Богу приобѣгаемъ, и получивше избавленіе—благодѣянія не воспоминаемъ; такожде до сему образу и сіе бысть, и во множествѣ мирскихъ поченей“...

ИЗЪ РАЗСКАЗА „О ЧУДѢ НАДЪ ЖЕНОЮ ЕВПРАКСІЕЙ“.

„Во едину же нощь восхотѣвши урванити и востати на дѣло свое, якоже“

таго же гробу презрѣвъ по-
клонитися. Исходяшу же ему
изъ вратъ монастырскихъ, абіе
вси уди тѣла его разслаби-
шася, яко не мощи отъ мѣста
онаго никакоже двинутися.
И абіе разумѣвину болѣзни
своея, яко за еже презрѣвъ свя-
тому поклонитися, сице по-
страда. И тако принесше его
положиша у раки святаго. И
начать со слезами молитися
о согрѣшеніи своемъ. И абіе
въ той часъ здравіе пріятъ,
яко ничтоже пострадавъ. И
отъиде въ путь свой, хвала
Бога, и благодаръ велию воз-
дадъ святому. Иже бо не вос-
хотъ волею своимъ ногама
прійти, и абіе неволею при-
носимъ бываетъ. Тако Богъ
прослави угодника Своего,
повлажняющихся върою мо-
щемъ его милостивно проше-
ніе исполняетъ, а небрежу-
щихъ наказуетъ прочее бо-
ятися. Сіа бо отъ свидѣтеля
устъ написахомъ предъ нимъ
бывши.

есть обычай въ мѣрѣ живу-
щимъ. И единою исходити ей
изъ дверей храминъ, и абіе
пришедши нѣкая Божія сила
невидимая, и начать бити ю
безъ милости, и вси уди тѣ-
леси ея разслабишася, яко
не мощи ей отъ мѣста онаго
никакоже двинутися. И абіе
же разумѣвину болѣзни сво-
ея, яко за еже презрѣвши ей
прійти во обитель святаго и
гробу его поклонитися, и сице
того ради злѣ пострада. И
тако приведше ю въ мона-
стырь и положиша у раки
святаго. И начать со слезами
молитися о согрѣшеніи сво-
емъ. И абіе въ той часъ здра-
віе пріятъ, яко ничтоже по-
страда. И молебная соверши-
ше, и тако вся неовѣдаеть
бывшая на ней. И отъиде въ
домъ свой, хвала Бога, и бла-
годаръ велию воздадъ святому.
Иже бо не восхотъ волею
своима ногама прійти, и абіе
же и неволею приводима бы-
ваетъ. Тако Богъ прослави
угодника Своего, повлажняю-
щихся съ върою мощемъ его
милостивно прошеніе испол-
няетъ, а небрежущихъ наказуя
прочее боятися Бога. И о семъ
тако бывшу....

Относительно описанія Иродіономъ остальныхъ чудесъ
препод. Александра нельзя не замѣтить, что въ каждомъ
изъ нихъ можно встрѣчать не мало отдѣльныхъ выраженій,
чаще инорда и цѣлыхъ періодовъ, которые буквально взяты изъ
жизни препод. (Сергія), особенно много сходнаго съ этими

житіемъ можно находить въ послѣднихъ стрѣкахъ Иродіонова доѣствованія объ извѣстномъ чудѣ (1). Почти о каждомъ больномъ Иродіонъ любитъ сказать такъ: „впаде въ болѣзнь тяжку зѣло, яко ни пици, ни сна причаститися“; или: „ведьми боляше на мнози дни, и отъ зѣльвныя тоя болѣзни къ концу живота приближашеся (яко и живота отчаятися);... и тако пришедь во обитель святаго, припадъ ко гробу его моляшеся, глаголя (2)... и абие въ томъ часѣ здравіе получи“ (3), или: „бысть здравъ, яко николиже болѣ“ (4)... „яко ничтоже пострада“. Или: „и тако пришедь во обитель святаго, цѣние благодаренія Господеви воздавъ и раку святаго честно, со слезами обლობавъ, и содѣянная чуднымъ Александромъ священному собору, еже на немъ собывшася, вся исповѣда, и отыде въ домъ свой радуяся и славя Бога“ (5). Особенно много сходнаго имѣють въ своемъ описаніи чудеса однородныя, наприм., рассказъ объ исцѣленіи одного разслабленнаго съ разсказомъ о другомъ разслабленномъ (6) и т. под. Слова обращенія къ святому отъ лицъ нуждающихся въ его чудесной помощи въ большинствѣ рассказовъ сходны до буквальности. Наприм., и Тимофей Апрѣлевъ, и Богданъ Курюковъ, и Яковъ— „мужъ отъ града Корѣльска“ въ одинъ голосъ говорятъ препод. Александру: „помилуй мя, рабе, Божій, и моли о мнѣ Бога, да ми подастъ Богъ плодъ чрева мужеска полу, святыхъ ради молитвъ твоихъ“ (7). И о томъ, и о другомъ, и третьемъ заключительныя слова рассказовъ одинаково буквально передаютъ: „по лѣтѣ же нѣкоемъ приде паки преждереченный мужъ въ монастырь святаго, довѣдая преподобному, еже дарова ему Богъ отрока мужеска полу, молитвами святаго. И много о семъ благода-

(1) Сравн. Ркп. № 228, л. 87 и Ркп. № 499, л. 101 на обор. № 228, л. 101 на обор.—102 и Ркп. № 499, л. 409 и друг.

(2) См. Ркп. № 228, л. 65 на обор., 87, 88, 89, 90, 96.

(3) См. Тамъ же, л. 86, 87, 88, 89, 90 на обор., 93, 97 на обор., 98 на обор.

(4) См. Тамъ же, л. 86, 87, 89, 93.

(5) См. Тамъ же, л. 97 на обор., 96, 99, 106, 109.

(6) См. Тамъ же, л. 89 на обор.—90, 93 на обор.—94, 96 на обор.—97.

(7) См. Тамъ же, л. 65 на обор., 67, 70, 100 на обор., 101.

реніе воздавая Богу и Его угоднику, великому въ чудесѣхъ, яко родися ему отроча по пророчеству святаго. И братію добрѣ учредитъ, и милостыню многу вдавъ, отъиде въ домъ свой радуясь и слава Бога* (1).

Мы сдѣлали подробный разборъ житія препод. Александра Свирскаго, и именно по тѣмъ самымъ источникамъ, на основаніи которыхъ оно составлено, но о которыхъ совершенно умалчивается биографъ. Прямой, естественный выводъ изъ всего сказаннаго является слѣдующій. Житіе это незаконно считается вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительной жизни препод. Александра; преосвящ. Филаретъ, графъ М. Толстой и г. Ключевскій, полагаясь на библиографическія свѣденія, сообщенныя самимъ составителемъ этого памятника, игуменомъ Иродіономъ, неосновательно признаютъ это агіографическое произведеніе, заслуживающимъ довѣрія; замѣчаніе г. Ключевскаго, будто „источники, на основаніи которыхъ составлялъ житіе препод. Александра Иродіонъ, внушаютъ довѣріе къ его обширному труду“, должно быть понимаемо совершенно въ превратномъ смыслѣ. Житіе препод. Александра хотя и составлено очевидцемъ этого святаго, преемникомъ по званію игумена Свирской обители и вскорѣ послѣ смерти преподобнаго, всего менѣе есть изображение дѣйствительной жизни описываемаго лица; это скорѣе буйвальная, и притомъ не вездѣ удачная, копія жизни св. подвижниковъ другихъ мѣстностей, именно—препод. Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго и Θεодосія Печерскаго. Чисто историческихъ свѣденій о препод. Александрѣ трудъ игумена Иродіона даетъ весьма мало; они совершенно заглѣплены красками, взятыми у Пахомія Логоета, и въ болѣе части—такъ прочно, что отдѣлать эту чужую окраску, чтобы пріобрѣсти хотя и незначительныя, вполнѣ вѣрныя, данныя объ этомъ подвижникѣ,—слишкомъ трудно, да и едва ли возможно. Житіе препод. Александра не представляетъ намъ даже первоначальной исторіи Свирскаго монастыря и сообщаетъ самыя скудныя, темныя свѣденія объ этомъ предметѣ. „Любопытныя подробности, которыя, на взглядъ г. Ключевскаго, „придаютъ значеніе“ біографіи препод. Александра, вовсе не составляютъ произведенія Иродіона, а списаны имъ

(1) См. Тамъ же, ч. 67 на обор., ч. 101 на обор.

съ трудовъ Пахомія Логоета; да и трудно ожидать любопытныхъ подробностей въ произведеніи такого біографа, который не могъ составить самостоятельнаго описанія, наприм., факта „поставленія препод. Александра на священство“. Если въ чемъ и проявились авторскія способности Продіона, такъ развѣ только въ рѣчахъ, какія онъ приводитъ отъ имени разныхъ лицъ, встрѣчающихся въ разказахъ; въ остальномъ же онъ является почти всегда компиляторомъ трудовъ Пахомія, или же пишетъ при помощи типическихъ чертъ и риторическихъ приемовъ. Біографы другихъ св. подвижниковъ обыкновенно прибѣгаютъ къ риторикѣ житейной, къ общимъ и, типическимъ чертамъ, при описаніи малоизвѣстныхъ періодовъ жизни святаго; но Продіонъ является рабскимъ компиляторомъ во всѣхъ частяхъ своего произведенія, усердно продолжая списывать съ трудовъ Пахомія до самаго окончанія сказаній о чудесахъ святаго, и притомъ нигдѣ не указываетъ настоящихъ источниковъ, по которымъ составлялъ біографію препод. Александра. Читая это житіе и находя въ немъ массу дословныхъ заимствованій изъ житій другихъ св. подвижниковъ, нельзя не удивляться, какъ оно могло выдти изъ подъ пера очевидца описываемаго святаго? Чѣмъ объяснить внутреннія несообразности и противорѣчія, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ житія? Что заставило Продіона буквально переписывать, наприм., сказаніе Пахомія о явленіи Богоматери препод. Сергію, чтобы передать „сказаніе о видѣніи Пресвятыя Богородицы, како явися святому на основаніи церкви честнаго Ея Покрова“? Неужели человекъ, стоявшій такъ близко къ препод. Александру, писавшій вскорѣ послѣ его смерти, бывшій его ученикомъ, постриженникомъ и преемникомъ по игуменскому званію, на самомъ дѣлѣ не зналъ изъ его жизни ничего такого, что бы могъ передать своими словами? Причиной всего этого только и можно считать развѣ то, что авторъ, задавша цѣлю свою, можетъ болѣе прославить своего святаго учителя и для этого, обратившись къ трудамъ самаго образцоваго біографа Пахомія, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, которые изображали жизнь, такъ сказать, отцовъ иночества, пользовавшихся всероссійскимъ чествованіемъ, позаботился отождествить жизнь своего святаго съ жизнью тѣхъ лицъ.

IV.

Въ тѣсной связи съ житіемъ препод. Александра Свирскаго стоитъ жизнеописаніе препод. Александра Ошевенскаго ⁽¹⁾. Какъ и первое, оно признается также вполне достовернымъ агіографическимъ памятникомъ. Превосвщ. Филаретъ ⁽²⁾, описывая жизнь препод. Александра Ошевенскаго на основаніи рукописнаго житія, очевидно придаетъ послѣднему значеніе надежнаго источника для біографіи преподобнаго. Г. Ключевскій называетъ это житіе (рукописное) „обширнымъ и превосходнымъ по содержанію, представляющимъ много любопытныхъ подробностей о жизни святаго“ ⁽³⁾. Такіе взгляды упомянутыхъ ученыхъ на этотъ памятникъ произошли отъ довѣрчиваго отношенія къ словамъ составителя этого произведенія. Но уже при разборѣ житія препод. Александра Свирскаго мы видѣли и имѣли возможность наглядно убѣдиться, что къ свидѣтельству біографовъ относительно источниковъ, по которымъ они составляли жизнеописанія святыхъ, слѣдуетъ относиться довольно осмотрительно.

Свѣденія о жизни Александра Ошевенскаго начали записывать скорѣ послѣ его смерти († 1479 г.). При игуменѣ Максимѣ (1483—1485), братъ препод. Александра—Леонидъ „повелѣ клирикомъ писати житіе преподобнаго Александра, понеже онъ вѣдый извѣстно житіе его и пророчества святаго вся сбывшася“ ⁽⁴⁾. Такъ какъ было приказано писать о жизни святаго не одному какому нибудь лицу, то можно полагать, что эта первичная редакція была не что иное, какъ „памяти, записи“, родъ матеріала,—подобно многимъ первоначальнымъ редакціямъ другихъ жизнеописаній свя-

(1) Полное заглавіе его слѣдующее: «Мѣсяца Априліа въ К день Житіе и подвизы преподобнаго отца нашего Александра, составльшаго пречестенъ монастырь надъ рѣкою Чурьюгою, во области града Карговоля, близъ дышущаго моря окіана. Списано іеромонахомъ Феодосіемъ тояже обители». Ркп. Соловецк. библ. № 992, л. 24.

(2) Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно. Апрель.

(3) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 298—299.

(4) Ркп. № 992, л. 104 на обор.—105.

твѣхъ. Около 1530 года игуменъ Маркеллѣ, захвативъ много цѣннаго изъ монастыря, а также и книгу написаніе житія и чудесъ преподобнаго, отправился въ Москву; на дорогѣ онъ былъ убитъ и записки пропали; „велія же скорбь, замѣчаетъ позднѣйшій біографъ, баше во обители блаженнаго во оставшей братіи, еже оставшимся безпамятнымъ житія и чудесъ святаго“ и.л. „оттого была безъ написанія“ (1).

Трудъ составленія новаго Житія принялъ на себя въ 1567 г. одинъ изъ иноковъ Ошевеновой обители—іеромонахъ Θεодосій. „Сопровождающій біографію, по мнѣнію г. Ключевского (2), обстоятельный разсказъ „о происхожденіи ея“ отърывается; „нашимъ образомъ, „несмотря на 88 лѣтъ, отдѣляющихъ её отъ смерти Александра, дошло до автора столько любопытныхъ подробностей о жизни святаго“. Разсказъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Къ отцу Θεодосія, священнику села, гдѣ родился преп. Александръ, часто приходилъ племянникъ послѣдняго—Исаавъ, и будущій біографъ, въ то время еще только начинавшій учиться грамотѣ, слышалъ бесѣды своего родителя съ Исаавомъ о святомъ. Потомъ отецъ Θεодосія переселился на Онегу, въ село Подпорожіе, стоящее не вдалекѣ отъ Ошевенскаго монастыря; здѣсь посѣщали ихъ домъ и въ то время Корншія, итавшій диякономъ Леонидомъ, записки и самъ участвовавшій въ ихъ составленіи, а также дьякъ Иванъ, который много лѣтъ жилъ во обители преподобнаго; объ этомъ Иванъ Θεодосій замѣчаетъ, что онъ „многимъ чудесемъ святаго сказатель бысть“. Замышлявъ въ селѣ Подпорожій, во смерти отца, мѣсто священника и овдовѣвъ, Θεодосій постригся самъ въ Ошевеномъ монастырѣ; здѣсь онъ не нашелъ никакого писанія объ основателѣ обители, но засталъ „древнихъ иноковъ и сродниковъ святаго, и сии повѣдаша многа бывающа чудеса богоноснаго отца, ова явлена, ова же не явлена“. Пополнивъ ихъ разсказами свои сужденія о святомъ, Θεодосій и написалъ житіе преподобнаго.

Въ біографической части Θεодосіева произведенія дѣйствительно находится не мало любопытныхъ подробностей, на которыя укажетъ г. Ключевскій, но онъ, за весьма

(1) Тамъ же, г. 114.

(2) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 292.

малыми исключениями, не могут быть отнесены въ досто-
вѣрнымъ историческимъ свиданіямъ, такъ какъ дословно вы-
писаны главнымъ образомъ изъ Житія препод. Александра
Свирскаго. Трудъ іеромонаха Феодосія, особенно въ біогра-
фическомъ отдѣлѣ, представляетъ даже еще болѣе компиля-
тивную работу, чѣмъ вышеописанное компилятивное про-
изведеніе игумена Иродіожа, и источники, на основаніи ко-
торыхъ Феодосій описывалъ жизнь своего святаго, были, за
исключительными исключениями, вовсе не тѣ, какіе онъ ука-
зываетъ въ главѣ „О списавшемъ житіе преподобнаго Але-
ксандра“, и по которымъ г. Ключевскій, равно какъ и пре-
освящ. Филаретъ, заключаютъ означенныя важности этого
агиографическаго памятника въ отношеніи историческомъ.
Феодосій является компиляторомъ даже въ той части
своего произведенія, гдѣ, повидимому, онъ всего скорѣе бы
долженъ явиться самостоятельнымъ писателемъ; разумѣемъ
его „Сказаніе о списавшемъ житіе преподобнаго Алексан-
дра“ (1). Первая страница этого сказанія въ выраженіяхъ до
буквальности сходна съ Пахоміевымъ послѣсловіемъ къ жи-
тію препод. Кирилла Бѣлосерскаго (2); на слѣдующей стра-
ницѣ, гдѣ біографъ продолжаетъ распространяться о причи-
нахъ, побудившихъ его взяться за перо, идетъ уже дослов-
ная компиліція съ Иродіонова сказанія—О списавшемъ жи-
тіе святаго (3). Выразивъ затѣмъ обычную у біографовъ мысль,
что непростительно оставлять безъ написанія жизнь и чудеса
святыхъ, Феодосій говоритъ о себѣ такими житейными фра-
зами: „сіе мало ибѣ что писанію предахомъ, да не въ забвеніи
будеть по Божѣ добродѣтельное житіе святаго и въ да не
лишени будете таковаго дара. Списавшеса житіе святаго въ
пользу духовную хотѣщимъ своего списенія и ревновати
богоподобному житію его“. Въ дальнѣйшей рѣчи онъ довольно
самоуверенно говоритъ о себѣ, что знаетъ жизнь святаго
лучше другихъ и потому можетъ своимъ литературнымъ тру-
домъ принести пользу. Это то сознаніе и побудило его взять-
ся за трудъ составленія житія. Вслѣдствіе этого высказы-
вается другое побужденіе, — Феодосій принялся за перо по-

(1) Ркп. № 992, л. 174—179.

(2) Ср. Ркп. № 992, л. 174 и Ркп. № 249, л. 109.

(3) Ср. Ркп. № 992, л. 174 на обор. и Ркп. № 228, л. 110.

тому, что, подобно многим другимъ биографамъ, привелъ себя на память образъ лѣниваго раба, упоминаемаго въ Евангеліи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ бы опасается, что читатели могутъ посмотрѣть недозвѣрчиво на его произведеніе, а потому считаетъ необходимымъ вторично заявить о своемъ знаніи жизни святаго. Какъ Пахомій Логоветъ въ предисловіи къ житію препод. Кирилла Бѣлозерскаго (А) старается доказать читателю, что самъ хотя и иношемець, но имѣеть достовѣрныя свѣденія о святомъ и потому „писать правду“, такъ точно поступаетъ и инокъ Θεодосій. „Да никтоже помыслить сіе“, увѣряетъ онъ, „или глаголетъ, яко невѣдущу ему (Θеодосію) истинны о святѣмъ и не право писа, и вамъ же не буди сіе тако рещи: не убо азъ толико лѣтъ помня, еже писахъ, многа бо лѣта прешла суть по преставленіи его. . . . не дай же Богъ, еже лгати на святаго, не буди то“ (Б). Слѣдующія слова разсматриваемаго сказанія: „тѣмъ же желаніемъ и любовію ко святому якоже огнемъ распалаемъ, и великимъ усердіемъ, якоже нѣкіимъ долгимъ ужемъ, влекомъ“, составляютъ уже буквальную выписку изъ Пахоміева предисловія къ житію препод. Кирилла Бѣлозерскаго (В).

Непосредственно за этимъ сказаніемъ Θεодосій помѣстилъ другое (Г), о томъ, какъ ему являлся самъ преподобный, заставляя его писать свое житіе угрозами, и какъ дѣйствительно наказалъ его за смущеніе и нерѣшительность сначала ударомъ прута, а потомъ корченіемъ правой руки. Разсказъ этотъ указываетъ на новую причину, заставившую автора писать житіе, но въ то же время очевидно стоитъ въ противорѣчій съ тѣмъ, что говорится въ предъидущемъ сказаніи. Тѣмъ не менѣе мы находимъ здѣсь любопытныя подробности, въ которыхъ очень живо обрисовывается отношеніе биографа къ своему труду; онъ говоритъ намъ о смятеніяхъ, какія переживалъ онъ, мучимый съ одной стороны желаніемъ составить жизнеописаніе, а съ другой сознаніемъ слабости своихъ силъ къ самостоятельной производительности. Заслуживаетъ вниманія историка этотъ разсказъ

(А) См. Ркп. № 219, л. 23 на обор.—24.

(Б) Ркп. № 992, л. 176.

(В) Ср. Ркп. № 902, л. 172. Ркп. № 219, л. 24.

(Г) Ркп. № 992, л. 179—189.

еще, какъ прямое доказательство того, какъ биографъ, свидетель и участникъ смутныхъ событій изъ истории Ошвенцкой обители⁽¹⁾, не рѣшался комичать въ своемъ произведеніи иль описаніи въ настоящемъ полномъ видѣ, а старался иль скрыти и дѣйствительности придать иную окраску, сосредоточивъ свое вниманіе на изображеніи видѣній и явленій чудеснаго свойства.

Дѣйствительная причина, вызвавшая на свѣтъ появленіе житія препод. Александра Ошвенцкаго, высказана биографомъ въ слѣдующихъ словахъ: „списано же бысть житіе...

въ лѣто 308 (1567 г.), повелѣніемъ благовѣрнаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, ... по благословенію митрополита Антонія; сыскано епископомъ Варлаамомъ великопермскимъ и вологодскимъ, при митрополитѣ всея Русіи Филиппѣ, при архіепископѣ Пиминѣ великаго Новаграда и Пскова“⁽²⁾.

По какимъ бы впрочемъ побужденіямъ ни было составлено разбираемое Житіе, оно во всякомъ случаѣ не есть самостоятельное произведеніе Θεодосія, а представляетъ почти во всей своей биографической части переписку Житія препод. Александра Свирскаго.

Компилятивный характеръ его открывается съ самаго предисловія. Первые страницы этого предисловія написаны самимъ Θεодосіемъ, но представляютъ собою простой наборъ текстовъ изъ свящ. Писанія, не имѣющій въ себѣ ни логической связи, ни какой либо объединяющей мысли. Стройная рѣчь въ этомъ предисловіи начинается именно только тамъ, гдѣ Θεодосій дѣлаетъ буквальную выписку изъ Пахоміева предисловія къ житію преп. Кирилла Бѣлоозерскаго⁽³⁾.

Глава „О родителяхъ блаженнаго Александра и о рожденіи его“ представляетъ дословную копию съ житія препод. Александра Свирскаго⁽⁴⁾; вся разница заключается только

(1) Въ этомъ сказаніи, „между прочимъ, Θεодосій упоминаетъ о какомъ-то событіи слѣдующими краткими словами: „сво время же нѣкогда бысть въ монастырѣ роптаніе отъ нѣкихъ братіи, и азъ же совокупихся съ ними“. Ркп. № 992, л. 180.

(2) Тамъ же, л. 189—190.

(3) См. Тамъ же, л. 25 на обор.—26 и Ркп. № 219, л. 21—23.

(4) См. Тамъ же, л. 28 на обор.—29 Ркп. № 229, л. 13—4.

въ имевать, пропускъ и прибавленіи отдѣльныхъ выраженій. Θεодосій, какъ можно догадываться, не особенно глубоко вникалъ въ текстъ житія препод. Александра Свирскаго и потому, дѣлая изъ него компиляцію, выдалъ въ нѣкоторый странности. Въ житіи Свирскаго послѣ словъ „блаженная же Василиса поносима бѣ и оскорбляема бываше мужемъ звоимъ“—читаемъ: „въ скорби же и жалости величій обыва сущема о сихъ, и въ вождельній мнзѣи быше дупа ихъ о прижити чада. Вѣрная же и благонравная супруга, отвергше отъ себе печаль свою, и внидоша въ ложницу и обывище ставши на молитвѣ“ и проч. Θεодосій рѣшился нѣсколько измѣнить описанныя въ приведенныхъ словахъ обстоятельства, но не сладилъ съ такой работой. Онъ помялъ слова Иродіона— „она же вѣрная супруга и благонравная“ и проч. въ единственномъ числѣ и приложилъ ихъ къ одной матери своего святаго (1); затѣмъ, нимало не измѣняя рѣчи Иродіона, сталъ выписывать разсказъ о посвѣщеніи родителями Свирскаго храма Введенской Островской пустыни, приспосабливая этотъ разсказъ именно къ одной матери препод. Александра Ошевенскаго, но когда дошелъ до молитвы родителей Свирскаго о дарованіи чада, то забылъ, что повѣствовалъ о посвѣщеніи храма только одною матерію препод. Александра Ошевенскаго, и выписалъ молитву родителей Свирскаго дословно, при чемъ отъ себя сдѣлалъ къ ней только незначительное добавленіе (2). Молитва эта отъ молитвы, приводимой въ житіи Свирскаго, различается тѣмъ, что родители Свирскаго обращаются къ Господу, а родители препод. Александра Ошевенскаго—къ Пресвятой Богородицѣ; родители Свирскаго въ молитвѣ своей къ Господу припоминаютъ ветхозавѣстныхъ праведниковъ, которыхъ неплодство было разрушено послѣ обращенія ихъ къ Богу съ просьбою о дарованіи чада, родители же препод. Александра Ошевенскаго, обращаясь съ молитвою о чадородіи къ пресвятой Богородицѣ,

(1) Ръп. № 992, л. 29, на обор.—30.

(2) Оно заключается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «не намъ, Господе по имени Твоему даждь славу. Яко благословена еси отъ всѣхъ родовъ и славится твое пресвятое имя во вѣки, аминь». (Слова эти) слова взяты изъ утренней молитвы къ пресв. Богородицѣ.

указываютъ на Ея величіе и силу ходатайства предъ Христомъ Спасителемъ.

По житію препод. Александра Свирскаго, „нѣкое Божіе явленіе“, въ которомъ родителямъ преподобнаго возвѣщается объ имѣвшемъ отъ нихъ произойти дитяти, совершается ночью въ ихъ собственномъ домѣ; родители же препод. Александра Ошевенскаго получаютъ такое же извѣщеніе въ церкви Успенія пресв. Богоматери (1). Къ разсказу Иродіона Θεодосій прибавилъ, что мать препод. Александра Ошевенскаго не одинъ разъ ходила въ эту церковь просить пресв. Богородицу о дарованіи чада, но — „многажды“; самъ же беретъ только послѣдній фактъ посѣщенія матерію святой той церкви, причѣмъ снова влагаетъ въ ея уста молитву и затѣмъ приступаетъ къ описанію видѣнія. Въ житіи препод. Александра Свирскаго сказано, что родителямъ его авилось „нѣкое Божіе явленіе“; Θεодосій передаетъ о томъ же самомъ съ большими подробностями. Мать препод. Александра Ошевенскаго, произнесши молитву къ пресвятой Богородицѣ, „падаетъ ницъ, и отъ великаго плача яко во изступленіи ума бысть, или яко въ сонѣ сведена бысть. И абіе видитъ свѣтъ велій сіяющъ, и во свѣтѣ ономъ жену нѣкую свѣтообразну, на образъ же лица ея немощно зрѣти, яко на солнечную лучу, въ ризу же оболчена баграну, и множество съ нею святыхъ мужей въ бѣлыхъ ризахъ и старца нѣкоего свѣтолѣнна, сѣдинами украшена“ (2). Указывая на этого старца, чудная жена отвѣчаетъ на молитву матери Ошевенскаго буквально тѣми же самыми словами, какія, по сказанію Иродіона, слышать оба родители препод. Александра Свирскаго: „днесь добрая супруга радуйтеса и веселитеса“. Слѣдующія слова житія препод. Александра Ошевенскаго составляютъ особенность сравнительно съ житіемъ препод. Александра Свирскаго: „се бо, по прошенію вашему, симъ старцемъ подати вамъ имать Богъ отроча именовито, и Кирилль имя старцу тому прирече. И о семъ отрочати прославитеса имени Божію и Богъ прославить его, и мнози о немъ спасеніе улучать“. Далѣе снова идетъ дословная выписка изъ житія препод. Александра Свирскаго и продол-

(1) Ркп. № 992, л. 30 я 31.

(2) Тамъ же, л. 31.

жается до рассказа объ учении отрока. Здѣсь Феодосій рѣшился нѣсколько отступить отъ подлинника и представить фактъ иначе: объ Александрѣ Свирскомъ биографъ повѣствуетъ, что онъ учился „доско и нескоро“, а его сверстники — „спѣшнѣ“; у Феодосія же говорится напротивъ, что самъ препод. Александръ Ошевеновій „спѣшнѣ нѣвако“ научился и навыкъ божественному Писанію. Послѣ этого снова идетъ буквальное списыванье съ житія препод. Александра Свирскаго; какъ объ этомъ свѣтомъ, такъ и объ Александрѣ Ошевеновскомъ, биографъ въ одинъ голосъ говоритъ: „се же все бысть по смотренію Божію, яко да отъ Бога дастся ему книжный разумъ“ (1). Выходя за этии словами биографъ Свирскаго рассказываетъ о томъ, какъ преподобный удалился однажды во храмъ и тамъ молился о дарованіи божественной помощи въ трудномъ для него дѣлѣ: обученіи грамотѣ; затѣмъ описываетъ бывшее въ томъ храмѣ отроку „дѣлое“ Божіе явленіе“; обладавшииъ его успѣхомъ въ желаемомъ дѣлѣ, Феодосій, представивъ своего святаго скорѣе успѣшнымъ въ обученіи грамотѣ, разумѣется, не могъ повторить таковой расказа (дѣломъ); но въ тоже время обстоятельство чудеснаго обученія препод. Александра Свирскаго до такой степени ему понравились, что онъ неперемѣнно желалъ воспользоваться повѣствованіемъ Иродіона, и дѣйствительно: сдѣлавъ это съ помощію небольшого видоизмѣненія подлинника, вымолвилъ въ уста препод. Александра Ошевенова такую молитву, въ которой святой проситъ Господа „разумити его умъ, отверсти сердечныи очи, сказать безвѣстная и тайна“. Отвѣтомъ на эту молитву съ удобствомъ и послужило Иродіоновское „дѣлое явленіе“, въ которомъ Александръ Ошевеновій слышитъ буквально тѣже самыя слова, какіи слышитъ по сказанію житія и препод. Александръ Свирскій; на такую молитву объ успѣшномъ обученіи грамотѣ; дальнѣйшія обстоятельства, слѣдовавшія за чудеснымъ явленіемъ, какъ то: возвращеніе преподобнаго съ торжествующимъ лицомъ въ домъ родителей, встрѣча его послѣдними, ихъ радость, и наконецъ описаніе примѣрнаго поведенія оцѣвъ отрока и его крестическихъ подвиговъ, старанія родителей, особенно матери,

(1) Тамъ же, гл. 33. Ср. Ркз. № 228, л. 6. v. 1141—1145.

(2) Тамъ же, гл. 33—34. Ср. Ркз. № 228, л. 6. v. 1141—1145.

отложить сына отъ неволеизвннато его новому возрасту
 водержанн отъ нищи и сна, бесѣда отрова съ матерю по
 этому поводу, — Θεодосій уже прнмаеи доловне выписалъ
 изъ житія препод. Александра Свирскаго (1). Послѣ заклю-
 чительныхъ словъ („якоже хощеши, твори, гдѣо“); изъ бесѣды
 матери съ преподобнымъ относительно водержанн отъ ни-
 щи и сна, Θεодосій вѣставилъ еще разговоръ между этими
 лицами. Въ этомъ разговорѣ мать, подъ условнемъ тайны,
 открываетъ своему сыну о видѣнн, бывшемъ ей, въ церкви
 Успенн Богородицы. Огронъ приходить въ удивленн отъ
 словъ матери и говоритъ ей: „о мати моя! слышу чуждо си
 днлюся; разумю бо жену Пречистую Богородицу быти, но
 не вѣмъ—кто есть чудннй той старецъ, гдѣ есть живнще
 его; повѣдѣнн—жннн или нн; ндн нн; не окрой отъ мене, ма-
 ти, тайны снѣ“. Мать объяснла, что живнннйся ей старецъ
 былъ Кирилль, инокънъ Бѣлоозерскаго монастыря, что онъ
 давно преставллся и творитъ чудеса. Послѣ этого Θεодосій
 опять беретъ житнн препод. Александра Свирскаго и мани-
 наетъ отуда выписывать съ того мѣста; на которомъ вы-
 нужденъ былъ остановиться, чтобы передать сейчасъ изло-
 женный намъ разсказъ, дѣлая отъ себя нѣ разсказу, о под-
 видахъ Свирскаго только кой-какія добавленн. Къ словамъ
 біографа Александра Свирскаго: „яко въ шѣру мужа шрнде
 возрастъ его, роднше же его номышляку брану законно-
 му причтати“, — онъ прибавилъ: „бысть же (т. е. препод.
 Александръ Ошневскій) лѣтъ осмнцдсатъ“. Слова того жи-
 тнн (2): „длмшавъ во монастыри святаго бололнпнаго Христо-
 ва Прсображенн, шже есть на Валаамѣ“, онъ замѣнилъ вы-
 раженемъ: „слншалъ бо бѣ (Ал. Ошневскій) отъ матери
 своея ш отъ живѣль о монастырѣ Кирилла чудотворца“ и проч.
 Затѣмъ повѣствованнн Иродіона о встрѣчѣ препод. Алексан-
 дра Свирскаго съ иноками Валаамскаго монастыря, его бе-
 сѣду съ ними; а также разсказъ о шрходѣ одного изъ стар-
 цевъ вмѣстѣ съ Александромъ въ домъ епо. родителей, Θε-
 одосій опуздилъ и прнстлнлъ прямо къ ошсаннн удаленн
 препод. Александра Ошневскаго въ Бѣлоозерскій монастырь,
 гдѣ онъ боо

(1) Ср. Ркп. № 992, л. 34—38; Ркп. № 228, л. 6 ил обр.—8.

(2) Тамъ же) л. 80—81 и Ркп. № 228, л. 14, л. обр. 1)

описывавъ этотъ фактъ опять буквально словами биографъ Свирскаго, изъ разсказа объ удаленіи этого святаго на Валаамъ. Вся разница въ повѣствованіяхъ того и другаго биографовъ заключается единственно въ томъ, что въ житіи препод. Александра Свирскаго предъ удаленіемъ своимъ въ Валаамскую обитель святой проситъ у родителей позволенія сходить „до онещъ“ въ одну весъ, лежащую не вдалѣе трехъ поприщъ⁽¹⁾; а препод. Александръ Онеженскій у Θεодосія прямо заявляетъ о своемъ желаніи отправиться въ Кирилловъ монастырь помолиться. А въслѣдствіе этого Θεодосій, понятно, долженъ былъ обойти въ своемъ разсказѣ тѣ странныя житія препод. Александра Свирскаго, гдѣ повѣствуетъ объ обстоятельствахъ, случившихся съ этимъ святымъ на пути въ Валаамъ, наприм., объ его молитвѣ къ Богу о дарованіи ему спутника до желаемаго монастыря, и о явленіи ему такового нужнаго лица. Препод. Александра Свирскаго сопровождаетъ на Валаамъ одинъ „чуждый“ спутникъ; а препод. Александра Онеженскаго — нѣсколько; спутникъ того святаго, дошедши до Валаама, становится невидимымъ, а сопровождавшаго препод. Александра Онеженскаго входятъ вмѣстѣ съ нимъ въ монастырь и зацѣпляются прямо въ игумену⁽²⁾. Далѣе Θεодосій, подъ весьма сильнымъ вліяніемъ житія препод. Александра Свирскаго и общихъ чертъ типическаго характера, повѣствуетъ о святомъ слѣдующее. Во время бесѣды игумена Бѣлозерскаго монастыря съ спутниками препод. Александра, первый часто обращалъ свой взоръ на святаго, почувствовавъ въ немъ особенное расположеніе и прозвѣдуя, что на немъ водичаетъ благодать Божія. Когда спутники, поклонившись тропу препод. Кирилла, отправились домой, препод. Александръ удрался отъ нихъ, объявивъ только одному изъ нихъ среди, что самъренъ остался въ обители; въ своемъ родителямъ онъ послалъ письмо, въ которомъ испрашивалъ отъ нихъ позволенія пребывать нѣкоторое время въ Бѣлозерскомъ монастырѣ, общаеся всѣмъ опять возвратиться въ нѣкъ домъ „мнози бо“, убѣждалъ преисподній родителей склониться на свою просьбу, „здѣ служаще отъ боляръ и отъ вельможъ и отъ простыхъ людей, Бога ради

(1) Ср. Рѣч. № 931, г. 41—42 и Рѣч. № 226, г. 14—168—1.

трудолюбящая" (1). Получивъ письмо, родители, говорятъ Θεодосіѣ, словами біографа Александра Свирскаго, «велики одобрившася о своемъ сыну, плакашася по немъ, яко по мертвомъ»; сосѣди и ближніе пытались уговаривать ихъ не скорбѣть и не печалиться, доказывая отъ дядьма же, что снѣхъ ихъ ввѣрнулся, но не могли достигнуть своей цѣли. Утѣшить сѣтовавшихъ успѣлъ только старшій ихъ сынъ, Амвросій; онъ говорилъ, что младшій сынъ ихъ, оставшись въ монастырѣ, отвѣчался не на злое дѣло, но благое и правое, и не хотя погубити, и скрыти Богомъ данное таланта, но хотя дѣмъ привушь сотворити" (2).

Между тѣмъ отрокъ Алексѣй (мірское имя) препод. Александра Ошевскаго) приходитъ въ игумену и отвѣчаетъ ему вся, яже о себѣ; игумень, говоритъ Θεодосіѣ, повторяя слова Иродіона (3), «разумѣ, хотящую благодать явитися на немъ» и спросилъ: «хощеши ли, чадо, инокъ быти и Господи работати?» Алексѣй отвѣтилъ: «ей, отче, востыжну иже лаю, но еще не у время, понеже млада ми суиу; боюся общаго врага, запечнаго предѣла нашего, и многихъ святыхъ побелебаша, егда нѣкако окрадетъ мя... Однако онъ согласился пожити въ монастырѣ, около 3-хъ лѣтъ на службѣ братіи, чтобы искушить юность свою. Игумень затѣмъ спросилъ Алексѣя, — учился ли онъ сватымъ книгамъ, и получилъ смиренное признаніе, что учился мало; отвѣсти въ молодости приобрѣлъ было навыкъ, но потомъ пренебрегалъ этимъ занятіемъ. «И это однакоже будетъ тебѣ на великій успѣхъ», сказалъ игумень, въ отвѣтъ. Алексѣй былъ принятъ въ монастырь на житительство и отосланъ къ діакону, нѣкоему разумну и искусну, да назадетъ его добрыи божественными Писаніямъ и преданіямъ св. отецъ». Научившись благочинію и благоправію, преподобный предаде упражненіямъ въ подвигахъ монашеской жизни. По прошествіи года, по времени празднованія памяти препод. Кирилла, выобиталь Бѣлозерскую приходитъ отецъ Алексѣя, послѣдній радостно встрѣтилъ своего родителя и просилъ у него извѣщенія въ своихъ

(1) Ркп. № 992, л. 42 на обор. — 43.

(2) Тамъ же, л. 44.

(3) Тамъ же, л. 44 на обор. Ср. Ркп. № 220, л. 18.

поступкахъ; съ своей стороны отецъ повѣдалъ Алексѣю о скорби по немъ матери его. По окончаніи праздника родители удалился домой съ подарками отъ Алексѣя къ матери и его братьямъ. — Спустя нѣкоторое время, родители преподобнаго „отъ насилія земныхъ властей“ переселились въ Каргополь, отсюда потомъ—въ весь Волосово и наконецъ — на рѣку Черьюгу, гдѣ и поселились на жительство, выпросивъ на это у новгородскаго посадскаго боярина позволительную грамоту.

Юноша Алексѣй пробылъ въ монастырѣ около 6 лѣтъ; услыхавъ объ отшествіи родителей въ дальнія страны, онъ предался великой скорби; фактъ этотъ, произведшій грустное впечатлѣніе на преподобнаго, вѣроятно усилилъ въ немъ желаніе стать инокомъ; но Θεодосій въ своемъ повѣствованіи представляетъ обстоятельство постриженія Алексѣя въ монашество едва въ замѣтную связь съ событіемъ переселенія его родителей на рѣку Чурьюгу, а самый фактъ постриженія святаго описалъ совершенно чужими словами. Сказавъ, что Алексѣй, узнавъ объ отшествіи родителей въ дальнія страны, долго плакалъ, онъ продолжаетъ: „и обрѣте время потребно, приходитъ (препод. Александръ) ко игумену, падеъ поклонися до земли“; на вопросъ о причинѣ прихода Алексѣй говоритъ: „скажи ми, отче, коимъ путемъ угодивши Богу идоша, и кою стезею тевоша“? Θεодосій, очевидно, вовсе не имѣлъ настоящихъ свѣденій объ обстоятельствахъ постриженія препод. Александра, такъ какъ послѣ сейчасъ приведенныхъ словъ беретъ житіе препод. Александра Свирскаго и обращается именно къ тѣмъ страницамъ его, которыя ранѣе долженъ былъ пройти мимоходомъ; разумѣемъ рассказъ Иродіона о встрѣчѣ и бесѣдѣ препод. Александра Свирскаго съ однимъ изъ старцевъ Валаамской обители.⁽¹⁾ Поддѣлка фактовъ, взятыхъ изъ житія препод. Александра Свирскаго, въ произведеніи Θεодосія весьма замѣтна.

Препод. Александру Свирскому, какъ не успѣвшему еще ознакомиться съ обычаями и правилами монастырской жизни, естественно было, при встрѣчѣ съ старцами Валаамской обители, просить, дабы повѣдали ему „яже о святѣмъ монастырѣ“. Но совершенно неудачно прилагаетъ это самое

(1) Ср. Ркв. № 992, л. 49—52. Ркв. № 228, л. 10 на обор. — 13.

Θεодосій въ личности препод. Александра Ошевенскаго, прожившаго въ Кирилловомъ монастырѣ около 6 дѣтъ. Дальнѣйшее описаніе бесѣды препод. Александра Ошевенскаго съ игуменомъ взято буквально изъ житія препод. Александра Свирскаго, причемъ впааемыя Продіономъ въ уста этого святаго слова: „хотѣлъ же быхъ бѣжати (изъ дома родителей) и пути невѣде (на Валаамъ), егда како, блудящу ми на мнозѣ, постигнетъ мя отецъ мой, яко мощну ему сущу, и возвратитъ мя, и въ скорбь отца вложу, себе же въ студию многъ“. — Θεодосій видоизмѣнилъ такъ: „аще въ родителемъ возвращуся, они же восхотятъ мя браву причтати, и, любоплотіемъ удержанъ, недостигну таковаго житія (т. е. иноческаго);... аще преслушатися родителей начну, — въ скорбь вложу ихъ, себе же — въ студию многъ, прииму клятву, а не благословеніе“. Послѣ этого выраженія идетъ снова буквальная компиляція съ житія препод. Александра Свирскаго бесѣды этого святаго съ старцемъ Валаамскаго монастыря, съ замѣною имени святаго именемъ препод. Александра Ошевенскаго, а личности Валаамскаго старца — личностію игумена Бѣлоозерской обители. Въ дополненіе къ рѣчи Валаамскаго старца ко святому Θεодосію отъ лица игумена прибавилъ нѣсколько такихъ строкъ, въ которыхъ высказываются характеристическія возрѣнія древне-русскаго чловѣка на монашество, какъ на единственный путь слѣдованія по стопамъ Христа Спасителя ⁽¹⁾. Непосредственно затѣмъ Θεодосій пересказываетъ чрезъ нѣсколько страницъ житія препод. Александра Свирскаго ⁽²⁾ и, дошедши до разсказа Продіона о постриженіи того святаго, снова продолжаетъ дословную компиляцію ⁽³⁾. Добравшись до главы „о еже взысканіи бла-

(1) «Добро опечалити», говоритъ Θεодосій отъ лица Бѣлоозерскаго игумена въ препод. Александру, «родителя, а не Бога; Овъ бо созда и спасе, овъ же множицею ихъ же погубиша и мучъ предаша. Любовь Божіа отрази любовь родителей; глаголюи же оубо вирти — себе / предати, слыша глаголющаго: видякоже можетъ дѣлаи господникова работати и проч... иже придохъ, рече, црква вложити на землю и любовь, родителемъ къ чадамъ и братіамъ къ братіамъ, работати, иже право, изволяшии; иже, рать, иже, раздѣлати боголюбивыя отъ иродлюбивыхъ и вадичныя отъ невещественныхъ, и проч. (Ркп. № 992, л. 52).

(2) По рукп. № 228, л. 13—17.

(3) Тамъ же, см. л. 48—49. Ср. Ркп. № 992, л. 52, ча 46. — 54.

женнаго отрока, Θεодосій опять дѣлаеть пропускъ нѣсколькихъ листовъ ⁽¹⁾ и съ того мѣста, гдѣ у Иродіона начинается приступъ къ изображенію подвиговъ препод. Александра, каковымъ онъ предался по смерти своихъ родителей, дословно копируетъ подлинникъ ⁽²⁾. Въ дополненіе къ разставленному и весьма богатому илюминаціями описанію Иродіона подвиговъ Свирскаго Θεодосій сдѣлалъ еще прибавку изъ житія препод. Кирилла Бѣлоозерскаго ⁽³⁾. Къ словамъ Иродіона: „сега ради вси его любляху и почитаху... или яко отца его имѣху“, Θεодосій сдѣлалъ дополненіе: „или яко ангела Божія посреде себе имѣху“ ⁽⁴⁾.

Въ житіи Свирскаго далѣе говорится въ общихъ выраженіяхъ, что преподобный, будучи хвалимъ и почитаемъ братією Валаамскаго монастыря, не радовался такой славіи и сталъ заботиться о томъ, какъ бы укрыться въ пустынь. Θεодосій изъ этихъ общихъ мыслей старается построить разговорную рѣчь. — Видя въ препод. Александрѣ примѣрнаго инока, Бѣлоозерская братія рассуждаетъ про себя: „что сотворишь, яко тако видишь мужа сега подвизающася, а ничтоже вѣщающа, со всѣмъ тщаніемъ яко рабъ нѣкій безъ искуша работая безъ всякаго прекословія? Узнавъ объ этомъ, препод. Александръ почувствовалъ себя еще болѣе въ неприятомъ положеніи; біографъ приводитъ отъ его лица слѣдующія выраженія, въ которыхъ замѣтно довольно характеристичное отношеніе древне-русскаго инока къ аскетизму: „лучши ми есть отлучитися, да не честь пріемля и покой отъ подобныхъ ми челоувѣкъ и всуе трудъ мой будетъ, да не како тѣло изнуритъ — мзды лишень буду“ ⁽⁵⁾... Отселѣ снова продолжается дословная копія изъ житія препод. Александра Свирскаго, съ разказами о приходѣ святаго къ игумену просить

(1) Лист. 19 на обор. — 24.

(2) Ср. Ркп. № 228, л. 24 на обор. — 26. Ркп. № 992, л. 54 на обор. и далѣе.

(3) Слова: «вельми тружася, муча тѣло свое, въ день, отъ огня угараемъ, а въ ноши студенію померзаемъ, ризю же худю и многошвенною доволенъ бываше» (Срав. Ркп. № 219, л. 36 на обор. и Ркп. № 992, л. 55).

(4) Ср. Ркп. № 219, л. 23 и Ркп. № 992, л. 55 на обор.

(5) Ркп. № 992, л. 56.

себѣ позволенія удалиться изъ стѣнъ обители (¹). Здѣсь въ произведеніи Θεодосія замѣчается разность сравнительно съ жизнеописаніемъ Свирскаго; этотъ святой испрашиваетъ у игумена позволенія удалиться въ пустыню, а препод. Александръ Ошевенскій заявляетъ о своемъ желаніи сначала повидаться съ своими родителями, дабы принять отъ нихъ благословеніе „и послѣднее прощеніе“. Приводится рѣчь игумена, выслушавъ которую, препод. также отвѣчаетъ рѣчью, высказывая буквально словами препод. Александра Свирскаго о своемъ намѣреніи поселиться въ пустынѣ (²). Новая отвѣтная рѣчь Бѣлоозерскаго игумена есть дословная компиляція съ житія препод. Александра Свирскаго рѣчи къ этому святому игумена Валаамской обители; при этомъ Θεодосій сдѣлалъ еще нѣкоторое дополненіе, гдѣ указываетъ отъ лица игумена на преимущества жизни въ монастырѣ предъ пустынною и одиночною, подкрѣпивъ мысли объ этомъ словами св. Іоанна Лѣствичника (³). Какъ о препод. Александрѣ Свирскомъ, такъ и объ Александрѣ Ошевенскомъ одинаково повѣствуется (⁴), что они сначала убѣждаются доводами своихъ игуменовъ и остаются жить въ монастырѣ, но потомъ, получая похвалу и славу отъ иноковъ за свою высокую жизнь, снова приходятъ къ игумену испрашивать себѣ позволенія отлучиться изъ монастыря и получаютъ разрѣшеніе; самое описаніе удаленія препод. Александра Ошевенскаго изъ Кириллова монастыря Θεодосій буквально взялъ изъ житія препод. Александра Свирскаго (⁵).

Рассказывая о встрѣчѣ препод. Александра съ отцомъ, Θεодосій заимствуетъ дословно ея описаніе изъ повѣствованія Иродіона о встрѣчѣ препод. Александра Свирскаго съ своимъ родителемъ въ Валаамскомъ монастырѣ (⁶). Сообщивъ о своемъ переселеніи на рѣку Чурьюгу (⁷), родитель препод.

(¹) Ср. Ркп. № 228, л. 25—26 и Ркп. № 992, л. 56.

(²) Ср. Ркп. № 228, л. 26 и Ркп. № 992, л. 57 на обор.—59.

(³) Ркп. № 992, л. 58.

(⁴) См. Ркп. № 228, л. 26—28 и Ркп. № 992, л. 59—60.

(⁵) Ср. Ркп. № 228, л. 27 на обор.—28 и Ркп. № 992, л. 60.

(⁶) Ср. Ркп. № 228, л. 22 и Ркп. № 992, л. 60 на обор.

(⁷) Ркп. № 992, л. 61.

Александра Ошевскаго сталъ уговаривать своего сына не возвращаться въ Бѣлозерскую обитель, а лучше избрать мѣстомъ уединенной жизни мѣстность, лежащую по ту сторону рѣки Чурьюги. Это обстоятельство дало возможность Сеодосію занести на страницы своего произведенія рѣчь родителя къ препод. Александру Свирскому, когда онъ убѣждалъ святаго возвратиться изъ Валаама въ родной домъ; понятно, біографъ Ошевскаго долженъ былъ допустить нѣкоторые видоизмѣненія въ рассказѣ Иродіона, чтобы приноровить его къ ходу своей рѣчи:

ИЗЪ ЖИТІЯ ПРЕПОД. АЛЕКСАНДРА
СВИРСКАГО.

и начать увѣщавати Христо-
ва слугу, глаголющи: поиди,
чадо, въ домъ свой.

и еже
ти на потребу и спасеніе ду-
ши да дѣлаеши по воли въ
дому своемъ,

только да не
отлучишися наю родителей
своихъ; и егда же умрешь,
ты же погребеша тѣло наю,
и тогда паки возвратишися
въ монастырь свой, якоже
хощеши, сотвориши.

Убѣдившись доводами своего отца, Александръ съ бра-
томъ Стефаномъ отправился на другую сторону рѣки Чурь-
юги и нашедши тамъ удобное мѣсто для сооруженія оби-
тели, водрузилъ крестъ и произнесъ къ Богу молитву, въ
которой просилъ Его призрѣть на избранное мѣсто, благо-
волишь создать тамъ церковь во имя святителя Николая. По
окончаніи молитвы преподобному послышался голосъ, подоб-
ный дому, базой былъ, Александру Свирскому отъ ангела (1);

ИЗЪ ЖИТІЯ ПРЕПОД. АЛЕКСАНДРА
ОШЕВСКАГО.

„Отецъ же его Никифоръ
начать его увѣщавати, и по-
вѣдаетъ ему: чадо! поиди на
обону страну рѣки Чурьюги
и сотвори себѣ селитву, и еже
ти на потребу и спасеніе да
твориши души своей, и аще
Богъ восхощетъ, ты же воз-
двигнеша храмъ Божій, мо-
настырь возградиши, мѣсто
же оно угодно къ монастыр-
скому зданію, только да не
отлучишися наю родителей
своихъ; егда же умрешь, ты
же погребеша тѣлеса наю, тогда
паки возвратишися въ мона-
стырь свой, или яко хощеши,
сотвориши.“

(1) См. Ркп. № 228, л. 43. Ср. Ркп. № 992, л. 63.

послѣ такого чудснаго явленія святой, провозноситъ, буквально тѣже самыя слова, какія представленью говорящимъ препод. Александръ Свирскій (*) по приходѣ, на показанное ему мѣсто въ пустынь и какія обменовенно впадаютъ биографы въ уста, св. подвижниковъ—основателей монастырей.

О своемъ намѣреніи поселиться въ пустынь близъ рѣки Чурьюги препод. Александръ сообщилъ игумену Бѣлоозерской обители и, получивъ отъ него благословеніе, возвратился въ отеческій домъ, гдѣ и разсказалъ, обо всемъ случившемся съ нимъ въ пустынь. По этому поводу Феодосій приводитъ отъ лица родителя препод. Александра отвѣтную рѣчь (**); въ ней, по образцу житій препод. Кирилла Бѣлоозерскаго и Александра Свирскаго, отецъ препод. Александра разсказываетъ о тѣхъ видѣніяхъ, какія замѣчалъ самъ и слышалъ отъ другихъ относительно того мѣста, гдѣ святой задумывалъ основать обитель. Получивъ отъ своего отца обѣщаніе содѣйствовать сооруженію монастыря, препод. Александръ отправился на Бѣлозеро, гдѣ и пробылъ нѣкоторое время, упражняясь въ подвигахъ поста и молитвы, и былъ удостоенъ священническаго чина. Отсюда онъ отправилъ къ своему отцу письмо, въ которомъ наказывалъ ему озаботиться заготовкою лѣса на построеніе церкви и братскихъ келій, а потомъ и самъ заявилъ игумену о своемъ желаніи удалиться изъ монастыря Бѣлоозерскаго; только сказанія о чудныхъ знаменіяхъ, бывшихъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ преподобный намѣревался основать свою обитель, заставили игумена склониться на его просьбу. Игумень благословилъ преподобнаго Александра, послалъ вмѣстѣ съ нимъ „брата нѣкоего, искусна инока, вѣдѣща добре чинъ монастырскій“, и далъ имъ „на утвержденіе“ образъ пресвятой Богородицы Одигитрии и св. чудотворца Николая. Родители были весьма обрадованы приходомъ сына. Нимало не медля, на слѣдующее же утро, преподобный отправился на излюбленное мѣсто, построилъ тамъ палатку, сдѣлалъ кѣлоту, въ которую поставилъ образа, и началъ молиться со слезами, прося

(*) «Со покою мой въ вѣкъ вѣка, здѣ вселюся... См. Ркп. № 228, л. 78 на обор. и Ркп. № 992, л. 63 на обор.»

(**) Ркп. № 992, л. 63 на обор. Ср. Ркп. № 228, л. 32 на обор. Ркп. № 219, л. 42 на обор.

гоматери, сподвигавать ему обосноваться на томъ мѣстѣ, чтобы работать Господу и молиться о благовѣрныхъ князьяхъ и о воцѣхъ христіанахъ, „понеже бо“, сказано въ житіи, „спасеніе ихъ и укрѣпленіе—покой бываетъ инокамъ и безпечаліе“ (1).

По сооруженіи церкви, препод. Александръ вмѣстѣ съ братомъ, пришедшимъ изъ Кириллова монастыря, отправился въ Новгородъ къ архіеп. Іонѣ и разсказалъ послѣдному о себѣ и объ основаніи новой обители. Владыка поставилъ преподобнаго въ игумена Ошевенскаго монастыря, вручилъ ему антиминь и другія нужныя вещи для церкви. Отъ архіепископа препод. Александръ пошелъ въ домъ боярыни Анастаси и у нея съ сномъ выпросилъ 4 грамоты Ошевенскому монастырю на владѣніе разными покосными угодьями по рѣкѣ и цѣлою смежною деревнею. Церковь была освящена во имя св. Николая. Сподвигавъ препод. Александра, не долго проживъ въ новосозданной обители, удалился изъ нея на Бѣлоозеро (2).

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе подвиговъ препод. Александра, остававшихся въ пустынномъ одиночествѣ: оно состоитъ изъ самыхъ общихъ выраженій (3), а дальнѣйшій разсказъ о распространеніи обители и объ увеличеніи въ ней братства буивально заимствованъ изъ житія препод. Александра Свирскаго (4). Изложеніе устава, введеннаго Александромъ въ Ошевенскомъ монастырѣ, есть дословное, только въ болѣе краткомъ видѣ, повтореніе изложеннаго. Нахомиемъ Логоетомъ устава препод. Кирилла Бѣлоозерскаго (5). За выпискою устава слѣдуетъ выписка изъ житія препод. Александра Свирскаго рѣчи этого святаго къ инокамъ (6); въ дополненіе къ ней, Феодосій отъ себя еще приложилъ довольно длинный наборъ текстовъ св. Писанія (7). Послѣ того Феодосій

(1) Рик. № 992, л. 66—67.

(2) См. Тамъ же, л. 68—70.

(3) Тамъ же, л. 70.

(4) Тамъ же, л. 71, 73, ср. Рик. № 228, л. 38 + 39, л. 48. Ср. Рик. № 224, л. 144—146.

(5) Ср. Рик. № 992, л. 74 въ обор. и Рик. № 249, л. 50 на об.

(6) Ср. Рик. № 992, л. 76 на об. + 79, и Рик. № 228, л. 52—54.

(7) См. Рик. № 992, л. 75 въ обор. + 76 на об.

снова словами житія препод. Александра Свирскаго распространяется объ умноженіи братіи въ Ошевенской обители и о приходѣ въ эту послѣднюю множества мірскихъ людей съ посильными пожертваніями (*).

Въ числѣ приходившихъ въ Ошевенскую обитель были племянники преподобнаго — Никонъ и Петръ; Александръ склонилъ ихъ обоихъ къ принятію монашества и совершилъ обрядъ постриженія. Это обстоятельство сильно оскорбило Никонова родителя — Амвросія; разсердившись на препод. Александра и возбужденный дьяволомъ, онъ взявъ топоръ и отправился въ монастырь. Здѣсь отецъ Петра — Лувіанъ успѣлъ уговорить разгнѣваннаго Амвросія, дабы онъ не причинялъ преподобному никакого зла. Св. Александръ вышелъ къ нимъ изъ своей кельи и сказалъ: „о! человѣци! что все смущаетесь о чадѣхъ вашихъ? уже бо ни на кою пользу вамъ чада выша, быша бо ваша чада, нынѣ же слуги Божія суть“. Амвросій раскаялся въ своемъ гнѣвѣ и зломъ помыслѣ и получилъ отъ святаго прощеніе (**).

Разсказъ „о преставленіи родителей преподобнаго“ и описаніе впечатлѣнія, произведеннаго этимъ обстоятельствомъ на препод. Александра, — Θεодосій буквально заимствовалъ изъ повѣствованія о подобномъ же фактѣ въ житіи препод. Александра Свирскаго (*). Тоже слѣдуетъ сказать и относительно Θεодосіева повѣствованія о нападеніи бѣсовъ на святаго (**), о чемъ онъ передаетъ непосредственно послѣ разсказа о преставленіи родителей преподобнаго. Съ обстоятельствомъ нападенія бѣсовъ на святаго биографъ поставляетъ въ тѣсную связь удаленіе изъ Ошевенской обители родныхъ племянниковъ его — Никона и Петра; по этому случаю Θεодосій влагаетъ въ уста препод. Александра довольно продолжительную молитву къ Богу; дабы Онъ избавилъ его отъ сѣтей вражескихъ. Отвѣтомъ на эту молитву было вторичное явленіе бѣсовъ преподобному; со скрежетомъ зубовъ они сказали ему: „одолѣлъ еси ны Христовою благодатію и своимъ

(*) Ср. Ркп. № 992, л. 79 на обор. и Ркп. № 228, л. 54 и 38 на обор.

(**) См. Ркп. № 992, л. 80—82.

(*) Ср. Ркп. № 992, л. 83 и Ркп. № 228, л. 24.

(**) Ср. Ркп. № 992, л. 84 и Ркп. № 228, л. 44—42.

терпѣніемъ“. Бѣсы иснези и болѣе не творили святому, шакостей (1).

Разсказъ о преставленіи преподобнаго Александра (2) составленъ Θεодосіемъ изъ разныхъ житій. Первые строки дословно взяты изъ житія препод. Александра Свирскаго (3); за тѣмъ слѣдуетъ выписка изъ житія препод. Кирилла Белоозерскаго (4). Пророчество святаго о предстоявшей судьбѣ Ошерецкой обители въ томъ видѣ, въ какомъ передается въ житіи, по всей вѣроятности содержитъ въ себѣ не малую долю личнаго элемента біографа, такъ какъ отличается особеннымъ богатствомъ набора текстовъ изъ свещ. Писанія (5), приводимыхъ въ подтвержденіе содержащихся тамъ мыслей; а эта черта является весьма замѣтною въ другихъ мѣстахъ разсматриваемаго жизнеописанія. Дальнѣйшая бесѣда и завѣщаніе преподобнаго братіи дословно сходны съ мѣстами житія препод. Антонія Римлянина (6), въ описаніи кончины этого святаго, и — препод. Александра Свирскаго (7). Предсмертное прощаніе препод. Александра съ братією Θεодосій описано буквально словами житія препод. Кирилла Белоозерскаго (8), добавивъ отъ себя молитву, которую влажилъ въ уста святаго. Начиная со словъ „конечное слово рекъ, Господи; въ руцѣ Твои“ и проч., — идетъ буквальный компиляція съ житія препод. Александра Свирскаго (9); въ дополненіе къ этому Θεодосій сдѣлалъ вставку еще слѣдующихъ словъ изъ житія препод. Кирилла Белоозерскаго: „также и лице его просвѣтися, и не баша на немъ никакоя черноты, ни смятности, якоже обычайъ естъ умерникомъ, но

(1) См. Ркп. № 992, л. 84 на обор. — 86.

(2) Ркп. № 992, л. 89—95.

(3) Ср. Ркп. № 992, л. 89 и Ркп. № 228, л. 81.

(4) Ср. Ркп. № 992, л. 89 и Ркп. № 249, л. 78 на обор.

(5) См. л. 90.

(6) Ср. Ркп. № 992, л. 90 на обор. — 92 съ житіемъ пр. Антонія. См. «Русская историческая христоматія» г. Аристовъ, стр. 396—397.

(7) Ср. Ркп. № 992, л. 90 на об. — 92 и Ркп. № 228, л. 81—82.

(8) Ср. Ркп. № 992, л. 93 и Ркп. № 249, л. 83.

(9) Ср. Ркп. № 992, л. 94—95 и Ркп. № 228, л. 83 на об. — 84.

241 и 242 — 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000

такъ бѣше, яко спашу ему⁽¹⁾“. Наконецъ, краткую и общую фразу житія препод. Александра Свирскаго: „чудотворныи моци исцѣленія подають съ вѣрою приходящимъ“, — Θεодосій распространилъ перечисленіемъ, какіе недужные получаютъ исцѣленіе у гроба препод. Александра Ошевенскаго⁽²⁾.

Компилятивный характеръ житія препод. Александра Ошевенскаго замѣчается и въ послѣдующихъ разсказахъ о чудесахъ и явленіяхъ святаго разнымъ лицамъ. — Такъ, заключающая въ себѣ важныя свѣденія для исторіи Ошевенскаго монастыря по смерти его основателя, глава о приходе и о разошеіи вещей монастырскихъ — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повторяетъ выраженія житія преп. Сергія Радонежскаго⁽³⁾. Говоря о путешествіи игумена Максима въ Новгородъ, Θεодосій дословно повторяетъ предъидущій свой разсказъ о путешествіи туда же препод. Александра⁽⁴⁾. Описание чуда святаго о бѣснующемся юношѣ Θεодосіемъ составлено изъ описаній подобныхъ же чудесъ въ житіяхъ препод. Александра Свирскаго и Кирилла Бѣлозерскаго⁽⁵⁾. Для описанія другаго чуда о бѣснующемся Θεодосіемъ воспользовался уже однимъ разсказомъ житія препод. Александра Свирскаго о подобномъ же чудѣ⁽⁶⁾, изъ котораго позволялъ себѣ заимствованія и при описаніи перваго чуда о бѣснующемся. Тѣмъ же разсказомъ Иродіона Θεодосій нашель возможнымъ воспользоваться еще въ третій разъ тоже при разсказѣ о юношѣ бѣснующемся⁽⁷⁾. Разсказъ о чудѣ святаго надъ нѣкимъ юношей, исцѣлѣвшимся во обители, составленъ Θεодосіемъ изъ выраженій Иродіона при описаніи разныхъ чудесъ препод. Александра Свирскаго⁽⁸⁾.

(1) Ср. Ркп. № 992, л. 94 на обор. и Ркп. № 219, л. 83 на об.

(2) Ср. Ркп. № 992, л. 95 и Ркп. № 228, л. 84.

(3) Ср. Ркп. № 992, л. 97—99 и Ркп. № 224, л. 145 на обор. 146, 150, 165 и 339 на обор.

(4) Ср. л. 105 и л. 68.

(5) Ср. Ркп. № 992, л. 111 и Ркп. № 228, л. 83—86 и Ркп. № 219, л. 95 и 102.

(6) Ср. Ркп. № 992, л. 112 на обор. и Ркп. № 228, л. 83 на об.

(7) Ср. Ркп. № 992, л. 127 на обор. и 128. Ркп. № 228, л. 85.

(8) Ср. Ркп. № 992, л. 132 на обор. — 134 и Ркп. № 228, л. 86 и на обор., 89 и 91 на обор. Ср. Ркп. № 992, л. 136—137 и Ркп. № 228, л. 100, 103.

Сказаніе до помилъ, чудесѣхъ препод. Александра* Теодосій, видѣсьль, допустивъ нѣсколько сокращеній, изъ житій Соловецкихъ чудотворцевъ—Савватія и Зосимы, изъ главы помянутой таиное же названіе (*). Описаніе „чуда о нѣкоемъ чело-вѣцѣ Нимитѣ“ Теодосій составилъ изъ подбора выраженій изъ рассказовъ о чудесахъ препод. Александра Свирскаго (*). При описаніи „чуда святаго о нѣкоемъ отроковицѣ“, онъ бралъ выраженія изъ сказаній Иродіона „о чудѣ препод. Александра надъ женой разслабленной и надъ разслабленнымъ отрокомъ.“ (*). „Чудо святаго о попѣ Игнатіи“ описано словами Иродіонова рассказа о чудѣ препод. Александра надъ женой Еввирасіей: (*).

Представленный разборъ достаточно оправдываетъ высказыванную нами мысль относительно житія препод. Александра Ошевенскаго: это произведеніе есть трудъ компилятивный не только въ біографической части, но и въ описаніяхъ чудесъ; однако, большая доля въ этихъ послѣднихъ описана Теодосіемъ самостоятельно, — ими то особенно и важно житіе преподобнаго въ историческомъ отношеніи. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, которое высказалъ относительно значенія этого житія г. Непрасовъ (*), принававшій въ этомъ памятникѣ то достоинство, что „въ немъ сохранились любопытныя подробности объ отношеніи Александра къ отцу и матери, какія могутъ представить немногія изъ нашихъ жизнеописаній“, но нужно однакоже замѣтить, что любопытныхъ подробностей такого рода въ житіи очень мало; онѣ касаются именно только участія родителя преподобнаго въ дѣлѣ основанія Ошевенской обители, прочія же подробности — не историческаго свойства.

Такъ какъ біографія препод. Александра Ошевенскаго въ большей части составляетъ букввальное повтореніе житія препод. Александра Свирскаго, то, опуская свѣденія, выпи-санныя изъ этого памятника, получимъ слѣдующія истори-

(*) Ср. Ркп. № 992, л. 150—152 и Ркп. № 175, л. 185—187.

(*) Ср. Ркп. № 992, л. 158 на обор. и Ркп. № 228, л. 87 на обор., 86 на обор., 99 на обор., 89, 88 и 93.

(*) Ср. Ркп. № 992, л. 160—161 и Ркп. № 228, л. 90 и 87.

(*) Ср. Ркп. № 992, л. 166—167 и Ркп. № 228, л. 99—100.

(*) «Зарожденіе національной литературы въ северной Руси», стр. 39.

честія указанія о жизни святаго. — Будучи около 20-ти лѣтъ отъ роду (въ 1427 г.); препод. Александръ, при посвященіи Бѣлоозерскаго монастыря, проникся любовью къ иноческой жизни и пожелалъ остаться въ обители, о чемъ писменно извѣстилъ своихъ родителей; послѣдніе не воспрепятствовали его желанію пожить въ монастырѣ на службѣ братіи. Отецъ навѣщалъ преподобнаго въ монастырѣ и не старался склонять его возвратиться въ родной домъ. Пробывъ около 6-ти лѣтъ въ обители и узнавъ о переселеніи родителей на рѣку Чурьюгу, препод. Александръ пожелалъ сдѣлаться инокъ и принялъ постриженіе. Черезъ нѣсколько времени онъ уѣзжал къ родителямъ и по ихъ просьбѣ рѣшился поселиться близь рѣки Чурьюги и основать тамъ монастырь. Получивъ на то согласіе и благословеніе отъ игумена Бѣлоозерскаго монастыря, преподобный вмѣстѣ съ однимъ старцемъ отправился на избранное мѣсто, гдѣ при содѣйствіи отца и устроилъ обитель. Во время путешествія въ Новгородъ по дѣлашъ освященія церкви Александръ владыкою Іоною былъ произведенъ въ игумена, а отъ боярыни Анастасіи съ сыномъ получилъ 4 жалованныхъ грамоты новоустроенному монастырю. Бѣлоозерскій старецъ скоро оставилъ преподобнаго; но слава объ новой обители скоро стала привлекать туда богомольцевъ и исцелителей иноческаго званія; за привлеченіе къ иноческой жизни своихъ племянниковъ Петра и Никона преподобный навлекъ на себя ненависть со стороны брата Амвросія и принялъ отъ него не мало оскорбительныхъ словъ. Скончался преподобный въ 1479 году и погребенъ по правую сторону церкви св. Николая.

Житіе препод. Антонія Сійскаго сохранилось въ трехъ редакціяхъ. Древнѣйшая изъ нихъ (1), по времени происхожденія, принадлежитъ 1578 году; составителемъ ея были монахи Сійскаго монастыря—Іона, писавшій, какъ это видно изъ послѣсловія къ житію, по побужденію со стороны игумена той обители, Питирима, спустя 20 лѣтъ по преставле-

(1) Рук. Алт. еск. скита, № 9.

нѣ преподобнаго Іона не былъ очевидцемъ жизни святаго и въ предисловіи прямо заявляетъ о себѣ, что написать „не отъ видѣнія, но отъ слышанія токмо“, пользуясь только тѣми свѣденіями, какія могъ узнать отъ немногихъ старцевъ учениковъ препод. Антонія. — Такимъ источникомъ вполнѣ объясняется компилятивный характеръ этого агіобиографическаго произведенія.

Послѣ подробнаго разбора житій препод. Александра Свирскаго и Александра Ошевенскаго, составленныхъ въ духѣ образцовыхъ агіобиографій, при помощи риторическихъ приемовъ искусственнаго стиля, — излишне, полагаемъ, останавливаться съ такимъ же вниманіемъ на разсмотрѣніи житія препод. Антонія Сійскаго, какъ написаннаго въ томъ же стилѣ и съ тѣми же приемами, а потому ограничимся краткими замѣчаніями и ссылками на тѣ жизнеописанія, съ какими произведеніе инока Іоны имѣетъ сходство въ изображеніи событій.

Предисловіе въ житіе препод. Антонія Сійскаго, трагую объ обычныхъ предметахъ многихъ предисловій, заключаетъ въ себѣ весьма много сходнаго, не только въ мысляхъ, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, — съ предисловіями въ житіямъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, Варлаама Хутынскаго и особенно Александра Свирскаго (1); послѣднее, можно сказать, на половину повторено Іоною дословно.

Самый биографическій рассказъ начинается обычно типическою характеристикю родителей преподобнаго; а въ извѣстіяхъ о рожденіи Антонія біографъ буквально повторяетъ выраженія, встрѣчающіяся въ жизнеописаніяхъ препод. Александра Свирскаго и Александра Ошевенскаго (2). При этомъ проглядываетъ особенное стремленіе автора къ идеализаціи описываемаго подвижника, наприм., въ слѣдующихъ словахъ, какія читаемъ о младенцѣ Андрей (мірское имя препод. Антонія): „за сущую же въ немъ добродѣтель его, блаженнаго зело Андрея: благообразна сотвори ѿ Господь, яко быти ему иже всѣхъ по плоти сродниковъ своихъ благообразну сущу“. Дѣтство препод. Антонія и взаимныя отно-

(1) Сравни. Ркп. Анзерск. свѣд. № 9, л. 1—6 и Ркп. № 219, л. 21—23, 25. Ркп. № 226, л. 32—33 и Ркп. № 228, л. 1 на об. — 2.

(2) Сравни. Ркп. Ана. ок., № 9, л. 6 на обор. — 7 и Ркп. № 228, л. 5 на обор. 6. Ркп. № 992, л. 32 на обор. 33.

писанія между ними и его родителями обрисовываются совершенно такими же типическими чертами, какъ въ многихъ другихъ житіяхъ, наприм. житіяхъ препод. Сергія Радонежскаго, Варлаама Хутынскаго, Александра Свирскаго, Александра Опшенскаго и другихъ. Слѣдующее житіе писаніе вонфини родителей препод. Антонія отличается развѣ только одною краткостію отъ обычно изображаемой на житіяхъ картины прощанія умирающаго подвижника съ братіей.

Далѣе біографъ передаетъ, что препод. Антоній, малоросливъ родителей, будучи 26 лѣтъ отъ роду, удалился въ Новгородъ, гдѣ вступилъ въ бракъ и прожилъ тамъ 5 лѣтъ, работая у одного боярина. Сособщая объ этомъ, Иона замѣчаетъ: „се же не безъ Божіи повелѣнія бысть, да прежде блаженный обучився мірскому пребыванію, и живо и ѣконни степенями отъ нижнихъ на горная добродѣтели выдетъ иноческаго жителства и тако обращетъ благопотребенъ Богу“. Послѣ этого, упомянувъ о смерти жены Андрея, Иона приступаетъ къ разсказу объ удаленіи его въ Пахоміеву обитель; это обстоятельство, равно какъ приходъ преподобнаго въ монастырь, бесѣда съ игуменомъ о принятіи въ число братства, жизнь по принятіи постриженія, удаленіе отсюда въ пустыню и поселеніе близъ „темнаго порога“,— всё это обрисовано въ обычныхъ риторическихъ выраженіяхъ, часто до буквальной сходныхъ съ описаніями подобныхъ же событий въ житіяхъ препод. Александра Свирскаго и Александра Опшенскаго. Разсказъ объ изгнаніи преподобнаго изъ пустыни окрестными жителями не имѣетъ прикраш. и личныхъ соображеній автора, что обнаруживается, наприм., въ сравненіи Андріа съ первомученикомъ Стефаномъ и особенно въ рѣчи, какую біографъ приводитъ, составивъ изъ текстовъ свят. Писанія, отъ лица преподобнаго. (Встрѣча препод. Антонія, по пришествіи на новое пустынное мѣсто, съ Емедиимъ, жителемъ Самуиломъ описана почти буквально тѣми же словами, какъ встрѣча Андрея Завалинина съ препод. Александромъ Свирскимъ⁽¹⁾); Иона, какъ и біографъ Свирскаго, въ весьма сходныхъ выраженіяхъ передаетъ о тѣхъ людныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ, какія являлись окрестнымъ жителямъ отпосидельно мѣста, избраннаго преподобнымъ для поселенія.

¹ Ср. житіе препод. Антонія, житіе препод. Стефана, житіе препод. Александра Свирскаго, житіе препод. Александра Опшенскаго.

(1) Ср. Рук. № 9, л. 125—127 и Рук. № 98 228, л. 31—39.

Послѣ краткаго, и притомъ въ самыхъ общихъ житейныхъ фразахъ, упоминанія объ устройствѣ обители на новомъ мѣстѣ повѣствуется о скудости ея матеріальныхъ средствъ и приводится разсказъ о чудесномъ ея снабженіи продовольствіемъ рукою неизвѣстнаго лица. Въ этомъ описаніи житіе препод. Антонія весьма напоминаетъ сказаніе житія препод. Сергія Радонежскаго „о призываніи потребныхъ“; особенно это замѣтно въ рѣчи, какую приводитъ біографъ отъ лица преподобнаго къ братіи по поводу наступившаго въ обители голода. Далѣе помѣщается сказаніе „о пришествіи разбойниковъ на святаго ноцію и о избавленіи Божію“. Слѣдующій разсказъ о собраніи братіи вокругъ преподобнаго не включаетъ въ себя ни одной характеристической черты и описанъ въ самыхъ общихъ житейныхъ фразахъ, начинаясь неизмѣннымъ при изображеніи событій этого рода выраженіемъ: „не мощно граду укрытиса“ и проч. Тоже необходимо замѣтить и относительно сказаній „о посланіи преподобнаго къ самодержавному государю“ и „о поставленіи первыя церкви Живоначальныя Троицы“, въ которыхъ существуетъ весьма значительное сходство съ разсказами о подобныхъ же событіяхъ въ житіи препод. Александра Свирскаго (*).

Конецъ отличающагося историческими свѣденіями разсказа „о написаніи чудотворныя иконы начального образа Живоначальныя Троицы“ и о чудесной сохраненіи этого образа отъ огня во время пожара церкви завершается общими мѣстами, гдѣ говорится о скорби братіи по сторѣвшемъ храмѣ, а препод. Антоній представленъ утѣшающимъ и убѣждающимъ иноковъ во всемъ полагаться на помощь Божію. Затѣмъ слѣдуетъ весьма скудное съ фактической стороны „сказаніе о созданіи вторыя церкви“. Жизнь и подвиги Антонія по принятіи игуменскаго званія обрисованы біографомъ самыми типическими чертами (*); сравнительно болѣе характеристическою чертою преподобнаго выставляется на видъ его любовь къ больнымъ инокамъ, частое посѣщеніе ихъ и заботы объ облегченіи ихъ несчастнаго положенія.

Разсказы „объ отшествіи преподобнаго въ первую и во вторую пустыню“ и изображеніе подвиговъ его во время пре-

(*) Ср. Рув. № 9, л. 36—39 и Рув. № 228, л. 57—60.

(**) Ср. Рув. № 9, л. 47—50; Рув. № 228, л. 47 на обор.—48.

быванія тамъ совершенно сходны между собою и съ подобными же мѣстами житій препод. Феодосія Печерскаго и Александра Свирскаго ⁽¹⁾. Краткое сказаніе о возвращеніи препод. Антонія въ обитель состоитъ изъ самыхъ общихъ выраженій и совершенно сходно съ Пахоміевымъ — „о началѣ монастыря на Киржацѣ“ (житіе пр. Сергія).

Последнее поученіе преподобнаго къ братіи, а также къ старцу Кириллу, его преемнику по игуменскому званію, какъ наполненное самыми общими фразами, очевидно заключаетъ въ себѣ значительную долю присутствія авторской производительности біографа. Что же касается духовной грамоты, каковая по сказанію житія была оставлена преподобнымъ, то она есть букввальное повтореніе грамоты препод. Кирилла Бѣлозерскаго, написанной къ князю Андрею Дмитриевичу ⁽²⁾. Изображеніе предсмертнаго положенія преподобнаго, равно какъ и описаніе самой его кончины, — также дословно во многомъ сходствуетъ съ подобнымъ же мѣстомъ житія препод. Кирилла. А разговоръ братіи съ преподобнымъ о томъ, гдѣ похоронить его тѣло, взятъ Юною изъ житія препод. Александра Свирскаго ⁽³⁾.

Другая редакція житія препод. Антонія Сійскаго появилась въ 1579 году; ея составителемъ былъ Иванъ царевичъ, сынъ Грознаго ⁽⁴⁾. Такъ какъ въ спискахъ Соловецкой бібліотеки редакція Царевича сохранилась не вполне, то намъ относительно ея остается привести слова г. Ключевскаго ⁽⁵⁾. „Тотчасъ по составленіи монахомъ Юною житія игуменъ сійскій Питиримъ, вмѣстѣ съ ученикомъ Антонія Филосеемъ, побѣдъ въ Москву просить царя и митрополита объ установленіи празднованія святому. Игуменъ съ другимъ Антоніевымъ ученикомъ, новгородскимъ архіеп. Александромъ, упростилъ царевича написать житіе Антонія съ похвальнымъ словомъ и службой. Царевичъ исполнилъ просьбу

⁽¹⁾ Ср. Ркп. № 9, л. 58—60, 63—64. Ркп. № 629, л. 69—70. Ркп. № 228, л. 24—26.

⁽²⁾ См. Ркп. № 9, л. 73—77. Ркп. № 219, л. 78—80.

⁽³⁾ См. Ркп. № 9, л. 79 и на обор. Ркп. № 228, л. 83.

⁽⁴⁾ Ркп. Солов. библ. № 994.

⁽⁵⁾ Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 301.

въ 1579 году. Онъ называетъ „первымъ писателемъ“ Антоніева житія Филоея. Юна, по его словамъ, написалъ житіе по рассказамъ учениковъ Антонія „памятуховъ его житію“, въ числѣ которыхъ упоминаеть и Филоея. Однѣ изъ рассказовъ о посмертныхъ явленіяхъ преподобнаго, котораго впрочемъ не находится въ спискѣ (Соловецкой библиотеки) Гюнина житія XVI-го вѣка, повѣствуетъ объ инокѣ, который первый началъ писать о святомъ, но былъ остановленъ юридиками прочей братіи, которая кричала: „преже сего никтоже дерзну писати, а сей убо пипеть и житія святыхъ составляетъ“. Это извѣстіе можно, прибавляетъ Ключевскій, отнести къ Филоею, но не къ Юнѣ, явившему по просьбѣ братіи: очевидно послѣдній воспользовался и не окончательными записками перваго, котораго царевичъ называетъ настоящимъ биографомъ Антонія. Царевичъ прибавляетъ, что Плитримъ и Филоей принесли ему „списаніе о житіи святаго, зѣло убо суще въ легкости написано“. Это трудъ Юны, какъ видно изъ сличенія обѣихъ редакцій. Царевичъ написалъ новое предисловіе и сократилъ два первые разсказа въ трудѣ Юны. Предисловіе царевича короче Юнина, при полномъ сходствѣ мыслей. Изъ разсказа Юны о рожденіи святаго царевичъ вдалъ одни только историческія указанія и совершенно опустилъ разнаго рода типическія черты и риторическія амплификаціи. Далѣе царевичъ дословно списалъ трудъ Юны и даже не опустилъ его послѣсловья, не назвавъ въ немъ только автора по имени, но удержавъ черты, вовсе не идущія къ царственому московскому писателю (1). Такимъ образомъ строгій отзывъ царевича о своемъ источникѣ (про-

(1) Царевичъ говоритъ: „своио же бысть святое житіе“

его въ дѣто 1390-го, во обители двоначалныя Троицы въ созданнымъ его монастыри, его же своимъ рукама преподобный сотвори... сего ради азъ убогий, послѣдній во святыхъ братствѣхъ, еже оставшихся ученикъ блаженнаго, достовѣрныхъ свидѣтелевъ, повѣдуема елишихъ, писанію предать отъ многихъ малалъ... поужемъ бысть сея же честныи обители вгумешомъ Пачериномъ и отъ ученикъ блаженнаго... поужемъ убо твоя есмь Богохранимыя ограды отъ послѣднихъ инокъ, едино заблуждшее овца, в рукоположеніе вѣтъ на многорѣшнѣй, убогаи главѣ моеи отъ честныхъ наставникъ святыхъ обители... Ркп. Соловец. библ. № 994, л. 113 на оборотъ — 117.

изведеніи Іоны) не справедливо; самъ онъ не прибавилъ ни одной новой черты къ разсказу Іоны, изрѣдка только прибѣгалъ къ своей риторикѣ, не ведѣ удачною, а въ одномъ мѣстѣ даже допустилъ явную дозу. Списавъ дословно разсказъ Іоны „о купцѣ, емуже авися святой на морѣ страждущу и избави его отъ потопленія“, царевичу закончилъ свой трудъ, такимъ измѣненіемъ и дополненіемъ.

по списку Іонина житія.

РЕДАКЦІЯ ЦАРЕВИЧА.

„И тако пребываетъ во обители святаго и до нынѣшняго дню Кириллъ (монашеское имя кумка Барца) иновъ сій, трудившася добръ ради своего спасенія“.

„И тако пребысть, преставился во обители святаго. ему же и азъ самовидецъ быхъ, изю усть повѣдуема, слышахъ отъ него сбывшася на немъ нудо, на мори, по явленію святаго избавленіе“.

Третья редакція житія препод. Антонія Сійскаго (1) есть не что иное, какъ тотъ же трудъ Іоны и представляетъ скорее слегка подновленный списокъ его. Изъ редакціи Ивана царевича сюда внесены разсказы: „о явленіи преподобнаго Антонія отъ священныхъ въкоему“, — „о явленіи въкоему Титу“ и начало разсказа „о пришествіи разбойникъ“. Въ чудесахъ, описанныхъ Іоною, прибавленъ еще рядъ новыхъ, относящихся къ XVII вѣку, описанныхъ въ разное время различными авторами (2). Последняя повѣсть о чудотворной иконѣ пресвятой Богородицы, „како Божією благодатію сохранися отъ великаго пожара“, написана вскорѣ послѣ 1658-го года Сійскимъ игуменомъ Θεодосіемъ. Предъ предисловіемъ къ житію, въ спискѣ Соловецкой бібліотеки № 230, помѣщенъ разсказъ „о явленіи преподобнаго и богоцоснаго отца нашего игумена Антонія чудотворца, како начать ходъ къ животворящему Бресту, идѣ же онъ со ученики своими первѣе водрузи крестъ на Емецкой дорогѣ“, описываемое обстоятельство авторомъ относится къ 1672-му году.

Изъ важныхъ добавленій, какія къ произведенію Іоны сдѣлалъ пооднѣйшій редакторъ, особенно замѣтается молитва

(1) Реп. Соловецк. библ. № 230.

(2) См. Тамъ же, л. 293—324.

и рѣчь къ братіи⁽¹⁾, которыя онъ влагаеть въ уста препод. Антонія, сказавъ объ его приходѣ на Михайлово озеро; прочія разности позднѣйшей редакціи отъ первоначальной — незначительны, не прибавляютъ ничего новаго; фантасическаго; представляя въ себѣ наборъ общихъ житейныхъ фразъ, историческихъ прикрасъ и амплификацій⁽²⁾.

Такимъ образомъ, житіе препод. Антонія, подобно двумъ предыдущимъ, нельзя считать вѣрнымъ изображеніемъ исторической жизни этого подвижника; изъ всего обширнаго автобиографическаго памятника, человекъ знакомый съ приемами искусственной, стилизованной житій, можетъ получить, кромѣ хронологическихъ точныхъ указаній, только свѣденія о переходахъ святаго Антонія съ одного мѣста на другое, составляя въ сторону обрисовку тѣхъ событій, такъ какъ подобныя описанія можно находить въ весьма многихъ другихъ житіяхъ. Замѣчательно житіе препод. Антонія въ томъ отношеніи, что въ немъ мы находимъ поэтическия описанія сѣверной природы⁽³⁾; а также любопытныя додѣствованія о въ некоторыхъ чудесахъ святаго.

Препод. Савватій, Зоидма и Германъ Соловецкій, Александръ Свирскій, Александръ Ошевенскій и Антоній Сійскій принадлежали къ числу подвижниковъ — основателей монастырей. Свою жизнь въ поморскомъ краѣ они провели въ дѣятельности: на пользу своихъ обителей и въ заботахъ о своемъ собственномъ спасеніи. — въ подвигахъ поста, молитвы и въ сокрушеніи о своихъ грѣхахъ. Больше многосторонній характеръ и дѣла жизни и дѣятельность тѣхъ подвижниковъ поморскаго края, которые, вступивъ въ предѣлы финскаго племени, задалась просвѣтительными дѣлами, старались придти въ самое тѣсное соприкосновеніе съ окружающими; ихъ языческимъ и инородческимъ міромъ; и заботились о просвѣщеніи его истинами Христіанской вѣры. Поэтому и житія ихъ должны отличаться большимъ богатствомъ содержания и быть важнѣе для исторіи.

(1) См. Рук. Соловецк. дѣл. № 230, л. 136—137.

(2) См. Тамъ же: л. 120, 124, 128, 131, 146, 151, 181, 200, 201 стр.

(3) См. Тамъ же № 9, л. 57—38; 63—64.

Изъ подвижниковъ сѣверно-поморскаго края, заявившихъ себя на поприщѣ миссіонерской дѣятельности, известны два лица: Феодоритъ Кольскій и св. Трифонъ Печенгскій, — проповѣдники доцарей.

VI.

Кольскими лопарями позабыты труды и подвиги Феодорита; даже его имя не увѣковѣчилось въ ихъ устномъ преданіи. Сохранивъ для исторіи важныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Феодорита суждено было герцогу Назанскаго похода, князю Андрею Михайловичу Курбскому; эти свѣдѣнія онъ изложилъ въ VIII главѣ своей „Исторіи Іоанна Грознаго“.

Курбскій лично звалъ Феодорита, былъ его духовнымъ сыномъ и беречиво его любилъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ, вырвавшихся изъ глубины его сердца. „О мужу наилучшій и наискрѣпчайшій! мнѣ превозлюбленнѣйшій и пренаисладчайшій! Отче мой и родителю духовный! колкимъ люто и скорбно отъ врѣнья наичестнѣйшихъ сѣдигъ твоихъ разлучену бывшу“ (1). Какъ это видно изъ его собственныхъ словъ, онъ былъ съ Феодоритомъ въ близкихъ и чистосердечныхъ отношеніяхъ, многого изъ его жизни былъ очевидцемъ и многое слышалъ отъ него самого (2). Такимъ образомъ, со стороны источниковъ, на основаніи которыхъ составлено житіе Феодорита, оно должно казаться вполне достовернымъ письменнымъ памятникомъ. Но, прежде чѣмъ воспользоваться содержаніемъ этого житія, историкъ наталкивается на такую, внушающую не малое подозрѣніе мысль. — Сочиненіе Курбскаго „Исторія князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ, иже слышашомъ у достоверныхъ мужей и яже видѣхомъ очима“ написана — есть произведеніе не безпристрастное; оно имѣ-

(1) Сказанія Князя Курбскаго. Изд. Устрялова, стр. 144.

(2) «Не востыну», говоритъ Курбскій, заканчивая жизнеописаніе. «не токмо отъ достоверныхъ мужей слышахъ, но и очима видѣхъ и надъ слышамъ собою искушавъ, бывшее и приближившееся мнѣ, благодѣаніе многое отъ его святини: понеже исповѣдникъ мнѣ былъ и предлогу зѣло любови ко мнѣ имѣлъ; такоже и азъ къ нему многотрудный, по силѣ моея любови и службою простирался».

ло цѣлю очернить Грознаго и потому жизнь и дѣйствія этого царя перѣдко выставляетъ не въ настоящемъ, а въ искаженномъ видѣ. Многія изъ предвзятыхъ мыслей, произвольныхъ толкованій и одностороннихъ взглядовъ Курбскаго на факты были указаны г. Горскимъ (1). Не является ли Курбскій одностороннимъ писателемъ, человѣкомъ пристрастнымъ и въ жизнеописаніи Феодорита, которое помѣщено въ упомянутой „исторіи“?

Прежде всего самое обозначеніе главы, въ которой приводится жизнеописаніе Феодорита, словами—„о страданіи священномучениковъ“—даетъ основаніе предполагать, что Курбскій причисляетъ и своего духовнаго отца къ этимъ священномученикамъ, признаетъ его умершимъ насильственною смертію; начальныя слова самого жизнеописанія еще прямо говорятъ въ пользу такой мысли. „Въ тѣхъ же лѣтѣхъ мужа погубилъ (Грозный) славнаго въ преподобіи и воистинну святаго, и премудраго, архимандрита савомъ, Феодорита именемъ, о немъ же и о жительствѣ его священномъ вкратцѣ достоить воспоманути“. Послѣ такого начала въ душѣ читателя невольно возникаетъ подозрѣніе, что въ жизнеописаніи Феодорита Курбскій старался выставить и обрисовать жизнь и характеръ Феодорита только съ тѣхъ сторонъ, которыя бы могли очернить жизнь Грознаго, да и по самой любви своей и благоговѣнію къ этому духовному отцу своему рисовалъ его образъ, быть можетъ, болѣе свѣтлыми красками, чѣмъ слѣдовало. Содержаніе самого жизнеописанія не даетъ права къ такимъ заключеніямъ.

Прежде всего Курбскій не сосредоточиваетъ особеннаго вниманія на бѣдственныхъ годахъ изъ жизни Феодорита; положеніе послѣдняго въ заточеніи въ Кирилловомъ монастырѣ биографомъ изображено такъ же кратко, какъ описаны и прочіе періоды его жизни. Далѣе, въ жизнеописаніи Феодорита авторъ мало употребляетъ бранчивыхъ эпитетовъ Іоанну Грозному; только въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ послѣдняго „лютымъ и безчеловѣчнымъ“, и то только вслѣдствіе слуховъ, будто Феодоритъ умеръ насильственною смертію по повелѣнію Грознаго, слуховъ, которыхъ авторъ однако не вы-

(1) Жизнь и историческое значеніе князя Андрея Михайловича Курбскаго.

даетъ за несомнѣнно вѣрныя. Отношенія Іоанна Грознаго къ Теодориту онъ описываетъ безпристрастно, какъ немилостивыя, такъ и благосклонныя: хотя въ началѣ жизнеописанія и говоритъ, что Іоаннъ „погубилъ сего славнаго во предобіи и во истину святаго“ мужа, но не умалчиваетъ и о фактахъ ласковаго отношенія царя къ этому человѣку. Изъ сочиненія Курбскаго видно, что Іоаннъ Грозный понималъ и цѣнилъ достоинство Теодорита, потому и выбралъ именно его, „яко мужа искуснаго и мудраго“, посланцемъ къ Константинопольскому патріарху, „просяще благословенія о коронаціи“. Курбскій подробно описываетъ и то, съ какимъ чувствомъ искренней, сердечной благодарности царь отнесся къ Теодориту, когда послѣдній исполнилъ возложенное на него порученіе. Царь предложилъ Теодориту „триста сребренниковъ великихъ и кожухъ драгихъ соболей подъ аксамитомъ“; когда Теодоритъ по смиренію сталъ отказываться отъ этихъ даровъ, то, пишетъ Курбскій, царь „нача молити его, да не обезчеститъ сану царскаго и да возьметъ сіе“. Теодоритъ взялъ только 25 сребренниковъ, а Грозный „повелѣ и кожухъ оный послати за нимъ и положить во храмивѣ, идѣже онъ обиталъ тогда“.

Что касается до тѣхъ указаній, изъ которыхъ можно выводить, что Курбскій обвинялъ Іоанна въ насильственной смерти Теодорита, то эти указанія дѣйствительно могли бы внушить недовѣріе къ разсматриваемому жизнеописанію; но въ концѣ послѣдняго есть замѣчаніе, которое говоритъ совершенно противное: въ немъ Курбскій не высказываетъ своего слова ни за, ни противъ извѣстія о насильственной смерти Теодорита, а держитъ себя въ положеніи историка, которому приходится слышать объ одномъ и томъ же фактѣ два противоположныхъ отзыва и который, будучи не въ состояніи ихъ провѣрить, считаетъ свое дѣло исполненнымъ, если только просто запишетъ ихъ безъ объясненій. О концѣ Теодорита Курбскій говоритъ такъ: „Нѣщцы глаголють, аки бы воспоманудъ (Теодоритъ) нѣчто о мнѣ (т. е. о Курбскомъ) ему (Грозному); онъ же, глаголють, восклеталъ, яко дивій звѣрь, и воскрешеталъ неистово зубами своими, и абіе повелѣлъ таковаго святаго мужа въ рѣцѣ утопити. И сиче пріялъ мученичества вѣнецъ и получилъ второе крещеніе..... А нѣщцы глаголють о скончаніи его, приходящіе отъ оныя земли, аки бы тихою и спокойною смертію о Господѣ по-

чиль онъ святой мужъ. Авъ же истиннѣ не могъ достаточнѣе вывѣдаться о смерти его, аще и со пржезжаніемъ о юмъ вывѣдахся; яко слынахъ отъ нѣкоторыхъ— тако и написахъ, въ странствѣ будучи и долгимъ разстоиніемъ оглученный и туне отогнанный отъ оныя земли любимаго отечества: моч его⁽¹⁾.

Въ синодизѣ Іоанна Грознаго нѣтъ имени архимандрита Феодорита;—это говоритъ за естественную смерть послѣдняго.

На основаніи всего сказаннаго вѣроятнѣе признать, что разсматриваемое жизнеописаніе не отличается одностороннею фактовъ и взглядовъ автора;—пристрастіе можно находить только въ описаніи личности Феодорита, къ тѣмъ эпитетахъ, какими надѣляетъ его Курбскій. Но эти эпитеты вытекали изъ сердца Курбскаго: изъ чувства искренней любви и уваженія⁽²⁾; какое онъ питалъ къ своему духовному отцу, а не изъ тенденціознаго стремленія посредствомъ свѣтлаго изображенія личности Феодорита набросить густую тѣнь на Грознаго⁽³⁾.

Такииъ образомъ на жизнеописаніе Феодорита слѣдуетъ смотрѣть, какъ на весьма достовѣрный письменный памятникъ сравнительно съ другими житіями поморскихъ подвижниковъ. Слѣдуетъ пожалѣть только о томъ, что памятникъ этотъ не обладаетъ желаемой полнотою. Самѣй важный періодъ жизни и дѣятельности святаго, именно періодъ его миссіонерскихъ подвиговъ на далекомъ сѣверѣ, среди лопарей; описать Курбскимъ кратко, обще и неясно, тогда какъ въ изображеніи остальныхъ эпизодовъ его жизни біографъ является болѣе точнымъ и подробнымъ; совпавшимъ съ хронологическими показаніями другихъ историческихъ памят-

(1) «Сказаніи ии. Курбскаго», изд. Устряловымъ, стр. 141.

(2) Курбскій называетъ Феодорита «славнымъ во преподобіи, воинину святимъ и премудрымъ, днотымъ, неворожничъ, блаженнымъ, мужемъ подобнымъ апостоломъ» и т. д. въ самомъ заголовкѣ (Ростовъ), на которомъ произошелъ Феодоритъ. Курбскій видитъ указаніе на его владычю и святость: изъ Ростова вышель преподобный, Сергій Радомеждскій, отъца сѣвернаго монастыста. Онъ днудоблаетъ Феодорита аз. Тимолею.

(3) Взглядъ Г. Шестова. См: статью его о Феодоритѣ въ Иж. М. Н. Пров. 1868 г. ч. СХХХІХ, стр. 273.

никовъ (2). Провѣтительную дѣятельность своего духовнаго отца Курбскій описываетъ такъ:

„Разжегся (Феодоритъ) желаніемъ пустыннаго безмолвнаго жителства, отходитъ въ дачскайдную пустыню, въ ямыкъ глубокыкъ варваровъ дошарей дикыхъ, плывуще великою Колою рѣкою, яже впадаетъ своимъ устьемъ въ Ледовитое море, и тамо спускаетъ изъ кораблеца и восходитъ на горы вывоія, ихъ же наречеть св. писаніе „ребра Сѣверовы“, и вселяетъ въ тѣхъ тѣсахъ пустынныхъ, непроходимыхъ; по нѣколикихъ же мѣсѣцѣхъ, обрѣтаетъ тамо единачо старца, пустынника (памятаиеня: Митрофанъ (3) бѣ имя ему), пришедшаго во оную пустыню предъ нимъ ави за пять лѣтъ, и пребываютъ вкупѣ въ прегорнайшей пустынѣ, Богомъ храними, питающеса отъ жѣстовыхъ зелій и кореній, ихъ же тамо производить пустыня оная“. Далѣе говорится о нугеиствіи Феодорита въ Новгородѣ.

„Пави поидукъ лѣтъхъ потомъ, возвращаетъ къ оной пустынѣ, уже съ шѣвогорыма другими, и тамо, на устію предреченныя Колы рѣки, созидаетъ монастырь и въ немъ поставляетъ црковь во имя пребезнамяльныя Троицы. Соби-

(1) Такъ не противорѣчить даннымъ хронологіи напр. то, что Феодоритъ могъ видѣться съ Александромъ Свирскимъ, жить въ Кирилловомъ монастырѣ съ Порфиріемъ, бывшимъ игуменомъ Сергіевкой Лавры, что въ 1354 году былъ поставленъ архимандритомъ Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря; затѣмъ, оклеветанный въ единомыслии съ Артеміемъ (Троицъ игуменомъ) въ 1354 г. сосланъ въ Кирилловъ монастырь; а въ 1357 г. бѣ имъ сосланъ въ Константинополь и наконецъ поселился въ Вологодскій Кирилловъ монастырь. Препод. Александръ Свирскій умеръ въ 1333 г. (Истор. Рук. № 238, л. 83 на оборотѣ). Порфирій былъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь въ 1323 г. (Барам. Исторія Гос. Рос. Т. VII, гл. 111, стр. 73. Пресв. Макарія Исторія р. ц. Т. 6, кн. 1, стр. 325). О посылкѣ въ 1357 году бывшаго архим. Сузд. Спасо-Евфиміева монастыря Феодорита въ Константинополь говорятъ и летописи (Барам. VIII т., примѣч. 587, стр. 81. Степ. кн. II, 286—287).

(2) О личности сожителя Феодорита существуютъ различныя мнѣнія. Одни признають его Трифономъ (пр. Филаретъ Русск. свян. вѣд. декабрь 43 № 4 число). Правосл. Соборъ 1850 г. (ч. 4). Другіе отвергаютъ такое мнѣніе (Нестабовъ, Ключевскій). И то и другое стараются обосновать на хронологическихъ показаніяхъ, находящихся въ жизнеописаніи Феодорита; но такъ какъ послѣдніе не точны, то обоснованныя на нихъ мнѣнія не имють убѣдительны.

раеть тамо чреду мнишескую и правило имъ свѣщенное уставляеть... Потомъ приходившихъ къ нему оныхъ глубокихъ варваровъ наказуетъ помалу и нудить на вѣру Христову, понеже искусенъ уже былъ языку ихъ: произволившихъ же нѣкоторыхъ оглашаетъ къ пути спасенному и потомъ просвѣщаетъ св. крещеніемъ; яко самъ онъ повѣдалъ ми, иже той языкъ лопскій, который просвѣтеся св. крещеніемъ, люди зѣло просты и кротцы и отнюдь всякаго лукавства неискусны, ко спасенному жъ пути тщаливы и охочи зѣло, яко послѣди множество отъ нихъ мнишеское житіе возлюбили, за благодатію Христа нашего и за Того священными учени; понеже науча ихъ писанію, и молитвы нѣкоторыя перевелъ имъ отъ словенска въ ихъ языкъ. Потомъ же, по лѣтѣхъ немалѣхъ, егда распространяешъ въ томъ языкѣ проповѣди евангельскія, изъявлены бысть чудеса и знаменія нѣкоторыя.... Тогда наученыхъ отъ него и оглашенныхъ допаявъ единатаю дню крестипаша, яко двѣ тысячи со женами и дѣтьми“.

Это описаніе, какъ само собою видно, передаетъ только самія общія, скудныя по содержанию свѣденія о просвѣтительной дѣятельности Θεодорита. Видно, что Курбскій мало поинтересовался разсказами своего духовнаго отца о просвѣщеніи кольскихъ лопарей, отнесся къ нимъ съ невниманіемъ и потому воспроизвелъ изъ въ своей Исторіи Іоанна Грознаго весьма неясно. Если судить по изложенію Курбскаго, то слѣдуетъ принять, что 1) Θεодоритъ, по прибытіи на р. Колу, первоначально построилъ монастырь, а потомъ обратился съ проповѣдію къ лопарямъ, и что 2) обращеніе послѣднихъ въ христіанство шло очень быстро. Цыфру окрещенныхъ, показанную Курбскимъ, нельзя не признать громадною, если допустить, что въ продолженіе 20 лѣтняго пребыванія въ пустынѣ Θεодоритъ обращеніемъ не занимался. Жизнеописаніе Θεодорита хотя во многихъ мѣстахъ и отличается точностію въ обозначеніи времени событій, но эти хронологическія показанія довольно странны: Курбскій прямо не обозначаетъ ни одного года — счисленіе ведется сначала по лѣтамъ Θεодорита. Не сказавъ о времени его рожденія, Курбскій точно указываетъ, какихъ лѣтъ онъ пришелъ на Соловки, въ какомъ возрастѣ постригся въ монашество, какъ долго пребывалъ на послушаніи у старца Зосимы. Если бы также точны были дальнѣйшія хронологическія обозначенія событій, тогда бы еще можно было, по сли-

ченію съ показаніями другихъ историческихъ памятниковъ, опредѣлить время прибытія Θεодорита на р. Колу и какой промежутокъ прошелъ между началомъ его проповѣди и обращеніемъ 2,000 лопарей. Но въ томъ и состоитъ дѣло, что, на ряду съ точными хронологическими обозначеніями къ жизнеописанію Θεодорита встрѣчаются весьма неопредѣленные: — „аки едино лѣто“... „аки пять лѣтъ“... „потомъ“... „по лѣтѣхъ немалѣхъ“; такія указанія встрѣчаются во многихъ мѣстахъ и затрудняютъ составленіе вѣрной хронологіи для жизнеописанія.

Изъ словъ Курбскаго не видно, чтобы у Θεодорита при удаленіи на сѣверъ была мысль объ обращеніи лопарей; Θεодоритъ какъ будто искалъ только пустыни, безмолвнаго жительства; послѣ долгаго пребыванія въ пустынь и вѣротно послѣ ознакомленія съ языкомъ лопарей онъ выступилъ къ нимъ съ проповѣдію о Христв. Нужно предположить, что Θεодоритъ въ продолженіи 20 лѣтняго пребыванія въ пустынь входилъ въ сношенія съ лопарями, бесѣдовалъ съ ними и подготовлялъ ихъ къ принятію св. крещенія, иначе становится непонятнымъ, — по какимъ побужденіямъ Θεодоритъ, такъ искавшій пустыннаго уединенія, послѣ 20 лѣтъ строгой отшельнической жизни отправляется въ Новгородъ къ архіепископу и отъ него получаетъ рукоположеніе въ пресвитера? съ какою цѣлію Θεодоритъ, о нелюбостыжательности котораго свидѣтельствуетъ Курбскій, и который, привыкнуши питаться землемъ и кореньями, не нуждался въ деньгахъ, принимаетъ отъ богачей не мало серебра и затѣмъ идетъ въ пустыню, и не одинъ, а со многими другими, и тамъ, на устьѣ р. Колы, основываетъ монастырь и поставляетъ церковь? Значить, во время 20 лѣтняго пребыванія въ пустынь онъ не проводилъ только безмолвную, строгоотшельническую жизнь, а занимался и проповѣдью лопарямъ о Христв; потому то и нуженъ былъ ему санъ пресвитера, чтобы крестить новоприсвѣщенныхъ, потому то и нужна была ему церковь, — собраніе вѣрующихъ уже было имъ подготовлено; нужны были и помощники, сотрудники, чтобы съ большимъ успѣхомъ продолжать начатое дѣло. Послѣ „немалыхъ лѣтъ“ проповѣди, которую Θεодоритъ провелъ, „наказуя оныхъ глубокихъ варваровъ и нудя на вѣру Христову“, можно допустить, что въ

одинъ день крещено около 2.000 лопарей, наученныхъ имъ и оглашенныхъ въ продолженіи почти 20 лѣтъ⁽¹⁾.

Итакъ, самыя важныя и драгоцѣнныя для исторіи Русской церкви на сѣверномъ Поморьѣ свѣденія о просвѣтительной дѣятельности Θεодорита Курбскимъ описаны кратко и неточно: не сообщается ни о годѣ, съ котораго Θεодоритъ началъ свою проповѣдь лопарямъ, ни объ обстоятельствахъ этой проповѣди, ни объ ея приемахъ. Изъ словъ Курбскаго можно вывести только слѣдующія данныя для исторіи обращенія кольскихъ лопарей. — По изученіи лопарскаго языка Θεодоритъ началъ проповѣдывать этимъ инородцамъ о Христѣ, перевелъ на ихъ языкъ нѣкоторыя молитвы, училъ и приготовлялъ ихъ къ принятію крещенія. Вѣроятно обученіе лопарей и просвѣщеніе ихъ велось тихо, такъ что даже не обратило на себя вниманія ихъ кебуновъ, которые безъ сомнѣнія постарались бы повредить дѣлу Θεодорита и даже причинить ему обиды и оскорбленія. Если бы эти обиды были, то Курбскій, охотно передававшій о страданіяхъ Θεодорита за правду, не преминулъ бы разсказать о томъ, какъ любимый имъ духовный отецъ терпѣлъ оскорбленія отъ грубыхъ варваровъ. Подготовивъ лопарей къ святому крещенію, Θεодоритъ и Митрофанъ отправились въ Новгородъ, гдѣ доложили о необходимости послать туда пресвитера. Архіепископъ нашелъ удобнымъ и справедливымъ рукоположить въ этотъ санъ самого Θεодорита: въ Новгородѣ послѣдній получилъ отъ богатыхъ гражданъ средства на устройство церкви и монастыря, по сооруженіи которыхъ нѣкогда въ одинъ день и крещено было около 2.000 лопарей⁽²⁾.

Устроеніе обители и принятіе въ ней званія настоятеля не особенно хорошо отозвалось на судьбѣ Θεодота: за суровость устава, введенаго во вновь устроенномъ монастырѣ, монахи выгнали Θεодорита. Послѣдній былъ такъ огорченъ поступкомъ собранной имъ же самими братіи, что рѣшился оставить просвѣтительную дѣятельность и какъ выражается Курбскій, поневолѣ поиде отъ тѣхъ пустынь во вселенную, и бываетъ игуменомъ во единомъ маломъ мона-

(1) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1868 г. ч. СХХХІХ, стр. 263, 264 и 266.

(2) Тамъ же.

стырь, въ Новгородской землѣ лежащемъ“. Новокрещенные лопари остались на долгое время безъ своего просвѣтителя. Онъ былъ послѣ поставленъ въ архимандрита суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, потомъ ходилъ въ качествѣ царскаго посла съ Константинополь, попалъ въ заточеніе и наконецъ поселился въ Прилуцкомъ монастырь. Уже въ послѣдніе годы Теодоритъ вспомнилъ о своихъ духовныхъ дѣлахъ, бѣдныхъ лопаряхъ, и рѣшился посѣтить ихъ. Два раза онъ навѣщалъ ихъ. Путь его исполненъ былъ опасностей: онъ шелъ изъ Вологды до Холмогоръ, оттуда рѣкою Двиною до моря, а моремъ до р. Печенги, въ предѣлы кольскихъ лопарей. „Востину, восклицаетъ Курбскій, сіе удивленія достойно! въ такой старости и такіе жестокіе пути претерпѣлъ. лѣтомъ плавающе ему по морю, зимою же на прыткоственныхъ еленехъ ѣздяще по непроходнымъ пустынямъ, посѣщающе дѣтей своихъ духовныхъ, яко мниховъ оныхъ, такъ и лопановъ, наученныхъ и крещенныхъ отъ него, пекущеся о спасеніи душъ ихъ, въ невѣрныхъ сѣюще проповѣдь евангельскую и размножающе благочестіе, врученный ему отъ Христа Бога талантъ, во языцѣ ономъ глубокихъ и грубыхъ варваровъ, не щадяще ни старости и немощнаго тѣла, сокрушеннаго многими лѣты и великими труды“.

Такимъ образомъ жизнеописаніе Теодорита, сравнительно съ другими житіями поморскихъ подвижниковъ отличающееся большою достоѣрностію сообщаемыхъ свѣденій и точностію хронологическихъ показаній, важно не столько по изображенію просвѣтительной дѣятельности этого лица, сколько какъ его личная біографія; для исторіи церкви на сѣверномъ поморьѣ оно мало даетъ матеріала. Историкъ былъ бы болѣе благодаренъ Курбскому, если бы онъ повнимательнѣе отнесся къ рассказамъ Теодорита о просвѣщеніи лопарей и изобразилъ бы этотъ самый свѣтлый и замѣчательный періодъ его жизни пополнѣе и поподробнѣе. Впрочемъ, безъ жизнеописанія Теодорита, составленнаго Курбскимъ, остались бы неизвестными и тѣ свѣденія о его дѣятельности на сѣверѣ, какія сейчасъ узнаемъ изъ этого скуднаго памятника.

VII.

Болѣе подробныя свѣденія сохранились о другомъ продовѣдникѣ христіанской вѣры въ поморскомъ краѣ. — о современникѣ Θεодорита, св. Трифонѣ Печенгскомъ; свѣденія эти изложены въ его жизнеописаніи, которое имѣетъ такое заглавіе: „жизніе преподобнаго отца нашего Трифона Печенгскаго чудотворца, дошарскій народъ просвѣтившаго святымъ крещеніемъ“⁽¹⁾.

Когда написано это житіе, — съ точностію опредѣлить нельзя; изданное житіе, по списку Соловецкой бібліотеки № 188 - й. въ Православномъ Собесѣдникѣ⁽²⁾ отнесѣтъ къ XVII вѣку; такого же мнѣнія держится и г. Ключевскій; но г. Шестаковъ⁽³⁾ находитъ болѣе справедливымъ относить происхожденіе этого житія къ XVIII столѣтію. Въ означенной рукописи къ житію приложена служба съ акаѣистомъ преп. Трифону, написанная одною и тою же рукою: эта служба съ акаѣистомъ могла быть составлена никакъ не ранѣе XVIII вѣка, потому что въ концѣ одного тропара сказано „припадающе вопіемъ: моли всѣхъ Бога и святую Троицу за Императрицу и за градъ твой, и за всѣ люди, почитающіе память твою“⁽⁴⁾, въ двухъ мѣстахъ⁽⁵⁾ еще есть обращеніе къ преподобному, чтобы онъ молился за Императрицу. Такъ какъ всѣ императрицы русскія были въ XVIII вѣкѣ, то и рукопись № 188, очевидно, принадлежитъ этому столѣтію. Мнѣніе г. Шестакова о времени происхожденія упомянутой рукописи можно было бы признать вполне справедливымъ, если бы можно было доказать, что означенная рукопись житія есть самая древнѣйшая, первоначальная? Кажется, вѣрнѣе предположить, что акаѣистъ преподобному появился позднѣе самаго житія и службы; происхожденіе же послѣднихъ слѣдуетъ отнести къ концу XVII вѣка, ко временамъ не ранѣе патріаршества Никона, имя котораго упо-

(1) Ркп. Соловецк. бібл. № 420.

(2) Правосл. Собес. 1839 г. ч. II, стр. 89—120.

(3) Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г. ч. СXXXIX, стр. 137.

(4) Ркп. № 188, л. 36 на обор.

(5) Тамъ же, л. 41 и 41 на обор.

минается въ послѣднемъ изъ чудесъ, приложенныхъ къ житію. Біографъ говоритъ, что онъ намѣренъ написать только житіе и службу преподобнаго; акаѣистъ не составляетъ не-премѣнной части „службъ“ и могъ появиться послѣ нея. Гдѣ и кто писалъ это житіе, неизвѣстно; несомнѣнно, что оно дошло до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Изъ предисловія къ „читателю благочестивому“, узнаемъ, что житіе св. Трифона, „писанное самовидцами“, погибло въ то время, когда обитель преподобнаго была раззорена и сожжена до основанія нѣмцами. Отсюда можно заключить, что это первоначальное жизнеописаніе было составлено вскорѣ же послѣ смерти преподобнаго, такъ какъ онъ скончался въ 1583 (¹) году, а опустошеніе обители было въ 1589 (²) году.

Древнѣйшее житіе погибло однако не безслѣдно: судя потому, что оно было писано не однимъ, а нѣсколькими самовидцами, можно предполагать, что оно имѣло характеръ записокъ, а не стройнаго единого цѣлаго. Въ томъ же предисловіи говорится, что „у нѣкоторыхъ во святому по вѣрѣ въ малыхъ книжицахъ и писаніяхъ краткихъ соблюдошася“, т. е. свѣденія о препод. Трифонѣ. Этимъ матеріаломъ и воспользовался неизвѣстный по имени составитель дошедшаго до насъ житія. „Се нынѣ, Господу поспѣшествующу, потрудихся службу и житіе преподобнаго, во едину книгу совокупить, написать“; подобная фраза находится еще въ самомъ концѣ житія... „мнѣ недостойному дивнаго въ проповѣди отца Трифона житіе и подвизи во едину книгу собрати“... Эти слова составителя житія служатъ и характеристикой его труда: дошедшее до насъ житіе написано не очевидцемъ и современникомъ преподобнаго, а составлено изъ разныхъ „малыхъ книжицъ и писаній краткихъ“ и представляетъ только нѣкоторыя свѣденія о жизни и чудесахъ этого святаго. Житіе „писанное самовидцы“, надо полагать, полнѣе обнимало жизнь преподобнаго. Авторъ позднѣйшаго житія какъ бы самъ недовѣрчиво относится къ этимъ источникамъ; это видно изъ слѣдующихъ словъ, которыми онъ закончилъ описаніе чудесъ: „Благоразсудный читатель! аще въ книзѣ

(¹) См. Житіе пр. Трифона, „описаніе краткое“.

(²) Карамз. Т. X, стр. 63.

сей обрящеши что погрѣшно, молю любовь твою тихостію исправить и меня убогаго не клени, но за неразуміе мое милостиваго Бога моли; аще другъ за друга Бога молимъ, то и надъ всѣми нами милость Божія неоскудна подается“.

Не смотря на все это, для исторіи нашей отечественной церкви житіе это представляет собою цѣнный памятникъ; только въ немъ сохранились свѣденія о распространеніи христіанства среди лопарей, обитавшихъ по р. Печенгѣ и сосѣднихъ съ нею мѣстахъ; оно сообщаетъ также свѣдѣнія о бытѣ и характерѣ лопарей. Хотя оно написано спустя значительное время послѣ смерти преподобнаго, однако сохранило въ себѣ такія указанія, которыя даютъ основаніе предполагать, что въ него вошли замѣтки людей, быть можетъ знавшихъ лично св. Трифона или видѣвшихъ его; такъ въ житіи находится описаніе наружности Трифона: „возрастомъ святой немалъ, нагибъ, плотію крѣпокъ, мало плѣшивъ, брадою сѣдъ“. Съ другой стороны, свѣденія, сообщаемыя въ житіи, не стоятъ въ противорѣчій съ другими историческими показаніями ⁽¹⁾; въ описаніи мѣстности и быта лопарей замѣчается согласіе съ дѣйствительностію,—это внушаетъ довѣріе къ разсматриваемому жизнеописанію.

При чтеніи житія нельзя не замѣтить разницы въ изложеніи двухъ его половинъ: „первая часть, по словамъ издателей его, состоящая изъ разсказа о дѣтствѣ святаго, о просвѣщеніи лопарей и устроеніи обители, написана довольно стройно и, надо полагать, однимъ лицомъ; дальнѣйшіе разсказы, особенно разсказы о чудесахъ, излагаются растянуто, безъ связи и исторической послѣдовательности, и, по всей вѣроятности, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были найдены въ тѣхъ „малыхъ книжицахъ и писаніяхъ краткихъ“, на которыя указываетъ составитель“ ⁽²⁾. Не смотря на нѣкоторую переработку позднѣйшаго писателя, разсказы,

⁽¹⁾ Такъ весьма вѣроятно допустить, что освящавшій церковь, построенную преп. Трифономъ, священникъ Ілія былъ тотъ самый, который въ 1534 г. и 1535 г., по порученію новгор. архіепа. Макарія объѣзжалъ инородческія поселенія въ поморскомъ краѣ. О вѣствованіи иѣмъ на сѣверныхъ областяхъ въ 1589 г. говорятъ другіе историческіе памятники (см. у Карам. Т. X, стр 63).

⁽²⁾ Правосл. Соборѣд. 1859 г. ч. II, стр. 92.

помѣщенные въ житія, сохранили форму отдѣльныхъ описаній, съ особенными предисловіями для каждаго; писатель, какъ самъ выражается, только „собралъ и совокупилъ ихъ во едину книгу“; его собственный трудъ, по всей вѣроятности, состоялъ въ составленіи первой части житія.

По своей формѣ житіе препод. Трифона подходитъ къ группѣ житій, составленныхъ по установившимся въ XV вѣкѣ приемамъ; хотя въ немъ и замѣтна разница въ изложеніи двухъ его половинъ, однакоже авторъ старался придать своему произведенію видъ законченнаго цѣлаго. Самому жизнеописанію предпосылается витѣватое предисловіе, которое заставляеть предполагать въ его составительѣ человѣка обладавшаго начитанностію въ Писаніи и знакомствомъ съ библейской исторіей; конецъ житія завершается молитвеннымъ обращеніемъ ко Христу и преп. Трифону. Первая часть отличается болѣею полнотою и стройностію изложенія предъ послѣднею, но уступаетъ ей въ отношеніи къ достовѣрности сообщаемыхъ свѣденій. Составитель житія хотѣлъ написать свое произведеніе въ духъ искусственныхъ житій XV и XVI вѣковъ: на первыхъ порахъ онъ ведетъ это дѣло довольно успѣшно,—предисловіе къ житію изложено не простою рѣчью, а съ отгѣнками витѣйства. Далѣе біографу нужно было говорить о дѣтствѣ преподобнаго. Такъ какъ онъ не зналъ этого періода жизни, то ему слѣдовало открыто признаться въ этомъ. Такъ онъ сначала и поступаетъ: „Сей святыи великій проповѣдникъ и пустынный житель препод. отецъ Трифонъ рожденіе и воспитаніе имѣя въ новгородскихъ предѣлахъ, отъ самого ли Новаграда, или отъ иныхъ новгородскія страны градовъ и весей,—того въ писаніи не обрѣтаемъ; глаголетжеся отъ нѣкихъ, якобы отечество преподобнаго близъ града Торжка, отъ священныхъ, благочестно живущихъ родителей“. Но послѣ этого онъ приступаетъ къ изображенію дѣтства св. Трифона и описываетъ его именно такими чертами, какими составители житій старались обрисовать этотъ темный, почти всегда для нихъ неизвѣстный, періодъ жизни святаго. Затѣмъ идетъ рассказъ о призваніи препод. Трифона къ проповѣднической дѣятельности и самое описаніе ея.

Время прибытія Трифона на р. Печенгу не обозначено, какъ не показано и то, когда построена тамъ церковь и сооружена обитель, когда и кѣмъ посвященъ игумень въ

эту обитель. При описаніи пребыванія преподобнаго въ пустынѣ, біографъ также пользуется типическими чертами; но на ряду съ ними нашли мѣсто и важныя для исторіи описанія; сюда относятся изображеніе быта лопарей. „Тояже земли народъ лопарскій, живуще въ нечестіи и въ самомъ поганскомъ идолобѣси, яко звѣри дивіи, почитаху бѣсовъ, и кланяхуся дѣлу рукъ человѣческихъ и боготворяху гады и нощныя ветопыри, и иные ползущіе животныя; и ядаху всякое нечисто и скверно; а жилища своя имяху по гористымъ и блатнымъ непроходнымъ мѣстамъ, разсѣяны единъ отъ другаго верстъ по сту и больши. А всей той земли въ долину стадій пять сотъ, а поперекъ мало меньше“.

Поселившись въ этой дальней странѣ, одинъ, безъ крова, скитаясь по лѣсамъ и горамъ, Трифонъ рѣшился возвѣстить бѣднымъ лопарямъ проповѣдь о христіанской вѣрѣ. Чтобы завязать сношеніе съ лопарями, преподобный началъ „яко бы творити бесѣды о купляхъ“ (значить, онъ уже изучилъ ихъ языкъ). „А потомъ, разумѣя духомъ просвѣщеннымъ, показа имъ дивный, всѣхъ просвѣщающій, камень Господа Іисуса Христа, и пребезцѣнное сокровище — Его святую и предражайшую кровь, изліянную за искупленіе всѣхъ. Таже начать любезно сказывати о слѣпотѣ ихъ и о дьявольскомъ омраченіи; а потомъ дерзновенно обличаше и сказываше о истинномъ, въ Троицѣ славимомъ, Бозѣ, и о созданіи міра, и о потопѣ, и о разсѣяннѣи языковъ и о Авраамѣ, понеже Авраамъ отъ такова же невѣдѣнія позна Бога. Таже отъ Моусеева закона о пророцѣхъ, и о псалмѣхъ, провозвѣстившихъ пришествіе Сына Божія, и о Его воплощеніи, и о страстѣхъ, и о смерти, и о воскресеніи, и на небеса о вознесеніи, и о сѣденіи одесную Бога Отца, и о общей смерти, и о воскресеніи, и о безконечномъ царствіи, и о муцѣ всѣхъ человѣкъ. Народъ же, омраченный невѣріемъ, а паче изъ нихъ кебуны, то есть отлученныя слуги дьявольскія, пряхуся съ праведникомъ Божіимъ, и ярахуся, яко звѣри, и неисповѣдимыя дѣяху ему пакости: за власы торгоху и о землю метаху, и біяху, и ихаху, называюще незнаема странника, и юрода, ихъ поганскому беззаконію возвѣщающа противнѣе, вопльствующе нанъ, аще отъ предѣлъ ихъ не изыдетъ и пребывати съ ними будетъ, горькою мукою и самою смертію претяне. А иногда на Божія проповѣдника, яко на самого Іисуса Христа іудей, тако со-

бравшеся со оружіемъ и древолоіемъ, глаголюще въ себѣ: пойдемъ, убіемъ его, ибо поносить намъ о паденіи въ беззаконіе, и обличаетъ грѣхи наша. Но Господь Богъ, обѣщавшійся съ нимъ быти, вѣсть преподобнаго Своего отъ напасти изимати, желающихъ его крови и смерти. Многократно отъ руку ихъ сидевымъ образомъ спасе: Своимъ Божиимъ мановеніемъ наставляше преподобнаго сокрыватися въ горахъ и въ разсѣлинахъ каменныхъ; иногда святыи проходилаше сквозѣ ихъ, но злобою ослѣпленныхъ, невидимъ бысть; а иногда показавшеся имъ и о дѣвольскомъ плѣненіи и о омраченіи, не обинуяся, обличаше и сказоваше о царствіи Божіи; ибо Той Единъ царствующій всѣми. Народи же едины, изо устъ его яко свѣтлость огня видѣвше исходящую, дивляхуса, и на лице его святое, яко на лице ангела, прилѣжно зряще, начаша сердца своего жестокия бразды мягчити, и отъ преподобнаго сѣюще(ся) божественное сѣмя принимати; друзіи же, яко львы, на благовѣстника Христова рыкаху и, яко медвѣди, ревуше, и различно страшаше, и зубы скрежетаху, нелѣпно кричаще: возьмемъ и распнемъ его. Ощутивши же въ сердцахъ своихъ сѣмя благовѣстія вопреки глаголаху: не имамы въ немъ вины; глаголетъ намъ о добрѣ, возвѣщаетъ о царствіи Божіи, смерть нашу нарицаетъ сонъ, сказуетъ сице: вси не успнемъ, но воскреснемъ; оставимъ его нынѣ; аще ли вину обрачемъ, тогда безлѣпную смертію убіемъ его. И изгоняху преподобнаго, яко хулителя беззаконныя слѣпоты ихъ. Преподобный же отъ сонма ихъ изхождаше радуяся, яко проповѣди ради имени Иисусъ Христова воспріялъ многое біеніе и безчестіе.... Въ томъ благовѣстіи святыи мужъ добраго желанія потрудися не мало лѣтъ. Но Господу Богу поспѣшествующу, прежде лопарей окрестъ рѣкъ Печенги и Пазреки, а потомъ той части всѣхъ проповѣдію огласивъ, по святымъ крещеніемъ не просвѣтивъ, понеже не имѣлъ преподобный іерея“.

Сознавая необходимость въ устроеніи церкви и обители въ той странѣ, св. Трифонъ отправился въ Новгородъ, взялъ на то благословеніе у архіепископа, нашель церковныхъ строителей, и, возвратившись на р. Печенгу, началъ строить церковь, самъ помогая работникамъ. Созданная церковь три года стояла неосвященною. Трифонъ отправился въ Колу, гдѣ нашель іеромонаха Илію, котораго и пригласилъ съ собою на р. Печенгу для освященія церкви и просвѣщенія

святѣмъ крещеніемъ лопарей. Житіе рассказываетъ, что новопросвѣщенные приносили по усердію отъ своихъ имѣній серебро и другія вещи и вѣли ихъ къ ногамъ препод. Трифона („яко предъ ногами апостольскими препод. отца Трифона при ногахъ полагаху“); другіе жертвовали земли, озера и рѣки, „и письменными завѣты утверждаху“. Препод. Трифонъ ничего изъ этихъ привошеній не бралъ для себя, а все отдавалъ въ церковь, чтобы за это подаваніе молили Бога о здравіи живыхъ и упокоеніи усопшихъ, имена которыхъ вносились въ синодикъ. Трифонъ всю жизнь свою оставался инокомъ (1), но всѣ почитали его, какъ пастыря; онъ заботился о матеріальномъ благосостояніи монастыря и новопросвѣщенныхъ, предпринималъ далекія путешествія въ Москву и Новгородъ въ тяжелые для обители годы, „яко кокошь, собирая сѣмена, птенцовъ своихъ окормляше всѣ цѣлые осмь лѣтъ“; на своихъ плечахъ онъ однажды принесъ изъ Колы жернова ручные для обители. Послѣ продолжительной, трудовой жизни преподобный впалъ въ болѣзнь и сильно изнемогъ; скончался на 89 году своего возраста (15 декабря 1583 года).

Сравнивая описаніе просвѣдительной дѣятельности св. Трифона съ описаніемъ таковой же дѣятельности Θεодорита, нельзя не замѣтить полноты и большей содержательности въ житіи перваго изъ этихъ подвижниковъ; жизнеописаніе Θεодорита достовѣрнѣе біографіи препод. Трифона и отличается точностію въ обозначеніи событій, но значительно уступаетъ этой біографіи по количеству матеріала, сообщаемого для исторіи сѣверно-поморскаго края. Житіе препод. Трифона сохранило весьма важныя свѣденія относительно распространенія христіанства среди лопарей, обитавшихъ по рѣкамъ Печенгѣ и Назрекѣ, свѣденія болѣе подробныя и характеристическія, чѣмъ какія находимъ въ жизнеописаніи Θεодорита; этимъ и опредѣляется сравнительное достоинство и значеніе перваго житія предъ послѣднимъ. Правда, житіе препод. Трифона не чуждо прикрасъ и идеализаціи въ описаніяхъ, но это едвали можетъ ослаблять довѣріе къ этому произведенію.

(1) Въ «Словарѣ историческомъ о святыхъ, прославленныхъ въ Росс. церкви» пр. Трифонъ ошибочно названъ игуменомъ Печенгско-Кольскаго монастыря.

Въ жизнеописаніяхъ другихъ подвижниковъ, потрудившихся на пользу просвѣщенія христіанской вѣрой языческихъ инопорочцевъ, замѣчается весьма значительное сходство съ описаніемъ просвѣтительной дѣятельности св. Трифона. „Сравнивая событія жизни св. Трифона съ жизнію св. Стефана Пермскаго, говоритъ г. Шестаковъ, не можемъ не поражаться разительнымъ сходствомъ судьбы того и другаго: та же, Богомъ вложенная, благодатная мысль руководила жизнію обоихъ проповѣдниковъ отъ отроческихъ лѣтъ; тою же святою подвижническою жизнію оба предуготовляли себя къ дѣлу своего апостольскаго служенія; тою же любовію въ своему призванію, упованіемъ на Бога, твердостью, терпѣніемъ и безстрашіемъ отличалась жизнь ихъ среди язычниковъ“⁽¹⁾. Какъ св. Стефанъ, такъ и св. Трифонъ встрѣтили противодействие новому, принесенному ими, ученію не въ народѣ, но въ кебунахъ. Слѣдствія проповѣднической дѣятельности обоихъ также имѣютъ сходство: терпѣніе св. Трифона и его безстрашная кротость, какъ терпѣніе и кротость Стефана, привлекли миролюбивыхъ язычниковъ въ принятію новой вѣры. „Новопросвѣщеніи людие и ихъ наслѣдники, Богомъ утверждени во святой вѣрѣ, и до сего времени пребываютъ неподвижно, и яко на благодатный законъ самого Христа и на проповѣдь св. апостоловъ, тако и на своего начальника вѣры, на препод. отца Трифона, уставы зряще, и послѣдствующе преданію его сохранны и твердо. И отъ тамо близкихъ странъ отъ люторскія и кальвинскія ереси, и отъ раскольныя слѣпоты блюдутъ себѣ невредно и, яко противныхъ правдѣ, зѣло гнушаются“.

Сходство содержанія между жизнеописаніями св. Трифона Печенгскаго, Стефана Пермскаго и Трифона Вятскаго не должно наводить на мысль о заимствованіи біографомъ перваго изъ упомянутыхъ подвижниковъ у другихъ біографовъ общихъ чертъ для изображенія просвѣтительной дѣятельности преподобнаго среди лопарей: эти біографіи имѣютъ между собою много сходства, потому что самая дѣйствительная жизнь подвижниковъ, какъ просвѣтителей языч-

⁽¹⁾ Ж. М. Н. Просвѣщ. 1868 г. ч. СХХХІХ, стр. 290. Судьба св. Трифона Печенгскаго имѣетъ сходство еще съ жизнію препод. Трифона Вятскаго († 1613).

никовъ-инородцевъ, была сходна, обставлена была одинаковыми условіями. Нельзя однакоже не предположить, что жизнеописатели упомянутыхъ подвижниковъ, при составленіи своихъ произведеній, представляли себѣ идеальный образъ истиннаго миссіонера и съ него заимствовали нѣкоторыя черты для изображенія просвѣтительной дѣятельности описываемаго лица; эти черты типическаго характера выступаютъ наружу при изображеніи самой личности подвижника и обрисовкѣ его отношеній къ язычникамъ и новопросвѣщеннымъ инородцамъ. Здѣсь встрѣчаемъ гиперболическія сравненія и уподобленія. Биографъ препод. Трифона, напр., говоритъ, что на святаго „Божія проповѣдника, яко на самого Іисуса Христа іудей“, язычники „тако собравшеся со оружіемъ и дрекольми, глаголюще къ себѣ: пойдѣмъ, убіемъ его, ибо поноситъ намъ о паденіи въ беззаконіе, и обличаетъ грѣхи наша“.... Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „народи же едины, изо устъ его яко свѣтлость огня видѣвше исходящую, дивляхуся, и на лице его святое, яко на лице ангела прилѣжно зряще, начаша сердца своего жестоки бразды мягчити“..., „И изгоняху преподобнаго, яко хулителя беззаконныя слѣпоты ихъ. Преподобный же отъ сонма ихъ изхождаше радуясь, яко проповѣди ради имени Іисусъ Христова воспріялъ многое бѣненіе и бесчестіе“ и т. под.

VIII.

Въ ряду подвижниковъ Соловецкой обители въ XVI вѣкѣ особенно замѣчательною является личность св. Филиппа (впослѣдствіи митрополита Московскаго); имя его, по справедливости, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ на страницахъ нашей исторіи. „Во всей исторіи русскаго монашества, говоритъ г. Костомаровъ ⁽¹⁾, нѣтъ другаго лица кромѣ св. Филиппа, которое бы, при обычномъ благочестіи, столько же помнило обязанность заботиться о счастіи и благосостояніи ближнихъ и умѣло соединять съ примѣрною набожностію практическія цѣли въ пользу другихъ“.

⁽¹⁾ Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея историческихъ дѣятелей, стр. 477.

Появленіе св. Филиппа на Соловецкомъ островѣ имѣло весьма важное значеніе: для инокѣвъ онъ явился примѣрнымъ подвижникомъ; братія въ немъ нашли хорошаго наставника-игумена; самая обитель и Соловецкій островъ увидели въ его лицѣ опытнаго, образцоваго хозяина и, благодаря его стараніямъ, дѣйствительно, приняли иной, во многомъ отличный отъ прежняго, видъ. Святый Филиппъ выказалъ также замѣчательныя способности управителя надъ обществомъ мірскихъ людей, принадлежащихъ Соловецкой обители. Какъ пастырь церкви, митр. Филиппъ отличался искреннимъ, непреклоннымъ желаніемъ служить на пользу своему стаду; такъ что даже не побоялся открыто возстать противъ наводившаго на общество ужасъ жестокаго произвола цара Іоанна IV-го, за что послѣднимъ былъ сверженъ съ святительской каѳедры и принялъ мученическую смерть на мѣстѣ заточенія. Столь великія заслуги св. Филиппа выдвигаютъ его величавую личность изъ ряда русскихъ іерарховъ на самое видное мѣсто; біографія такого великаго челоуѣка должна представлять особенный интересъ; но для насъ, въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ значеніе собственно до-святительскій періодъ жизни св. Филиппа.

Житіе св. митрополита Филиппа написано чрезъ 20 съ небольшимъ лѣтъ послѣ его смерти († 1569 г.), вскорѣ по перенесеніи его мощей изъ Твери на Соловки (1591 г.); такъ можно полагать на основаніи слѣдующихъ словъ біографа, которыми онъ начинаетъ описаніе перваго изъ посмертныхъ чудесъ: „Малу же времени прешедшу по перенесеніи мощей блаженнаго Филиппа, повѣда ми вещь сицеву Θεодосій іеромонахъ“⁽¹⁾... Самое имя составителя разсматриваемаго житія осталось въ неизвѣстности, но по тону изложенія можно съ вѣроятностію предположить, что авторомъ былъ монахъ Соловецкій; аскетическій взглядъ на жизнь, живыя симпатіи къ монашеству и въ частности именно къ инокамъ Соловецкой обители ясно говорятъ въ пользу этой мысли. На отношенія составителя житія къ личности святаго не находимъ указаній: ни откуда не видимъ не только того, чтобы составитель житія находился въ близкихъ отношеніяхъ къ митр. Филиппу, но даже и того, чтобы онъ

(¹) Ркп. Соловецк. библ. № 194, л. 176.

былъ его современникомъ. Впрочемъ, преосв. Леонидъ, въ своей статьѣ „Жизнь св. Филиппа митрополита Московскаго“⁽¹⁾, называетъ составителя житія очевидцемъ святаго; такъ онъ думаетъ на основаніи слѣдующихъ словъ, встрѣчающихся въ житіи: „не отъ иного слышахъ, но самъ видѣхъ“; на эти слова, въ свое время, обращалъ вниманіе еще Карамзинъ⁽²⁾; но, кажется, вѣроятнѣе полагать, что составитель разсматриваемаго житія не былъ очевидцемъ описываемыхъ событій.

Слова — „не отъ иного слышахъ, но самъ видѣхъ“ — встрѣчаются не во всѣхъ спискахъ этого житія; такъ, напр., ихъ не находится въ спискахъ Соловецкой библіотеки №№ 190, 192, 193, 194; не есть ли это вставка? Если взять во вниманіе связь рѣчи, то эти слова, дѣйствительно, являются какъ бы неумѣстными. Сказавъ о поставленіи Филиппа на митрополию, изложивъ его рѣчь къ царю, упомянувъ объ его участіи въ царской трапезѣ, біографъ продолжаетъ: „наки же блаженному Филиппу прилежащу о управленіи благовѣрія всего православнаго христіанства, моли Всесильнаго Бога и Пречистую Богородицу и ихъ угодниковъ, благій нравъ подражая прежде помянутаго благолюбиваго Макарія митрополита, усердно потщася послѣдовати честнымъ стопамъ его“⁽³⁾. За этимъ (не во всѣхъ спискахъ) слѣдуютъ слова — „не отъ иного слышахъ, но самъ видѣхъ“. Далѣе во всѣхъ спискахъ житія читаемъ: „и въ та времена бысть убо въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ мѣстѣхъ благочестіе веліе“ и проч. Спрашивается: что же такое, (если указанные слова не считать позднѣйшею вставкою), составитель житія хотѣлъ сказать словами — „не отъ иного слышахъ, но самъ видѣхъ“? Что онъ видѣлъ? Если — то, что св. Филиппъ въ своей пастырской дѣятельности старался слѣдовать по стопамъ митрополита Макарія, то онъ (біографъ) не правъ, потому что между характеромъ управленія митрополіей Макарія и св. Филиппа не столько было сходства, сколько различія и противоположности: митрополитъ Макарій поступалъ осторожно, сообразно съ обстоятельствами и принимая во

(1) Душеполезн. Чтен. 1861 г. ч. 2, стр. 25.

(2) Истор. Гос. Рос. Т. IX, прим. 179.

(3) Рки. № 194, л. 136.

вниманіе характеръ Грознаго царя, а св. Филиппъ дѣйствовалъ прямо, открыто и съ большею настойчивостію. Если же составитель житія словами — „не отъ иного слышахъ, но самъ видѣхъ“ — хотѣлъ указать на то, что во время управленія св. Филиппа митрополіей „въ царствующемъ градѣ Москвѣ процвѣтало благочестіе велие“, — то онъ еще менѣе правъ въ своихъ словахъ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, слова, на которыхъ основывается свое мнѣніе преосв. Леонидъ, оказываются непонятными и несоотвѣтствующими ходу рѣчи, а потому и кажутся какъ бы вставочными. Что составитель житія не былъ очевидцемъ описываемыхъ имъ событій, — это подтверждается еще тою крупною неточностію, какую онъ допустилъ въ своемъ произведеніи. По сказанію житія, причина является учрежденною послѣ возведенія св. Филиппа на митрополичью кафедру, тогда какъ исторически извѣстно ⁽²⁾, что Филиппъ поставленъ митрополитомъ въ 1566 году, а учрежденіе причины относится къ началу 1565 года; такой ошибки въ житіи св. Филиппа быть не могло, если бы его составитель, во время поставленія Филиппа на митрополію, былъ въ Москвѣ; не замѣтить такого замѣчательнаго учрежденія, какъ причина, значило быть не только слѣпымъ; но и глухимъ. Но всего лучше, по нашему мнѣнію, противъ тѣхъ словъ, на основаніи которыхъ преосв. Леонидъ считаетъ составителя житія св. Филиппа очевидцемъ, современникомъ описываемыхъ событій, можетъ говорить самъ же составитель этого произведенія. Въ предисловіи къ житію онъ, между прочимъ, сказалъ нѣсколько словъ о причинахъ, побудившихъ его взяться за это дѣло, сдѣлалъ намекъ на самыя обстоятельства, при которыхъ составлялъ житіе, и характеризовалъ свой трудъ весьма мѣткимъ сравненіемъ; мы позволимъ привести это мѣсто въ буквальныхъ словахъ самого подлинника. „Его же (т. е. св. Филиппа) въ сердца своемъ присно желающе настояй обители тоя великія (Соловецкой) со иже съ нимъ богобоязненными иноки, зѣло желающе, глаголють: яко не лѣпо есть безъ памяти пребывати таковому великому свѣти-

⁽¹⁾ Существованіе, напр., причины свидѣтельствуетъ вовсе не о благочестіи того общества.

⁽²⁾ Карамзинъ. Т. IX, примѣч. 137, 174.

лу, писанію не суцѣ о пречудномъ житіи его. Како явлено можетъ безъ писанія быти невѣдущимъ и незнающимъ его? якоже глаголеміи маргариты, отъ скаль своихъ не произносими, како могутъ добрости ихъ отъ зрящихъ познаваема быти? или злату въ своихъ членахъ скрывающуюся, кто можетъ блесканія его явѣ узрѣти, или солнца свѣтлость кто узритъ, облакомъ многимъ спокрывшимъ пресвѣтлыя лучи его? Сія же и ина многа настояй обители и съ нимъ суцїи иноцы рассуждающе помышляху неотложно и любезно къ великому соѣщавше съ нимъ, яко приснїи ученицы его, принудисте меня грубаго и несмысленнаго невѣжду о пречудномъ и священнолѣпнемъ житіи его любоповѣствовати... Не бо безстудствомъ нѣкоимъ самодерзостно на сіе придохъ, но нами принужденъ должная сотворихъ, понеже яко никтоже яже о немъ написавъ намъ остави; но разсѣянно отъ того словесе собравъ, подобая зодчїю, иже, помалу каменїе собравше, во едино дома совершенїе собирають; тѣмъ же и азъ, яже отъ иныхъ достовѣрно о немъ повѣдающихъ, слышахъ.....восписуемъ“ (1).

Приведенныя слова ясно показываютъ, что трудъ автора разсматриваемаго житія состоялъ только въ изложенїи тѣхъ свѣдѣній, какія онъ получилъ о св. Филиппѣ отъ разныхъ лицъ; его дѣло состояло въ томъ, чтобы изъ такого разбросаннаго, неупорядоченнаго матеріала постронть, подобно зодчему, нѣчто цѣльное, законченное. Если бы составитель житія дѣйствительно былъ очевидцемъ описываемыхъ событїй, то, по всей вѣроятности, въ приведенномъ мѣстѣ изъ предисловія никакъ бы не скрылъ этого; здѣсь писателю было бы умѣстнѣе сказать слова—„не отъ иного слышахъ, но самъ видѣхъ“, чѣмъ употреблять ихъ тамъ, гдѣ они нахоятся въ нѣкоторыхъ спискахъ житія.

Такимъ образомъ, кажется, вѣрнѣе признать, что житїе св. митр. Филиппа составлено не очевидцемъ, а только челоувѣкомъ, жившимъ въ близкое время къ жизни этого святи-теля.

Преданїя о св. Филиппѣ ко времени составленїя его житія могли бытъ очень свѣжи среди Соловецкой братїи; біографъ отъ иноковъ этой обители могъ получить весьма под-

(1) Рку. № 194, л. 101—102.

робныя и достовѣрныя свѣденія о дѣятельности святаго въ бытность Соловецкимъ игуменомъ. Къ концу XVI вѣка въ обители еще могли существовать старцы, жившіе подѣ начальствомъ Филиппа. На Соловкахъ, кромѣ того, о дѣятельности св. Филиппа не мало могли говорить біографу разнаго рода вещественные памятники: зданія, хозяйственные приспособленія и т. п. Пользуясь такими источниками, Соловецкій инокъ могъ составить весьма хорошее, богатое по своему содержанію, жизнеописаніе св. Филиппа; на самомъ же дѣлѣ дошедшее до насъ житіе весьма мало говоритъ намъ о дѣятельности этого знаменитаго челоуѣка на Соловецкомъ островѣ.

Разсматриваемое житіе составлено вполне по духу правилъ и житейныхъ приемовъ, установленныхъ образцовыми агіобіографами XV вѣка; начинается обычнымъ витіеватымъ предисловіемъ, въ которомъ отъ священнаго Писанія приводятся доказательства на тему, что жизнь и дѣянія святыхъ слѣдуетъ описывать для пользы людей, и такимъ же обычнымъ панегирическимъ послѣсловіемъ. Самое изложеніе житія переполнено типическими чертами и обычными житейными фразами.

Рожденіе и дѣтство св. Филиппа описано по подобію весьма многихъ другихъ житій, въ которыхъ говорится, что отъ добрыхъ и благочестивыхъ супруговъ произрастаетъ благой плодъ. Составитель разсматриваемаго житія, въ описаніи первоначальнаго періода жизни св. Филиппа, особенно часто любитъ употреблять пышныя, витіеватыя фразы и риторическіе приемы. Онъ прославляетъ громкими эпитетами не только родителей святаго, но даже великаго князя Василія Іоанновича, въ правленіе котораго родился Филиппъ; онъ называетъ Василія Іоанновича не только обычнымъ титуломъ „великаго князя и государя“, но и „вѣнчаннымъ христороубцемъ, миролюбцемъ, смиренномудрымъ“. Городъ Москву, гдѣ жили родители Филиппа, біографъ величаетъ „благодержавнымъ и пресловущимъ градомъ“⁽¹⁾. Вотъ какъ онъ отзывался о родителяхъ святаго: „Препоситъ убо вѣкій жилъ въ княженіе Василія Іоанновича, благочестивъ и добродѣтеленъ суцъ, мужественъ же и украшенъ многими добродѣ-

(1) Ркп. № 194, л. 104.

телями, исполненъ ратнаго духа, вельми же поучаяся въ божественныхъ заповѣдѣхъ и царскихъ исправленіихъ: бысть же и великимъ княземъ любимъ и его государевы благородныя чести воистинну сподобленъ высокою сановито, радостнотворно неколеблемо всюду сіяше, стропотнаго же стезя до конца стирая и еже Стефанъ именуемъ, по рекломъ Колычевъ, рожденіе имѣя великаго Нова-града, имѣя супружницу себѣ многоцвѣтущую и плодовитую лозу, именовъ Варвару, юже сподоби Господь Богъ во иноческій образъ, инокиня Варсонофія. И живяше оба въ законѣ Господни, и во Его святѣй евангельской заповѣди и теплѣ Того многими слезами милостива себѣ притворяюще, тѣмъ и во всякомъ другомъ обилствіи ликоваху, и отъ того приносяще ему Вседержителю плоды достойны: вѣру, любовь, милостыню, къ сирымъ же и убогимъ великое заступленіе, яко многомилостивые потоки, источающе всегда“ (1).

Подобныя выраженія можно встрѣчать во многихъ житіяхъ; ясно, что біографъ св. Филиппа самъ или вовсе не зналъ родителей его и образа ихъ жизни, или же намѣренно воздержался отъ описанія дѣйствительныхъ, характеристическихъ качествъ этихъ лицъ, считая болѣе приличнымъ восхвалять ихъ при помощи общихъ житейныхъ выраженій, какими къ концу XV вѣка было принято описывать личности родителей святыхъ; всѣ приведенныя выраженія составителемъ разсматриваемаго житія высказаны съ цѣлю показать, что великій подвижникъ и страдалецъ, св. Филиппъ, былъ Богомъ дарованъ своимъ родителямъ за ихъ добрыя качества. „Тѣмъ же плодовая маслина паки процвѣте и распространи бесчисленная селенія, и изсылають многосвѣтлый источникъ отъ своихъ добродѣтелей, отпускають цвѣтъ славы плодовъ благородныхъ, родиста сего приснопамятнаго отрока Феодора“. Самого св. Филиппа біографъ величаетъ слѣдующими словами, взятыми изъ церковно-богослужебныхъ книгъ: „клевреть святыхъ, ревнитель, священною одеждою свѣтло приодѣянъ, въ божественнѣй величїи церкви первосвятитель, ангеломъ собесѣдникъ, сопрестольникъ апостоловъ, священномученикомъ спострадалецъ, всѣми спасительными путями Богу уготованъ“.

(1) Тамъ же.

Не будучи очевидцемъ жизни св. Филиппа, составитель житія не могъ получить свѣдѣній о его дѣтствѣ и юношескомъ возрастѣ иначе, какъ только изъ устнаго преданія. Но въ такую раннюю пору жизни Филиппъ не могъ обращать на себя вниманія другихъ какими нибудь особенностями; его дѣтство и воспитаніе было такое же, какъ и прочихъ боярскихъ дѣтей того времени. Сынъ боярина долженъ былъ готовить себя на службу государю въ рядахъ воинскихъ и въ должностяхъ придворныхъ. Для ратной службы тогда не требовалось теоретическаго образованія; тогда опытъ образовывалъ полководцевъ, между которыми встрѣчались даже безграмотные⁽¹⁾. Нужно было имѣть навыкъ и ловкость управлять конемъ и оружіемъ⁽²⁾. Житіе св. Филиппа дѣйствительно и говоритъ намъ о такомъ образѣ свѣтскаго воспитанія этого человѣка, но говоритъ слишкомъ кратко и въ самыхъ сжатыхъ словахъ, мало обращая вниманія на эту сторону воспитанія. Къ отроку Θεодору родители „приставипша славокрасительныя и неблазвенныя отроки, со всякимъ утѣшеніемъ повелѣвають на избранныхъ и урядныхъ конѣхъ ѣздити съ нимъ почасту“. Неизвѣстно, однимъ ли только этимъ ограничивалось то, что жизнеописатель называетъ въ Θεодорѣ „вразумленіемъ воинской храбрости“, или Θεодоръ пріобрѣлъ ратную опытность подъ знаменемъ великокняжескимъ. У тѣхъ же отроковъ Θεодоръ, вѣроятно, бралъ уроки въ бѣганьи, стрѣляньи въ цѣль, управленіи конемъ,— безъ чего нельзя было обойтись вступающему на службу, сыну боярина⁽³⁾. Но составитель житія умолчалъ объ этомъ; онъ даже не обратилъ вниманія на то, подъ влияніемъ какихъ обстоятельствъ Филиппъ пріобрѣлъ весьма рѣдкую опытность въ домостроительствѣ и житейскомъ хозяйствѣ, какую выказалъ во время своего игуменства на Соловкахъ. Вѣроятно, наблюдательный и воспріимчивый умъ Θεодора еще въ дѣтствѣ привыкъ вникать и внимательно всматриваться

(1) Въ собраніи госуд. грамотъ и договоровъ ч. I, стр. 556, внизу грамоты о Ливонской войнѣ 1566 года, написано: «а Шерстеньевъ-меньшой и Иванъ Чебатовъ рукъ къ сей грамотѣ не приложили, что грамотѣ не умѣютъ».

(2) Карамзинъ. Т VII, стр. 197; также примѣч. 16-е.

(3) Тамъ же.

въ житейска, хозяйственна дѣла; это для него могло быть удобно, такъ какъ родители его были люди знатные. Составитель житія—монахъ—имѣетъ въ виду личность св. Филиппа только какъ подвижника, строгаго инока, съ этой стороны и обрисовываетъ святаго. Своимъ перомъ биографу какъ бы не хочется описывать свѣтскую сторону воспитанія св. Филиппа; онъ обращаетъ главное вниманіе на религиозную, но, какъ не очевидецъ, и здѣсь ограничивается самыми общими фразами, рисуетъ картину тогдашняго религиознаго образованія всѣхъ вообще боярскихъ дѣтей; описаніе это могло имѣть въ его глазахъ значеніе только какъ изображеніе приготовленія къ жизни монашеской; такая точка зрѣнія и проглядываетъ въ описаніи съ самыхъ же первыхъ строкъ.

„Сей (Теодоръ), благоволительствомъ Вышняго, банею паки бытія омывается, еже іереомъ Господнимъ во святѣй вупели крещается въ высокое исповѣданіе, во имя Отца и Сына, и св. Духа, во единосущную Троицу и всѣхъ создателя Бога, и Того всесильною благодатию ту стираетъ прелестную тьму треглаваго окаяннаго змія главу. По семъ же отъ благородныхъ своихъ съ великимъ бреженіемъ отрокъ воспитывается; по времени же родители его своимъ изряднымъ предстательствомъ повелѣваютъ его вруčiti художной хитрости, еже божественному Писанію; въ томъ же онъ со всякою своею сердечною правостию повседневно во благомъ томъ училищи простираяся, яко древо при исходящихъ водѣ. На игры же пустошныя, якоже обычай есть дѣтемъ, никакоже устремляеся, но паче благою часть избираетъ изрядный, его же и благодать Божія осѣняше, и ясно вразумляется книжному ученію.... вельми же любляше кротость и пѣломудріе, и любовь ко всѣмъ..., паче всего упованіе имѣя вѣчныхъ благъ сущихъ на небесѣхъ...“ (1). Отрокъ читаетъ только божественныя нравственно-назидательныя книги и ни въ чемъ болѣе не упражняется, кромѣ такого чтенія и другихъ занятій, ведущихъ къ богомыслию; участвовать въ ѣздѣ „на избранныхъ и урядныхъ конѣхъ“, какъ говоритъ житіе, Теодоръ „по малу касашеся“, и то только для того, чтобы порадовать своихъ родителей. По такой характеристикѣ бла-

(1) Ркп. № 194, л. 105 на оборотѣ и датѣ.

гочестиваго отрока не трудно предположить, что онъ въ слѣдствіи сдѣлается инокомъ. Далѣе биографъ ведетъ рѣчь о пребываніи отрока Теодора при царскомъ дворѣ и здѣсь видитъ въ немъ такого же благочестиваго, смиреннаго юношу, какъ въ домѣ отца. И въ самомъ бурномъ, полномъ свѣжести силъ, юношескомъ возрастѣ Теодоръ (во время пребыванія въ царскомъ дворѣ) тоже „по презлиха смиренномудріемъ украшается, благій же свой нравъ никакоже измѣни, ... храняше Божіи заповѣди и исполняше присно и царское повелѣніе добръ строаше, зловѣріе же изъ корене истребляя (?), бываетъ садитель благочестія“ (1).

Съ ранняго дѣтства настроенный къ набожности, научившись смиренію, послушанію и цѣломудрію, этимъ главнымъ обѣтамъ монашества, Теодоръ, когда ему было 30 лѣтъ, однажды припелъ въ церковь и здѣсь услышалъ слѣдующія евангельскія слова: „немошно убо челоувѣку единымъ окомъ на землю зрѣти, а другимъ на небо, ни двѣма господинама работати“ и т. д. Такія слова глубоко западали въ сердца благочестивыхъ натуръ, какою представлена въ житіи натура св. Филиппа; такіе люди, услышавъ приведенныя евангельскія изреченія, начинаютъ раздумывать, — не къ нимъ ли они всего скорѣе относятся? Тотчасъ же возникаетъ въ головѣ созерцательнаго челоувѣка опасеніе, — какъ бы ему изъ-за земной славы „вѣчныя радости не погрѣшнати“? и вотъ онъ считаетъ за лучшее оставить тлѣнную почесть міра сего. Еще давно, въ раннемъ дѣтствѣ, онъ слышалъ отъ благочестивыхъ странниковъ и богомольцевъ, что тамъ, на отдаленномъ холодномъ сѣверѣ, „на краю вселенныя, во обіястѣй пучинѣ“, есть Соловецкій островъ съ величественною обителью; теперъ благочестивая душа созерцательнаго челоувѣка вспомнила объ этой обители и рѣшилась удалиться туда отъ мірской суеты. Вотъ какими причинами составитель житія объясняетъ переходъ Теодора отъ веселой и роскошной жизни при царскомъ дворѣ къ суровымъ подвигамъ на Соловецкомъ островѣ. Какими чертами любили обрисовывать иноки жизнь монастырскую, — это видно изъ слѣдующихъ, довольно увлекательныхъ для древнерусскаго набожнаго челоувѣка, словъ, какими списатель житія характеризу-

(1) Тамъ же, л. 109.

еть живнѣ Соловецкой брати; въ этихъ словахъ сильно чувствуется личный элементъ писавшаго и вполне высказалось пристрастіе біографа-инока къ своей обители и къ монашескому чину. „Быше убо тамо (въ Соловецкой обители) шумъ празднующихъ и гласъ радованій въ кровѣхъ праведныхъ мужей Зоимы и Савватія, идѣже, духовнаго сада, добродіствіе и красніи отрасли возцвѣтають, отъ негибнущихъ аромать, еже отъ божественныхъ. Писаній о Бозѣ исправляють ангелоподобное свое воображеніе, иже мнози къ тому добросадному и независтному селу съ вѣрою притекають на исправленіе своимъ единороднымъ душамъ, не токмо иноцы, но и мірстїи людіе, ту же истервають всякое терніе грѣхонное и душею просвѣщаются, изобильно же и богато мысленнымъ масломъ и изрядно выспрь ко Господу взирають“ (1).

Біографъ указываетъ общую, встрѣчающуюся во многихъ житіяхъ причину, побудившую удалиться св. Филиппа на Соловки; но если обратиться къ исторіи, то можно отыскать другія, болѣе вѣрныя и важныя обстоятельства, побудившія его принять на себя иноческое званіе. Годъ удаленія Теодора на Соловки былъ временемъ борьбы политическихъ партій при дворѣ царя, когда было поднято извѣстное дѣло дяди Іоанна IV, князя Андрея Ивановича Старицкаго. Объ этомъ событіи въ житіи св. Филиппа вовсе не упоминается, но оно по всей вѣроятности оказало, или должно было оказать важное вліяніе на жизнь Филиппа. Въ дѣлѣ кн. Андрея Ивановича Старицкаго былъ замѣшанъ родъ Козыцевыхъ и жестоко пострадалъ за это: дядя Теодора, Иванъ Ивановичъ Умный попалъ въ опалу и освобожденъ былъ отъ нея только послѣ паденія Овчины — Телешнева Оболенскаго и по смерти его покровительницы — Елены; трое другихъ родственниковъ Теодора подверглись казни. Эти несчастныя событія не могли не подѣйствовать на Теодора; самая родственная связь его съ пострадавшими боярами не позволяла ему оставаться спокойно при дворѣ, въ присутствіи любимца Елены, и тутъ-то, быть можетъ, онъ сталъ сожалѣть, что заранѣе не уклонился отъ вѣхъ тревоженій къ уединенной монашеской жизни; и порѣшилъ навсегда удалиться въ Соловецкую обитель. Достоверность сейчасъ высказанныхъ

(1) Рип. № 194, л. 140.

мыслей можетъ быть подтверждена хронологическими показаніями.

Дѣло князя Андрея Ивановича Старицкаго случилось въ 1537 году, когда Θεодору было 30 лѣтъ, потому что онъ родился въ 1507 году. Θεодоръ ушелъ на Соловки 30 лѣтъ („егда приспѣ а лѣтъ совершенія возраста своего“),—слѣдовательно—въ 1537-мъ году; на Соловки онъ долженъ былъ прибыть не позже октября, такъ какъ послѣ этого мѣсяца и до весны прекращается сообщеніе острова съ берегомъ. Свое путешествіе на Соловки Θεодоръ началъ вѣроятно въ іюнь, потому что заключеніе князя Андрея и его сообщниковъ произошло въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а евангеліе, которое случилось слышать Θεодору въ церкви въ тотъ день, когда онъ рѣшился оставить міръ, читается въ воскресенье на третьей недѣлѣ по 50-цѣ, что въ 1537 году приходилось на 10-е іюня, такъ какъ Пасха въ этомъ году была 1-го апрѣля; на время путешествія на Соловки Θεодору, слѣдовательно, оставалось не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ (1).

Обстоятельства удаленія Θεодора изъ Москвы и его путешествіе на Соловки описаны біографомъ въ общихъ житейныхъ фразахъ: трогательное прощаніе Θεодора съ Московской святыней, тайное оставленіе города, исканіе родителями пропавшаго сына, ихъ плачь и сѣтованіе по немъ,— все это такія обстоятельства, которыя можно встрѣчать въ весьма многихъ житіяхъ, начиная съ житія преп. Θεодосія Печерскаго. При изображеніи бѣгства Θεодора на Соловки, біографъ влагаетъ въ его уста молитвенныя псаломскія обращенія къ Богу: „настави мя Господи на путь твой и проч.... Господи Боже, Просвѣтителю и Спасителю! Защититель живота моего! и т. п. Во время путешествія на Соловки, Θεодору, утомившемуся отъ далекаго и труднаго странствованія, случилось остановиться на нѣсколько времени въ домѣ нѣ-

(1) Приведенное вычисленіе заимствуемъ изъ статьи преев. Леонидъ, но это вычисленіе сдѣлано имъ не вполне правильно: преев. Леонидъ (стр. 40 Душеп. Чтеніе. 1864 г. ч. II) говоритъ, что «Евангеліе, которое слушалъ Θεодоръ въ тотъ день, когда рѣшился оставить міръ, читается въ воскресенье на 2-й недѣлѣ по Пятидесятницѣ, что въ 1537 году приходилось на 3-е число іюня». На самомъ же дѣлѣ — это Евангеліе положено читать на 3-й недѣлѣ по Пятидесятницѣ, что въ 1537 г. приходилось на 10-е іюня.

кого „Субботы“,—поселянина деревни „Хижи“, близъ Онежскаго озера. Суббота заставилъ странника Теодора пасти стада овецъ. Повѣствуя объ этомъ, біографъ и здѣсь смотритъ на событія съ обычной монашеской точки зрѣнія: по связанію житія выходитъ, что Суббота возложилъ на Теодора обязанность пастуха, руководясь глубокимъ соображеніемъ: „да прежде словесныхъ безсловесныя добръ упасеть“ (1) (т. е. Теодоръ).

Жизнь св. Филиппа на Соловецкомъ островѣ, до вступленія на мѣсто игумена, едвали представляла какія нибудь особенно выдающіяся стороны,—была отлична отъ обычной жизни всякаго молодого постриженника, отъ котораго требовалось монашескимъ уставомъ—послушаніе и повиновеніе къ старшимъ, простирающееся до отреченія отъ своей личной воли. Понятно, что и здѣсь біографъ, писавшій на основаніи преданія, могъ только ограничиться житейными фразами. Начавъ описывать подвиги св. Филиппа на Соловкахъ обычными словами: „онъ же (Филиппъ) со отъятіемъ власти главы своея вкупѣ отверже вся плотская мудрованія и вся, яже въ мірѣ“, біографъ подобными же общими выраженіями говоритъ о смиреніи Филиппа, послушаніи и строгомъ образѣ жизни. Филиппъ велъ подвижническую, настолько суровую жизнь, что сталъ образцовымъ монахомъ и обратилъ на себя вниманіе всей братіи: такихъ подвижниковъ, по сказаніямъ житій, братія всегда имѣла первыми, достойнѣйшими людьми на занятіе игуменскаго мѣста; такъ случилось, по словамъ біографа, и съ Филиппомъ. Когда устарѣвшій игумень Алексѣй предложилъ братіи озаботиться избраніемъ на мѣсто себя новаго начальника, то на вопросъ „кого изволятъ настоятеля“—иноки „единымъ гласомъ вси рѣша: не быти лучше Филиппа къ наставленію“. Смиренный, привыкшій къ послушанію, Филиппъ отказывается принять на себя высое, почетное званіе, — быть начальникомъ другихъ: „не хоташе начальство пріяти и власти отвращашеся, яко тяготы великія и повиноватися хоташе, неже наставляти иныхъ и т. п. въ послѣднихъ воляше быти“. Братія умоляетъ своего избранника принять игуменскій жезлъ и, послѣ долгихъ усиленныхъ просьбъ, Филиппъ изъявляетъ свое со-

(1) Рив. № 194, ст. 142 на оборотѣ.

гласіе, отправляется въ Новгородъ и тамъ, изъ рукъ владыки Θεодосія, принимаетъ игуменскій жезлъ и возвращается на Соловки. Все это было такъ обычно съ подобными Филиппу избранниками на мѣсто игумена, что въ его жизнеописаніи, при изображеніи этихъ событій, какъ и предшествующихъ, читаемъ одни только общія мѣста и не встрѣчаемъ ровно ничего характеристическаго. Возьмемъ, напр., житіе преподобнаго Зосимы Соловецкаго,—и здѣсь, при описаніи этихъ событій, находимъ одно и то же съ житіемъ св. Филиппа и почти въ такихъ же, до буквальнойности сходныхъ, словахъ; это всего лучше покажетъ намъ, что составитель житія св. Филиппа описывалъ въ своемъ произведеніи не столько дѣйствительную жизнь этого лица, сколько изображалъ общій идеальный типъ подвижника, такъ что не стѣснялся дѣлать буквальные выдержки изъ житія преподобнаго Зосимы; считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ мѣстъ, въ которыхъ замѣчается сходство житія св. Филиппа съ житіемъ препод. Зосимы.

„Рабъ Божій Зосима не хотѣше самъ хиротонію пріяти, за многую его кротость и смиреніе“...

„Чудный Филиппъ во всѣхъ смиреніемъ украшаяся не хотѣше начальство пріяти“...

Когда братія стала выражать свою просьбу въ болѣе настойчивой формѣ, стала усиленно умолять своего избранника принять предлагаемое званіе, то

„Препод. Зосима неволею новинюся има (т. е. инокамъ), они же обрадовашася вси единодушно. Нѣцыи же отъ братій потщаніе сотвориша и устремилася ити въ великій Новъ-градъ и не по мнозѣ времени придоша въ Новъ-градъ ко архіепископу Іонѣ и пріемше благословеніе и рекоша ему: владыко святыи, молишь ты соборъ обители тоя (соловецкой) да сотвориши попеченіе о спасеніи душъ

„Блаженный Филиппъ и не хотя пріемлетъ власть; они же возвеселишася единодушно. Нѣцыи же отъ братій потщашася съ нимъ ити въ великій Новъ-градъ, украшающе бо тогда престолю Премудрости Божія Слова архіепископу Θεодосію; духовною же благодатію стройнѣше ствovati путь по морю и по рѣкамъ и достигаютъ великаго Нова-града. Посланніи же иноцы пришедше ко архі-

нашихъ ; монастырь вновь уставляется, а игумена нѣсть. Архіепископъ же рече: нѣсть ли такова челоуѣка?... скоро да приидеть сѣмо.

Зосима (извѣщенный о повелѣніи владыки) ять съ собою нѣкія отъ братіи и шествіе творяше къ Нову-граду, баше бо святому путное шествіе благостройно по морю и по рѣкамъ, и не по мнозѣ времени обрѣтеша въ пресловущемъ Новѣ-градѣ... Архіепископъ видѣвъ (Зосиму) благослови его и повелѣ сѣсти и вопрошаше ѥ многими словесы о божественнѣмъ Писаніи и о прочихъ вещахъ на единѣ.... Зосима же исповѣда ему вся о монастырѣ и о себѣ. И разумѣ архіепископъ по видѣнію зрѣнія и по разуму смысла его, яко рабъ Божій естъ и освяти его священиа саномъ, и соверши его игумена Соловецкаго монастыря. И предасть ѥ братіи пришедшей съ нимъ и рече: се отецъ вашъ имѣйте его въ образъ и со всяцѣмъ смиреніемъ и послушаніемъ, покоряйтесь ему духовному своему отцу, и одари его яже на потребу монастырскую и отпусти его съ миромъ. Мнози же отъ бояръ града того даша въ монастырь имѣнія довольно отъ сосудъ и одеждъ церковныхъ, и сребра и злата и др.... и отходитъ въ мова-

епископу и вдають игуменское и братіи писаніе, и рекоша: владыко святыи! молить тя соборъ Соловецкія обители, да поставиши намъ игумена, посланнаго съ нами монаха Филиппа. Архіепископъ же рече: почто его не вижу?

Святому же пришедшу, благословенію святительскому сподобляется и собесѣдникъ божественныхъ словесъ бываеть и по вопрошенію благо-разсуднѣ по ряду вся сказуетъ. Святитель же видя его яко искусна суца и могуща наставити словесное стадо и во время божественнаго таинства освяти его священноигуменства саномъ и предаль его братіи и рече: се отецъ вашъ, имѣйте его во Христовъ образъ и со всякимъ послушаніемъ. Одаривъ же его и отпустивъ съ миромъ, таже и мнози христолюбцы даша монастырю довольно милостыню, и тако обильнѣвши всѣмъ въ монастырь возвращается.

Увѣдѣвше же въ монастыри пришествіе его, бывый же игумень Алексѣй и вси иноцы изыдоша во срѣтеніе его и честнѣ восприемлють отъ него благословеніе и внидоша въ церковь, и сотворивъ эктению за православнаго царя, и яко же лѣпо, и даде имъ писаніе отъ архіепископа и

стырь свой. пося довольно имѣніе на устрой церковный и монастырскія потребности; и тако благодатию Христовою стройнѣ достиже монастыря.

Германъ же старецъ и вся братія изыдоша во срѣтеніе преподобному на брегъ моря, и благословивъ всѣхъ и о Христѣ цѣлованіе давъ. И внидоша въ церковь святаго Преображенія Господа нашего Іисуса Христа, и сотвори эктению за правовѣрныхъ князи и архіепископа и за все православное христіанство и дасть писаніе отъ архіепископа, и возведенъ на мѣсто игуменское и поучивъ братію довольно и разыдошася киждо въ свою келію, бѣ бо уже приспѣвшу вечеру. И повелѣ игумень Зосима сущимъ ту іерею и діакону завтра къ божественнѣй службѣ готовитися, понеже бо и самъ хоташе комкати пречистое тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа.... И видѣша (во время служенія литургіи) вси лице преподобнаго просвѣтившееся яко ангелу и церковь исполнися благоуханія, свидѣтельствующи достоинство его“.

возведенъ бысть на мѣсто игуменское, и поучивъ ихъ довольно и повелѣ іереомъ и діакономъ готовитися къ божественнѣй службѣ, и самъ таинству касается и причастися тѣлу и крову Христа Бога нашего; таже и вся братія причастияся отъ руку его, и видѣша лице его, яко солнце и лице его яко антелово“.

Описаніе кончины игумена Алексѣя биографъ св. Филиппа заимствовалъ изъ описанія кончины препод. Зосимы.

„Разумѣвъ блаженный отхожденіе свое къ Богу призываетъ братію и глаголаше

„Призываетъ (игумень Алексѣй) всю о Христѣ братію... и повѣдаетъ имъ во Господу

имъ: азъ убо, о чада, рече, отхожу свѣта сего и въ путь отецъ моихъ гряду; вы же изберите себѣ наставника.... И рекъ: миръ всѣмъ и знаменася знаменіемъ животворящаго креста, возлеже на одрѣ своемъ.... и погребоша честно съ надгробнымъ пѣніемъ и со свѣщами и съ кандилами“ (Ркп. № 175, л. 92 на оборотѣ и 95—96).

свое отшествіе: азъ убо, рече, въ путь отецъ своихъ гряду, вы же изберите себѣ отца, кого хотите и миръ всѣмъ давъ и въ рудѣ Божіи духъ свой предаде.... Дивный Филиппъ и весь сонмъ священнаго причта законенная и со псалмы, и пѣснями, и свѣщами ко гробу проводиша“ (Ркп. № 194, л. 123 на об.).

Можно бы было подыскать и много другихъ выраженій и оборотовъ рѣчи, сходныхъ до буквы въ житіи св. Филиппа съ выраженіями житія преп. Зосимы, также житій—Кирилла Бѣлоозерскаго, Александра Свирскаго и Александра Ошевенскаго, но и приведенной выдержки достаточно, чтобы видѣть, что писатель разсматриваемаго житія былъ человѣкъ начитанный въ литературѣ этого рода и потому, при составленіи своего произведенія, находился подъ весьма сильнымъ вліяніемъ обычныхъ житейныхъ приемовъ и выраженій, чѣмъ и прикрывалъ свое незнаніе дѣйствительной жизни описываемаго лица.

Самый важный періодъ жизни св. Филиппа на Соловкахъ—время славнаго его игуменства: въ званіи игумена св. Филиппъ оказалъ столь много великихъ услугъ Соловецкой обители, что и до сихъ поръ вещественные памятники свидѣтельствуютъ о его мудрой и разносторонней дѣятельности⁽¹⁾. Филиппъ, въ званіи игумена, заявилъ себя весьма рѣдкимъ, опытнымъ распорядителемъ - хозяиномъ, мудрымъ наставникомъ братіи и управителемъ. Онъ прорылъ каналы между множествомъ озеръ и, такимъ образомъ, соединилъ ихъ между собою,—прочистилъ заросли, засыпалъ болота, образовалъ удобныя пастбища, удобрилъ почву, наво-

(1) О дѣятельности св. Филиппа на Соловкахъ говорятъ прежде всего различнаго рода грамоты См. Истор. опис. Солов. монастыря. Соч. архим. Досифея, ч. I, стр. 74—79; ч. II, стр. 7—29. Полюте и систематичѣе дѣятельность св. Филиппа, какъ Солов. игумена, описана преосв. Леонидомъ. Душепол. чтеніе. 1864 г., ч. II.

зиль; гдѣ было нужно, землю, соорудилъ каменную пристань, развелъ множество скота, на Муксальи завелъ, и до нынѣ тамъ водящихся, Лапландскихъ оленей и устроилъ кожевенный заводъ для выдѣлки оленьихъ кожъ, соорудилъ каменные церкви, больницы, мельницу, построилъ кирпичные заводы, улучшилъ и увеличилъ добываніе и производство соли въ монастырскихъ волостяхъ, ввелъ лучшее выборное управленіе между монастырскими крестьянами, ограждалъ ихъ отъ злоупотребленія властей, заботился объ улучшеніи правственности инокъ, старался искоренять пьянство, тушеядство и др. пороки: словомъ, — Филиппъ былъ самымъ дѣятельнымъ и практичнымъ изъ всѣхъ игуменовъ Соловецкой обители. Изъ одного краткаго перечня (и то весьма не полнаго) различныхъ сторонъ дѣятельности св. Филиппа можно вывести предположеніе, что жизнь его, какъ игумена Соловецкой обители, давала самый богатый и содержательный матеріалъ для описанія; изъ такого матеріала могла составиться весьма обширная и интересная біографія; біографъ, для составленія житія, могъ воспользоваться множествомъ различнаго рода грамотъ, данныхъ на имя игумена Филиппа; по писанью житія на основаніи такихъ документовъ было не въ обычаѣ того времени (въ XVI вѣкѣ); біографъ св. Филиппа изобразилъ его дѣятельность, въ званіи игумена, весьма не полно, въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ. Онъ, напр., ни слова не сказалъ о заботахъ Филиппа по управленію монастырскими крестьянами и вообще объ его административной дѣятельности. Остановивъ свое вниманіе исключительно на хозяйственной сторонѣ дѣятельности его на Соловкахъ, біографъ и её описалъ весьма не полно. — „Самый отокъ красится его (т. е. св. Филиппа) труды; аще мы умолчимъ, то дѣла его явлена творять: горы бо великія прокона и долиа избразди, и воду теши отъ езера во езеро проведе. ко 20 и 5 езеромъ числомъ, и два источника сотвори. и подь монастырь во езеро проведе, въ толчею же и мельницу ко успокоенію братскому сотвори...; палаты благостройны содѣла двоекровны и троекровны въ соблюденіе монастырскихъ потребъ⁽¹⁾“. Такими словами описалъ біографъ всю хозяйственную дѣятельность св. Филиппа;

(1) Ркп. № 494, л. 126.

за то онъ съ большою охотою и подробностію распространился объ обычномъ предметѣ дѣятельности настоятелей обителей, — о постройкѣ и украшеніи церквей: на этомъ онъ сосредоточиваетъ самое главное вниманіе, — влагаетъ въ уста св. Филиппа самыя рѣчи къ братіи и передаетъ предварительныя совѣщанія съ нею о созданіи новой церкви, описываетъ ея устройство, величину, перечисляетъ различныя украшенія вновь построеннаго храма.

Все сказанное относительно житія св. Филиппа приводитъ къ такому заключенію, что это произведеніе написано въ духѣ искусственныхъ житій, наполнено обычными фразами и риторическими выраженіями. Самый важный періодъ жизни Филиппа, какъ игумена соловецкаго, біографомъ изображенъ весьма кратко и неполно, такъ что отъ „Соловецкаго лѣтописца“ и изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, данныхъ монастырю на имя Филиппа, можно узнать о его многосторонней и разнообразной дѣятельности болѣе, чѣмъ изъ его житія. — Житіе нимало не говоритъ объ отношеніяхъ Филиппа, какъ соловецкаго игумена, къ Іоанну Грозному, о различныхъ пожалованіяхъ, данныхъ послѣднимъ монастырю на имя Филиппа, — даже не упоминаетъ о двухъ путешествіяхъ его въ Москву⁽¹⁾ (въ 1550 и 1551 годахъ); вообще для исторіи это житіе (разумѣемъ досвятительскій періодъ жизни св. Филиппа) представляетъ очень скудный матеріалъ. Разсмотрѣнное житіе св. Филиппа, довольно обширное по своему объему, но бѣдное по содержанію, неизвѣстно когда и кѣмъ, было пересмотрѣно и подверглось весьма значительному сокращенію⁽²⁾. Составитель краткой редакціи нашель возможнымъ выпустить не только пространное вѣтвеватое предисловіе, но и изъ самой біографіи вычеркнулъ всѣ типическія мѣста, разнаго рода амплификаціи и риторическія фигуры, оставивъ единственно чисто историческія показанія. Вслѣдствіе этого описаніе жизни св. Филиппа до возведенія на митрополию заняло всего только 2 листа вмѣсто 25 прежней редакціи. Считаемо излишнимъ дѣлать особое сличеніе этихъ двухъ редакцій, такъ какъ примѣсь неисторическаго элемента въ пространномъ, нами уже ра-

(1) Душопольск. Чтен. 1861 г. ч. II, стр. 79—80.

(2) Рук. Соловецк. библ. № 491.

зобранномъ, сама собою становится очевидно при прочтеніи сокращенной редакціи, которую и выписываемъ дословно⁽¹⁾. Какъ историческій источникъ краткая редакція вполне и съ большимъ удобствомъ можетъ замѣнить собою пространное житіе; въ ней историческая истина представляется прямо взору читателя; тогда какъ, чтобы узнать ту же истину въ житіи пространномъ, требуется умѣнье отличить еѣ отъ произвольныхъ измышленийъ біографа, типическихъ и искусственныхъ чертъ.

IX.

„Повѣсть о преподобномъ Варлаамѣ Кѣрецькомъ“⁽²⁾ (Керетскомъ) представляетъ въ себѣ довольно ясныя указанія на то, какъ біографъ, при крайне скудныхъ свѣдѣніяхъ о дѣйствительной жизни извѣстнаго лица, при разсказѣ о немъ прибѣгалъ, за помощію къ обычнымъ житейнымъ выраженіямъ и оборотамъ рѣчи.

Личность составителя этой повѣсти неизвѣстна. Г. Ключевскій предполагаетъ, что „авторомъ ея, по всей вѣроятности, былъ монахъ, жившій въ Керети въ качествѣ сельскаго священника и прикащика Соловецкаго монастыря, которому съ 1635-го года принадлежала вся эта волость“⁽³⁾; но такая краткая и безыскусственная повѣсть могла быть составлена и другимъ лицомъ - міряниномъ. При отсутствіи точныхъ хронологическихъ данныхъ относительно времени жизни препод. Варлаама и при крайней скудости сообщаемыхъ свѣдѣній о немъ, нельзя съ точностію опредѣлить время происхожденія разсматриваемой повѣсти; указать это время можно лишь приблизительно. Одно изъ посмертныхъ чудесъ Варлаама записано въ 1664 году (зрокъ года); судя по этому можно сказать только то, что это произведеніе появилось не позднѣе первой половины XVII вѣка; но по всей вѣроятности оно было написано въ концѣ XVI столѣтія, потому

⁽²⁾ См. Приложение.

⁽¹⁾ Ркп. Соловецкой библ. № 182, л. 155—160.

⁽³⁾ „Древнер. житія св., какъ историческій источникъ“, стр. 342.

что чудеса преподобнаго, надо полагать, были записываемы въ разное время, различными лицами. Первое изъ посмертныхъ чудесъ весьма близко примыкаетъ къ біографическому разсказу о Варлаамѣ и, по всей вѣроятности, было описано однимъ и тѣмъ же лицомъ,—авторомъ біографическаго разсказа; чудо же, помѣченное 1664-мъ годомъ, описано, вѣроятно, другимъ авторомъ, потому что отдѣляется отъ предъидущаго разсказа особымъ заглавіемъ: „повѣданіе о чудеси преподобнаго Варлаама Кѣрецкаго чудотворца“.

На обстоятельства, при которыхъ была написана повѣсть о препод. Варлаамѣ, а также и на источники, откуда біографъ заимствовалъ свѣденія о немъ, — не сохранилось никакихъ указаній; съ вѣроятностію можно предполагать, что біографъ писалъ на основаніи преданій, существовавшихъ объ этомъ подвижникѣ въ Керетской области. Изъ этихъ преданій біографъ получилъ очень мало свѣдѣній о преподобномъ Варлаамѣ, такъ что самъ называлъ свое произведение „повѣстію“ и притомъ „изложенною вратцѣ“. При описаніи жизни преподобнаго біографъ воспользовался, чтобы прикрасить свое незнаніе житейными, типическими оборотами рѣчи.—Сказавъ, что препод. Варлаамъ жилъ въ царствованіе Іоанна Грознаго, „рожденіе и воспитаніе получилъ въ Керетской волости“, авторъ повѣсти продолжаетъ: „наученъ же бысть книгамъ, и Божиимъ судомъ поставленъ бысть пресвитеромъ въ Кольскомъ градѣ въ (къ) церкви Николы чудотворца, и тамо пребываше, добръ подвизаяся на невидимаго врага козни, и люди закону Божію, яко истинный пастырь, поучаше, и бысть ходатай Богу и человѣкомъ“. Очевидно, послѣднее выраженіе буквально взято изъ посланія св. апостола Павла, а предъидущія—не что иное, какъ общія типическія фразы, которыя тоже можно встрѣчать чуть не въ каждомъ житіи.

Затѣмъ, чтобы описать подвиги Варлаама, которыми онъ думалъ загладить свое преступленіе, біографъ къ разсказу объ этомъ дѣлаетъ такой приступъ: „Видѣвъ убо его дьяволъ всяческими добродѣтелями украшена, свою же окаянную и немощную силу, яко паутину раздираему отъ него (т. е. Варлаама), простре сътъ во уловленіе праведнаго, яко же древле и Адама“. Сътъ, простертая дьяволомъ; уловила Варлаама,—онъ убилъ свою жену; за грѣхомъ немедленно послѣдовало раскаяніе.—Варлаамъ, по сотвореніи грѣха,

разумѣвъ, яко завидѣвъ ему врагъ, плакася вельми и нестойна себе судивъ, еже священная дѣйствовати, но яже изволи въ страдати за грѣхъ“. Средство загладить свое преступленіе Варлаамомъ было избрано довольно замѣчательное. Онъ наказавъ себя тѣмъ, что съ трупомъ ѣздилъ по морской пучинѣ съ мѣста на мѣсто, не выпуская изъ рукъ весла, „дондеже мертвое тѣло тлѣнію предается“,... и не яко же прочіе человѣцы ожидаху паруснаго плаванія, но онъ плаваше противъ зѣльнаго обуреванія, ... труждашеса вельми; и псалмы Давидовы пояше, то бо ему нища бяше, и во дни убо труждашеса по морю, въ нощи же безъ сна пребываше, моля Бога со слезами о отпущеніи грѣховъ“. Труды, какіе испытывавъ Варлаамъ на морѣ во время плаванія около св. Носа, — этого самого опаснаго мѣста, были услышаны Богомъ; Господь прославилъ подвижника еще при его жизни. По молитвѣ Варлаама, какіе-то „черви морскіе, иже творяху мнози пакости надъ ладіями мореходцемъ, безвѣстни сотворишася, и путь мореходцемъ около Святаго Носа сотворися даже и до нынѣ“. — Въ этомъ разсказѣ состоитъ самая главная фактическая сторона „повѣсти“ о препод. Варлаамѣ; о послѣдующей судьбѣ подвижника авторъ повѣсти знаетъ очень мало, а потому и описываетъ еѣ слишкомъ кратко, въ слѣдующихъ словахъ:

„Понеже преподобный извѣщеніе приемъ отъ Бога, вскорѣ оставляетъ міръ, и бываетъ инокъ, и въ пустыню вселився, и Божією помощію бѣсовскіа(е) полки побѣдивъ, съ миромъ ко Господу отъиде въ Кольской губѣ, оттолѣ же привесено бысть святое тѣло его въ Кереть и погребено близъ церкви св. великомученика Георгія“.

Какъ во время земной жизни препод. Варлаамъ подвижался на морѣ, такъ и по смерти онъ продолжалъ дѣйствовать среди той же стихіи, защищая бѣдныхъ промышленниковъ, во время бурь, отъ потопленія въ волнахъ морскихъ; кромѣ одного, всѣ остальные изъ посмертныхъ чудесъ, записанныя со словъ бѣлопоморскихъ промышленниковъ, совершены были преподобнымъ на морѣ. Удаленіе, по молитвѣ преподобнаго, вредныхъ морскихъ червей отъ мѣстности св. Носа, а также и посмертныя чудеса его (совершенныя на морѣ) были причиною того, что жители поморскаго края и до сихъ поръ считаютъ Варлаама покровителемъ обуреваемыхъ. — И на мори отъ зѣльнаго обуреванія и отъ по-

топленія морскаго невредимъ сохрани“, читаемъ въ молитвѣ въ преподобному (1).

Особенно выразительно высказалась вѣра простодушныхъ поморянъ въ покровительство препод. Варлаама плавающимъ и обуреваемымъ на морѣ въ слѣдующихъ словахъ, которыми напутствовалъ одинъ Кемскій житель путешественника г. Максимова. „Прости, крещеная душа, гостенецъ дорогой! пошли тебѣ Нивола Угодникъ да Варлаамъ Керетской счастливое плаванье! ѣдешь ты въ страну дальнюю, всякаго горя напримаешься. Въ живѣ бы тебѣ; забвѣму челоуѣку, вернуться назадъ и насъ бы порадовать; а мы тебя въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ не забудемъ. Смотри, — пеладное что выйдесть тебѣ: повѣтерья что ли долго не будетъ, въ бурю ли страхъ обулетъ тебя, въ великое ли сомнѣніе впадешь и соскучишься крѣпко, — молитву свою Варлаамію Керетскому посылай. Затѣмъ онъ, батюшко, въ нашихъ странахъ и обитель себѣ земную восприялъ. Молись ты ему — пособляеть“ (2).

Х.

Наряду съ этою повѣстію слѣдуетъ поставить, какъ не имѣющее біографическаго содержанія, „Сказаніе о проявленіи и о обрѣтеніи и о чудесѣхъ преподобныхъ отецъ нашихъ Вассіана и Іоны, иже на приморіи студенаго моря, великаго обіяна, въ затоцѣ, во Унскихъ нарицаемыхъ рогахъ, Пертоминскихъ чудотворцовъ“ (3).

Составитель этого сказанія откровенно самъ признается, что не знаетъ, „отъ коея страны баху сіи препод. Вассіанъ и Іона и гдѣ бяше жительство ихъ; тоцію имена ихъ увѣдѣхомъ отъ повѣствователей, якоже имъ сами о себѣ преподобніи во явленіи извѣстиша“. Очевидно, Сказаніе составлено на основаніи преданій и, какъ видно изъ его содержанія, слагалось постепенно: одни изъ чудесъ записаны были до освидѣтельствованія мощей въ 1694 году (4), другія — послѣ.

(1) Ркп. № 182, л. 162 на обор.

(2) Годъ на сѣверѣ, ч. I, стр. 240.

(3) Сборн. Сол. библ. № 182, л. 181—208.

(4) Тамъ же, л. 199.

Содержаніе Сказанія о Пертоминскихъ чудотворцахъ обозначено въ выше приведенномъ его заглавіи: оно не сообщаетъ никакихъ точныхъ біографическихъ свѣдѣній о Вассіанѣ и Іонѣ; писатель сказанія только какъ слухъ передаетъ нѣчто относительно этихъ лицъ: „Отъ нѣкихъ древле слышаніемъ извѣствуется, яко глаголють: ученицы бяху (т. е. Вассіанъ и Іона) святителя Филиппа Московскаго и всея Россіи чудотворца, бывшаго прежде игуменомъ въ Соловецкомъ монастырѣ: отнюду же посланнымъ имъ сущимъ отъ него ко граду потребныхъ ради (1304 года, т. е. 1566 г.), и тако шествующимъ имъ отъ града вспять изъ двинскаго устья по морю, абіе на пути напрасно обьятъ ихъ обуреваніе великое, и отъ онаго многого волненія морскаго, Божіимъ попущеніемъ, заляся лодія волнами, и тако скончашася преподобни, и с ними сущіи бѣльцы утопишася“ (1).

Составитель сказанія придавъ своему произведенію форму, установленную образцовыми агіобіографами: передъ разсказомъ объ обрѣтеніи мощей, онъ помѣстилъ предисловіе, въ которомъ подробно развиваетъ ту мысль, что благій Богъ, по Своимъ непостижимымъ для насъ планамъ, опредѣляетъ людямъ различную смерть: „овогда убо праведнымъ наводитъ Господь Богъ скончаніе честно и многославно, овогда же безславно и безобразно“.... Таковой приступъ заключаетъ въ себѣ объясненіе того, почему препод. Вассіанъ и Іона (люди праведные и благочестивые) потерпѣли мученическую кончину въ волнахъ бурнаго моря. Сказаніе заканчивается обычнымъ краткимъ словословіемъ св. Троицы.

Въ историческомъ отношеніи Сказаніе о Пертоминскихъ чудотворцахъ имѣетъ то значеніе, что передаетъ характеристическія свѣдѣнія о монастырской колонизаціи въ Поморскомъ краѣ; любопытны также чудеса препод. Вассіана и Іоны; въ нихъ весьма выразительно высказался благочестивый взглядъ простодушныхъ поморянъ и иноковъ на дѣятельность св. подвижниковъ въ загробной жизни.

(1) Сборн. Сол. библ. № 182, л. 183.

ХІ.

Въ Сказаніи о Пертоминскихъ чудотворцахъ упоминается, что одновременно, вмѣстѣ въ Вассіаномъ и Іоною, потерпѣли несчастную кончину въ волнахъ Бѣлаго моря еще пять бѣльцовъ Соловецкой обители; имена послѣднихъ въ этомъ сказаніи не обозначены. Но общепринятое мнѣніе (основываясь на словахъ составителя Сказанія о Пертоминскихъ чудотворцахъ, словахъ, — которыя онъ передаетъ только въ видѣ слуха) къ числу этихъ бѣльцовъ относить Яренгскихъ чудотворцевъ, извѣстныхъ подъ именами Іоанна и Логгина (¹). Въ числѣ рукописей Соловецкой бібліотеки сохранились три редакціи Сказанія о Яренгскихъ чудотворцахъ (²), и во всѣхъ этихъ сказаніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, по которому бы дѣйствительно можно было считать Іоанна и Логгина одними изъ числа бѣльцовъ, которымъ суждено было испытать мученическую смерть на морѣ вмѣстѣ съ преподабными Вассіаномъ и Іоною Пертоминскими. Если же обратить вниманіе на хронологическія показанія, какія находятся въ сказаніи о Яренгскихъ чудотворцахъ, и сопоставить ихъ съ таковыми же обозначеніями, находящимися въ сказаніи о чудотворцахъ Пертоминскихъ, — то общепринятое мнѣніе относительно личностей Іоанна и Логгина слѣдуетъ признать совершенно ложнымъ.

По сказанію о Пертоминскихъ чудотворцахъ, Вассіанъ и Іона, вмѣстѣ съ пятью бѣльцами, погибли въ волнахъ

Бѣлаго моря въ 1566 (304) году (³). По сказанію же о Яренгскихъ чудотворцахъ выходитъ, что Іоаннъ и Логгинъ (если только допустить, что они оба потонули вмѣстѣ) погибли никакъ не позднѣе 1544-го года. Къ этому времени относить обрѣтеніе мощей Яренгскихъ чудотворцевъ официальная грамота (⁴), которую въ 1624-мъ году подавалъ

(¹) См. Опис. Сол. монаст. Досноея. ч. 1, стр. 76. «Русск. святые»... Іюль, 3-е число.

(²) См. Тамъ же, л. 120—144; Рук. Сол. библ. № 183, л. 71—110; № 189, л. 69—118.

(³) Сборн. Сол. библ. № 182, л. 182.

(⁴) Тамъ же, л. 126 на обор.

патріарху Филарету старецъ села Яренги Илья Тѣловъ, извѣщая его о новоявленныхъ святыхъ. Не согласно съ показаніемъ этой грамоты и показаніе „Соловецкаго лѣтописца“, по которому Іоаннъ и Логгинъ вмѣстѣ съ Вассіаномъ и Іоною потонули въ 1561-мъ году.—При сопоставленіи всѣхъ этихъ различныхъ хронологическихъ обозначеній естественно возникаетъ вопросъ: какъ же можно утверждать, что Іоаннъ и Логгинъ Яренгскіе были изъ числа бѣльцовъ, потонувшихъ одновременно съ Вассіаномъ и Іоною? Наконецъ, противъ общепринятаго мнѣнія относительно личностей Іоанна и Логгина, какъ пострадавшихъ вмѣстѣ съ Вассіаномъ и Іоною, стоятъ показанія самихъ крестьянъ поморскихъ, которыми были обрѣтены мощи Яренгскихъ чудотворцевъ. Въ 1574-мъ (звѣ) году „старожилы (села Яренги) Семень Подлѣшей да Козма, по рекломъ Тонкой, да Иванъ Суровець сповѣдаша, что мы нѣкогда взяли его (тѣло Іоанна) въ веснѣ на льду... и тому уже времени 25 лѣтъ“ (1). Вычитая изъ 1574 лѣтъ 25 получаемъ 1549-й годъ,—показаніе, на 5 лѣтъ различающееся отъ обозначенія времени обрѣтенія мощей Яренгскихъ чудотворцевъ по официальной грамотѣ.

Указанныя разницы въ хронологическихъ показаніяхъ необходимо заставляютъ принять одно изъ двухъ,—или Яренгскихъ чудотворцевъ нельзя считать принадлежавшими къ числу бѣльцевъ, погибшихъ вмѣстѣ съ Вассіаномъ и Іоною, или же хронологическія показанія о времени обрѣтенія мощей Яренгскихъ чудотворцевъ, сообщаемыя рукописными сказаніями о нихъ, слѣдуетъ признать ложными. Кажется, что основательнѣе будетъ положиться на самыя сказанія о Яренгскихъ чудотворцахъ,—принять за вѣрное, что Іоаннъ и Логгинъ потонули не позднѣе 1544-го года, и вмѣстѣ съ этимъ признать, что относительно мѣста ихъ земной жизни, рода дѣятельности, а также и о самой кончинѣ ихъ не сохранилось никакихъ точныхъ историческихъ свѣдѣній; несомнѣнно только то, что Іоаннъ и Логгинъ потонули въ морѣ, отчего и приняли смерть.

(1) Сборн. Соя. библ. № 182, л. 120.

Начало составленію сказаній о Яренгскихъ чудотворцахъ, надобно думать, было положено вскорѣ послѣ совершенія перваго чуда (звѣд. 1574 года) отъ мощей Іоанна и перенесенія ихъ въ Яренгу; г. Ключевскій говоритъ, что самъ „Варлаамъ (Соловецкій монахъ, жившій въ Яренгѣ въ качествѣ монастырскаго прикащика и сельскаго священника), перенесшій мощи Іоанна и Логгина съ морскаго берега въ означенное село, написалъ тетради о явленіи и чудесахъ этихъ святыхъ“⁽¹⁾; съ теченіемъ времени эти тетради пополнялись новыми записями о чудесахъ. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ Соловецкой библиотеки, изъ числа лицъ, занимавшихся описаніями чудесъ Іоанна и Логгина, упоминается только нѣкто Мартиніанъ⁽²⁾; въ этомъ сборникѣ сохранились отрывки изъ первоначальныхъ тетрадей о Яренгскихъ святыхъ. Нѣкоторыя⁽³⁾ изъ описаній чудесъ, здѣсь помѣщенныхъ, по своей формѣ принадлежатъ къ первичнымъ записямъ, изложены просто и безыскусственно, такъ что, напр., Мартиніанъ, рассказавшій о чудѣ съ „женой Гливеріей“, которая „дивьячилась“, по справедливости отозвался о себѣ: „написалъ просто брэнною рукою безъ украшенія“. Вслѣдъ за рассказомъ Мартиніана въ сборникѣ Соловецкомъ помѣщенъ списокъ съ „грамотки“, которая была прислана изъ Соловецкаго монастыря Никольскому игумену Нароенію о написаніи образа Іоаннова; за тѣмъ приводятся допросныя грамоты съ показаніями крестьянъ о новоявленныхъ чудотворцахъ. донесеніе патріарху объ этихъ показаніяхъ, — написанныя обычнымъ канцелярскимъ языкомъ подобныхъ бумагъ того времени.

(1) «Древнерусскія житія святыхъ», стр. 326.

(2) № 182, л. 120—141 Имя игумена Варлаама, какъ описателя чудесъ, упоминается въ допросныхъ показаніяхъ Яренгскихъ жителей. Сборн. № 182, л. 135.

(3) Говоримъ «нѣкоторыя» на основаніи словъ г. Некрасова, который высказалъ, что въ началѣ Записей о Яренгскихъ чудотворцахъ (Сборн. № 182) помѣщенъ уже «не часто сырой матеріалъ, а какъ бы вѣкторая попытка къ составленію сказанія». Зап. Импер. Новор. Univ. Годъ третій. Т. IV, стр. 58. Статья—«Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси».

Понятно, такіа простыя сказанія, не приведенныя въ порядокъ, не могли удовлетворять требованіямъ тогдашнихъ читателей, привыкшихъ подъ сказаніями о чудесахъ святыхъ разумѣть произведенія витиеватыя, округленныя обычными предисловіями и послѣсловіями. Не представляя изъ себя цѣльнаго произведенія, сказанія о чудесахъ Іоанпа и Логгина, а также и прочія записи, помѣщенныя въ упомянутомъ сборникѣ, могли служить только матеріаломъ, основными документами для такого сказанія, которое бы расположило эти свѣдѣнія въ надлежащемъ порядкѣ, языкомъ обычныхъ агіобиографическихъ произведеній, начиналось бы предисловіемъ и заканчивалось молитвеннымъ обращеніемъ къ святымъ. Но до половины XVII вѣка не находилось такого лица, которое бы взялось, на основаніи перечисленныхъ документовъ, составить сказаніе о Яренгскихъ чудотворцахъ, удовлетворявшее литературнымъ вкусамъ того времени: въ сороковыхъ годахъ XVII-го столѣтія Соловецкій монахъ Сергій (впослѣдствіи игумень Ипатьевского монастыря) воспользовался первоначальными безыскусственными записями и составилъ, на основаніи ихъ, „Сказаніе о чудесѣхъ святыхъ Іоанна и Логгина новоявленныхъ, иже въ Яренгѣ, чудотворцевъ“⁽¹⁾.

Въ началѣ Сказанія Сергій прямо говоритъ, что составилъ его на основаніи письменныхъ источниковъ: „сихъ святыхъ повѣсти о чудесѣхъ обрѣтохъ на хартіяхъ написано“. Объ этихъ хартіяхъ Сергій, какъ искусный книжникъ, отозвался довольно презрительно, какъ „написанныхъ певѣждами, простою бесѣдою“; а такъ какъ „не прощено есть житія святыхъ презирати съсѣнена, якоже прилучися“, то онъ, человѣкъ начитанный, дошедшія до него сказанія счелъ нужнымъ украсить и изложить въ лучшей формѣ. Въ чемъ же собственно состоялъ трудъ Сергія? какъ онъ отнесся къ первоначальнымъ записямъ о Яренгскихъ чудотворцахъ?

Произведеніе инока Сергія отличается отъ древнѣйшей первоначальной редакціи сказанія о Яренгскихъ чудотворцахъ тѣмъ, что написано въ духѣ искусственныхъ агіобиографическихъ сказаній: описанію чудесъ предшествуетъ объемистое витиеватое предисловіе. Содержаніе этого предисловія

(1) Ркп. Солов. библ. № 183, л. 74—110.

развиваетъ обычную тему о трудности дѣла составленія сказанія о новоявленныхъ святыхъ; авторъ распространяется о своемъ скудоуміи, слабости своихъ литературныхъ силъ для того, чтобы достойнымъ образомъ восхвалить чудотворцевъ, призываетъ братію къ молитвѣ и просить у святыхъ помощи въ облегченіе трудности предпринимаемаго дѣла. Предисловіе Сергіева Сказанія во многихъ мѣстахъ буквально сходно съ предисловіемъ къ житію препод. Антонія Сійскаго (¹) и съ предисловіемъ Максима Грека къ житіямъ Соловецкихъ чудотворцевъ (²), не говоря уже о томъ, что между всѣми ими существуетъ полнѣйшее сходство по содержанию.

Самое Сказаніе о чудесахъ Іоанна и Логгина инокъ Сергіій начинаеть описаніемъ села Яренги, обозначаетъ его географическое положеніе, качества почвы этой мѣстности и въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ объ образѣ жизни тамошнихъ обитателей; такого описанія не находится въ первоначальной редакціи о Яренгскихъ чудотворцахъ, слѣдовательно, оно составляетъ произведеніе пера Сергіева. На дальнѣйшихъ страницахъ своего Сказанія Сергіій является менѣе самостоятельнымъ и пишетъ подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ хартій, которыя рѣшился украсить. Самое главное отличіе Сергіева Сказанія отъ первоначальной редакціи, отличіе, особенно бросающееся въ глаза читателя, состоитъ въ систематизаціи событій, въ приведеніи ихъ въ порядокъ, хотя и не вполне точной, хронологической послѣдовательности.

Древнѣйшая редакція сказаній начинается описаніемъ чуда, случившагося съ женой Акилиной у гроба Іоанна; далѣе кратко передается событіе открытія мощей этого святаго, а потомъ говорится объ обрѣтеніи ихъ Яренгскими жителями на берегу моря; послѣ этого идетъ разсказъ о чудѣ, совершившемся „за мало лѣтъ, егда отъ моря взяша его“ (т. е. Іоанна). Очевидно, такое расположеніе событій не отвѣчаетъ порядку ихъ хронологической послѣдовательности: эти событія слѣдовали на дѣлѣ совершенно въ обратномъ видѣ. Въ Сказаніи Сергія вышеупомянутыя событія описаны и расположены по порядку ихъ дѣйствительной послѣдова-

(¹) Ср. Ркп. № 183, л. 72 на обор.—73 и Ркп. № 994, л. 94 на обор.—95 и 96.

(²) Ср. Ркп. № 183, л. 74 и Ркп. № 175, л. 14 на обор.

тельности другъ за другомъ; это и составляетъ первое важное отличіе его произведенія отъ первоначальной редакціи.

Что касается до содержанія Сергіева сказанія, то оно не представляетъ ничего новаго сравнительно съ древнѣйшей редакціей; только въ одномъ мѣстѣ, при описаніи обрѣтенія мощей Іоанна, онъ вратко коснулся изображенія быта поморянъ. Здѣсь Сергій говоритъ, что поморскіе жители имѣютъ обыновеніе, нашедши трупъ человѣка, предавать его землѣ, дабы „звѣріе не растерзали и птицы небесныя не расторгали. Аще ли случится жестока земля и каменна, то каменія надъ могилу насыплють, и гробъ елико о немъ довольно сотворять“. Другія отличія Сказанія отъ древнѣйшей редакціи состоятъ изъ частныхъ, и притомъ не существенныхъ, не историческихъ прибавленій и дополненій къ тѣмъ даннымъ, какія сообщаетъ первоначальная редакція, и сравнительно въ болѣе живости изображенія событій.

Древнѣйшее сказаніе, напр., описываетъ чудо, случившееся съ женой Акилиной, въ слѣдующихъ краткихъ словахъ.

„Явися святой чудотворецъ Иванъ нѣкоей женѣ Акилинѣ, бывшей ей въ величѣй болѣзни расслабленія годъ шесть мѣсяць: явися ей человѣкъ въ видѣніи и повелѣ ей ити въ Сарту... тамо же есть струбець и въ немъ человѣкъ погребенъ, и имя ей свое сказалъ Иванъ зовомъ, глагола же ей: жено, повѣждь отцу своему духовному, Никольскому игумену Варламу, чтобы взялъ мощи мои и привезъ въ Яренгу къ Николѣ чудотворцу. И она убо шедши и у струбца Иванова тамо приложися и исцѣленіе получи, и слышанная игумену возвѣсти. Игумень же поимъ съ собою христіанъ и ту жену Акилину, и она до струбца ихъ доведе, и они струбець разобраша и абіе явивыйся увидѣнъ бысть яко лежить во плоти, и у струбца пѣвше молебень Спасу... и пречистѣй Богородицѣ, Николѣ великому чудотворцу, и взяша честнѣ тѣло его (Іоанна), и привезоша въ Яренгу, ко св. Николѣ чудотворцу, и отпѣша надгробная“ (1).

Сергій описалъ эти событія живѣе, и съ нѣкоторыми дополненіями (2).

(1) Ркв. № 182, л. 120.

(2) Ркв. № 183, л. 76—79.

Объ Акилинѣ его Сказаніе говоритъ, что она „впаде въ болѣзнь разслабленія тяжку зѣло, разслабѣ бо всѣми уды“. Сказавъ, что Іоаннъ повѣдалъ женѣ свое имя, Сергій, какъ бы въ добавленіе къ первоначальной редакціи, приводитъ слѣдующія слова, буквально повторяющіяся въ „Повѣсти о старцѣ Германѣ“ (Соловецкомъ): „а иже кто приживый до-бляго сего (Іоанна) и воспитавый преледе постнаго и стра-дательнаго пребыванія, достойный слышанія земный градъ, или отъ веси коя житель бѣ, или отъ коего отчества, — сего не повѣда“.

Чтобы показать, какъ Акилина, будучи въ болѣзни „тяж-кой зѣло, разслабѣвшая всѣми уды“, дошла до рѣки Сярты, до гроба Іоаннова, Сергій счелъ пужнымъ сдѣлать такую оговорку: „она же возможе мало укрѣпитися отъ болѣзни тоя, вѣрою одержима, шествія пути касается“.

Не будучи очевидцемъ описываемаго событія, Сергій сосредоточилъ особенное вниманіе на изображеніи положенія несчастной женщины у гроба Іоаннова, о чемъ не говорится ни слова въ вышеприведенномъ описаніи.

„Достизаетъ (Акилина) въ предреченное мѣсто, и тамо пометааетъ себе на землю, и ко гробу животноснаго мертвеца припадаетъ любезнѣ, емлется радѣ, умываетъ сію слезами довольнѣ, плещуетъ зѣльнѣ. Что не твораше? что не дѣяше? вѣихъ умиленныхъ глаголь не привѣщаше? коего моленія не простираше ко врачу, да получить исцѣленія даръ“.

Для того, чтобы придать больше поразительности чуду, Сергій изобразилъ состояніе женщины исцѣлѣнной: „востааетъ отъ гроба на нозѣ свои, и осязаетъ своя разслабленныя уды; зреть сихъ совершеннѣ исцѣлѣнна, яко ни слѣда болѣзни почути ей. Воздѣваетъ убо руцѣ горѣ, возвышаетъ гласъ, вопіетъ якоже Хавыни, выпрѣ же къ Богу похвальныя пѣ-сни возсылая, стягнувшему ю молитвами Своего раба, якоже и разслабленнаго словомъ повелѣвшему одръ свой взяти“. Сергій какъ будто представилъ себѣ состояніе упоминаемой въ Евангеліи Хананеянки предъ Іисусомъ Христомъ и, опи-савъ его, перенесъ на поморскую женщину.

Говоря объ обрѣтеніи мощей Іоанна поморскими жите-лями, Сергій къ сказанному въ древнѣйшей редакціи при-бавилъ, что Іоанна нашли „во единой срачицѣ“ (1). Подоб-

(1) Ркп. №-183, л 73 на обор.

нымъ образомъ къ тѣмъ словамъ, съ которыми, по первоначальной редакціи, Іоаннъ обращался къ женщинѣ, повелѣвая ей извѣстить игумена Варлаама о перенесеніи мощей,—Сергій влагае въ уста святаго еще слѣдующія: „не могу лежати на пустѣ мѣстѣ“.—Событіе открытія мощей Іоанновыхъ въ первоначальной редакціи описано слишкомъ сжато и кратко; Сергій, при своей склонности къ подробному изображенію, не могъ обойтись безъ добавленія и здѣсь; но какъ неочевидцу, человѣку отдаленному по времени отъ описываемаго событія, ему оставалось одно—срисовать картину съ какого нибудь другаго подобнаго факта и приложить её къ данному; онъ такъ и дѣлаетъ.

Читая описанія открытія мощей св. угодниковъ, почти постоянно приходится встрѣчать, что какъ только былъ открытъ гробъ, воздухъ наполнился благоуханіемъ; древнѣйшее сказаніе объ открытіи мощей Іоанна составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи; у Сергія объ этомъ событіи находимъ подробное описаніе. „Егда разбраша покровъ гроба, абѣ воскуришася араматныя воня, и весь воздухъ исполнился благоуханія неизреченнаго; честное же тѣло блаженника всецѣло и нерушимо является. Удивляетъ же о ссмъ іеромонахъ и с сущими съ нимъ, и псаломски Богу воспѣвають: дивенъ Богъ во святыхъ своихъ,.... блажени воистинну ихъ же избра Господь. Не тѣло же точію преподобниче нетлѣнно обрѣтесе, но и облегающая тому одежда тѣлеси силою соблюдеся отъ тли. Радуется же іеромонахъ сердцемъ, яко обрѣтая кто корысть многу; вземше на рамо, онъ же съ нимъ сущими въ кораблець относятъ: воздуху же служащу посивну суцу, вспять возвращаются, и море на свою плещу тихостію кораблець съ преподобнаго тѣломъ ношапе, и dospѣвши въ весь, полагаютъ мощи святаго во гробъ, и поставляютъ сѣнь надъ гробомъ святаго, и внутрь надъ гробомъ обѣснша богомужный образъ Господа нашего Іисуса Христа и Того рождѣнша и свѣщу запалиша“⁽¹⁾.

При открытіи мощей Іоанновыхъ лица, нашедшія ихъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ на берегу моря, въ Сказаніи Сергія говорятъ: „обрѣтохомъ его.... такова же цѣла, якоже и нынѣ видимъ“⁽²⁾.

(1) Ркв. № 183, л. 78—79.

(2) Тамъ же, л. 79 на обор.

Вотъ всё разности, какія мы замѣтили при сравненіи Сергіева Сказанія о Яренскихъ чудотворцахъ съ первоначальной редакціей въ описаніяхъ однихъ и тѣхъ же событій; изъ этого сравненія видно, въ чемъ состоялъ трудъ Сергія въ отношеніи къ тѣмъ хартіямъ, какія онъ хотѣлъ украсить и въ чемъ именно состоятъ эти украшенія. По своему изложенію Сказаніе Сергія не поражаетъ чистоты особеннымъ витійствомъ, чего бы слѣдовало ожидать, судя по той цѣли, какую авторъ имѣлъ въ виду, когда брался за перо. Витійствомъ отличается только предисловіе къ Сказанію; какъ ни представлялъ себѣ труднымъ предпринимавшее дѣло инокъ Сергій — въ его Сказаніи не замѣчается большого краснорѣчія; значить, онъ полагалъ свою задачу не столько въ переработкѣ чисто стилистической стороны первоначальной редакціи, сколько именно въ различнаго рода добавленіяхъ и дополненіяхъ къ описаніямъ известныхъ событій въ дошедшихъ до него „хартіяхъ“. Въ предисловіи Сергій отозвался о хартіяхъ хотя и съ дурной стороны, какъ о написанныхъ чужими руками, однакоже въ своемъ Сказаніи не рѣдко дозволяетъ себѣ дѣлать буквальные изъ нихъ заимствованія; при передачѣ разговоровъ, помѣщенныхъ въ нихъ, Сергій заботится главнымъ образомъ о полнотѣ. Онъ особенно склоненъ изображать состоянія больныхъ и недужныхъ предъ гробомъ святаго; но описанія этихъ состояній являются очень однообразными: о каждомъ больномъ говорится, что онъ „съ плечемъ зѣльнымъ и воплемъ“ изывалъ ко святому, падалъ ницъ предъ гробницей и изливалъ свои душевные чувства въ псаломскихъ выраженіяхъ; получивъ исцѣленіе, поегъ молебствъ, пролила слезы въ горячей благодарственной молитвѣ и радуясь и веселясь отходить въ домъ свой“.

Для того, чтобы видѣть нагляднѣе, какъ Сергій украшаетъ описаніе известныхъ событій въ первоначальной редакціи, приведемъ параллельно разсказъ того и другаго произведенія объ одномъ чудѣ.

ОПИСАНІЕ ЧУДА ВЪ ПЕРВОНАЧ.
РЕДАКЦИИ.

Св. чудотворецъ Логинъ явился торговому человѣку Якову Соколякову не могущу ему много лѣтъ ногами. И

ПО СКАЗАНІЮ СЕРГІЯ.

Человѣкъ нѣкій Яковъ именемъ, по реклому Соколяковъ, немощенъ ногами, лежа на одрѣ своемъ много лѣтъ. Яв-

явился ему святой въ видѣнїи, тако жъ и имя свое сказалъ ему: Іакове, дабы мя отсельъ привезли въ Яренгу, ко храму Николѣ чудотворцу. Іаковъ поимъ съ собою священника инокъ Варлаама и тако взяша мощи его на Сосновскомъ берегу.

ляется ему въ видѣнїи св. Логгинъ, повелѣвая ему себе отъ мѣста того Сосновскаго берегу взяти, и свести въ весь Яренгу, къ церкви Николая чудотворца, и имя свое извѣсти. Онже возвѣщаегъ сіе видѣнїе іеромонаху Варлааму. Онъ же съ радостію слово восхитивъ, весь съ радостію разліанъ бываетъ, и нача строиться къ путному шествію. В то же время бысть тишина велия на морѣ, зефиру бо кротко повѣвающу; сладокъ бо тогда видѣти позоръ, море бо тихостію плещи подвижа, багряными волнами играя, и къ сусѣдъ земли пририца, и яко мирными руками объемля, ту цѣлуеъ. Они же всѣдають в ладійцу, окриляють ту ядрилы, и тѣми многотечными ядры, корабль воскрилемъ, отъ пристанища съ пѣснїю возвышаемъ на вышнее возводятъ; емлются шествія путнаго по морю, достизають мѣсто, расковываютъ землю, и обрѣтають тѣло святаго ничимъ же врежено, яко и ризъ его тлѣнїю не прикоснутися. Воздуху же убо воскурившуся отъ восходящїа воня благоуханїа араматы отъ мощей святаго. Они же приемлютъ святаго тѣло съ великою радостію своими руками отъ боку земленую, и полагають въ ковчегъ на то устроенный, и относятъ въ

И принесомъ въ церкви св. Николы и положиша ихъ честно у Иванова гроба, скрывше въ землю.

Ияковъ же оттолѣ отъ одержавша болѣзни исцѣленіе пріять и на гробъ его положи въ покровъ отласенъ червчатъ и отойде въ домъ свой (Сборн. Сол. библ. № 182, л. 124 на обор.).

Въ приведенномъ описаніи не трудно замѣтить, что Сергій изобразилъ событіе открытія мощей Логгина весьма сходно съ вышеописаннымъ рассказомъ объ открытіи мощей Іоанновыхъ, — въ обоихъ описаніяхъ онъ прибѣгаетъ къ однимъ и тѣмъ же приемамъ украшенія.

ОПИСАНІЕ ОТКРЫТІЯ МОЩЕЙ
ІОАННА.

„Егда разбраша покровъ гроба, абіе воскуришася ароматныя воня, и весь воздухъ исполнися благоуханія неизрѣченнаго. Честное же тѣло блаженника всецѣло и нерушимо является... и облегающая одежда тѣлеси силою соблюдеся отъ тли“ (Ркп. Сол. библ. № 183, л. 78 на об.).

ладію свою, и возвращаются вспять по морю въ весь Яренгу: низводятъ корабль отъ высоты на низшее, доставаютъ въ пристанище. И пѣвше надгробная и ископаша землю сѣво довольно и положиша тѣло святаго Логгина въ той же сѣни вкупѣ со святымъ Іоанномъ на лѣвой странѣ.

Ияковъ же, знаменався мощми святаго, исцѣленіе получи и отъиде въ домъ свой радуясь, хваля и скача и славя Бога, якоже хромый при апостолѣхъ“ (Ркп. Сол. библ. № 183, л. 85 об.—86 и 87).

ОПИСАНІЕ ОТКРЫТІЯ МОЩЕЙ
ЛОГГИНА.

... „Расковываютъ землю, и обрѣтаютъ тѣло святаго ничимъ же врежено; яко и ризѣ его тлѣвице не прикоснутися; воздуху же убо воскурившуся отъ восходящія воня благоуханія аромать отъ мощей святаго“ (Ркп. Сол. библ. № 183, л. 86 на обор.).

Между тѣмъ въ первоначальной редакціи объ этихъ событіяхъ сказано только въ слѣдующихъ краткихъ словахъ.

... „Струбець разобраша и абіе явившася (Іоаннъ) уви-

„Ияковъ понимъ съ собою Никольскаго священника, инока

дѣнь бысть, яко лежить во плоти, и у струбца пѣвше молебень.... взяша честное тѣло и привезоша въ Яренгу"... (Ркп. Сбор. Сол. библи. № 182, л. 120).

Варлаама, и тако взяша честныя мощи его (Логгина) на Сосновскомъ берегу"... (Ркп. Сбор. Сол. библи. № 182, л. 124 на обор.).

Вотъ еще образчикъ, какъ инокъ Сергій въ своемъ сказаніи украшаетъ описаніе одного чуда, во многихъ мѣстахъ однакоже приводя буквально выраженія первоначальной редакціи.

ОПИСАНІЕ ЧУДА ПО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦІИ.

„Женѣ нѣкоей прилучися у струбца Иванова быти и неподобнѣ ей суцѣй прикоснутися случися къ струбцу Иванову. И отруну ю невидимая сила и на земли повержеса и лежащи ей на долгъ часъ, яко мертвой суцѣй. И абіе во умъ пришедши и со слезами начатъ каятися грѣховъ своихъ глаголющи.

РАЗСКАЗЪ ИНОКА СЕРГІЯ.

„Жена нѣкая Ярентскія веси въ чащахъ лѣса собираще терновіе, и изшедши на брегъ въ невѣдѣніи восхотѣ сѣсти верху святаго гроба, мнзи проста челоука ту лежаща, суци ей въ нечистотѣ, или отъ тяжести любоплотнаго бѣса, или немощію женскою въ теченіи крови одержима, якоже случается женамъ по естеству суцимъ, и абіе порину ю невидимая Божія сила, и верже на землю, и лежащи ей на долгъ часъ оцепѣвши. Въ себе же пришедши, со слезами начатъ каятися грѣховъ своихъ, показуеть струпъ нагъ, ищетъ пластыря, проситъ жженія, плещуеть зѣлнѣ, прощенія проситъ у лежащаго ту мертвеца, — имени же его невѣдуци пригласаше: Господи рабе Божій, прости ми грѣшную, понеже, недостойнѣ ми суци восхотѣхъ

Господи рабъ Божій, кто еси здѣ положенный! прости ми грѣшницу, понеже ми недо-

стойнѣ прикоснувшись къ честному гробу твоему и хотѣвши ми сидѣти, идѣже ты жилище себѣ изволи; и плакаса долгъ часъ.

„И абіе здравіе получи и срама ради не повѣда никому же что бывшее надъ нею и до явленія Иванова. И егда слышавши взятіе чудеснаго тѣла Иванова и чудеса, творящася отъ честныхъ мощей его, и исцѣленія приемлюще мнозѣмъ,—и та убо шедъ повѣда отцу своему духовному Варлааму игумену еже приключившееся надъ нею бысть“. (Сбор. Сол. библ. № 182, л. 121).

прикоснутися честному гробу твоему, идѣже ты изволи жилище себѣ; и на долгъ часъ исповѣдающися ей со слезами, и съ плицемъ зѣльнѣмъ.

„Богъ убо волю боящихся Его творяше, да не Давида покажетъ лжуца; и якоже скончевахуса молитвена словеса, и еще на лица ницѣ страждущи лежащи, здравіе получи,—востаеъ убо безъ недуга, высоцѣ дивляшеся, и прославльшему Богу съ прославленнымъ рабомъ благодареніе возсылаше. Пришедши же въ весь, срамомъ побѣждена бысть,—пикому же повѣда бывшаго на ней. Егда же привезены быша мощи святаго Іоанна отъ Сяргы въ Яренгу, видѣ же она неизреченная чудеса, бывающая отъ мощей святаго, и та, приставши въ той часъ, исповѣда вся бывшая на ней отцу своему духовному, іеромонаху Варлааму, и съ свѣтлымъ глазомъ святаго чудеси проповѣдница бываетъ, свое же малодушіе и маловѣріе уоряя (Рѣп. Сол. библ. № 183, л. 81 об. 82 и 83).

Сличая эти два описанія одного и того же событія, видимъ, что инокъ Сергій цѣликомъ, дословно выписалъ изъ древнѣйшей редакціи разсказъ о чудѣ; добавленія, какія онъ сдѣлалъ, незначительны и состоятъ частію изъ объясненія отдѣльныхъ словъ („неподобнѣ ей сущѣй“), частію — въ изображеніи положенія женщины у гроба Іоаннова до и по полученіи исцѣленія.

При изложении истории написания образа Иоаннова, Сергій заимствуетъ выраженія изъ „грамотки“, которая по этому дѣлу была прислана съ Соловковъ къ Никольскому игумену Пароению; но и здѣсь Сергій остается вѣренъ своей привычкѣ — пополнять краткія описанія подробностями ⁽¹⁾.

Въ упомянутой грамоткѣ сказано, что Іоаннъ являлся изографу Феодориту трижды и сообщилъ, какъ нужно написать образъ. У Сергія объ этомъ событіи передается нѣсколько иначе, — онъ объясняетъ причину троекратнаго явленія святаго. Во время перваго явленія святой сказалъ Феодориту, „повелѣвая ему образъ свой написать: подобіе тезоименна (это слово Сергій прибавилъ отъ себя) ему великаго во пророцѣхъ Предтечи, а браду аки благоразумнаго разбойника, руцѣ согбенѣ, во единой ветвѣи срачицѣ“. Но „изографъ“ невнимательно отнесся къ повелѣнію святаго и медлилъ исполненіемъ порученнаго дѣла, — вотъ причина, по сказанію Сергія, почему Іоаннъ является во второй и третій разъ. Святой теперь считаетъ нужнымъ предупредить изографа, чтобы писалъ икону скорѣе, безъ лѣнности, такъ какъ его имѣетъ „достигнуть велие упражненіе“ (т. е. смерть). Изографъ взялся за дѣло прилежно, но не успѣлъ его довести до конца: изолифливать икону пришлось уже другому лицу.

Пополняя описанія событій въ первоначальной редакціи различнаго рода подробностями, инокъ Сергій нѣкоторыя изъ чудесъ, о которыхъ рассказываетъ эта редакція, вовсе опускаетъ безъ вниманія ⁽²⁾, или же ограничивается только однимъ упоминаніемъ объ нихъ ⁽³⁾.

Описаніе чудесъ Іоанна и Логгина, чудесъ довольно сходныхъ по характеру, какъ бы наскучило иноку Сергію; онъ утомился однообразіемъ дѣла и поэтому (вмѣсто того, чтобы украшать изображенія чудесъ первоначальной редакціи) рѣшился сократить работу, сдѣлать только одно перечисленіе именъ тѣхъ лицъ, которыя получили отъ святыхъ благодатную помощь; и поскорѣе перейти къ заключительной части своего произведенія. Такъ какъ первоначальная ре-

⁽¹⁾ Ср. Ркп. № 182, л. 123 на обор. и Ркп. № 183, л. 80—81.

⁽²⁾ См. Ркп. № 182, л. 124, 125, 126.

⁽³⁾ Ср. Ркп. № 182, л. 123 и Ркп. № 183, л. 98 на об. и 99.

дакція сказаній о Яренскихъ чудотворцахъ не представляла изъ себя цѣльнаго, законченнаго, не имѣла послѣсловія, которое, какъ извѣстно, составляло непремѣнную принадлежность всякаго агіобіографическаго произведенія, написаннаго болѣе или менѣе витѣвато, то Сергій обратилъ особенное вниманіе на послѣловіе къ своему „сказанію“; здѣсь онъ показалъ всю силу краснорѣчія и поэтическаго таланта, такъ что по справедливости можно сказать—въ произведеніи этого инока „конецъ дѣлу вѣнецъ“.

Послѣловіе къ сказанію не отличается богатствомъ содержания излагаемыхъ въ немъ мыслей: въ немъ Сергій старается показать величіе Яренскихъ чудотворцевъ, силу ихъ могущества, какую они проявляютъ на морѣ, спасая прибѣгающихъ къ нимъ съ молитвою отъ потопленія; для картинности изображенія онъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ и уподобленіямъ, иногда довольно оригинальнымъ. Обладая нѣсколько поэтическимъ даромъ въ описаніи моря и вообще природы сѣвера, Сергій, чтобы показать могущество Іоанна и Логгиса, рисуетъ изображеніе морской бури, побѣдителями которой являются святые, избавляя пловцовъ отъ гибели въ волнахъ разъярившейся водной стихіи.

„Морстїи пловцы мнози свидѣтельствуютъ: во время морскаго возмущенія отъ жестокихъ вѣтръ, егда море развѣрпяся, дивнаго звѣря образомъ, разныхашеся, и водны яко горы сотворивъ, сурово наскакаше, и всѣмъ потопленіемъ претїше, ничтоже надѣягися развѣ смерти, понеже отъ зѣльнаго вѣтреннаго дыханія на кубарахъ ядрїла сокрушившася, и въ мори погразнуша, и егда в послѣднемъ отчаяніи всѣмъ бывшимъ, тогда видѣша святыхъ на кубарахъ, держайте, глаголющїхъ, невредими будете“.

Слова святыхъ производятъ могучее дѣйствіе: пловцы становятся смѣлѣе, а бурное море мало по малу, какъ бы нѣхота, начинаеть утихать.

„Умиленія тогда видѣти позоръ, продолжаетъ поэтизировать Сергій, и плачу достоинъ.—Кто бо видѣ море безчїніе твораще, не вѣсть его яко раба бѣжаща, бѣгающа бо вѣнъ, и держима внутрь, или многожды разгорѣвшася студенымъ разгорѣніемъ, и безчїнными теченїи волнами, всего себе яко бѣсящася блудница, къ земли прибивается, ярящїся, лютїтся убо, и пѣну точить, много же теченія испивъ быстрины, горькій росоль изъ глубины рыгнеть, и множе-

ствомъ же пѣанства мутится растерзати же заклепы и бѣжати хоцеть, востягаетъ же, и боится, и возвращается, и мокрыя не проходитъ двери, но во свояси простѣ востекаетъ, яко рабыня за власы держима. Запеже сѣверское море ревше полунощное—мелко есть и удобъ отъ вѣтръ мутится; зане изъ dna его могутъ возмутити бурнии вѣтри, яко и подонный песокъ съ волнами размѣсити. Многими же рѣками исполняемо—слаждьшу воду паче инѣхъ морь имать, имъ же мало походивъ солнце по той странѣ отъидеть, и не изметъ ей всея влаги сладкѣя лучею. Радуютъ же сладкому и морскѣя рыбы, да того ради паче любятъ понтійское море, яко стройнѣе инѣхъ морь раждати въ немъ, бѣ бо видѣти въ годъ той естеству восходный, аки рѣку, рыбы плывуща суть, и пропонтидою евзинопонтъ плывуща такоже, якоже добръ ся плодятъ, вмалѣ повеселившеса и покормившеса, вжатвенный годъ, паки, зимѣ приступаючи, возвратятся во своя жилища, на глубинную теплоту и солнечнаго присносѣанія, отбѣше студености полунощныя, на моря идѣже худѣ потрясаются вѣтромъ тамо входятъ, идѣже живутъ и киты великѣ зовоміи лежа си подобни суть великимъ горамъ, яко видѣвшии я повѣдаютъ, пребываютъ же во своихъ предѣлахъ, не творяще пакости ни островомъ, ниже на брезѣхъ традовомъ стоящимъ, тако ти койждо ихъ родъ, аки грады или веси, или отчества древняя, иже имъ суть отъ лучины морскѣя страны, въ тѣхъ живутъ“⁽¹⁾.

Послѣ такого отступленія, инокъ Сергій снова обращается къ мысли о чудесахъ Іоанна и Логгина и отъ удивленія вопликаетъ — „Что ми много чудесъ исчитати знаменосныхъ онѣхъ отецъ! будетъ бо лѣто постизая мя повѣстующа, море горстїю любопретиса премѣрити — бывающая отъ нихъ исчитати есть, елико въ мори, елико въ приморїи, и иже не въ приморїи же тоѣмо, но и дальняя мѣста призываемы посѣщаютъ.... тако въвечницы безомзднїи (безмезднїи) врачеве чудодѣйствоваша“.

Чтобы показать, за что Іоаннъ и Логгинъ получили отъ Бога благодать чудотворенія, Сергій касается описанія ихъ земной жизни, но какъ не очевидецъ послѣдней, принужденъ ограничиться общими фразами при характеристикѣ личностей этихъ чудотворцевъ.

(1) Ркв. № 182, л. 96—98.

„Сіе мздовозданіе отъ Христа пріяша натриженія; такова тѣмъ благодать даровася, нелѣбно бо подвизашася, и видимыми къ невидимымъ добрѣ тѣхъ поученіе.... и какъ очистивши понудишася, и како юности наказаху, како сласти восхлестиша, како страсти уставиха,—симъ азъ паче удивляюся!... Како друзіи наставники имѣюще, добродѣтели проходящихъ во очію имающе, права исправити не хощаще? Сіи же (т. е. Іоаннъ и Логгинъ) поселяне извыкоша добродѣтель, не иному тѣхъ учашу, смысломъ же научаются мудрости, и та прочее тѣмъ учительница бываеъ разуму божественному.... Зряху бо солнце—познавають присносущаго свѣта, видаху небеса — разумѣвають творчу славу, землю зряху—внимають величеству владычну, море видяху—познавають силу владущаго, приѣмля измѣненіе добротинное времянь чюдятся лѣпотѣ строящаго мѣръ, взирающе звѣзднаго лика учивеніе — взираются къ добротѣ сочетавающаго то, смотряюще луну удивляются сіянію положившаго ю, и тако возвращають вѣру, и отсюду разумѣвають Бога, прилагаются любовію, взыскують ими же прилѣпиться къ тому возмогутъ, истазають Писанія, научаются како стяжати ѣ, и обрѣтають заповѣди, ими же хотяй приближается имъ. Главизна доброты и зачало премудрости страхъ Господень—то полагають во своемъ сердцы, лѣпо бо Зиждигеля животомъ и смертію властвующа, миловати же и мучити силу имущаго, боятися и трепетати и говѣти“....

Возблагодаривъ Бога, давшаго силу восхвалить святыхъ, Сергій смиренно обращается къ нимъ съ слѣдующимъ молитвеннымъ воззваніемъ: „отпустите ми треблаженніи и молитвенники ми будете къ Богу теплѣйшіи и непрестанніи о ихже доброе сіе приношеніе“.

О своемъ произведеніи смиренный инокъ дѣлаеъ такой отзывъ, что онъ, „якоже человекъ невѣжда, сіе обрѣтъ бѣсѣдою и словеса простыми лежаще, рабъ рабовъ вашихъ (Іоанна и Логгина), отъ любве въ сіе слово произошелъ и со тѣнаниемъ и прилѣжаніемъ, елико по силѣ молитвъ и посѣщеній вашихъ, приложивъ сочеталъ вашими смотрѣнми“⁽¹⁾.

Разсмотрѣніе Сергіева Сказанія о Яренгскихъ чудотворцахъ приводитъ къ такому заключенію. Трудъ инова

(1) Ркп. № 183, л. 99—102.

Сергія составленъ по образцу искусственнаго стиля агіобіографическихъ произведеній. Сергій не былъ очевидцемъ тѣхъ фактовъ, которые рѣшилъ изложить въ болѣе украшенной формѣ, чѣмъ въ какой они были описаны въ „хартіяхъ“. Свою задачу онъ понималъ не только въ смыслѣ внѣшней, чисто стилистической обработки первоначальныхъ записей; онъ подъ украшеніемъ ихъ разумѣлъ главнымъ образомъ дополненія и добавленія, какія сдѣлалъ къ сказанному объ обрѣтеніи мощей и чудесахъ Іоанна и Логгина въ простыхъ и безыскусственныхъ тетрадахъ. Такъ, напр., онъ влагаетъ отъ себя, въ уста получившихъ отъ святыхъ чудесную помощь, молитвенныя обращенія; при разсказѣ о чудесахъ, любитъ прибѣгать къ обычнымъ подробностямъ (указанія напр. на появленіе благоуханія при открытіи мощей). По изложенію средней, самой существенной части Сергіева Сказанія, можно предполагать, что авторъ обращалъ на нее вниманія менѣе, чѣмъ на остальные. Если можно назвать это сказаніе витиеватымъ и украшеннымъ, какимъ его авторъ хотѣлъ выпустить изъ подъ пера, то это слѣдуетъ сказать собственно о предисловіи и послѣсловіи; и то и другое дѣйствительно написаны языкомъ краснорѣчивымъ; слѣдовательно, эти части и составляли, по мысли инока Сергія, самое важное и существенное въ его произведеніи; онѣ округлили собою хотя и не богатыя по качеству изложенія—описаніе обрѣтенія мощей и разказы о чудесахъ и придали имъ форму витиеватаго Сказанія.

Понятно, что въ историческомъ отношеніи предисловіе и послѣловіе къ Сказанію важны только своей литературной стороною, приѣмами изложенія и фигурами витійства. Что же касается до существенной части этого сказанія, то ея важное значеніе заключается въ томъ, что она знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ искусные писцы относились къ повѣстамъ и хартіямъ, „написаннымъ простою рѣчью“, которыя брались „украшать“,—какъ пополняли и расширяли ихъ объемомъ различнаго рода добавленіями и вовсе не историческими, а вымышленными подробностями.

Перу инока Сергія принадлежитъ еще „Сказаніе о перенесеніи честныхъ мощей святыхъ Іоанна и Логгина Яренгскихъ“⁽¹⁾; оно помѣщается вслѣдъ за предъидущимъ и важ-

⁽¹⁾ Т. е. о перенесеніи мощей въ новоустроенную церковь. Событіе это было въ 1638 г. См. Рки. Солов. библ. № 183, л. 104—110.

но въ томъ отношеніи, что авторъ былъ очевидцемъ описанныхъ въ немъ событій и даже принималъ въ нихъ личное участіе. Онъ рассказываетъ о перенесеніи мощей довольно подробно и даже описываетъ самый внѣшній видъ, какой имѣли тѣла святыхъ при переложеніи ихъ въ новыя раки.

То и другое сказанія инока Сергія неизвѣстно когда и гдѣ были подвергнуты пересмотру, отъ котораго потерпѣли нѣкоторые измѣненія; нельзя сказать, чтобы эти измѣненія были значительны и существенны; въ новой редакціи (1) первоначальное Сказаніе Сергія уцѣлѣло вполнѣ въ общемъ составѣ; пересматривавшій его обратилъ вниманіе исключительно почти на внѣшнюю сторону и не описалъ ни одного событія такого, о которомъ бы не говоримо Сказаніе Сергія; большая часть прибавокъ и дополненій, сдѣланныхъ позднѣйшимъ пересмотрщикомъ, состоитъ изъ краткихъ выраженій.

Такъ напр. въ предисловіи къ Сказанію пересматривавшій трудъ Сергія прибавилъ, какъ бы отъ лица этого инока, слѣдующія слова: „призываю (это слово есть и въ первоначальномъ сказаніи Сергія; только въ дѣяричастной формѣ) азъ недостойный, наче же реву всего грѣшнѣйшаго грѣшныи, сихъ святыхъ и праведныхъ Іоанна и Догмана на помощь“....

Далѣе, бытъ поморскаго народа изображенъ въ пересмотрѣнномъ Сказаніи нѣсколько пополнѣе, чѣмъ сколько о немъ сказано самимъ Сергіемъ. Позднѣйшій редакторъ Сергіева сказанія замѣтилъ, что въ первоначальномъ произведеніи этого инока нѣтъ перехода отъ вступленія въ описанію обрѣтенія мощей Іоанновыхъ и рассказамъ объ этомъ событіи. Дѣйствительно, у инока Сергія сказанное о селѣ Яренгѣ и его жителяхъ стоитъ совершенно особнякомъ отъ повѣствованія объ обрѣтеніи мощей этого святаго. Этотъ недостатокъ устраненъ въ пересмотрѣнномъ сказаніи; здѣсь есть переходъ между упомянутыми описаніями, хотя переходъ довольно странный, основанный на аллегоріи. Сказавъ, что жители Яренги, для добыванія себѣ пропитанія, между прочимъ ходятъ на берегъ моря, чтобы найти здѣсь казую нибудь добычу, позднѣйшій редакторъ Сергіева Сказанія пе-

(1) Риз. Сол. Свѣд. № 189, т. 69—119.

реходить къ описанію обрѣтенія мощей Іоанновыхъ слѣдующимъ образомъ. Трое Яренгскихъ жителей отправились къ берегу моря; „хотяще себѣ что либо получить во препитанію своему. Оле чудесе! вмѣсто препитанія земнаго обрѣтоша питателя душевнаго, паче же рещи: врача и цѣлителя душъ человѣческихъ, сѣирѣчь: мощи святаго и праведнаго Іоанна, вмѣсто ловленія звѣрскаго—ими же избавляемся отъ ловленія звѣря лукаваго діавола, вмѣсто же нанесеннаго прибытка обрѣтоша безцѣнный прибытокъ... о нихъ же (мощахъ) нынѣ мы повѣствованіе творимъ, како обрѣтошася святаыя мощи и на коемъ мѣстѣ: сего св. и праведнаго Іоанна“.

Послѣ этого, какъ и въ первоначальномъ Сказаніи Сергія, идетъ повѣствованіе объ обрѣтеніи мощей: здѣсь позднѣйшій редакторъ въ словамъ этого инока: „зрять человѣка нѣкогда на крахъ льду на морѣ мертва лежаща, во единой срачицѣ“, прибавилъ: „благоговѣйна суща“⁽¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ, позднѣйшій пересмотрщикъ большею частію дословно повторяетъ Сергіево Сказаніе и составляетъ скорѣе легко подновленный списокъ его, чѣмъ особую редакцію. Въ фактическомъ отношеніи пересмотрѣнное Сказаніе не даетъ ничего новаго; повторяя содержаніе Сергіева произведенія, оно сглаживаетъ несообразности его и излагаетъ въ болѣе связной и стройной формѣ.

Такъ нежиръ приведенный нами буквально разсказъ о чудѣ случившемся съ нѣкоей женщиной, имѣвшей нечаянную неосторожность „въ нечистотѣ“ сѣсть на верху гроба (могины) Іоаннова; въ пересмотрѣнной редакціи описанъ значительно короче, чѣмъ—Сергіемъ; всѣ прикрасы, замышленные добавленія, какія этотъ иннокъ сдѣлалъ къ сказанному, о чудѣ въ первоначальныхъ записяхъ, позднѣйшимъ редакторомъ вытѣснены; самый разсказъ о чудѣ передается отъ лица самой женщины: „Ишедшу ми на брегъ, и увидѣ гробъ... мнѣнщи ту быти проста человѣка погребенна, восхотѣ сѣсти верху гроба... Абіе невидимая сила Божія удари ми о землю; и оцѣпѣвъшу ми на много часъ; егда же ми быдшу въ себѣ: со слезами начахъ каятися грѣховъ своихъ, яже ми догда въ нечистотѣ бывшей, въ женскомъ теченіи,

(1) Ркп. Сол. библ. №189 л. 76; Ср. № 183, л. 75 на обор.

и прошенія просити у лежащаго ту мертвеца, и по моленіи моемъ скоро даровася ми исцѣленіе и бысть здрава“.... (1).

Подобнымъ образомъ позднѣйшій пересмотрщикъ нашель слишкомъ преувеличенными и поэтически-фигуральными прикрасы Сергіева Сказанія при описаніи чуда, случившагося съ Яковомъ Соколяковымъ, и также вычеркнулъ ихъ изъ своего груда (2).

Иногда позднѣйшій редакторъ находитъ нужнымъ съ своей стороны сдѣлать нѣкоторыя добавленія въ словамъ Сергіева Сказанія. Такъ, напр., онъ пополнилъ рассказъ о принятіи въ Яренгѣ образа Іоаннова, присланнаго изъ Соловецкаго монастыря (3), и затѣмъ отъ себя еще написалъ нѣсколько строкъ общаго характера о чудесахъ этого святаго. „Овухъ избавляетъ (Іоаннъ) отъ потопленія морскаго, овухъ же — отъ всякихъ недуговъ, бѣдъ и скорбей, овухъ же — отъ глада, труса и меча, иныхъ же и отъ величія бури морскія въ тишину своего пребыванія приводитъ въ рѣку Яренгу, и спасаются ту, и восходятъ на берегъ, въ часовню во святымъ мощамъ, молятся со слезами, поставляютъ свѣщи, и поютъ молебствованія о полученіи своего спасенія, яже видимо есть и до нынѣ всѣмъ людемъ ту живущимъ во славу Христа Бога нашего“ (4). Этими словами авторъ хотѣлъ, очевидно, сказать о величїи и могуществѣ святаго Іоанна; кромѣ общихъ словъ онъ ничего не сказалъ, но въ нихъ проскользнулъ его взглядъ на прославленнаго угодника Божія, какъ на человѣка заботящагося о своемъ чествованіи.

Замѣчательна также для характеристики воззрѣній на святаго слѣдующая прибавка къ словамъ, съ какими Іоаннъ обращается къ женщинѣ Авилинѣ, повелѣвая ей сходить къ своему гробу, чтобы тамъ получить исцѣленіе: „аще ли не тако (т. е. если не сходишь ко гробу), то инако получиши себѣ исцѣленія не можеша“ (5).

(1) Ркп. Сол. библ. № 189, л. 79 на обор. Ср. Ркп. № 183, л. 76 на обор. и 77.

(2) Ркп. Сол. библ. № 189, л. 86—88. Ср. Ркп. № 183, л. 86—87.

(3) Ркп. Сол. библ. № 189, л. 81 на об. Ср. Ркп. № 183, л. 84.

(4) Тамъ же, л. 82 на обор.

(5) Ркп. Сол. библ. № 189, л. 76 на обор. Ср. Ркп. № 183, л. 6 на обор.

Сравнивая повѣствованіе „грамотки“ съ разсказомъ инокъ Сергія о написаніи образа Іоаннова, мы видѣли, что Сергіій старался объяснить причину троекратнаго явленія святаго „изографу Θεодориту“, но не объяснилъ вполне; о причинѣ послѣднихъ двухъ явленій сказано вообще: „зографу же коснѣ дѣлу прилежащу“. Пересматривавшій Сергіево Сказаніе рѣшился дополнить его и яснѣе выставить причину троекратнаго явленія святаго. По позднѣйшей редакціи ⁽¹⁾ выходитъ, что во время перваго явленія Іоаннъ только „повелѣваетъ образъ своего подобія написать“, не сказывая, какъ писать этотъ образъ. Иконописецъ, „воставъ отъ сна, вебреше о томъ, лѣнностію одержимъ бысть“,—это было причиною вторичнаго явленія святаго Θεодориту; теперь Іоаннъ „повелѣваетъ ему: не косну въ дѣлѣ быти и не лѣнностну, претяше бо ему быти смертное посѣченіе“. Иконописецъ отъ этого привель въ умъ „велий зѣло на много часъ“; онъ хотѣлъ бы вѣзаться за дѣло; но не знаетъ, какъ написать образъ и начинаетъ плакать и молиться предъ образомъ Спасителя: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, Царю небесный! покажи ми образъ св. Іоанна подобіе, не вѣмъ како его изуграфити“. Молитва была услышана. Является св. Іоаннъ (въ третій разъ) и сказываетъ, по какому подобію писать образъ:

Другихъ подобныхъ передѣлокъ первоначальнаго сказанія инокъ Сергія въ новой редакціи не встрѣчается; все дѣло пересматривавшаго Сказаніе ограничивалось незначительными измѣненіями, состоящими то въ прибавкахъ отдѣльныхъ словъ ⁽²⁾ и немногихъ выраженій, то въ сокращеніяхъ особенно витиеватыхъ страницъ, въ зачеркиваніи напыщенныхъ фразъ, то наконецъ въ расположеніи событій въ болѣе вѣрномъ хронологическомъ порядкѣ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Ркп. Сол. библ. № 189, л. 80—81. Ср. Ркп. № 183, л. 80—81.

⁽²⁾ Напр. вмѣсто «благообразенъ» — «благообразенъ зѣло»; вмѣсто словъ: «повѣда игумену Варлааму», читаемъ въ позднѣйшей редакціи такъ: «повѣда игумену... и вѣмъ людемъ». Ср. Ркп. № 189, л. 90 и Ркп. № 183, л. 88.

⁽³⁾ Такъ описаніе чуда съ женою «собирающею терновіе» въ Ркп. № 189, прмѣщено ранѣе разсказа о написаніи образа Іоанна, какъ и слѣдовало по дѣйствительному порядку времени этихъ событій.

По изложенію пересмотрѣнное Сказаніе превосходитъ первоначальное произведеніе инока Сергія простотою, большею удобопонятностію и связностію рѣчи; витѣватя страницы сказанія инока Сергія вычерянуты позднѣйшимъ редакторомъ. Особенно онъ сократилъ послѣсловіе: поэтически-картинныя описанія Сергіемъ морской бури и природы сѣвера не нашли себѣ мѣста въ пересмотрѣнномъ Сказаніи. Но опуская витѣватя страницы, пересматривавшій Сергіево Сказаніе допустилъ недосмотръ въ томъ отношеніи, что слова: „сіи поселяне извыкоша добродѣтель, не иному тѣхъ учащу, смысломъ же научаются мудрости“ и проч., которыя Сергій относитъ къ Яренгскимъ чудотворцамъ, понялъ въ отношеніи къ жителямъ села Яренги: „сіи сугъ поселяне, віярѣчъ ту живущыя въ веси Яренги жители, извыкоша добродѣтель“ и т. д. (1).

Сказаніе инока Сергія о перенесеніи мощей Іоанна и Логгина въ новосозданную церковь препод. Зосимы и Савватія потерпѣло подъ перомъ позднѣйшаго редактора мало измѣненія; оно пополнилось нѣкоторыми добавленіями только въ описаніи побочныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это событіе.

Въ первоначальномъ Сказаніи инока Сергія прежде описанія самого событія перенесенія мощей читаемъ указаніе на время, въ которое оно было совершено и вѣкъ именно: „Въ лѣто зрме (1638), царствующу благочестивому самодержцу російскаго царствія, благовѣрному и благочестивому, великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу.... принесены быша честныя мощи святыхъ и праведныхъ Ивана и Логгина Яренгскихъ чудотворцевъ, отъ часовни въ созданную церковь въ Яренгѣ преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцовъ, Соловецкія обители игуменомъ Варфоломѣемъ и освященнымъ соборомъ, и положены въ созданнѣй церкви во уготованныхъ ракахъ, Ивановы на правой странѣ, а Логгиновы — на лѣвой“ (2).

(1) Ср. Ркп. Сол. библ. № 189, л. 102—108 и Ркп. № 183, л. 96—103.

(2) Ркп. № 183, л. 104 на обор.

Пересматривавшій „сказаніе“ Сергія, для большаго прославленія святыхъ, приведенныя слова. добавилъ подробно-стями. „Бысть въ лѣто 437мъ г. при великомъ государѣ, царѣ Михаилѣ Федоровичѣ.... игуменъ Варфоломей Соловецкаго монастыря приплыве изъ обители своея, со освященнымъ соборомъ, въ весь Яренгу, ради освященія церкви, во имя препод. отецъ Зосимы и Савватія. Егда же прибывъ во оную весь Яренгу, слыша отъ живущихъ жителей, яко отъ святыхъ и праведныхъ Іоанна и Логгина многая чудеса, и преславная явленія, бываемыя отъ святыхъ мощей, и всякъ притекаяй къ цѣлбоносному гробу, подавають исцѣленіе неоскудное, нача совѣтовати съ братією своею, со освященнымъ соборомъ, еже бы взяти святыхъ мощи Іоанна и Логгина на верхъ земли и положить въ новосозданную церковь, на исцѣленіе всѣмъ приходящимъ ко святымъ мощамъ ихъ; братія же его, яже суть съ нимъ, и весь освященный соборъ изволи сему быти доброму его произволенію“ (1). Самый фактъ перенесенія мощей въ позднѣйшей редакціи описанъ почти буквально словами самого ивока Сергія.

ХІІ.

О преподобномъ Иринархѣ, бывшемъ игуменѣ Соловецкаго монастыря (1614—1626 г.), сохранилось особое повѣствованіе, озаглавленное „житіемъ“ (2), но оно не сообщаетъ почти никакихъ свѣдѣній о жизни этого лица и указываетъ только на время его правленія Соловецкою обителью. Только въ началѣ этого житія передается одинъ эпизодъ изъ послѣднихъ дней игуменства препод. Иринарха. Жизнь преп. Иринарха описана въ слѣдующихъ краткихъ словахъ:

„Сей преподобный отецъ нашъ Иринархъ бысть игуменомъ въ Соловецкой обители въ лѣто отъ сотворенія міра 4377 (1614) по 4383, да на покой два года; преставися въ лѣто 4385 іюля въ 31 день, во дни благочестивыя державы

(1) Ркп. № 189, л. 109 на обор.

(2) Ркп. Сол. библ. № 238.

великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея великия и малыя и бѣлыя Россіи; въ житіи его былъ весьма смиренъ и кротокъ“. Далѣе слѣдуетъ описаніе посмертныхъ чудесъ преподобнаго.

На имя составителя житія препод. Иринарха указывается слѣдующая краткая замѣтка; которою заканчивается описаніе чудесъ: „письменному повѣствованію преданы бѣны отъ старца Иларіона обители сея Солосвѣція, бывшаго потомъ игуменомъ Тверскаго Калазина монастыря“. Эта замѣтка, думаетъ г. Ключевскій, сдѣлана не рукою самого составителя житія, а къѣмъ нибудь другимъ; отсюда можно пожелать, предположить, что и самыя чудеса и явленія были записаны не въ одно время и разными лицами.

Время появленія житія преподобнаго Иринарха можно опредѣлять приблизительно; оно написано не позднѣе начала второй половины XVII вѣка, потому что одно изъ посмертныхъ явленій происходило въ 1666 году.

ХІІІ.

„Житіе святаго и праведнаго, богомудраго отрока, новоявленнаго Артемія Веркольскаго чудотворца“ (1) списано по благословенію митрополита новгородскаго Макарія (1619—1627), въ 1626 (2) году, неизвѣстнымъ жителемъ Верколы; спустя почти 50 лѣтъ послѣ обрѣтенія мощей этого святаго (3).

Житіе Артемія Веркольскаго принадлежитъ къ числу довольно замѣчательныхъ памятниковъ болѣе въ литературномъ отношеніи, чѣмъ въ чисто-историческомъ; оно очень кратко и состоитъ собственно изъ описанія чудесъ.

Биографическія свѣдѣнія объ Артеміѣ, какія дошли до составителя его житія, были весьма скудны. Жизнеописатель зналъ только годъ и мѣсто рожденія святаго, имена его родителей, обстоятельства кончины и обрѣтенія мощей. Насколько не многосложны обстоятельства кончины Артемія, можно судить потому, что они, вполнѣ описаны въ одной

(1) Ркп. Сол. библ. № 994, л. 176—210.

(2) Тамъ же. См. оглавленіе житія.

(3) См. тамъ же, л. 182.

изъ ошдирь⁽¹⁾; составленныхъ въ честь этого праведнаго отрока. Малочисленные свѣденія объ Артеміѣ могли быть полно и ясно описаны много-много на 2-хъ-3-хъ страницахъ; но біографъ, подчиняясь общепринятымъ условіямъ писанія агіобіографическихъ произведеній, не рѣшился быть краткимъ и, во что бы то ни стало, задался цѣлю составить „житіе“, на подобіе искусственныхъ (житій); и вотъ къ какимъ приемамъ онъ прибѣгъ для составленія болѣе объемастаго, — чѣмъ сколько для этого давали матеріала дѣйствительныя историческія данныя, — „житія“ праведнаго отрока Артемія.

Житіе нужно было начать, по обычаю, предисловіемъ. Біографъ Артемія почему-то не рѣшился говорить въ предисловіи на излюбленную составителями житій тему — о важности прославленія святыхъ, о скудости своихъ средствъ для этого дѣла и затѣмъ призывать праведнаго отрока на помощь въ облегченіи трудности написанія его житія; вмѣсто того, чтобы распространяться о такихъ предметахъ, неизвѣстный біографъ Артемія въ предисловіи къ своему сочиненію захотѣлъ говорить о болѣе возвышенномъ. Біографъ сначала излагаетъ догматическое ученіе о Богѣ Троичномъ въ Лицахъ, затѣмъ частіе переходитъ къ Лицу Іисуса Христа, далѣе упоминаетъ о сотвореніи міра, отсюда переходитъ къ изображенію паденія „ангельскаго чина“ и грѣхопаденію нашихъ прародителей, ихъ изгнанію изъ рая и, какъ къ непремѣнному послѣдствію этого, тяжелой труженической жизни ихъ внѣ прежняго блаженнаго жилища. Въ описаніи паденія ангеловъ составитель житія является нечуждымъ апокрифическихъ понятій; онъ говоритъ: „постави

(1) Гдѣ изиде, премудре Артеміе, труды своя полагаши двюнадесятому лѣтоу смѣи, тогда же убо нелю бывшу вѣтрениому дыханію съ шумомъ страшнымъ, помрачися небо тученосными облаки и водному естеству отверашуся и дождю разливаюшуся, и громному гласу шумящу, и молніямъ великимъ блистающимся; праведный же отрокъ страхомъ одержимъ бѣ и предасть свою душу въ руки Божии и преставися въ вѣчный животъ; тѣло же бысть положено на пустѣ мѣстѣ, но Богъ возвыси десницею Своею. По мнозѣхъ лѣтѣхъ, просія чюдеса своими во странѣ вѣрній (вѣроятной—сѣверной) отечества своего, и внѣхъ преславне моли спастися душамъ нашимъ (стихирѣ на стиховнѣ. Рип. № 994, л. 164 на обор.).

(Богъ) десятому чину (ангеловъ) воеводу сатанама, сей же своею гордостію превознесся, и рече во умѣ своемъ: сиду на землю и поставлю престоль свой на облацѣхъ, и буду подобенъ Вышнему, и того ради сверженъ бысть съ небесъ и со всѣми вои чина его, и наречеса сатана и бысть тѣмъ начальникъ“.

Любопытенъ въ предисловіи переходъ отъ разсказа исторіи грѣхопаденія къ личности праведнаго Артемія. Сказавъ, что Адамъ по изгнаніи изъ рая началъ трудиться и воздѣлывать землю, чтобы добыть себѣ пропитаніе, біографъ продолжаетъ въ поучительно-назидательномъ тонѣ такъ: „Тѣмъ же и мы, братіе, не будемъ сопротивны и равны Богу, по словеси Господню труды своя полагаемъ, якоже ап. Павелъ глаголетъ: подобаетъ убо дѣлтелю преже отъ плода вкусити; и пакы рече: иже не дѣлаеть—да не ясть. Добро есть и полезно еже славити Бога безпрестани, и поклонятися въ Троицы славимому Господу нашему Иисусу Христу, еже показа намъ свѣтильника сего праведнаго и непорочнаго чудотворца Артемія. Воистинну богоблаженнаго его достойно прославити и пѣти и усердно образу его молитися, творящаго многая и преславная чудеса и испѣленія больнымъ, и расслабленнымъ, и слѣпымъ, и хромымъ, и всякими недуги различными одержимымъ, здравіе подающаго неотложно... но остану много глаголати, да не въ забвеніе внидемъ, но проповѣдаемъ его житіе и подвизаніе къ Богу, еже бысть страданіе его“. Біографъ такимъ образомъ самъ сознается, что свое произведеніе началъ писать слишкомъ издалека. Странность перехода отъ предисловія къ біографическому разсказу весьма ясно говоритъ о значеніи этой части въ составѣ житія по понятіямъ тогдашнихъ жизнеописателей. Составитель житія праведнаго Артемія сознавалъ нужду въ предисловіи и въ то же время не хотѣлъ писать его на обычную тему многихъ біографовъ; не нашедши другихъ, болѣе подходящихъ къ главному предмету, мыслей для этой непремѣнной части „житія“, онъ поступилъ оригинальнѣе прочихъ біографовъ, завелъ рѣчь о Богѣ, о сотвореніи міра, грѣхопаденіи и проч., такъ что наконецъ откровенно вынужденъ былъ высказаться, что, разсуждая объ этихъ предметахъ, онъ можетъ слишкомъ уклониться отъ самаго жизнеописанія и потому прервалъ рѣчь свою словами: „остану много глаголати, да не въ забвеніе внидемъ“.

Предисловіе очевидно мало имѣть связи съ самимъ „житіемъ“, хотя по объему даже превосходитъ его; но и послѣднее не много лучше перваго. Сказавъ обычную фразу, что праведный Артемій родился „отъ христіану и благочестиву родителю“, біографъ сейчасъ же обращается за помощію къ типическимъ чертамъ и житейнымъ выраженіямъ. „Воспитанъ бысть родителема своима, бѣ же отроча пяти лѣтъ и начатъ лишатися дѣтскаго обычая, и возненавидѣвъ игры дѣтскія, возлюби Господа Бога, и начатъ трудъ творити земное дѣло, и питатися отъ нея“. Не зная, что бы еще къ этому сказать о жизни Артемія, біографъ рѣшился далѣе приступить прямо къ описанію его кончины. Артемій былъ убитъ грозою во время обработки имъ земли въ полѣ. Такая кончина двѣнадцатилѣтнаго праведнаго отрока дала автору мысль снова обратиться къ тому приговору, который произнесъ Господь прародителямъ при изгнаніи ихъ изъ рая.

Біографъ старается представить Артемія весьма разумнымъ мальчикомъ; его участіе съ отцемъ въ трудахъ воздѣлыванія земли онъ объясняетъ тѣмъ, что благочестивый отрокъ какъ бы понималъ слова Господа: „въ потѣ лица своего яси отъ плода земнаго“; далѣе, уподобляетъ Артемія праотцамъ Адаму, Ною, Аврааму, Исааку и прочимъ; хвалитъ его за послушаніе своимъ родителямъ, при чемъ подбираетъ изъ свщ. Писанія рядъ текстовъ, развивающихъ смыслъ пятой заповѣди.

Егда же достиже, продолжаетъ житіе, до двунадесяти лѣтъ и бѣ же на поли тружаяся землю оранія же боронити, и моляся Господу Богу, въ то же время Божиимъ повелѣніемъ воста вѣтръ велій, и дыханію вѣтренному многу бывшу.... (далѣе изъ псалмовъ ⁽¹⁾ приводится рядъ стиховъ, въ которыхъ изображается величіе Божіе, проявляющееся въ огнѣ, вѣтрахъ, бурѣ, дождѣ, молніи и т. п.); бывшу же многу гласу громному и абіе надъ Артеміемъ зельѣйши и крѣпчайши съ прещеніемъ велимъ громъ возпумѣ. Блаженный же ужасеся и отъ того великаго ужаса и грому испусти духъ и предасть въ руцѣ Господни. Якоже Самъ Господь рече: „бѣжите отъ гнѣва Господна; и паки рече: аще

(1) Изъ псалма 17-го взяты стихи съ 12—16; изъ 148 — ст. 5, 7 и 8.

гнѣвъ Божій или молнія и громъ поразить человѣка, и Азъ Самъ сужду рабу Моему“.

Тѣло Артемія было положено въ лѣсу. Въ 1577 году мимо того мѣста, гдѣ оно лежало, случилось проходить клирику Агафонику, — „и возсія свѣтъ отъ мѣста того“. „Господь Богъ прославляетъ святыхъ своихъ“, замѣчаетъ жизнеописатель. Мощи найдены были „ничимъ же не врежденными“; но „христіане своимъ неразуміемъ просто взяпа тѣло святаго Артемія и привезоша къ церкви и положиша его тѣло въ паперти святаго Николы“.

Чтобы приступить къ описанію перваго чуда, совершившагося у гроба Артемія, біографъ дѣлаетъ такое введеніе. „Господь же Богъ милосердый, не хотяй зла созданію своему роду человѣчю отъ діавола мучиму быти, хотяй угодника Своего св. богоблаженнаго и богомудраго и праведнаго Артемія прославити во страны тоя Кеврольстей, и покажетъ намъ такова свѣтильника творящаго дивная и преславная чудеса“. Далѣе идетъ самый рассказъ о чудесномъ исцѣленіи сына нѣкоего крестьянина Калиника отъ болѣзни трясавицы. Закончивъ этотъ рассказъ біографъ разрѣшился длиннымъ восторженно-хвалебнымъ гимномъ въ честь праведнаго Артемія.

Затѣмъ снова слѣдуетъ рядъ чудесъ, записанныхъ въ различное время, начиная съ 1584 и до 1618 года; большая часть изъ нихъ описаны очень кратко, сухо и сжато, такъ что представляютъ собою скорѣе какъ бы только первоначальную записъ, не обработанную рукою позднѣйшаго біографа. Въ нѣкоторыхъ изъ чудесъ⁽¹⁾, приложенныхъ къ житію Артемія, сохранились любопытныя черты, характеризующія умственно-религіозный складъ мѣстнаго населенія; ими только и важно житіе въ чисто историческомъ отношеніи, по главное его значеніе все-таки литературное.

(1) Ркп. № 994. Чудеса 1, 19, 20, 24, 47. См. листы 183—184, 194, 195, 197 на обор. 206—207.

XIV.

Въ самомъ концѣ XVI-го вѣка, на южномъ краю поморья прославился суровою подвижническою жизнью преподобный Никодимъ Кожеозерскій ⁽¹⁾. Для своего мѣстопробыванія онъ избралъ уединенное, лѣсистое и болотистое пространство на рѣкѣ Хозьюгѣ, и здѣсь въ маленькой уютной хижинѣ провелъ болѣе 35 лѣтъ почти безвыходно, среди подвиговъ поста, молитвы и дѣятельной борьбы съ духами злобы; въ своемъ лицѣ онъ представилъ замѣчательный, даже, можно сказать, рѣдкій образецъ великаго подвижника. Такимъ строгимъ отшельникомъ изображаетъ преподобнаго Никодима его житіе, сохранившеся въ двухъ, довольно различныхъ по своему объему, редакціяхъ. Изъ этихъ редакцій только болѣе пространная сохранилась въ числѣ рукописей Соловецкой библиотеки ⁽²⁾, а древнѣйшая - краткая уцѣлѣла въ одномъ сборникѣ XVII-го вѣка, принадлежащемъ Синодальной бібліотекѣ ⁽³⁾. Г. Ключевскій съ вѣроятностію высказываетъ, что авторомъ краткаго житія препод. Никодима былъ Боголюбъ Львовъ, постриженникъ Кожеозерскаго монастыря ⁽⁴⁾; свое мнѣніе онъ основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ.

⁽¹⁾ Считаемъ возможнымъ ограничиться однимъ замѣчаніемъ относительно «Сказанія о зачатіи мѣста святаго обителя Кожеозерскаго монастыря и о житіи блаженныхъ создателей и предивныхъ строителей пустыни сей — священно-инока Нифонта и инока Серапіона». Сказаніе это помѣщено въ ркп. Сборн. Солов. библ. № 182, л. 17—24, предъ житіемъ препод. Никодима. Неизвѣстный авторъ этого Сказанія при составленіи его пользовался какою то лѣтописью и изложилъ предметъ просто и кратко, хотя и не удержался по мѣстамъ отъ употребленія житейныхъ фразъ (см. л. 18 и 19). Важно то, что составитель Сказанія писалъ на основаніи надежнаго письменнаго источника. Содержаніе этого Сказанія передается въ Прав. Собесѣд. 1865 г. ч. I, стр. 200—204, — откуда можно получить свѣдѣнія и для первоначальной исторіи Кожеозерской обители.

⁽²⁾ Ркп. № 182, л. 25—83. Безъ чудесъ житіе напечатано въ Прав. Собесѣд. 1865 г. ч. I, стр. 204—241.

⁽³⁾ № 850, л. 531—533. Цитуемъ по соч. г. Ключевского.

⁽⁴⁾ Древнер. житія святыхъ, какъ историч. источникъ, стр. 334.

По сказанію житія препод. Никодимъ былъ явѣщенъ о приближеніи смерти св. митр. Алексѣемъ и Діонисіемъ, бывшимъ архимандритомъ Троицкаго монастыря. „Составитель краткой редакціи, говоритъ г. Ключевскій, не называетъ себя по имени, а пишетъ, что о явленіи съ митрополита Алексія и Троицкаго архимандрита Діонисія Никодимъ „за седми мѣсяць до отшествія своего сказа мѣз смиренному“. Симонъ Азарьянъ въ житіи Діонисія пишетъ, что постряженникъ Кожезерскаго монастыря, Боголюбъ Львовъ объ этихъ явленіяхъ „отъ преподобнаго инока Никодима дустынною житіемъ увѣрися и отъ его Никодимыхъ устъ слышавъ такова, и писанію предасть“. Въ другомъ мѣстѣ житія Симонъ замѣчаетъ, что онъ читалъ эту „повѣсть Боголюбна“.

По этимъ указаніямъ г. Ключевскій и заключаетъ, что „всего вѣроятнѣе авторомъ краткаго житія былъ именно Боголюбъ Львовъ“. Когда и кѣмъ составлена пространная редакція житія препод. Никодима, не сохранилось прямыхъ указаній; по всей вѣроятности авторомъ былъ инокъ Кожезерскаго монастыря; написано житіе въ XVII-мъ вѣкѣ. Чудеса, сопровождающія житіе, записывались въ различное время; послѣднее изъ нихъ относится къ 1713 году. Авторъ пространнаго житія не оставилъ прямого указанія на связь своего произведенія съ первоначальной краткой редакціей, въ числѣ своихъ источниковъ же упоминаетъ о краткой запискѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по словамъ Ключевскаго, послѣдняя вошла въ составъ позднѣйшей редакціи „вси, большею частію дословно“. „Сравненіе обѣихъ редакцій, продолжаетъ г. Ключевскій, даетъ рѣдкую въ древне-русской агіобіографіи возможность видѣть, что такое тѣ первоначальныя памяти или записки, о которыхъ такъ часто говорятъ позднѣйшія украшенныя редакціи; и какъ онѣ передѣлывались въ послѣднія. Новый редакторъ прибавилъ рассказы „самовидцевъ житію“ Никодима о его отшельнической жизни, о которой очень кратко говоритъ записка; сверхъ того онъ переплелъ рассказъ послѣдней общими біографическими чертами, почерпнутыми изъ древне-русскаго понятія о подвижничѣ, а не изъ какого либо фактическаго „источника“ (1).

(1) Древнер. житія святыхъ, какъ втор. источникъ, стр. 334—335

Не имѣя возможности прослѣдить, какъ именно позднѣйшимъ біографомъ была передѣлана краткая записка въ болѣе пространную редакцію,—мы должны ограничиться замѣчаніями объ этой послѣдней.

Пространная редакція житія препод. Никодима по характеру стила и по приемамъ изложенія принадлежитъ къ разряду житій, составленныхъ въ духѣ искусственныхъ агіо-біографическихъ произведеній по риторическимъ приемамъ, установленнымъ образцовыми жизнеописателями: начинается предисловіемъ и послѣ описанія чудесъ оканчивается молитвою къ преподобному.

Самое составленіе пространной редакціи было вызвано потребностію того времени—предложить для чтенія въ церкви, въ день памяти преподобнаго, житіе, приличное для такого употребленія (¹).—Отсюда понятно, что и цѣлью этого житія было—прославить подвижника и вмѣстѣ съ этимъ въ его лицѣ представить слушателямъ назидательный образецъ высокой жизни (²). Житіе, дѣйствительно, проникнуто похвалою преподобному и назидательнымъ тономъ.

Предисловіе говоритъ объ обычномъ предметѣ многихъ другихъ предисловій. Желаніе написать житіе въ честь и похвалу преподобнаго Никодима давно запало въ сердце біографа; онъ былъ „многими днями томимъ и привлечимъ любовію ко преподобному“, но осуществленіе такого горячаго стремленія встрѣчало себѣ сильное препятствіе въ сознаніи имъ своего скудоумія и въ представленіи о трудности дѣла: „на

(¹) «Приспѣ нынѣ пресвѣтлыи правдикъ предивныи и честныи памята преподобнаго отца нашего Никодима, о его же нынѣ житіи повудихомся написати».

(²) «Изядныхъ мужъ житія древнихъ отци обыкоша преписовати ради пользы отъ сихъ пребывающія, намъ же нынѣ на поспѣшокъ, въ оныже кончина вѣка достиже, наипаче нужно есть повѣдати и сіе».... говоритъ біографъ преподобнаго Никодима, буквально повторяя слова жизнеописателя препод. Автонія Сіискаго (Ср. Ркп. Сол. библ. № 182, л. 25 и Ркп. № 994, л. 35 на обор.). Въ другомъ мѣстѣ біографъ высказывается еще прямо относительно дѣла, съ какою онъ приступалъ къ составленію своего произведенія: «Написать здѣ на утѣшеніе и пользу всѣмъ хотящимъ монашествовати, на похвалу и славу Богу, подающему благодать всѣмъ на полевая» (Ркп. № 182, л. 62).

свою немощь смотрящую ми недостижно ко онаго величеству божь и абие удерживахся“.

Сомнѣніе и тревожное настроеніе біографа было разрѣшено и прекращено мыслию, что оставить преподобнаго безъ написанія житія гораздо преступнѣе и грѣшнѣе, чѣмъ составить житіе, хотя бы и не „украшенное словесы“; поэтому-то онъ и рѣшился взяться за трудъ написанія житія, хотя въ то же время сознавалъ, что это дѣло — „выше его мѣры“.

Лица, отъ которыхъ біографъ получилъ свѣдѣнія о преп. Никодимѣ, онъ называетъ „достоверными мужами, самовидцами житію“ и этимъ какъ бы хочетъ расположить читателя къ полному довѣрію къ своему произведенію; нѣкоторыхъ изъ этихъ „достоверныхъ мужей и самовидцевъ“ біографъ называетъ по имени, какъ напримѣръ Іоанна Дятлова; при разсказѣ о чудесахъ также весьма часто указываются имена очевидцевъ или самихъ испытывшихъ чудесную помощь отъ преподобнаго. Нельзя не обратить вниманія на то, что біографъ, указывая на сообщившихъ ему свѣдѣнія о Никодимѣ, старается выставить на видъ нравственныя качества этихъ лицъ: очевидца преподобнаго — Іоанна Дятлова онъ находитъ „благочестивымъ, смиреннымъ, кроткимъ, отвращающимся всякія неправды“; другаго нѣкоего брата, тоже очевидца преподобнаго, называетъ человекомъ „добродѣтельное житіе по Божѣ имущимъ“.

Считая „достоверныхъ мужей и самовидцевъ“ людьми благочестивыми, біографъ въ то же время самъ относится къ нимъ какъ бы съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ,—въ его голову запало тревожное сомнѣніе въ истинности ихъ показаній и свидѣтельствъ; такъ можно думать на основаніи „сказанія о списавшемъ житіе преподобнаго Никодима“, которое помѣщается предъ описаніемъ посмертныхъ чудесъ⁽¹⁾.

Когда біографъ началъ писать житіе, то обратился съ молитвою къ Господу, Его пречистой Матери и угоднику Ихъ препод. Никодиму, „да явитъ Господь, аще угодно будетъ дѣло сіе“. Однажды, послѣ литургіи, онъ легъ въ своей кельѣ „мало опочити“ и увидѣлъ себя во снѣ вмѣстѣ со множествомъ народа около гроба преподобнаго; ему представи-

(1) Ркв. № 182, л. 62—63.

лось, будто онъ наклонился къ гробу, чтобы посмотреть на него и вдругъ прямо на него упалъ и сильно испугался, особенно когда преподобный поднался изъ гроба и схватилъ его крѣпко руками; страхъ этотъ впрочемъ скоро промель, потому что преподобный началъ испугавшагося утѣшать „словесы своими, дабы не ужасался“. Ободрившись, онъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы разрѣшить свое мучительное сомнѣніе въ правдивости своихъ свѣдѣній о преподобномъ; сталъ спрашивать его: „какъ подвизася въ пустыни, не устрашася въ толикое время дьявольскаго нападенія и различныхъ его привидѣній“. „Такъ ли, честный отче, есть, спрашивалъ онъ преподобнаго, якоже слышахъ отъ многихъ свидѣтелей о твоёмъ пребываніи и дерзнухъ написать трудолюбное житіе твое?“. Преподобный отвѣчалъ утвердительно, похвалилъ его и преподалъ ему наставленія о пользѣ душевной. Радостно почувствовалъ себя биографъ проснувшись, и воздалъ хвалу Богу; тревожное сомнѣніе въ правдивости его свѣдѣній о преподобномъ миновалось.

Если обратиться къ самому содержанію житія, то на первыхъ же строкахъ его нельзя не замѣтить общихъ типическихъ чертъ и заученныхъ однообразныхъ выраженій, по которымъ прямо и смѣло можно заключать, что авторъ очень мало зналъ о дѣйствительной жизни святаго. Составитель разсматриваемаго произведенія знакомъ съ житейными приемами образцовыхъ агіографовъ XV вѣка. Онъ вполне усвоилъ фразы, пущенныя въ ходъ Пахоміемъ Логоветомъ, — фразы, которыми умѣли воспользоваться писатели XVI и XVII вв. для изображенія большею частію неизвестныхъ имъ первыхъ лѣтъ жизни описываемыхъ ими святыхъ. Какъ Пахомій Логоветъ въ житіи препод. Варлаама Хутинскаго говорить: „матери же того честнаго отрова писанице не повѣда, но единъ свѣтъ, яко обои благочестиви бяху... тѣмъ же и воспитанъ бысть въ добрѣ наказанія“...; такими же точно словами и биографъ препод. Никодима прикрываетъ свое незнаніе имени его родителей и характеризуетъ воспитаніе этого святаго (1). Дѣтство преподобнаго описано кратко и приромъ самими общими житейными фразами. При-

(1) Ср. Рук. № 226, л. 35 и Рук. № 482, л. 26.

бытіе преподобнаго въ Чудовъ монастырь, бесѣду съ тамоннимъ архимандритомъ Пафнутіемъ, пребываніе въ этомъ монастырѣ, біографъ описываетъ подобно многимъ другимъ жизнеописателямъ св. подвижниковъ ⁽¹⁾, напр. подобно біографу преподобнаго Антонія Сійскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго, Александра Свирскаго, Александра Ошевенскаго, митроп. Филиппа и др. Сходство выраженій, какія встрѣчаются при описаніи этого періода жизни препод. Никодима съ описаніями подобныхъ же обстоятельствъ изъ жизни другихъ подвижниковъ, полнѣйшее отсутствіе подробностей, прямо даютъ основаніе предполагать, что біографъ не зналъ этого періода изъ жизни препод. Никодима; по крайней мѣрѣ тутъ не встрѣчается ни одной характеристической черты, которая бы, хоть нѣсколько, отличала этого святаго, не скрывая совершенно его личность подъ типическими чертами идеальнаго подвижника. То же слѣдуетъ сказать и

(1) Въ доказательство этого приводимъ здѣсь нѣсколько выраженій изъ житія препод. Никодима: «И оттолѣ блаженный Никита начать помышляти въ себѣ, како бы мощно уединитися суетнаго сего міра и сластися. И въ томъ своемъ помышленіи и въ крѣпкомъ намѣреніи исполняеть дѣломъ... оставляетъ убо маловременный міръ сей и яже въ немъ вся суетная вѣка сего. И приходитъ убо блаженный въ монастырь... ко архимандриту и припадаетъ къ ногамъ его, моля со многымъ смиреніемъ и благопокореніемъ, прося отъ него благословенія и молитвы... поверже себе ницъ на землю предъ ногамъ его со многымъ смиреніемъ и жалостнымъ прошеніемъ и радостною душею, съ духовными и сердечными слезами припадаетъ къ нему и молить, дабы облекъ его въ монашескій образъ. Видѣвъ же архимандритъ благое его прозаволеніе и благолюбивый его нравъ и непреложно мудрованіе и велие тщаніе къ духовному сожитію, таже и глубоковое смиреніе его видѣвъ и прозря въ немъ яко добродѣтельное и равно-ангельское житіе имать быти отъ него, и волячески достоинъ есть получить иноческій образъ, и азіе моленіе его исполняеть... и тако постриже его... Блаженный же Никодимъ съ отъятіемъ власъ своихъ таже и волю свою мірскую всю отъ себе отвергъ... со многымъ тщаніемъ и смиреніемъ отца своего начальнаго послушаше, и заповѣданія ему монастырскія службы храняше, и труды ко трудомъ прилагаше, якоже и всѣмъ инокамъ дивитися жестокому его житію, и всѣмъ любовію горѣти къ нему... Въ церковь же Божию непрестанно ходяше, и на пѣвѣи церковномъ прежде всѣхъ обрѣташеся... къ сему же бо и глубокое молчаніе держаше, и бысть всѣми почитаемъ и хвалимъ.

относительно изображенія жизни преп. Никодима въ Кожеозерскомъ монастырѣ. Если изъ этихъ страницъ отбвнуть общія мѣста (а за ними, дѣйствительно, нельзя признавать строго историческаго значенія, потому что они съ буквальною точностью очень часто встрѣчаются въ другихъ жизнеописаніяхъ), то историкъ узнаетъ только о томъ, что преп. Никодимъ былъ принятъ въ число братства Чудова монастыря архимандритомъ Паенугіемъ, жилъ тутъ нѣкоторое время; потомъ былъ взятъ Паенугіемъ на Крутицы, а черезъ годъ удалился отсюда на поморье. Здѣсь онъ вступилъ въ Кожеозерскую обитель и по прошествіи года и шести мѣсяцевъ отошелъ въ пустыню на рѣку Хозьюгу. Удаленіе Никодима изъ Чудова монастыря на рѣку Хозьюгу біографъ изобразилъ чертами весьма сходными съ жизнеописателемъ св. митр. Филиппа (¹). Начитанный въ Св. Писаніи, біографъ весьма часто любитъ употреблять въ своемъ произведеніи библейскія выраженія (²). Если онъ описываетъ радостныя минуты изъ жизни Никодима, то влагаетъ въ его уста тексты псалмовъ хвалебнаго характера; говоря о скорбныхъ моментахъ, беретъ тексты молитвенно-трогательнаго настроенія.

Рѣчами и молитвенными обращеніями къ Богу отъ лица Никодима біографъ особенно плодотворно при описаніи его подвижнической борьбы съ бѣсами (³) во время пребыванія на рѣкѣ Хозьюгѣ. Этотъ періодъ жизни Никодима описанъ біографомъ съ особенною полнотою; онъ какъ бы составлялъ прямую и главную задачу всего литературнаго его труда. Рѣчь становится живѣе и по мѣстамъ принимаетъ разговорную форму, хотя нельзя и здѣсь не встрѣчать обычныхъ житейныхъ фразъ. При разсказѣ о каждомъ дьявольскомъ искушеніи и нападеніи біографъ приводитъ воззванія преподобнаго къ Богу, то съ просьбою о помощи противъ вражескихъ козней, то съ восторженно-хвалебными пѣснями въ благодарность за избавленіе отъ напасти. Тексты изъ Св. Писанія въ изобиліи являются подтвержденіемъ мыслей авто-

(¹) Сравни. Ркп. № 182, л. 36. Ркп. № 194.

(²) Ркп. № 182, л. 39—43.

(³) Тамъ же, л. 39—49. Тексты Св. Писанія берутся изъ псалмовъ 26, 29, 30, 39, 54 и 58.

ра. Напримѣръ, спасеніе кельи препод. Никодима отъ огня, которымъ дьяволъ хотѣлъ спалить ея, дало біографу мысль вложить въ уста Никодима пѣснь трехъ отроковъ еврейскихъ, чудесно избавленныхъ отъ сожженія въ печи Халдейской, и слова 29-го псалма (¹)

Кончина преподобнаго біографомъ описана на основаніи словъ Юанна Дятлова, который былъ очевидцемъ ея.

Несмотря на многочисленныя общія мѣста, частое употребленіе типическихъ чертъ и житейныхъ пріемовъ, житіе препод. Никодима является все-таки весьма замѣчательнымъ и важнымъ памятникомъ: оно довольно характерно изображаетъ наше сѣверное пустынножительство, знакомитъ насъ, — какъ жилъ строгій подвижникъ въ глубокомъ уединеніи, какія мысли и чувства занимали его религиозно-созерцательное воображеніе, и наконецъ содержитъ въ себѣ данныя для обрисовки взглядовъ древне-русскаго народа на злыхъ духовъ.

XV.

Одновременно съ Никодимомъ Кожеозерскимъ прославился подвижническою жизнію въ сѣверно-поморскомъ краѣ препод. Елеазаръ (1616—1656) основатель Анзерскаго Троицкаго скита (на Анзерскомъ островѣ, находящемся въ недалекомъ разстояніи отъ Соловецкаго).

Дошедшіе до насъ списки житія (¹) этого преподобнаго принадлежатъ всё къ одной редакціи и вполне согласны между собою; только въ одномъ (²) изъ нихъ послѣ службы препод. Елеазару и житія его, одинаковаго со всѣми списками, помѣщено еще отдѣльное сказаніе объ основаніи Анзерскаго скита, приписываемое самому Елеазару; въ немъ самъ преподобный, отъ своего лица, рассказываетъ о пришествіи своемъ на Анзерскій островъ, объ основаніи церкви и преимущественно о своихъ искушеніяхъ и видѣніяхъ.

(¹) Тамъ же, л. 44 на обор.

(²) Ркп. Соловецк. библ. №№ 185, 186, 187. Ркп. Анзер. скита, № 15. При трехъ первыхъ спискахъ приложена служба препод. Елеазару. Выдержки изъ житія приводимъ по списку № 187.

(³) № 187, л. 32—38.

Упомянутое сказаніе имѣеть форму письма или записки на память, изложено языкомъ простымъ и близко подходящимъ къ разговорной рѣчи, но представляется неоконченнымъ, или по крайней мѣрѣ слишкомъ быстро прерваннымъ. Переписчикъ, вписавшій его въ рукопись вмѣстѣ съ житіемъ преподобнаго, называетъ это сказаніе „письмомъ“ и замѣчаетъ объ немъ слѣдующее: „Сіе письмо списано съ письма преподобнаго Елеазара Анзерскаго, которое письмо писано на столбцѣ собственною рукою преподобнаго Елеазара, начальника Анзерскаго скита, и хранится оной столбецъ въ казенной полатѣ вмѣстѣ съ прочими письмами“⁽¹⁾.

Принадлежить ли вѣтъ это сказаніе перу самого Елеазара, — утвердительно сказать нельзя, за неимѣніемъ возможности провѣрить приведенное сейчасъ свидѣтельство на основаніи другихъ источниковъ. Самый списокъ житія, въ которомъ помѣщено сказаніе, — позднѣе другихъ списковъ и по почерку можетъ быть отнесенъ къ концу XVIII или даже къ началу XIX вѣка⁽²⁾. Г. Ключевскій⁽³⁾ замѣчаетъ, что „вѣтъ основанія отвергать подлинность этого сказанія; но біографъ о немъ не упоминаетъ и въ житіи трудно указать черту, заимствованную изъ этого автобіографическаго произведенія“.

Произведеніе это напротивъ даже противорѣчитъ тѣмъ историческимъ показаніямъ, какія есть въ житіи. Житіе повѣствуетъ, что царь Михаилъ Феодоровичъ, узнавъ объ Елеазарѣ отъ Александра Булатникова (келаря Троицкой лавры, бывшаго постриженника Соловецкой обители), пригласилъ преподобнаго къ себѣ и просилъ его молитвъ къ Богу о дарованіи ему царю сына. Преподобный утѣшилъ царя надеждою, что Богъ дастъ ему наследника; предсказаніе оправдалось. Послѣ этого въ чувствѣ великой благодарности царь, призвавши преподобнаго, предлагалъ ему многія почести; но Елеазаръ „не благоволи отнюдь о временнѣй чести, точію моли державствующаго, да повелитъ въ собраніи его, во Анзерстѣмъ скитѣ, церковь создати деревяную, во имя св. Троицы, и царь съ радостію непреложну прошенію бы-

⁽¹⁾ Прав. Собес. 1860 г. ч. I, стр. 107. Ркп. № 187, л. 38 на об.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 167.

⁽³⁾ Древнер. житія св., какъ историческій источникъ, стр. 348.

ти святаго обѣщаль, и повелѣ дати изъ своего царскаго двора преподобному иконы среброокладныя, и книги, и ризы, и всяку утварь церковную на священнодѣйствіе, къ се- муже и сребра довольно на созданіе церкви“ (1).

Совершенно иначе передается исторія построенія Троицкой церкви по сказанію, приписываемому перу Елеазара. Преподобный, вмѣстѣ съ сожителемъ своимъ Кирилломъ, далъ обѣщаніе вовсе не ставить церкви. Случилось быть игумену Соловецкаго монастыря препод. Иринарху въ Москвѣ. Когда онъ пришелъ „къ государынѣ великой старицѣ, инокинь Марѣ Ивановнѣ бити челомъ о своихъ нуждахъ“, то она спросила его объ Анзерскомъ островѣ и живущихъ на немъ отшельникахъ, о которыхъ она знала по слуху. Иринархъ сказалъ, что Анзерскій островъ „зѣло угоденъ къ иноческому пустынному пребыванію“. Можно ли поставить тамъ церковь? спросила Марѣа. „По глаголу твоему зѣло угодно“, отвѣчалъ Иринархъ. Иринарху дали 100 рублей для этой цѣли. „Намъ же, говорится въ сказаніи, пребывающимъ на островѣ, ничто же о семъ имуще попеченіе, но Самъ Богъ изволи быти святѣй церкви. По семъ же извѣсти Богъ святѣйшему патриарху о святѣмъ мѣстѣ и даща книги, и ризы, и образы и приложи велію вѣру строити“ (2). Пожертвованія были доставляемы на Анзерскій островъ иноками Соловецкой обители. Примирить такое очевидное противорѣчіе въ этихъ повѣствованіяхъ житія и сказанія, кажется, нѣтъ никакой возможности.

Когда и вѣмъ составлено дошедшее до насъ житіе преподобнаго Елеазара,—опредѣленно сказать нельзя; въ заглавіи сказано, что оно „собрано отъ многихъ и вѣрныхъ сказателей и списано вкратцѣ“. Въ самомъ житіи два раза упоминается объ инокѣ Макаріѣ (3), какъ первомъ писателѣ его. Имя инока Макарія встрѣчается во вкладной книгѣ Анзерскаго скита (4); онъ былъ современникъ іеросхимонаха Исуса (1706 — 1716), строителя Голгофскаго скита на томъ же Анзерскомъ островѣ, и вмѣстѣ съ нимъ зани-

(1) Ркн. № 187, л. 11.

(2) Тамъ же, л. 33.

(3) Тамъ же, л. 17 на обор.

(4) Вкладная книга ркн. Анзер. скита, № 2.

мался приведеніемъ въ извѣстность разныхъ достопримѣчательностей Анзерскаго скита и записывалъ ихъ во владную книгу. Такъ какъ авторъ житія, дошедшаго до насъ, даетъ понять, что до него жизнь Елеазара никѣмъ не была описана, что онъ собралъ свѣдѣнія о преподобномъ „точію отъ слышанія“, и лишь нѣкоторые изъ чудесъ „въ памяти обрѣтошася“, — то можно думать, что упомянутый инокъ Макарій и есть составитель этого житія, что оно только и существовало въ одной теперь извѣстной редакціи; слова объ инокѣ Макаріѣ, какъ первомъ писателѣ житія, еще не заставляютъ съ необходимостію предполагать другаго позднѣйшаго біографа, потому что они могли быть прибавлены къ житію рукою какого нибудь инока, записывавшаго чудеса послѣ написанія житія Макаріемъ, который, по обычной монашеской кротости и смиренію, не захотѣлъ самъ въ своемъ произведеніи обозначить своего имени.

Въ пользу такого предположенія говорятъ нѣкоторые косвенныя указанія на время составленія житія препод. Елеазара. — Такъ, напр. въ житіи читаемъ:.... „абіе не по мнозѣ времени зачатъ и родися царю Михаилу Теодоровичу сынъ, иже и бысть по немъ царь Алексій Михайловичъ, нынѣ царствующаго родителя“⁽¹⁾; очевидно эти слова намекаютъ на царствованіе или Теодора Алексѣевича, или же Петра 1-го; надобно думать скорѣе, что они относятся къ Петру. Біографъ упоминаетъ⁽²⁾ о смерти патріарха Никона (1681 г.) и о его житіи, говоритъ объ иконѣ, написанной Никономъ во время пребыванія въ Анзерскомъ скиту по повелѣнію Елеазара за 65 лѣтъ назадъ. Никонъ пришелъ въ Елеазару не ранѣе 1635 года; такимъ образомъ житіе является составленнымъ около 1700 года, что прямо подходит ко времени жизни вышеупомянутаго инока Макарія.

Впрочемъ, вопросъ о томъ, — есть ли дошедшее до насъ житіе препод. Елеазара первоначальная редакція, или вторичная, — не имѣетъ особеннаго значенія, потому что промежутокъ времени между составленіемъ различныхъ редакцій этого житія, если только допустить ихъ существованіе, не могъ быть продолжительнымъ; во всякомъ случаѣ оно,

.. (1) Рип. № 187, л. 11.

(2) Тамъ же, л. 9 на обор.

хотя бы даже было и первой редакціи, составлено не очевидно преподобнаго и написано на основаніи преданія.

Какъ составленное на основаніи преданія и притомъ на подобіе многихъ другихъ житій св. подвижниковъ, житіе преподобнаго Елеазара не чуждо типическихъ чертъ, обычныхъ агіобіографическихъ приемовъ и оборотовъ рѣчи; это особенно замѣтно при разсказѣ о дѣтствѣ преподобнаго Елеазара, его удаленіи на Соловки и пребываніи въ Соловецкомъ монастырѣ. Говоря о жизни Елеазара на Анзерскомъ островѣ, біографъ менѣе прибѣгаетъ къ житейнымъ общимъ фразамъ, передаетъ важныя характеристическія свѣденія объ этомъ подвижникѣ (напр., указаніе на способъ пропитанія преподобнаго Елеазара, по прибытіи на Анзерскій островъ). Съ особенною подробностію житіе описываетъ устройство обители и церкви Св. Троицы для Анзерскаго скита, говоритъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ, по ходатайству Елеазара, царской власти и объ отрицательномъ, даже враждебномъ отношеніи къ возникновенію новой самостоятельной обители на принадлежавшемъ Соловецкому монастырю островѣ братіи этого монастыря. Сравнительно съ вышепересмотрѣнными житіями другихъ подвижниковъ-основателей монастырей житіе препод. Елеазара значительно богаче историческими свѣденіями, не отличается излишнимъ обиліемъ общихъ мѣстъ и потому можетъ считаться лучшимъ памятникомъ для изученія жизни подвижника-колонизатора пустынной мѣстности и устроителя обители; оно также передаетъ любопытные разсказы о борьбѣ преподобнаго съ бѣсами, старавшимися искусить его и прогнать съ Анзерскаго острова.

Ковчина Елеазара въ житіи описана самыми общими-типическими чертами. Чудеса записывались большею частію со словъ очевидцевъ, большею частію иноковъ того же скита, любившихъ поддерживать духовную связь съ устроителемъ его и покровителемъ мѣста своихъ земныхъ подвиговъ. Кроме того въ концѣ житія замѣчается: „есть же иная въ описанныхъ извѣстная чудотворенія обносятся во странахъ морскихъ, якоже самъ нѣкто отъ града Каргополя, мужъ благочестивъ и знаеиъ, повѣдалше у себе быти въ писаніи не мало нѣгдѣ у нихъ содѣяннымъ чудесемъ повѣсть, отъ преподобнаго бывшимъ, намъ же нынѣ еще во извѣстіе не при-

шедшимъ“⁽¹⁾. Это повѣсть Каргопольскаго купца Ивана Андреева Попова, о которомъ во вкладной книгѣ сказано: „въ достопамятное и вѣчное хваленіе и свитскимъ монахомъ наставительное вниманіе, яко нѣкое драгоцѣнное сокровище, отъ себя намъ дарова душеполезнаго владу, еже списанныя имъ предивная чудеса и достовѣрныя повѣсти преподобнаго отца Елеазара, иже въ различныя времена бывшія отъ него“.

XVI.

Житіе другаго, болѣе суроваго и строгаго подвижника Анзерскаго — Иисуса, составленное послѣ принятія Петромъ 1-мъ императорскаго титула, значительно разнится отъ всѣхъ предыдущихъ и по содержанію и по самому изложенію. Оно отличается несравненно большею простотою, имѣетъ менѣе славянскихъ церковно-книжныхъ оборотовъ рѣчи и самое незначительное количество общихъ житейныхъ фразъ и типическихъ чертъ идеальнаго подвижника. Оно представляется простымъ, чуждымъ риторическихъ прикрасъ разсказомъ о дѣйствительныхъ фактахъ. Простота и безыскусственность въ разсказѣ, подробность въ повѣствованіи и описаніи различныхъ предметовъ, точность, съ какою биографъ Иисуса обозначаетъ годъ, мѣсяцъ и даже число событий изъ жизни преподобнаго, — всѣ таковыя особенности служить прямымъ ручательствомъ, что это житіе составлено на основаніи прочныхъ историческихъ данныхъ, указываютъ въ авторѣ если не непосредственнаго свидѣтеля передаваемыхъ событий, то по крайней мѣрѣ знавшаго ихъ изъ самыхъ надежныхъ письменныхъ источниковъ. Составителю разсматриваемаго произведенія была неизвѣстна не только отроческаая, но даже и болѣе поздняя жизнь Иисуса до прибытія его на Соловки; но онъ не рѣшился прикрывать свое незнаніе этихъ періодовъ жизни преподобнаго общими мѣстами и типическими чертами, какъ напротивъ поступилъ бы биографъ XV, XVI, XVII вѣковъ. Онъ начинаетъ описывать жизнь преподобнаго прямо со времени поселенія послѣдняго въ Соловецкомъ монастырѣ, и притомъ описываетъ довольно

⁽¹⁾ Тамъ же, л. 22 на обор.

кратко, не говоря ничего лишняго, не фактическаго; ясно, что онъ отнесся къ этому дѣлу съ другой, совершенно противоположной точки зрѣнія, чѣмъ съ какою смотрѣли на жизнеописанія святыхъ біографы XV — XVII вѣковъ. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого житія ⁽¹⁾ въ доказательство высказанныхъ мыслей.

„Сей блаженный подвижникъ бысть во дни благочестивѣйшаго государя императора Петра I при домовоѣ его церкви іереемъ и духовникомъ ихъ царскихъ величествъ; въ мірѣ именовался Іоаннъ Іоанновъ; не извѣстно же по какому случаю, или по вражескому наводенію былъ оклеветанъ въ 1701 году по дѣлу Гринки Талицкаго, который во время исповѣди открывалъ ему свое злоумышленіе, но онъ, яко духовникъ, прежде не открылъ начальству, потомъ при допросѣ Талицкаго объявилъ, что онъ исповѣдовался предъ духовникомъ, за то осужденъ и присланъ въ Холмогоры къ преосвящ. Аванасію, а отъ него въ Соловецкій монастырь, при грамотѣ къ архим. Ойрсу и соборнымъ старцемъ; по полученіи же велѣно немедленно постричь его въ монашество, и какъ въ монашествѣ имя—увѣдомить, почему былъ построженъ и наречено имя Іовъ, отданъ въ наученіе духовному старцу—прежде бывшему келарю Іонѣ, и какъ въ мірѣ по честному его званію, такъ и въ монастырѣ началъ проваждать жизнь подвижника и благоугодно.... Потомъ усмотрѣно, что невинно посланъ бысть въ заточеніе въ 1702 году въ Анзеры въ Троицкій скитъ на уединеніе, и за великіе труды и подвиги въ 1706 году, по благословенію преосвящ. архіепископа Варнавы Холмогорскаго и Важскаго, при соловецкомъ архим. Ойрсѣ, почтенъ бысть честію строительства Анзерскаго Троицкаго скита“ и т. д.

Такимъ же языкомъ и съ болѣе подробною хронологическою точностію описываетъ біографъ и послѣдующую жизнь Іисуса.

Житіе сообщаетъ важныя свѣденія объ устройствѣ Іисусомъ Распятскаго Голгофскаго скита, говоритъ объ отношеніяхъ къ этому скиту нѣкоторыхъ изъ лицъ царственнаго дома и передаетъ довольно замѣчательныя указанія на от-

(1) Ркп. № 104.

вошенія братіи Троицкаго Анзерскаго скита къ своей коло-
ніи (Голгофскому скиту). Вообще, для первоначальной исто-
ріи Распятскаго скита житіе препод. Ісуса Анзерскаго
служить дорогимъ и сравнительно довольно подробнымъ источ-
никомъ; въ фактическомъ отношеніи оно полнѣе и надежнѣе
всѣхъ остальныхъ житій святыхъ подвижниковъ поморскаго
края.

Замѣчаніями о житіи препод. Іисуса Анзерскаго мы заканчиваемъ частный разборъ подлежащихъ нашему вниманію житій св. подвижниковъ поморскаго края; но ограничиться сказаннымъ — было бы недостаточно, потому что отдѣльное разсмотрѣніе каждаго изъ житія не даетъ цѣлостнаго представленія объ этомъ предметѣ; отсюда является потребность въ сведеніи выше-изложеннаго въ общіе критическіе выводы.

Приступая къ выполненію этой задачи, прежде всего обратимся къ исторіи самаго происхожденія разсмотрѣнныхъ житій. Здѣсь прежде всего вниманіе изслѣдователя останавливаютъ на себѣ тѣ мысли и чувства, какія переживалъ біографъ св. поморскихъ подвижниковъ, когда брался за перо, — тѣ цѣли и задачи, какія онъ имѣлъ при составленіи своего произведенія, и другія обстоятельства, обуславливавшія написаніе житій.

Изъ представленнаго нами частнаго разбора житій поморскихъ подвижниковъ видно, что самое раннее изъ нихъ по времени происхожденія относится къ концу XV и началу XVI вѣка. Въ исторіи появленія житій Соловецкихъ чудотворцевъ Савватія и Зосимы ясно высказались условія развитія русской агіобіографіи въ эти вѣка, — борьба между естественнымъ и скромнымъ желаніемъ имѣть „память“ о подвижникахъ и литературнымъ взглядомъ тогдашняго общества на „житіе“, какъ на витіеватое, украшенное произведеніе съ характеромъ хвалебнымъ по отношенію къ описываемому лицу и нравственно-назидательнымъ для читателей и слушателей. Въ XIV и XV вѣкахъ житіе приняло форму церковно-ораторскаго произведенія, предисловіе и послѣсловіе стали непремѣнными его частями. Первое изъ нихъ, т. е. предисловіе, служитъ самымъ важнымъ источникомъ для опредѣленія условій, при какихъ составлялись „житія“ св. подвижниковъ поморскихъ, и взглядовъ самихъ біографовъ на свое литературное дѣло, образцовыми предисловіями въ этомъ

отношеніи слѣдуетъ признать предисловія къ житіямъ—святаго митр. Филиппа, Антонія Сійскаго, Соловецкихъ чудотворцевъ Савватія и Зосимы, Александра Свирскаго, Александра Ошевскаго, и къ сказанію объ Іоаннѣ и Логгинѣ Яренскихъ⁽¹⁾; этими источниками мы и воспользуемся для того, чтобы установить правильный взглядъ на достоинства выше-разсмотрѣнныхъ житій со стороны ихъ историческаго содержанія.

Читая вышеупомянутыя предисловія, легко воспроизвести общій образъ біографа, хотя онъ и старался спрятать свою дѣйствительную личность подъ безцвѣтными и отвлеченными чертами общаго типа. „Надъ жизнеописаніями дѣятелей отечественной церкви, говоритъ г. Ключевскій⁽²⁾, испытывали свои силы самыя разнообразныя писатели, люди различныхъ общественныхъ положеній. Но въ литературныхъ приемахъ, въ историческихъ и общественныхъ взглядахъ, въ чертахъ, каковыми каждый характеризуетъ свою авторскую личность, и пріѣзжій сербъ, и сынъ боярскій, и царевичъ, и представители всѣхъ ступеней церковной іерархіи отъ пономаря или простаго монаха до патріарха, — какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга“. Эти черты характеризуютъ тотъ кругъ понятій, въ которомъ стоялъ біографъ и подъ вліяніемъ которыхъ онъ смотрѣлъ на историческіе факты.

Почти всѣ разсмотрѣнныя житія вышли изъ стѣнъ монастырскихъ,—ихъ писателями были монахи, или по крайней мѣрѣ лица, стремившіяся къ монашескому званію. Отъ инока его званіе болѣе всего требуетъ смиренія; вотъ причина, почему изъ устъ чуть не каждаго біографа св. подвижниковъ поморскихъ читатель слышитъ смиренную исповѣдь. По этимъ исповѣдямъ любопытно наблюдать, чѣмъ особенно возбуждаются авторскія смятенія біографа, куда преимущественно направляется и на чемъ успокаивается его мысль.

Всего тревожнѣе занимаетъ біографа вопросъ,—призванъ ли онъ къ своему священному дѣлу, угодно ли будетъ свя-

⁽¹⁾ Ркп. № 187, л. 22—23; Ркп. № 228, л. 109—111; Ркп. № 994, л. 174—190.

⁽²⁾ Древне-рус. житія св., какъ историч. источн., стр. 402.

тому его грубое писаніе, сумѣетъ ли онъ изобразить его жизнь и дѣлїя достойнымъ образомъ.... Отвѣтъ дается обыкновенно отрицательный. Составители житій любятъ свидѣтельствовать предъ читателемъ о своемъ недостоинствѣ въ восхваленію святаго; рѣдкій изъ нихъ, начиная съ составителя житія преподобнаго Θεодосіа Печерскаго, не называетъ себя „грубымъ, невѣждою, несмысленнымъ“, „грѣшникомъ“, „преисполненнымъ всякихъ сквернъ“, „лѣнивымъ“, имѣющимъ „умъ страстенъ и нечистъ“ и т. п. (1). На ряду съ такими признаніями, въ житіяхъ иногда приходится встрѣчать и положительныя указанія на качества, долженствующія характеризовать біографа. Сюда относится, прежде всего, знаніе Св. Писанія. Такъ инокъ Досіеѣй, сообщая, что онъ упросилъ митроп. Спиридона удобрить свое грубое писаніе, въ доказательство способности митрополита въ этому дѣлу замѣчаетъ: „бѣ бо онъ тому мудръ имѣя (умѣя) Писанія вѣтхая и новая“. Самимъ себѣ въ знаніи св. Писанія біографы отказываютъ. И, замѣчательно, что такой біографъ, изъ-подъ пера котораго выходитъ наиболѣе витіеватое произведеніе, обыкновенно настойчивѣе другихъ называетъ себя „невѣждою, грубымъ, несмысленнымъ“, какъ напр. поступаютъ авторы житія св. митрополита Филиппа, препод. Антонія Сійскаго и авторъ Сказанія о Яренгскихъ чудотворцахъ инокъ Сергій. Такимъ же точно образомъ указываются и другія качества, какія, по понятіямъ XVI—XVII вѣковъ, требовались отъ настоящаго біографа: извѣстнаго рода церковновнижняя начитанность, здравый и чистый смыслъ и всего болѣе нравственная чистота и совершенство.

(1) См. Житіе препод. Θεодосіа Печерскаго (Ркп. Сол. библ. № 514, Минея Четь. Май. л. 90 обор.). Житіе преп. Сергія Радонежскаго (Ркп. № 224, л. 34, 39). Житіе преп. Варлаама Хутынскаго (Ркп. № 226, л. 33). Житіе преп. Кирилла Бѣлозерскаго (Ркп. № 219, л. 25). Житіе Стефана Перскаго (Минея Четь. Апрель. Ркп. 512, слово 16-е). Житія Соловецкихъ чудотворцевъ Савватія и Зосімы (Ркп. № 175). Житіе преп. Антонія Сійскаго (Ркп. № 230, л. 106—107). Житіе Іоасафа Камелскаго (Ркп. № 227, л. 5). Житіе Прокопія и Іоанна Устюжскихъ (Ркп. № 220, л. 4—5, 195—196). Житіе преп. Александра Свирскаго (Ркп. № 228, л. 3). Житіе препод. Александра Ошевенскаго (Ркп. № 992, л. 28). Житіе св. митрополита Филиппа (Ркп. № 194, л. 101—102) и др.

Обрисовавъ себя со стороны умственной и нравственно-религіозной, біографъ задаётся потомъ тревожными вопросами: какъ же онъ, при такой грубости и нравственномъ упадкѣ своихъ силъ, дерзаетъ на дѣло „выше мѣры своея“? гдѣ найдетъ умѣнье достойнымъ образомъ изобразить дѣянія святаго? вѣдь писаніе „неукрашенное словеса“ не принесетъ похвалы святому и только навлечетъ на автора „посмѣхъ и поруганіе“. „Небеси высота неиспытуета, земли широта и долгота неосажема, морю же глубина неизмѣрима, святыхъ же чудеса неисчетна и недоумѣваема“ (1), какъ же, при полномъ отсутствіи умственныхъ и нравственныхъ силъ, онъ осмѣлится взяться описывать тавія великія дѣянія прославленнаго Богомъ подвижника?—„Праведно убо есть мнѣ, печалуется біографъ препод. Антонія Сійскаго, далече отбѣгнути такового дѣла и въ темнѣ мѣстѣ нѣгдѣ сокрытися и, персты своя на устнѣ положше, свои недостатки укорити и себе окаяти“ (2). Да наконецъ что заставляетъ его брать на себя такой далеко непосильный трудъ? Въ отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ біографы въ своихъ предисловіяхъ стараются обыкновенно выяснитъ побужденія, какія вызвали ихъ на предпринятой ими трудъ.

Побужденія это были различны. Нѣкоторые изъ житій писались по личнымъ побужденіямъ самихъ авторовъ: одинъ біографъ, дойдя до глубокой старости, руководился при этомъ трудѣ простымъ и скромнымъ желаніемъ предать памяти потомства извѣстныя почти только ему одному свѣдѣнія о подвижникѣ, „да не глубиною забвенія покрыты будутъ“ (3); другой (4) брался за написаніе житія съ намѣреніемъ чрезъ

(1) Внесеніе этой литературной оговорки въ отдѣлъ жизнеописаній, по словамъ г. Некрасова (зап. Новорос. Унив. годъ четвертый, т. 6-й, ст. 98), принадлежитъ Пахомію. Она повторяется въ предисловіяхъ къ житіямъ св. Соловецъ чудотворцевъ, пр. Никодима Кожеозерскаго и въ сказаніи внока Сергія о Яренгскихъ чудотворцахъ, а также у другихъ писателей житій.

(2) Ркп. № 230. л. 107.

(3) Біографъ препод. Германа Соловецкаго.

(4) Біографъ преп. Александра Свирск., Александра Ошевен., Никодима Нижегородскаго.—Этимъ словамъ нельзя впрочемъ довѣрять безусловно, потому что они составляютъ буквальное повтореніе оговорки, введенной въ жизнеописанія Пахоміемъ Логоветомъ (см. напр. житіе препод. Кирилла Белоозер. Ркп. № 249. л. 24, 25), который, какъ извѣст-

это „послужить святому“,—былъ „привлечимъ любовію и желаніемъ принести ему малое нѣкое похваленіе“, и т. п. Но встрѣчаются и такого рода указанія, что писатель брался за дѣло какъ бы нехотя, по порученію братіи: „вась и иже въ вась священноначальствующу Христови повинуюся покоряюся повелѣнію“⁽¹⁾,—выраженіе, буквально повторяющееся въ устахъ нѣкоторыхъ изъ жизнеописателей. А желаніе самой братіи имѣть житіе объясняется сознаниемъ ея нравственной обязанности — почитать своего благодѣтеля, основателя и покровителя обители. Біографъ препод. Елеазара Анзерскаго объ этомъ выражается такъ: „толикихъ благъ виновника намъ бывша ходатая, ибо пустыню содѣла жилище душеспасительное намъ, и пищу и потребная намъ у самодержцевъ испросивъ безотрудно,—како бо не довлаше его о Бозѣ почитати надгробными пѣснями? Сѣтуя, что отъ скудости вѣры и нерадѣнія „не описаны чудная дѣла“ покровителя обители, жизнеописатель Елеазара высказываетъ при этомъ мысль, что преподобный, такъ бѣжавшій мірской славы и почестей при жизни, по смерти и самъ не чуждается заботы о своей біографіи „и самъ онъ о семъ поноситъ ны, аще забываемъ его“.—Біографъ Александра Ошевскаго Θεодосій говоритъ, что рѣшился писать не по собственному мудрованію, но „святаго произволеніемъ“ и руководимый скорбію, что столько лѣтъ труды и чудеса святаго остаются не описанными; оправдываясь въ сдѣланныхъ пропускахъ недостаткомъ извѣстій, онъ прибавляетъ: „намъ же о семъ золь отвѣтъ, аще слышимъ и лѣнностію не напишемъ“⁽²⁾.

но, писалъ житіа вовсе не потому, чтобы былъ желаніемъ и любовію, еже къ святому, множае огня распалемъ и по порученію разныхъ лицъ, напр. князя Василія Васильевича и др.,—кормился овиимъ ремесломъ.

⁽¹⁾ Фраза эта, надо полагать, была пущена въ ходъ первоначально Пахоміемъ Логоветомъ; она буквально повторяется многими біографами, даже такими, которые писали житія не по порученію братіи, а по побужденіямъ со стороны епархіальной власти, какъ напр., игуменомъ Иродіономъ.

⁽²⁾ Ркп. № 992. л. 174—175.—Такъ говорилъ и Епифаній пренудрый, составляя житіе преп. Сергія Радонеж., о себѣ: „дивлюся о семъ, како толико лѣтъ мпуло, а житіе его не написано было, и о семъ сжалхся зѣло“ (Ркп. № 224. л. 28 на обор.).

Біографъ св. митрополита Филиппа объясняетъ возложенное на него порученіе составить житіе святителя соображеніемъ братіи: „яко не лѣпо есть таковому великому свѣтилѹ безпамятну пребывати, писанію не сушѹ о пречуднемъ его житіи“; „како явлено можетъ безъ писанія быти невѣдущимъ и незнающимъ его“?

Въ числѣ причинъ вызывавшихъ появленіе „житія“ могло стоять и чисто практическое побужденіе, правда, не высказываемое ясно біографами, но понятное изъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ обыкновенно появлялись житія.

„Прощѣтаніе обители, замѣчаетъ г. Ключевскій, зависѣло отъ отношенія къ ней мірскаго общества, окрестнаго населенія, и это отношеніе опредѣлялось святыней, существовавшей въ монастырѣ; такой святыней становился основатель обители—строгій подвижникъ, оставившій по себѣ благоговѣнное воспоминаніе въ монастырѣ и среди окрестныхъ жителей“. Мѣстное чествованіе святаго обыкновенно предупреждало общецерковное. Въ глазахъ окрестнаго населенія подвижникъ казался человѣкомъ необыкновеннымъ уже по самому образу своей суровой жизни; братія благоговѣла передъ нимъ, какъ основателемъ обители и молитвенникомъ за ея благосостояніе. „День кончины подвижника собиралъ окрестныхъ жителей на богомолье. Сначала пѣли панихиды, которыя потомъ, съ появленіемъ тропаря и кондака, замѣнялись молебнами къ преподобному; такимъ образомъ устанавливалось мѣстное его чествованіе. Естественнымъ выраженіемъ вѣры къ преподобному, утверждавшейся въ мѣстномъ населеніи, являлись чудеса“; вѣсть о первомъ чудѣ или явленіи почившаго подвижника весьма быстро разлеталась въ народѣ, и вотъ онъ начинаетъ чаще и чаще посѣщать обитель и прѣнниваться еще большею вѣрою въ святость подвижника. „Мѣстное народное чествованіе и появленіе новыхъ и новыхъ чудесъ были самыми обыкновенными побужденіями, заставлявшими монастырь дать своимъ воспоминаніямъ о преподобномъ церковнолитературную обработку въ формѣ стихирь, канона и житія (1). Поэтому біографы и пріурочи-

(1) Священники Вологодской паствы собирали свѣденія о первыхъ Пермскихъ епископахъ—Герасимѣ, Питиримѣ и Іонѣ именно потому, что „приходящіе къ чудотворцамъ богомольцы осуждали о томъ дѣлѣ, что они

вади житія ко дню памяти святаго, дръжщая въ предисловіяхъ выраженія „характеризующія біографію, какъ церковное поученіе на этотъ день“ (1); замѣчательно въ этомъ отношеніи начало житія препод. Никодима Кожеозерскаго (2). Въ день памяти святаго чтеніе его житія предлагалось также на трапезѣ, за которою присутствовали и многіе изъ посѣтелей обители; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ житіе имѣло публичное употребленіе; на это указываютъ встрѣчающіяся

не вѣдали о своихъ угодникахъ, да и надлежало у нихъ святой раки о жизни ихъ въ лѣтѣхъ быть оюдна» (Житія св. русск. церк. Муравьевъ. Январь. стр. 416). Такимъ образомъ, по мнѣнію народа, не жить житіи святаго значило не уважать послѣдняго, а чрезъ то ронять и санаріе монастыря, если святой былъ монастырскій. Вотъ почему, желая утѣвердить память чудесъ святаго, «да не забвенію и неразумію подлежатъ», и распространить вѣру въ угодника, на свою книгу спилатель указываетъ, какъ на твердое ручательство истины. «Аще ли кто невѣрвати начнетъ», говоритъ авторъ житія Александра Ошевенскаго, «то возни писаніе о святѣмъ и почти житіе его и чудеса, и увѣси вся о блаженѣмъ отцѣ извѣстно по ряду испытано начертанная, и тамо пользу обрященія, и не буди невѣрнѣ, но вѣрнѣ» (Ркп. № 932. л. 125). Помянуто, какъ дорого было вождствіе этого житіе вѣотнаго святаго; и жечь тяжела должна была быть потеря письменныхъ документовъ о немъ. — Одинъ изъ игуменовъ Каргопольскаго монастыря, пришедъ съ нѣкоторымъ купгеромъ подъ предлогомъ ѣхать «къ присловудему матери градовомъ Москвѣ бити челомъ гесударю Велдкому князю о нѣкихъ монастырскихъ потребіяхъ», захватилъ съ собою «отъ монастырскія казны, отъ коней и отъ сребра и отъ пиши и одежды, елико восхоте проныравный его правъ, и книгу написанія житій и чудесъ препод. Александра.» Похищеніе разныхъ предметовъ мало поразило братію; мѣстный писатель записалъ: «велия же скорбь бнише во обители блаженнаго во оставшей братіи, еже оставшимся безъпамятнымъ житія и чудесъ святаго. И оттогда быша безъ написанія» (Ркп. № 992. л. 114—115). О грабѣжѣ же дмѣтія не сказалъ ни слова.

(1) Ключевскій, стр. 387.

(2) «Якоже убо дарскія утвари златомъ украшаются со многоцѣльнымъ камедіемъ и веселятъ очи зрачскихъ на яя, паче же сия духонная красота, въ ней же праздницы сотворяеми въ памяти святыхъ, веселятъ вѣдныхъ сердца и души освящаютъ.... Пріеитъ убо нынѣ пресвѣтлый праздникъ предивныя и честныя памяти преподобнаго отца нашего Никодима, о егоже нынѣ житіи повудихомся написати во саду Сына Божія, избравшаго своего раба и цѣлти ему даровавша» (Ркп. № 182. л. 25).

предъ началомъ нѣкоторыхъ житій выраженіа: „благослови отче“, или погречески: „евлогисонъ патеро“ (1).

Въ числѣ побужденій къ составленію житій встрѣчаются иногда простыя ссылки на обычай — предавать письменн дѣянія и подвиги великихъ мужей: „зрядныхъ мужъ житія древній отцы обыкоша преписувати ради пользы отъ сихъ пребывающія“ (2).

Впрочемъ, говоря о побужденіяхъ, вызывавшихъ происхожденіе житія, трудно обобщить всѣ частныя случаи и обстоятельства, оказывавшія вліяніе на ихъ исторію. Чаще всего смиренныя біографы объясняютъ происхожденіе своихъ произведеній повелѣніемъ братіи, въ которомъ стараются найти извиненіе и своему недостойному дерзновенію на такое высокое дѣло „Не бо безстыдствомъ нѣвоимъ самодерзостнѣ на сіе придохъ, но вами (т. е. братіей) принужденъ должна сотворихъ.... Принудисте мене грубаго и несмысленнаго невѣжду о пречуднемъ житіи его любопытствовати“, говоритъ о себѣ напримѣръ біографъ св. Филиппа. Сознвая свою грубость и грѣховность, біографъ не взялся бы за перо, если бы не представлялъ себѣ евангельскаго раба, который, „вѣдая волю господина своего и не сотворившій по ней, біенъ будетъ много“ (3); поэтому то біографъ св. Филиппа и говоритъ о себѣ: „лѣниваго раба прещенія убоахся“. „Никто же бо спасенъ бываетъ ослушався отеческихъ наказаній, но паче горшу противу своему ослушанію горшее запрещеніе воспріемлетъ: тѣмъ же и азъ убо,

(1) См. начало житій препод. Зосимы и Савватія и сказанія о Ярепскихъ чудотворцахъ. Въ концѣ службы Антонію Сійскому списки сохранили замѣтку: «на трезвѣзъ бываетъ братіи утѣшеніе великое и чтемъ житіе преподобнаго».

(2) См. напр. предисловія къ житіямъ св. Филиппа, Сергія Родонж. (Ркп. № 224. л. 31), Александра Свирскаго (№ 228. л. 2) и на др. Фраза эта не русскаго происхожденія; она буквально такъ читается въ житіи преподобнаго Аванасія Аѳонскаго (Минея четъ. Іюль Ркп. сел. библ. № 315 л. 320).

(3) Эти слова встрѣчаются въ однои изъ древнѣйшихъ жизнеописаній — именно въ житіи преподобнаго Феодосія Печерскаго (Ркп. 314. Минея четъ. Май. л. 90 на обор.).

говорить о себѣ біографъ Антонія Сійскаго: скоростію мно-
гоу и съ великимъ благоговѣйствомъ начну повѣдати“ (1).

Послѣ разныхъ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ за-
явленій о своемъ скудоуміи, невѣжествѣ и нравственномъ
недостойствѣ къ написанію житія, біографы въ своихъ пре-
дисловіяхъ обыкновенно стараются ободрить и утѣшить себя
упованіемъ на помощь въ этомъ дѣлѣ свыше. Подражая
Пахомію Логовету, они любятъ приводить себѣ на память
факты, когда, при недостаткѣ естественныхъ человѣческихъ
средствъ, заявляла свое величіе божественная сила, избирав-
шая орудіемъ своего обнаруженія не рѣдко лицъ далеко не
высокаго умственного образованія и даже безсловесныхъ жи-
вотныхъ (2): передъ смущеннымъ біографомъ живо воскреса-
етъ—то образъ косноязычнаго и гугниваго Моисея, удостовѣ-
шагося созерцанія Бога лицомъ къ лицу и уполномоченнаго
имъ быть ходатаемъ за страждущій народъ еврейскій предъ
Фараономъ, то—образъ Валаамовой ослицы, нѣкогда гово-
рившей человѣческимъ голосомъ. Инокъ Сергій, неизвѣстно
откуда, заимствовалъ еще примѣръ провѣщанія безсловесны-
ми,—будто при ап. Петрѣ въ Римѣ былъ „данъ псу гласъ
человѣчъ“.

Не надѣясь на свои силы и уповаая только на помощь
свыше, смиренный біографъ, изложивъ свои мысли и чувства,
приглашаетъ затѣмъ братію пособить ему въ предпринима-
емомъ столь трудномъ дѣлѣ своими молитвами; съ молитвою
о помощи и самъ обращается къ св. подвижнику, жизнь и
чудеса котораго намѣренъ описывать; молитвеннымъ призы-
ваніемъ святаго, обыкновенно, и заканчивается предисловіе
къ житію (3).

Авторскія смятенія біографа иногда продолжались и послѣ
того, какъ дѣло составленія жизнеописанія было уже начато.
„Привлечимый любовію ко святому“, біографъ преподобнаго Але-

(1) Рки. № 230. л. 110.

(2) См. предисловіе къ житію пр. Стефана Перискаго (Рки. Сол.
библ. № 514. Минея четъ. Апрель. гл. 16), а также и къ житіямъ
пр. Зосимы и Савватія и къ сказанію инока Сергія о Яренгскихъ чудо-
творцахъ.

(3) И въ этомъ случаѣ біографы дѣйствовали, подражая Пахомію
Логовету.

всандра Опшвенскаго сталъ писать житіе, но повомя облъ-
нился и оставилъ свою работу: его поразилъ дьявольскій на-
вѣтъ, заставившій его усумниться въ дѣйствительности чу-
десъ святаго. И вотъ, успокоившись въ келии послѣ вечер-
няго пѣнія, онъ видитъ себя въ невѣдомомъ большомъ хра-
мѣ, въ который входитъ святой съ малымъ прутомъ въ ру-
кѣ и съ гнѣвнымъ взоромъ обращается въ нему, нерадиво-
му и недобѣрчивому писателю: „зачѣмъ берешься за дѣло
не по силамъ, а взявшись, зачѣмъ не кончаешь? — „Не
прогнѣвайся на меня, отче, за медленность, отвѣчаетъ біо-
графъ со слезами: я старъ и не могу стергѣть такой стра-
сти; если оскорбишь меня, я уже не назову тебя отцемъ и
бѣгу изъ твоей обители. — Преподобный старецъ, мало осла-
бився, отвѣчаетъ ему: „не говори много, не прекословь, па-
ди ницъ“. Подаетъ виновный на помясть, простираетъ и ру-
ки и ноги; а святой называетъ его трижды не слышно,
безъ боли ⁽¹⁾. Съ рыданіемъ онъ пробуждается, — ему свело
правую руку и персты едва свладываются для крестнаго
знаменія. Получивъ чрезъ нѣсколько дней исцѣленіе у гроба
преподобнаго, онъ немедленно доканчиваетъ прерванное дѣ-
ло. „Нынѣ же, заключаетъ разсказъ біографъ, аще бы и
множае сихъ обрѣлъ; не облънился бы уже писати, еще
бы повудилъ старость свою за любовь святаго, елика сила
баше“ ⁽²⁾.

По стилю предисловіе обыкновенно составляетъ самую
витіеватую часть житія; переходъ рѣчи отъ ораторскаго пре-
дисловія къ историческому изложенію по слогу бываетъ весь-
ма замѣтнымъ, хотя начало и слѣдующей за нимъ части
житія тоже не лишено поэтическихъ прикрасъ; эти прикра-
сы становятся все тусклѣе и тусклѣе по мѣрѣ того, какъ
авторъ удаляется отъ предисловія. Чтобы придать біографи-
ческому разсказу болѣе оживленную форму, біографъ мног-
да любитъ приводить разговорную рѣчь, вставляетъ въ раз-
сказъ молитвенные возгласы и восклицанія, свои личныя воз-
зрѣнія на событія старается подчеркивать текстами изъ свя-
щеннаго Писанія.

⁽¹⁾ Въ подлинникѣ: „аки ударенію твора, ниже болѣзни бысть, на
удареніи слышати, но токмо до поргана притиче“.

⁽²⁾ Рку. № 992. л. 181—189.

При описаніи чудесъ приходится встрѣчать слишкомъ частое повтореніи однихъ и тѣхъ же фразъ, — повтореніе, наскучивающее своимъ однообразіемъ. Къ концу житія поэтическое творчество у автора какъ бы снова воскресаетъ, — похвала святому, которою завершаются житія, носить на себѣ довольно замѣтный отпечатокъ ораторскаго воодушевленія и восторженнаго чувства. — О своемъ слогѣ біографы дѣлаютъ отзывы подобныя тѣмъ, какъ о своей личности; старающіеся написать произведеніе витіеватое, во всемъ держась искусственнаго стила, они все-таки находятъ свои произведенія не украшенными. Даже и такіе изысканныя грамотѣи, какъ біографъ святаго Филиппа или біографъ преподобнаго Антонія Сійскаго и др., хотя и усердно повторяютъ Пахомія Логовита, однако предупреждаютъ читателя, что пишутъ „простыми словесы, простонарѣчіемъ“.

Вмѣстѣ съ стремленіемъ восхвалить подвижника, жизнеописатель преслѣдовалъ еще нравственно дидактическую цѣль, — представить въ описываемомъ лицѣ святаго достойный примѣръ для подражанія; это сообщало жизнеописанію поучительный характеръ и весьма сильно отражалось на его фактической сторонѣ. Взглядъ на житіе, какъ на произведеніе нравственно-назидательное, стоялъ въ тѣсной связи съ назначеніемъ его для церковнаго употребленія. Самая среда, въ которой вращалось житіе, искала въ немъ не столько любознательнаго знакомства съ событіями прошлаго, — историческаго знанія, сколько поучительно-назидательныхъ примѣровъ для практической жизни. Нѣкоторое указаніе на это можетъ давать слѣдующій рассказъ, занесенный въ житіе соловецкихъ чудотворцевъ. Во время игуменства св. Филиппа на Соловкахъ устюжскій воевода, князь Оболенскій, опасно побилъ свою жену, находившуюся въ періодѣ беременности; когда ярость миновала, князь, проникнутый горемъ и раскаяніемъ, велѣлъ принести книгу житій препод. Савватія и Зосимы; чтеніе житій успокоило князя отъ душевныхъ волненій и онъ далъ обѣщаніе построить храмъ въ честь чудотворцевъ⁽¹⁾. Понятно, что въ данномъ случаѣ князь пожелалъ читать книгу не столько изъ чисто историческаго интереса, сколько для назидательныхъ цѣлей и для прекращенія

(1) Ркп. № 175. л. 235—236.

взволнованнаго состоянія. Не нужно забывать того, что ближайшими читателями, для которых предназначалось житіе, была монастырская братія; примѣръ и образецъ для своей жизни инокамъ было всего лучше брать съ основателя и покровителя обители, который на землѣ прославился величіемъ своихъ подвиговъ; вотъ почему препод. Елеазаръ Анзерскій, по словамъ біографа, самъ поноситъ братію за ненаписаніе житія.

Такое прониженіе житій нравоучительными элементами не можетъ не имѣть весьма важнаго значеніе при изученіи ихъ фактической стороны. Выходя изъ взгляда на житіе, какъ на хвалебное и назидательное произведеніе, біографъ понятно не имѣлъ намѣреній описывать жизнь святаго вполнѣ или, по крайней мѣрѣ, на столько, насколько зналъ её; его стремленія были прославительно—нравоучительныя, его задачей было изображеніе духовныхъ подвиговъ святаго для нравственной пользы читателей? Онъ вовсе и не думалъ о томъ, какъ бы полнѣе обрисовать подвижника людямъ незнавшимъ его, обрисовать съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ могъ бы быть охарактеризованъ, какъ опредѣленная личность. Поэтому многія мелочныя подробности изъ обыденной жизни подвижника, въ которыхъ иногда довольно ясно отражается индивидуальный характеръ извѣстной личности,—подробности, не подходящія къ задачѣ, какую себѣ ставитъ біографъ, не находили мѣста въ жизнеописаніи. Историческимъ матеріаломъ оно пользуется лишь настолько, насколько въ историческихъ фактахъ выражается участіе религіозно-нравственной дѣятельности святаго. Выбирались только такія черты изъ дѣйствительной жизни, которыя именно соотвѣтствовали желанію біографа—восхвалить святаго и вмѣстѣ представить достойный примѣръ для подражанія. Отсюда происходитъ и то, что житія строго ограничиваются личною дѣятельностію изображаемаго святаго, (1) умалчиваютъ вовсе о фактахъ современной ему исто-

(1) Біографъ напр. Александра Свирскаго вовсе не упоминаетъ о томъ, что преподобнаго навѣщала Феодоритъ Кольскій; онъ не говоритъ даже и о томъ, что подъ руководствомъ Александра воспитались такія лица, какъ Игнатій, Леонидъ, Діонисій, Феодоръ, Терапонтъ, Корнилій, поставленные порукописнымъ святымъ въ числѣ преподобныхъ (Разказы изъ исторіи рус. церкви гр. Толстаго стр. 362).

рѣи и никогда почти не касаются событій ни предшествующей, ни послѣдующей жизни народа, среди котораго онъ жилъ.—Отсюда понятно и то, почему біографическій разсказъ въ житіяхъ отличается не только недостаткомъ хронологическихъ, но и другихъ указаній, необходимыхъ для полнаго воспроизведенія обстоятельствъ различнаго рода событій. Итакъ, уже по самой задачѣ, которую ставилъ себѣ біографъ, когда брался за перо, отъ его произведенія нельзя ожидать полнаго изображенія дѣйствительной жизни подвижника; этого мало, вслѣдствіе упомянутыхъ условий въ житіи получалось даже далеко невѣрное изображеніе этой жизни.

Проникнутый желаніемъ восхвалить подвижника и представить въ его лицѣ нравственно-назидательный примѣръ для подражанія, біографъ старался изобразить въ своемъ произведеніи не столько его дѣйствительную личность, сколько идеальный типъ христіанскаго подвижника вообще, пользуясь для этого изображенія не столько историческими фактами изъ частной жизни описываемаго имъ лица, сколько извѣстными типическими чертами указаннаго идеала, приписывая своему подвижнику смиреніе, цѣломудріе, послушаніе, непрестанное трудолюбіе, постъ, молитву, кротость, любовь къ ближнимъ и другія качества идеальнаго подвижника, съ которыми наши предки знакомились съ давнихъ временъ по аскетическимъ твореніямъ отцовъ и по иконамъ. Отъ того во всѣхъ почти разсмотрѣнныхъ житіяхъ постоянно встрѣчаются одни и тѣ же заученные реторическіе приемы; авторы какъ бы заимствуютъ другъ у друга одні и тѣ же черты и прилагаютъ ихъ къ различнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего индивидуальный характеръ послѣднихъ сглаживается и въ результатѣ получаютъ не живые и конкретные, а чисто отвлеченные образы. Отсюда и самая назидательность житій, о которой такъ заботились авторы, является тоже сухою и отвлеченною, какъ и во всякомъ реторическомъ поученіи объ общихъ правилахъ нравственности.

Кромѣ тѣхъ указанныхъ нами задачъ или цѣлей, какими руководились біографы при составленіи своихъ произведеній, на характеръ и достоинство житій имѣли не мало-важное вліяніе и тѣ источники, изъ которыхъ заимствовалъ для нихъ самый историческій матеріалъ. Мы уже сдѣлали кое-какія замѣчанія касательно этого предмета при частномъ разборѣ житій. Обобщить высказанныя тамъ положенія не легко, но можно съ значительною долею основа-

тельности признать, что почти всё разсмотрѣнные житія составлены на основаніи разныхъ преданій о подвижникахъ и что притомъ большая часть ихъ написаны спустя довольно значительный промежутокъ времени послѣ кончины своихъ героевъ. Поэтому, чтобы правильнѣе оцѣнить значеніе житій, какъ историческаго источника, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно самыхъ этихъ преданій о святыхъ подвижникахъ, — какъ они сохранялись среди братіи и какъ относились къ нимъ біографы.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что всё подвижныи (1), изъ описанія жизни которыхъ состоятъ выперазсмотрѣнные агіобіографическія произведенія, по мѣсту своего происхожденія были не изъ самого поморскаго края, слѣдовательно были въ немъ людьми пришлыми. Ихъ дѣтство и юность, а у нѣкоторыхъ и значительная часть зрѣлаго возраста; протекали вдали отъ того мѣста, гдѣ впоследствии каждый изъ нихъ подвизался и принималъ кончину, и гдѣ потомъ составлялись ихъ житія. Мѣсто это видѣло только подвѣйшую часть жизни своего подвижника, иногда очень не продолжительную, и только объ ней одной и сохраняло воспоминанія. Пренная жизнь его, въ которой складывался тотъ или другой его характеръ, проходила въ какомъ нибудь другомъ, иногда отдаленномъ краѣ, и біографъ о ней или совершенно ничего не зналъ, или же могъ получить только самыя скудныя свѣдѣнія. Что же оставалось ему дѣлать въ этомъ случаѣ? Одно изъ двухъ, — или откровенно высказаться о своемъ незнаніи, или же — прикрыть это незнаніе посредствомъ житейныхъ приемовъ; встрѣчаемъ біографовъ того и другаго рода.

Біографъ преподобнаго Германа въ самомъ же началѣ своего произведенія заявляетъ: „а еже кто прижить или воспита доблнро сего (Германа) или отъ коея страны... сіе нами не обрѣтеся“ (2); точно также говоритъ и жизнеописатель преподобнаго Савватія: „(3)“.

Другіе біографы стараются напротивъ прикрыть недостатки указанныхъ свѣдѣній известной риторикой житій.

(1) См. въ предисловіи къ житію св. Савватія, стр. 10.

(2) За исключеніемъ преп. Автонія Сіскаго, а также Варлаама Керетскаго.

(3) Рук. № 182. л. 1.

(4) Рук. № 175. л. 19.

Рѣдкій біографъ не начиналъ своего разсказа извѣстіемъ, что святой родился отъ благочестивыхъ христіанскихъ родителей, вскорѣ потомъ былъ духовно возрожденъ крещеніемъ; сообщеніе такого извѣстія нисколько не зависѣло отъ того, зналъ, или не зналъ онъ что нибудь о родителяхъ святаго. Таковы же описанія юности святаго и его первыхъ опытовъ въ иночествѣ, очень пространно и однообразно излагаемыя въ житіяхъ. Составитель житія препод. Никодима Кожезерскаго, хотя и открыто заявляетъ о своемъ незнаніи его родителей, но прибавляетъ такое замѣчаніе: „только едино вѣмъ, яко отъ благочестивыхъ родителей родися, духовнымъ же рожденіемъ имяше Бога, Иже водою и Духомъ Святымъ пороуди того, матеръ же—правовѣрную и православную святую первую отчу; тѣмъ же и воспитанъ бысть въ добромъ исповѣданіи“ (1). Болѣе этихъ словъ, да и то съ буквальнойю точностію сказанныхъ подѣ диктовку Пахомея Логовета, біографъ не говорить ничего о дѣтствѣ преподобнаго. Подобными же чертами обрисовано дѣтство препод. Трифона Печенгскаго и Елеазара Аязерскаго. Нѣтъ нужды доказывать, что такіа описанія суть только лишніа строки въ житіи, не дающія никакого фактическаго содержанія; изъ нихъ видно только то, что біографы любили отъ святости подвижника заключать къ святости жизни его родителей и отсюда построили извѣстную теорію религіозно-нравственнаго воспитанія,—такого, что преподобный чуть не съ колыбели смотрѣлъ серьезнымъ и суровымъ мальчикомъ и „на игры пустопыния, якоже обычай есть дѣтемъ, нивакоже устремляшеса, но паче благую часть избираше“.

Преданіе, изъ котораго получались свѣдѣнія о жизни подвижника, доходило до біографа въ двоякомъ видѣ,—устномъ и письменномъ. Разсмотрѣнныя житія, за исключеніемъ біографіи Теодорита Кольскаго, составлены были, главнымъ образомъ, на основаніи устнаго преданія.

На первомъ мѣстѣ между изустными источниками, по достоинству, стояли для біографа живые свидѣтели, очевидцы и сожители почившаго подвижника,—живые „поматухи“. Понятно, что чѣмъ долѣе самовидецъ жилъ съ подвижникомъ, чѣмъ больше зналъ его, тѣмъ богаче былъ запасъ свѣ-

(1) Ркп. № 182 л. 26.

деній біографа. Но всего чаще біографы, такъ на источникъ, изъ котораго заимствовали свѣденія о жизни подвижника, указываютъ на „боголюбивыхъ мужей и достовѣрныхъ свѣдателей, достовѣрно повѣдающихъ о немъ“. Такими названіями могли обозначаться люди чрезвычайно разнообразныя по степени достовѣрности: къ нимъ относились и лица, получившія свѣденія изъ первыхъ рукъ, отъ ближайшихъ учениковъ святаго, и люди, до которыхъ эти свѣденія доходили черезъ нѣсколькихъ посредствующихъ свѣдателей. Если одни изъ нихъ могли сообщить о святомъ только однѣ какія нибудь смутныя легенды, не имѣющія никакой исторической достовѣрности, то другіе напротивъ, въ качествѣ историческихъ источниковъ, могли стоять даже выше многихъ очевидцевъ жизни святаго; отъ учениковъ наприм., заставшихъ только послѣдніе годы жизни старца подвижника, біографъ, по замѣчанію, г. Ключевскаго, не могъ получить такихъ полныхъ свѣденій, какія хранились гдѣ нибудь въ другой обители между людьми незнавшими лично этого подвижника, но слышавшими о немъ отъ болѣе раннихъ его сотрудниковъ, давно разставшихся съ нимъ или умершихъ до написанія житія ⁽¹⁾. Но относительно изустнаго преданія во всякомъ случаѣ нужно сказать, что оно не можетъ считаться вполне надежнымъ источникомъ; „изустный источникъ“, по выраженію того же изслѣдователя древнихъ житій, „можетъ быть обильной струей, но по самой природѣ своей слабо защищенъ отъ скорой порчи“. ⁽²⁾ Преданіе имѣетъ способность измѣняться на самомъ ходу, и чѣмъ дальше идетъ отъ одного лица къ другому, тѣмъ болѣе и болѣе подвергается искаженіямъ; связь, мѣсто, время, дѣйствующія лица и мелкія, но характеристическія подробности событій въ устномъ преданіи старцевъ перепутывались или же и во все исчезали изъ памяти; такимъ образомъ извѣстія о святомъ успѣвали утрачивать много живыхъ чертъ прежде, чѣмъ получали письменное изложеніе,—здѣсь одна изъ главныхъ причинъ неопредѣленности и безцвѣтности, какими отличается образъ подвижника, который рисуютъ житія.

⁽¹⁾ Ключевскій стр. 411.

⁽²⁾ Тамъ же.

Послѣ „самовидцевъ и достовѣрныхъ сказателей“ нѣкоторые біографы, какъ на источникѣ свѣденій о подвижничествѣ, ссылаются на письменныя „памяти“, „хартіи“ или, какъ выражается жизнеописатель Трифона Печенгскаго, „малыя книжицы“. Таковыми первоначальными біографическими записками современники обыкновенно пренебрегали, не переписывали ихъ, почему онѣ, какъ это случилось съ записками препод. Германа и съ записками объ Александрѣ Ошевенскомъ, нерѣдко пропадали прежде, чѣмъ являлось правильное житіе. (1) Насколько полны и богаты фактическимъ содержаніемъ источники этого рода, можно судить по первоначальной редакціи сказанія о Яренгскихъ чудотворцахъ; она представляетъ краткое, но чуждое житейныхъ прикрасъ и обычныхъ приемовъ, изложеніе важнѣйшихъ событій, относящихся къ личности Іоанна и Логгина. Но біографамъ поморскихъ подвижниковъ мало приходилось пользоваться такими сравнительно болѣе надежными источниками.

Большая часть розсмотрѣнныхъ житій, какъ мы уже замѣтили, составлены на основаніи одного преданія.—Строгій по образу жизни старецъ, еще во время своего пребыванія на землѣ, приобрѣталъ уваженіе братіи; слава о немъ ходила и среди окрестнаго населенія; уже въ это время о немъ можно было слышать въ нѣкоторомъ отношеніи различные отзывы, хотя съ одной и той же хорошей стороны. Подвижникъ умиралъ и оставлялъ по себѣ благоговѣнное воспоминаніе. Если временемъ выработавшаяся поговорка совѣтуетъ „de mortuis говорить aut bene, aut nihil“, — то что сказать о преданіи, какое начинало раздаваться въ устахъ братіи объ устроителѣ обители или о другомъ великомъ подвижникѣ? „Въ кругу старцевъ, хранителей преданій, жизнь почившаго подвижника рано получала то благоговѣнно настраивающее гиперболическое освѣщеніе, въ которомъ черты ея, теряя мелкія подробности, сливались въ величе-

(1) Древне русскіе писатели не считали первоначальныхъ записокъ о святыхъ „житіями.“—Біографъ Александра Ошевенскаго, подробно изложилъ исторію этихъ записокъ, замѣчаетъ однакожъ, что до него „еще не бѣ ни отъ кого списано житіе святаго“. И такъ съ понятіемъ „житія“ неразлучно соединяли только извѣстную литературную форму жизнеописанія.

ственный образъ его, какъ человѣка весьма высокой, примѣрной нравственности“ (1). Инокъ — очевидецъ или, что бывало всего чаще, „достоверный сказатель“, человѣкъ хорошо знакомый съ монашескимъ идеаломъ, передавая біографу свѣденія объ извѣстномъ подвижникѣ, приводилъ себѣ на память этотъ идеаль и старался приближать къ нему своего святаго; а если преданіе долетало до біографа чрезъ посредство нѣсколькихъ лицъ, то жизнь подвижника еще болѣе утрачивала тѣ дорогія для исторіи живыя черты, какія характеризуютъ его, какъ опредѣленную личность; за выбытіемъ же этихъ индивидуальныхъ чертъ у біографа только и оставались однѣ общія, типическія, приложимыя ко всякому другому подвижнику.

Нельзя впрочемъ не замѣтить при этомъ, что и самая жизнь разныхъ подвижниковъ отличалась большимъ однообразиемъ, какъ относительно фактовъ ихъ психическихъ состояній, такъ и относительно даже внѣшнихъ подвиговъ. Условія, какими была обставлена, напр., жизнь препод. Зосимы, Савватія, Елезара Анзерскаго, Александра Свирскаго, Александра Ошевенскаго, Антонія Сійскаго, Трифона Печенгскаго, во многихъ отношеніяхъ были одинаковы; уже одно то, что всѣ эти лица были иноками, давало біографамъ нѣкоторое основаніе изображать жизнь каждаго изъ нихъ при помощи оцѣнокъ и тѣхъ же типическихъ чертъ, особенно если біографъ имѣлъ скудныя свѣденія о дѣйствительной жизни своего святаго. Жизнь святыхъ подвижниковъ въ общихъ чертахъ слагалась по одному и тому же идеальному иноческому образцу: смиреніе, цѣломудріе, послушаніе, молитва, строгое воздержаніе, борьба со страстями и духами злобы—вотъ чего требовалъ монашескій идеаль отъ своего послѣдователя. Что же удивительнаго, если каждый біографъ такъ любилъ прилагать перечисленные добродѣтели къ описываемому имъ лицу? Развѣ онъ не могъ сказать, что извѣстный подвижникъ, оставившій по себѣ благоговѣйное воспоминаніе не только среди братіи, но и между окрестнымъ населеніемъ, — на каждомъ шагу своей жизни стремился къ осуществленію обѣтовъ монашества и какъ бы постоянно носился съ своимъ идеаломъ? Составляя жи-

(1) Ключевскій стр. 384.

тіе „на пользу духовную, для хотящихъ ради своего спасенія, ревновати житію преподобнаго“, біографъ, если и зналъ подробности изъ жизни подвижника, то не считалъ нужнымъ говорить о нихъ, находя всякое упоминаніе о томъ, что на обыденномъ языкѣ называется „мелочами“,—не сообразнымъ съ достоинствомъ описываемаго лица, тѣмъ болѣе, что на житіе смотрѣли, какъ на похвалу святому. Для житія, имѣвшаго нравственно-назидательную и хвалебную цѣль, дорога была не живая цѣльность характера извѣстной личности, съ ея индивидуальными особенностями и житейской обстановкой, а лишь та сторона,—которая отражаетъ въ себѣ идеаль; (1) поэтому въ типическомъ изображеніи жизни подвижника и нельзя предполагать намѣренной лжи на святаго; біографъ самъ вѣрилъ въ то, о чемъ повѣствовалъ. Иначе нужно признать не боящимся Бога лжецомъ инока Θεодосія, который описалъ почти всю жизнь Александра Ошевенскаго буквально словами житія Александра Свирскаго, однакожъ нимало не постѣснился обратиться къ читателю съ замѣчаніемъ. что отважился на такой трудъ потому, что „извѣстно вѣдаетъ паче инѣхъ“ житіе святаго и можетъ пользу сотворить, а чтобы предупредить недовѣрчивые вопросы,—прибавилъ: „да не подумаетъ кто нибудь, что я не могъ столько лѣтъ помнить всё, что написалъ; нѣтъ, не говорите такъ, ибо я писалъ со словъ достовѣрныхъ свидѣтелей, и не дай мнѣ Богъ лгать на святаго,—да не будетъ этого“ (2).

Тѣмъ не менѣе, какъ бы біографъ ни зналъ своего святаго, какъ бы подробно ни старался обрисовать его нравственный образъ, изображеніе его, благодаря указаннымъ житейнымъ приемамъ и задачамъ, все таки выходило слишкомъ общаго характера, мало интереснаго для историка, для котораго именно то и дорого, что считали неважнымъ для себя писатели житій. Отъ того историчеу приходится отказаться отъ всякой попытки воспроизвести на основаніи этихъ житій какія бы то ни было живыя личныя характеристики подвижниковъ поморскаго края, хотя онъ и видитъ по житіямъ, что между ними встрѣчаются лица весьма

(1) Ключевскій.

(2) Ркп. № 992. л. 176.

различныя по характеру и образу жизни.— Пеподъ Савватій, Зосима и Германъ Соловецкіе, Александръ Свирскій, Александръ Ошевонскій, Антоній Сіскскій, Елеазаръ и Иисусъ Анзерскіе—были основателями обителей, Трифонъ Печенскій положилъ основаніе обители и подвизался на поприщѣ миссіонерской дѣятельности; Никодимъ Кожезерскій проводилъ жизнь въ строгомъ одиночествѣ; Артемій Веркольскій былъ юный отрокъ и т. д. Этого мало, — на основаніи однихъ житій онъ едва ли найдетъ себя въ состояніи воссоздать сколько нибудь удовлетворительно для исторіи даже болѣе общій характеристическій типъ собственно поморскаго подвижника вообще, требующій менѣе индивидуальныхъ характеристическихъ чертъ и частныхъ фактовъ, которыми такъ скудны житія. Разсмотрѣнные доселѣ агіографическіе памятники даютъ для этого только слишкомъ общія данныя, изъ которыхъ видно, что поморскіе подвижники принадлежали къ числу самыхъ строгихъ иноковъ, были людьми чрезвычайно твердаго характера и непреоборимый нравственной силы, пропитанными искреннею и непреоборимою любовію къ аскетическимъ подвигамъ. Жить въ поморьѣ, на отдаленномъ и холодномъ сѣверѣ, было не такъ удобно, какъ въ средней и южной полосѣ нашего отечества: суровый холодный климатъ, обширныя болота, покрытыя мхомъ, мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, бѣдность питательныхъ произрастеній почвы, обиліе рѣкъ, озеръ и ручейковъ, сильныя порывистыя вѣтры, частые туманы и бури,—вотъ характеристическія черты пустыннаго, бѣдно населеннаго, да и то инородцами, поморскаго края. Природа здѣсь является для человѣка не любящею матерью, а суровою мачихою; она не столько веселитъ, сколько дѣлаетъ мрачнымъ и угрюмымъ своего обитателя; нужно было имѣть не мало твердости духа, чтобы только пробраться въ такую неизвѣстную глухую даль, лежавшую за темными дремучими лѣсами и непроходимыми зыбучими болотами. Каждый шагъ въ эту глухую мѣстность грозилъ неизвѣстностію и трудной борьбою съ физическими еще непокоренными человѣку силами дикой природы. Какъ не легко было привыкать къ жизни въ поморскомъ краѣ человѣку не чувствовавшему въ себѣ особеннаго нравственнаго влеченія къ пребыванію тамъ, — свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что избранный новгородскимъ владыкою первый игумень Соловецкой обители, Павелъ, „не могій терпѣти пустыннаго

жительства, мало лѣтъ пребывъ и отъиде во свояси“; также поступилъ и преемникъ его Феодосій, тоже избранникъ новгородскаго владыки. Изъ этихъ двухъ примѣровъ Соловецкая братія тогда же поняла, что почетное званіе игумена въ Соловецкой обители не привлекательно для людей пришлыхъ, что это званіе могутъ носить только постриженники той же обители, люди свыкшіеся съ суровой природой сѣвера. Чтобы судить о строгости жизни подвижниковъ поморскихъ, стоитъ, напр., привести на память завѣщаніе препод. Зосимы: умирающій игумень наказывалъ инокамъ не только воздерживаться отъ употребленія вина въ винови и бѣгать женовидныхъ лицъ, но даже — не пускать на островъ и животныхъ женскаго пола. Никодимъ Кожеозерскій и Елеазаръ Анзерскій вкушали рыбу только испорченную „дондеже бы червь отъ нея исходити и являтися“. А Иисусъ Анзерскій установилъ такое правило: „аще кто хочетъ въ семь скиту жити, то не ясти отнюдь скромнаго и рыбы“ (1).

При помощи тѣхъ общихъ типическихъ и болѣе характерныхъ частныхъ чертъ, какія можно извлечь изъ разобранной нами серіи житій, мы постараемся, насколько возможно, представить здѣсь господствующій въ этихъ житіяхъ типическій образъ поморскаго подвижника — колонизатора дикой страны и вводителя въ нее христіанскаго просвѣщенія, надѣясь, что съ помощію такого коллективнаго образа, соединяющаго въ себѣ всѣ важнѣйшіе результаты изученія нашихъ житій, всего яснѣе будетъ видно, къ чему историкъ долженъ относиться здѣсь съ большимъ довѣріемъ и какія свѣдѣнія, сообщаемыя въ житіяхъ, не могутъ имѣть полнаго значенія историческихъ данныхъ. Не можемъ впрочемъ не оговориться заранѣе, что, вслѣдствіе уже достаточно нами выясненнаго отвлеченно—идеальнаго характера этихъ житій, мы и здѣсь получимъ скорѣе изображеніе

(1) Припомнимъ также, что св. митр. Филиппъ происходилъ изъ боярской семьи; ему нужно было имѣть весьма крѣпкую волю и твердое убѣжденіе въ надежности своихъ силъ, чтобы рѣшиться оставить родительское наслѣдство, родной край и, не зная дороги, пробираться на Соловки, съ цѣлю принять тамъ скромное званіе инока, а чрезъ него обречь себя на тяжелые подвиги послушанія.

жизни подвижника — колонизатора вообще, чѣмъ такового же подвижника именно поморскаго края. Начнемъ, какъ слѣдуетъ, съ самаго начала...

Въ благочестивомъ семействѣ, отъ добродѣтельныхъ, живущихъ по закону Господню, родителей произрастаетъ Богодарованное чадо. Отецъ и мать питаютъ къ этому дитяти особенно сильную любовь предъ прочими его братьями и сестрами, и прилагаютъ много заботливости объ его воспитаніи. Мальчикъ возрастаетъ и развивается, но не такъ, какъ его сверстники; онъ вовсе не похожъ на другихъ дѣтей. Безропотно послушливый своимъ родителямъ, всегда молчаливый, онъ старается уединяться отъ всѣхъ: на всегда серьезномъ лицѣ его нѣтъ и тѣни безпечной дѣтской улыбки. Примѣромъ родителей онъ отъ колыбели воспитывается въ добродѣтели и благочестіи, и такъ ревностно подражаетъ имъ, что вскорѣ даже превосходитъ ихъ въ духовномъ преуспѣяніи. Главнымъ мѣстомъ воспитанія для него является храмъ Божій, куда онъ ходитъ сначала вмѣстѣ съ родителями, а потомъ—одинъ. (1) Здѣсь, въ священномъ храмѣ Божіемъ, онъ внимательно прислушивается къ чтеніямъ изъ свящ. Писанія, въ которыхъ находитъ для себя уроки высокой мудрости; умиленные церковныя пѣснодѣнія глубоко волнуютъ его юную, впечатлительную душу, — „церковное божественное сѣмя падаетъ въ добрую бразду, въ его сердце“. Его сердце день ото дня все сильнѣе и сильнѣе стремится къ Богу; мысли всегда обращены къ горнему міру, къ возвышеннымъ, религіозно-нравственнымъ предметамъ. Онъ помышляетъ только о будущемъ вѣкѣ, о судѣ и царствіи Божіемъ и ни во что вмѣняетъ все временное и красное міра сего, „на игры пустышня, якоже обычай есть дѣтемъ“, никогда не ходитъ, отъ своихъ сверстниковъ „удаляется яко отъ пламени“, сближаться старается только съ „добрими мужами“.

„Приспѣвшу же въ возрастъ, отрогъ вданъ бываетъ учиться священнымъ книгамъ, божественному Писанію“. „Отъ

(1) О препод. Макаріѣ Желтоводскомъ повѣствуется, что онъ, еще будучи въ пленкахъ, плакалъ, когда слышалъ церковный звонъ, и только тогда становился веселымъ и спокойнымъ, когда бывалъ приносимъ въ церковь (Рки. Соловецк. библ. № 229 л. 1 на обор.).

Бога дается отроку „внѣжный разумъ“. Онъ „сильнѣе нѣ-
какъ изучаетъ и навываетъ свящ. божественному писа-
нію“,— читаетъ книги съ глубокииъ вниманіемъ и извлека-
етъ оттуда много назидательныхъ и душеспасительныхъ мыс-
лей. Подъ влияніемъ благочестивыхъ размышленій, въ от-
роу быстро начинаютъ развиваться аскетическія наклон-
ности; онъ больше и больше проникается заботою о своемъ
спасеніи, „весьма любитъ кротость, цѣломудріе, пость, мо-
литву“ и другія добродѣтели ⁽¹⁾. Жадно прислушиваясь къ
разсказамъ путешественниковъ, когда они заводили рѣчь о
какомъ нибудь подвижникѣ или монастырѣ, созерцательный
юноша все болѣе и болѣе начинаетъ задумывается надъ сво-
имъ образомъ жизни и разсуждаетъ: „какъ-это я отвергся
міра только словомъ? не за слова дается Богомъ награда, но
за дѣла; не слушающіе законъ спасаются, а исполнители его.
Вотъ около меня родители и всѣ ближніе по плоти, друзья
и знакомые, я вращаюсь среди ихъ; что же это за отверже-
ніе отъ міра? Писано: не любите міра и того, что въ немъ;—
не возможно одинаково служить двумъ господамъ. Какъ-
бы ниѣ не погрѣшить (не лишиться) вѣчныхъ радости“ ⁽²⁾?
Аскетическія наклонности все сильнѣе и сильнѣе проника-

(1) Такъ описывается житіица дѣтства препод. Зосимы Соловецкаго, св. митроп. Филиппа, Елевзара Анзерскаго, Трифона Печенгскаго, Антонія Сійскаго, Александра Саврскаго, Александра Ошевенскаго. О дѣтствѣ дру-
гихъ св. подвижниковъ поморскаго края біографы или вовсе умалчива-
ютъ, или же говорятъ весьма кратко; но всѣ они одинаково называютъ
своего подвижника отрокомъ „благочестивымъ, смиреннымъ, кроткимъ“ и
т. под. эпитетами. (Ран. № 175. л. 45—46; № 194. л. 104—108;
№ 187. л. 1, № 182. л. 89. № 230. л. 141—147. № 228. л. 4—9,
№ 992. л. 29—39).

(2) Приведенныя слова почти буквально повторяются въ житіица
препод. Зосимы и св. митроп. Филиппа, съ тою лишь незначительною
разностью, что препод. Зосима самъ отъ себя произноситъ ихъ, а
св. Филиппъ представляется наведеннымъ на такия мысли слышаніемъ
въ церкви евангельскаго чтенія. (Мѣ. 6 гл. 18-а. зачал). Біографы
препод. Трифона Сечеполоваго подобрали изъ богослужбныхъ книгъ
выраженія, болѣе соответствующія той цѣли, съ какою выписали сей-
часъ приведенныя евангельскія выраженія жизнеописатели препод. Зоси-
мы и св. Филиппа.—Они передаютъ, что на избраніе препод. Трифо-
номъ пустыннаго образа жизни повлияла антимонная пѣсня: „други-
нниъ живють бласгодъ-солъ, божественнымъ) раваніемъ) восприимущиъ

ють въ сердце благочестиваго отрова. Родители съ грустью замѣчаютъ, какъ день отъ дня худѣетъ лицо его, какъ почти непронутой остается предложенная ему пища и какъ во время ночи слышатся его тяжелые молитвенные вздохи.

„Возлюбленное чадо!“ приставала къ нему сердобольная мать, почто тако сокрушаеши си тѣло? не вѣси-ли, яко многое воздержаніе язву тѣлеси наводитъ? паче же юну ти сущу и плоти цвѣтущи, и намъ не малу скорбь симъ исхodataйствуеши, тѣмъ же, чадо, не преслушай насъ, но съ нами причащайся вкупѣ пищи и сну“.

ся.» (Октоихъ, гласъ 5-й). Съ того времени, какъ Трифону пришлось услышать эти слова, онъ возлюбилъ пустыню и потихоньку отъ родителей сталъ уединяться «по непроходимымъ мѣстамъ, моленія ради». Родители пытались-было задержать аскетическіе порывы сына, но Трифонъ не отставалъ отъ любимаго образа жизни, «понеже горяше огнемъ божественнаго любя паче рождшихъ его.» Къ просвѣтительной дѣятельности среди лопарей переход. Трифонъ, по сказанію житія, былъ призванъ чудеснымъ образомъ.—Однажды, «яко атаца особащася, онъ ходилъ по пустынѣ и вдругъ услышалъ таинственный голосъ: поиди въ землю не обѣтованную и въ непутную, въ землю жадную, по нейже не исходилъ мужъ, не обита человекъ.» Трифонъ спросилъ: «кто еси Господи?» «Азъ есмь Іисусъ, Егоже ты въ пустыни сей ищешъ»,—отвѣчалъ голосъ. Преподобный понялъ, къ какому трудному дѣлу призываетъ его голосъ свыше, и потому, подобно гугнивому Моисею, началъ отговариваться слабостію своихъ силъ. «Владыко Господи! невѣжда есмь и малокниженъ!» «Не мога глаголати вопреки ничтоже, яко на вся поелю тя—идеши, и вся, елика яже повелѣваю тебѣ, глаголеши; не убойся, яко съ тобою есмь», продолжалъ голосъ, утѣшая и ободряя Трифона. Видно, что авторъ житія, писавшій спустя довольно продолжительное время послѣ смерти препод. Трифона, припомнилъ себѣ исторію призванія Моисея,—быть освободителемъ еврейскаго народа, и воспользовался ею для изображенія призванія къ просвѣтительной дѣятельности препод. Трифона, но не сумѣлъ достаточно скрыть этого приема.—По сказанію житія, Трифонъ понялъ слова—«иди въ землю» и проч.—прямо въ смыслъ призванія къ миссіонерской дѣятельности и потому отвѣчалъ: «невѣжда есмь и малокниженъ». Нѣсколько ниже, въ томъ же житіи, препод. Трифонъ представленъ уже непонимающимъ смысла тѣхъ словъ (иди въ землю и т. д.); онъ недоумѣваетъ: «что есть земля жадная и непроходимая? непроходная-ли оущая земля, или изычестіи широда, маждущаи евангельскіи тайны, благовоетія?» Изъ житія не видно, чтобы Трифонъ разрѣшилъ этотъ вопросъ; онъ пошелъ, «якоже заставитъ его Богъ.» (Рки. № 182. л. 89 на обор. и 90) Преподобный Никодимъ Кожеозерскій также слышалъ таинственный голосъ, призывавшій его къ пустынножительству.

„Почто, мати, тако вѣщаеш ми?“ слышалося ей въ от-
вѣтъ. „Ни бо слышахъ родителей чада на зло и неполезное
учащихъ; плоти бо угождающихъ удаляются отъ Бога... Писа-
но бо есть, яко брашно и питіе не поставитъ насъ предъ
Богомъ. Остави убо мене, мати, яко началъ и совершити
ми тако, на се Богу помогающую ми.“ „Якоже хочети, —
твори, чадо!“ говорила мати, растерявшаяся отъ такого от-
вѣта. — Тако росъ этотъ чудный отрочъ, на удивленіе всѣхъ
сосѣдей, говорившихъ о немъ: „Ново нѣвако знаменіе отроку
сей будетъ“ (1)?

По исполненіи совершеннолѣтія, родители намѣреваются
сочетать своего сына законнымъ бракомъ; но онъ вслѣдствіи
увлеченія отъ ихъ настоянія по этому предмету и молить
Господа, дабы помогъ ему избѣжать прелести мірсной. Всю
мысль свою онъ вперилъ къ Богу и, постоянно прилежна въ
церкви въ постѣ и молитвѣ, ничего болше не желаетъ, какъ
постриженія иноческаго.

И вдругъ однажды недоумиваются этого чуднаго отро-
ка (2). Напрасно ищутъ его встревоженные родители по го-
родамъ и весямъ, напрасно оплакиваютъ его, какъ мертве-
го. Юный созерцатель употребилъ все свое стараніе, чтобы
незамѣтно удалиться изъ отеческаго дома, и теперь, въ
свромной одеждѣ странника, „не имый у себе ничегоже, раз-
вѣ одежды и хлѣба мало, немощи ради тѣлесныя, яко при-

(1) Смотри житія: препод. Сергія Родоужскаго (Рки. № 499. т. 224.);
Варлаама Хутыискаго (Рки. № 226), Александра Свирскаго (Рки. № 228),
Александра Ошевенскаго (Рки. № 992.), а также въ Русской Сивандѣ-
на сѣверѣ — житія: Корнелія Кемельскаго, Григорія Мельшанскаго и
другихъ.

(2) Изъ св. подвижниковъ поморскаго края одни (Зесима Соловец-
кій, Антоній Сійскій) удалялись въ монастырь по смерти своихъ родит-
елей, раздавъ свое имѣніе нищимъ; другіе (Александръ Свирскій, Алек-
сандръ Ошевенскій, св. митр. Фидиппъ) оставляли родной домъ еще при
жизни отца и матери. Одни изъ подвижниковъ уходили въ монастырь тай-
но отъ своихъ родственниковъ (Александръ Ошевенскій и св. Фидиппъ)
и притомъ направлялись прямо въ поморскій край; другіе, до прибытія
въ эту мѣстность, проводили нѣкоторое время своей жизни въ стѣнахъ
какого нибудь изъ монастырей, лежащихъ на пути къ Бѣлому морю
(препод. Савватій, Никодимъ Кожезерскій, Антоній Сійскій, Александръ
Ошевенскій).

ца забавившаяся отъ круга“, или „эво серна отъ тенеть“, радостно, „яко олень на источниихъ водныхъ“, спѣшить по невѣдомому пути, чрезъ лѣсистыя и непроходимыя мѣста, въ желанной цѣли, — къ монастырю, откуда уже не вырветъ его никакая родительская любовь и гдѣ онъ бодро начнеть переносить тяжелый искусъ. „Господи Боже Спасителю мой! защититель живота моего! Настави мя, Господи, на путь Твой и пойду во истинѣ Твоей. Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убююся?“ вотъ слова, которыя обыкновенно любятъ біографы влагать въ уста подвижника, когда говорить объ его удаленіи изъ мѣста родины.

На дорогѣ отшельнику встрѣчается монастырь. При видѣ святой обители, сердце любителя уединенія наполняется неизреченною радостію. Онъ падаетъ на колѣни и молится на много часъ, проливая рѣкою слезы. Увидѣвъ монаховъ, стоящихъ предъ святыми вратами, онъ кланяется имъ до земли и проситъ благословенія. „Богъ да благословитъ тебя, чадо,“ отвѣчаютъ смиренныя иноки, „чего ты хочешь?“ Юноша проситъ видѣть игумена; послѣдняго извѣщаютъ о пришествіи незнакомца.

Съ радостію входитъ юноша въ ограду и припадаетъ къ ногамъ игумена. „Что есть пришествіе твое, чадо, къ намъ нищимъ?“ спрашиваетъ игумень. Пришлецъ снова повергаетъ себя въ ногамъ начальника обители, „со многими смиреніемъ и жалостнымъ прошеніемъ и радостною душею, съ духовными и сердечными слезами,“ припадаетъ къ нему, и молитъ, „дабы его сотворилъ монаха“. Умиляется старецъ такою ревностію невѣдомаго юноши и, провидя имѣющую въ немъ открыться благодать, говоритъ ему: „чадо! видишь ли, что мѣсто сіе весьма скорбно и требуетъ подвига, а ты еще молодецъ, — юнъ, и не можешь перенести его“. Но юноша — аскетъ не смущается такою рѣчью игумена. „О честный отче! Богъ, хотящій всѣмъ человѣкамъ спастися, привелъ меня, спасенія ради, къ твоей святынѣ; всё, что повелишь, исполню, только спаси меня“. Игумень болѣе уже не возражаетъ. „Благословенъ Богъ, укрупивый ты на се тѣаніе! отсель будещи, чадо, служи братіи со всякимъ терпѣніемъ и покореніемъ, вудноже и послушаніемъ“ (1).

(1) Житіе пр. Феодосія Печерскаго (Ркп. № 629. л. 52 на обор. — 54); Ркп. № 228. л. 16 на обор. — 18. Ркп. № 992. л. 52—54. Ркп.

Принявъ отъ игумена благословеніе, юноша—отшельникъ поступаетъ послѣ этого въ монастырь, „остризаеъ власи главы своей, вкуивъ же со отъятіемъ власъ отлагаеъ и доду влекущая мудрованія“. Жизнь его проходитъ въ самыхъ тяжелыхъ трудахъ и въ перенесеніи всевозможныхъ лишеній; стѣны обители еще не видали въ себѣ такого примѣрнаго по образу жизни подвижника. Настоятелю и прочимъ инокамъ новоприбывшій братъ овазываетъ „велие послушаніе и покореніе“;—всѣ привазанія начальника исполняетъ „безъ всякаго разсужденія или превословія“; церковь Божию посѣщаетъ непрестанно, спѣша въ нее при первомъ же ударѣ волокола; въ монастырскихъ службахъ трудится „съ великимъ прилежаніемъ“, и во всемъ „прилагаеъ труды къ трудамъ.“—„Паки въ матерницу посылается и тамо въ молчаніемъ въ послушаніи на братію труды полагаеъ: огонь убо возгнѣшая и дрова сѣкій, геонскаго бытіе огня во умѣ си помышляя, и вся со смиренномудріемъ проходя. Дній же тамо пребывъ не мало въ невольнщю отходитъ, ни тамо бо развлѣненіе приемлетъ... дрова убо на рамѣ влекій и воду нося... и прочее въ дѣлѣхъ чернеческихъ благоискусствуетъ; въ соборномъ пѣвнн и въ трудахъ первый обрѣтаешя, по совершеніи же послѣдній. Бѣ бо во всемъ кротокъ и смиренъ, послушливъ же и нестяжателенъ, и братолюбивъ бываше; яденіе же и питіе безъ молвы держаше и то со многимъ воздержаніемъ твораше, предъ старцы же молчаніе имаше и мало глаголаше, а множае разумѣваше и не дерзъ бываше, словомъ, и въ рѣчахъ никомуже приревноваше, очи же имѣя долу, а душу—горѣ, въ скорбѣхъ убо терпѣливъ и во всемъ смиренъ бываше, величанія же отнюдъ ненавидя, и не соплеташеся житейскими сластями и лихими рѣчьми, начеже всѣхъ челоуѣкъ грѣшнѣйша себе помышляше быти предъ Богомъ и предъ челоуѣки, и ни о комъже ничтоже глаголаше и не держаше гнѣва ни на когоже, святое же и страшное пришествіе Господне всегда во умѣ своемъ помышляше... вся страсти и похоти въ себѣ умерщвляше, мудростію же и правдою, мужествомъ и цѣломудрі-

омъ, и сѣхъ четвероножною колесницею въ горнему Іерусалиму течаше, и все свое тѣаніе на стараніе вѣчныхъ благъ предлагаше“, (1) „яко игумену и всей братіи дивитися его великому смиренію и поборенію... и сего ради всѣ его любляху и почитаху ѿ вельми, не яко новоначальна суща, но яко въ первоначальныхъ добродѣтеляхъ сіяюща, или яко отца его имяху.“ Но неприятно становится отъ такого отношенія братіи самому подвижнику, который, избѣгая мірской славы, тайно ушелъ отъ родителей; снова начинаетъ отшельника беспокоить внутренняя тревога, — смущаетъ его благоговѣніе предъ нимъ собратій. „Лучши ми есть отлучитися, да не почтеніе приѣмлю отъ подобныхъ мнѣ чловѣкъ, и всеу трудъ мой будетъ; да не како тѣло изнуришь, а мзда лишуся“, (2) разсуждаетъ онъ про себя.

(1) Такъ изображены въ житіяхъ подвиги св. митроп. Филиппа, препод. Никодима Кожозерскаго, Александра Свирскаго, Александра Ошевенскаго и Антонія Сійскаго, а равно и во многихъ житіяхъ другихъ св. подвижниковъ. Типическій характеръ всѣхъ этихъ чертъ весьма ясно и наглядно доказывается жизнеописаніемъ препод. Савватія Соловецкаго. Говоря о пребываніи святаго въ Валаамской обители, о его подвигахъ, біографъ выразился въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «пребываше ту со братією тружаяся, и прилагаше къ трудамъ труды. Между тѣмъ въ лицевомъ жизнеописаніи (см. Ркп. № 175. рис. 8) Савватій представленъ переносящимъ такіе подвиги, о какихъ повѣствуется въ приведенномъ выше изображеніи: на картинкѣ препод. Савватій въ одномъ мѣстѣ является усердно молящимся предъ иконой, въ другомъ — мѣситъ хлѣбы, далѣе — сажаетъ ихъ въ печь. За тѣмъ, видимъ преподобнаго колющимъ древа; тутъ же онъ представленъ несущимъ на своихъ тощихъ плечахъ довольно большую охапку длинныхъ полѣньевъ.

(2) См. Житія препод. Зосимы, Савватія, св. Филиппа, Александра Свирскаго, Александра Ошевенскаго, Антонія Сійскаго. По словамъ г. Ключевскаго (см. Правосл. Обзорніе за 1869 г. ч. 2-я статью: «Исслѣдованія по исторіи древне-русскихъ монастырей», стр. 447—449), нельзя считать «единственнымъ мотивомъ, заставлявшимъ нашихъ основателей монастырей покидать мѣста своего постриженія и бродить по лѣснымъ чащамъ сѣвера, — восточное стремленіе къ уединенному безмолвію. Потому что зачѣмъ же потомъ, проживъ нѣсколько времени въ безмолвіи, тотъ же пустыльникъ съ радостію принимаетъ привлеченную его подвигами братію, никого, по выраженію житій, не отвергаеъ изъ приходящихъ, но всекъ принимаетъ «Бога дѣла», — торжественно своими руками отроить кельи, церкви и вырабатываетъ у гроддара землю около монастыря, что-

И вотъ онъ начинаетъ помышлять,—какъ бы ему избѣжать земной, временной славы и провести прочее время жизни въ совершенномъ удаленіи отъ міра.—Въ минуты раздумья ему приходитъ на память псаломское изреченіе: „Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыню, чаяхъ Бога спасающаго мя“. „Надобно и мнѣ удалиться въ пустыню“, думаетъ про себя инокъ—созерцатель; манить къ себѣ душу этого человѣка „прекрасная мать пустыня“, влечетъ его она къ себѣ своими поэтически-очаровательными картинами. Смиранный инокъ припадаетъ къ ногамъ игумена и всей братіи, прося отпустить его въ дальній путь. Прискорбно становится братіи выслушивать такое заявленіе; иноки жалѣютъ расстаться съ такимъ человѣкомъ, „добраго ради житія его“; они понимаютъ, что это—„рабъ Божій“; а онъ распадается еще большею ревностію въ пустынножителству. Сколько ни кланяется онъ предъ игуменомъ и братією,—не можетъ умолить ихъ и невольно вынужденъ бываетъ еще пожить во

бы пахать и крестьянъ селить? По житіямъ видно, что эти основатели монастырей были люди съ неопределимою энергіей къ достиженію предположенной цѣли, притомъ, по характеру проваждаемаго ихъ общества, для нихъ стояли на первомъ планѣ не созерцательныя, а практически-правственныя стороны подвижничества... Испытавъ и укрѣпивъ свои силы подъ руководствомъ другихъ, подвижникъ стремился самъ сдѣлаться самостоятельнымъ руководителемъ другихъ,—создать свою обитель, «собрать паству словесныхъ овецъ»; вотъ завѣтная цѣль, на которую они смотрятъ, какъ на вѣнецъ иноческихъ подвиговъ... Въ житіяхъ постоянно высказывается мысль, что дѣятельность пастыря иноческой братіи выше удивленнаго отшельничества, что большая заслуга—послужить спасенію многихъ душъ, чѣмъ спасти только свою. Въ многочисленныхъ чудесныхъ видѣніяхъ назначеніе быть основателемъ обители дается подвижнику свыше, какъ награда за долгое упражненіе его силъ въ удаленномъ безмолвіи. Довольно картинно представлено удаленіе инокъ изъ стѣнъ обители въ лицевомъ житіи препод. Савватія. (Рки. № 173, л. 26). Превосходный въ одномъ мѣстѣ изображенъ молящимся предъ иконою Спасителя: очи его устремлены горѣ, правая рука напряженно владеть на челѣ крестное знаменіе (двуперстіе), а лѣвая простерта къ иконѣ. Нѣсколько подале, видимъ старца уходящимъ изъ обители: нагнувшись низко, онъ крадется по стѣнѣ, стараясь всячески схорониться отъ инокъ, спящихъ вблизи того мѣста; при выйдѣ изъ монастырской калитки, Савватій представленъ уже въ бодромъ видѣ; еще бодрѣ кажется онъ пребирающимъ за монастырской оградой, по вѣту горы.

обители. Снова начинаетъ онъ „прилагать труды къ трудамъ“ и опять почетъ и уваженіе отъ иноновъ приводятъ его въ смущеніе. Желаніе удалиться въ пустыню не оставляетъ его ни на минуту; къ достиженію этой цѣли теперь остается одно и послѣднее средство—тайно покинуть обитель.

И вотъ, улучивъ удобное время, никому не сказавшись, онъ удаляется изъ монастыря, ⁽¹⁾ какъ апостоль, „не имѣя ни мѣшца, ни двою ризу, ни при поясѣ мѣди, ни иного чего, аже не потребу, токмо вѣрою обогащаясь“. Стремится онъ къ странамъ полуночнымъ, въ морю студеному, дабы тамъ въ безмолвіи угодить Богу; „яко олень потече на источники водныя, тако и сей преподобный отецъ“.

Не мало труда приходится перенести любителю пустыни, пока онъ изберетъ себѣ мѣсто по сердцу! Долго ему иногда приходится бродить по невѣдомой странѣ, „проходя лѣсы, дебри, и дразги, и мхи блага непостоянныя,“ пока его взоръ не остановится на извѣстной мѣстности. Иногда, заснувъ на пути легкимъ сномъ, онъ удостоивается видѣнія,— слышитъ чудный голосъ, указывающій ему мѣсто, на которомъ остановиться; или же это мѣсто назнаменуетъ необычайный свѣтъ, его озаряющій.

„Се покой мой во вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко возлюбил душа моя!“ восклицаетъ восторженный подвижникъ, нашедши наконецъ предѣлы своего странствованія, и ко усердной молитвѣ водружаетъ крестъ и ставитъ „велиицу малу“. Мѣста подобныхъ поселеній отличались обыкновенно поэтически-дикимъ характеромъ, невольно располагавшимъ къ задумчивости и уносящимъ созерцательную душу вдалъ отъ суетнаго міра. ⁽¹⁾ Здѣсь прежде никто не жилъ изъ людей,

⁽¹⁾ Мѣсто же оное, видѣе всакоя святый Антоній, читаемъ въ житіи Антонія Сійскаго (Рзд. № 230. л. 138.), невприходимыя дебри и лѣсы темныя, и чащи и дразги великія имать, и мхи и блага непостоянныя, въ нихъ же живяху двѣи звѣрїа, медвѣди и волцы, олени и зайцы, и лисицы, множество много ихъ, яко скота баше; езера имать многа окрестъ дебѣ, и глубоки зѣло, водами же всюду, яко стѣнами окружено. И отъ созданія міра нактоже живяще отъ человекъ на мѣстѣ томъ, доидеже преподобный вселися... Мѣсто же вторыа пустыни, гдѣ впоследствии поселялся препод. Антоній, «въ горахъ баше (л. 188), горами яко стѣнами ограждено, въ долу же горъ тѣхъ баше езеро, Падунъ глаголемое, на горахъ же тѣхъ лѣсъ великъ зѣло видѣти; въ подгорїи

начала ждати мѣсто то преподобнаго. (1) Не даромъ окрестнымъ жителямъ, еще за долго до прихода туда преподобнаго, слышался то „звонъ волій отъ мѣста того“, а иногда — пѣніе; неоднократно казалось множество инововъ, сѣкущихъ лѣсъ, „и видѣнія многа являхуса“. Многіе, будучи поражены этими чудными знаменіями, нарочно во время слышанія звона и гласа приходили на то мѣсто, чтобы раавѣдать причину ихъ, но токмо издавеча слышаху сія и видаху, близь же пришедшимъ имъ — ничтоже обрѣтаху, но токмо дивящеся отхождаху въ дома своя, въ сердцяхъ своихъ назнаменующе видѣнія сія, ожидаху сбывающагося времени, другъ другу повѣдающе, не просту бо вещь сію быти разумѣваху“ (2).

Въ бдѣніи и молитвѣ потекла жизнь подвижника и на новомъ мѣстѣ; съ ревностію предастся онъ теперь желанному богомыслию и упражненіямъ въ тяжельхъ работахъ. —

же горь онѣхъ стояше келлія святаго. окрестъ же ея дванадесать березъ, яко снѣгъ бѣлюще. Плачевно же есть мѣсто се вельми, якоже кому пришедъ посмотрити сію пустыню, зѣло умилитися имать, яко самозрѣніе мѣста того въ чувство привести можетъ зрящихъ его.» Одни изъ поморскихъ подвижниковъ избирали себѣ мѣста глухія и дикія (препод. Никодимъ Кожеозерскій); другіе при этомъ обращали вниманіе и на производительность природы. — Преподоб. Савватій отпразился на Соловецкій островъ потому, что онъ былъ богатъ рыбою, ягодами и громадными соснами, годными для сооруженія храма и другихъ построекъ. (Ркп. № 175. л. 28). Препод. Елеазаръ избралъ мѣстомъ для своего уединенія Авзерскій островъ потому, что онъ «бѣ не малъ, имущи на себѣ горы и холми, и удолія, и езеръ яко до 60. къ сему же и дресвы учашень и плоды земными угобзень.» (Ркп. № 187. л. 2 на обор.). Вообще, подвижники сѣверной Руси выбирали себѣ наилучшія, живописныя мѣста по берегамъ рѣкъ и озеръ. — Списатель житія препод. Александра Свирскаго представляетъ, что красота природы поразила подвижника, когда онъ пришелъ на прежде показанное ему мѣсто: «мѣсто же то, ядѣже преподобный Александръ вселися, не велико зѣло, но боръ бяше; лѣсомъ же и езеры наюлнено вельми и красно бяше отъвсюду.» (Ркп. № 228. л. 29).

(1) Ркп. № 230. л. 138 на обор.

(2) Тамъ же л. 139. Смотри также житія: препод. Кирилла Бѣлоозерскаго (Ркп. № 219. л. 42 на обор.), Александра Свирскаго (Ркп. № 228 л. 32 на обор.), Александра Ошевенскаго (Ркп. № 292. л. 63 на обор.).

„И нача преподобный труды къ трудомъ прилагати радуясь, въ вышнихъ умъ свой вперяя, тѣло и душу вдаваше на всенощная стоянія и молитвы безпрестанныя, поучашеся присно во псалмѣхъ и пѣвнѣихъ духовныхъ, поя Господеву въ сердца своемъ: на Того, рече, упова сердце мое, Помощникъ ми бысть...; землю же копаше мотывами и отъ того питашеся, въ потѣ лица, по глаголющему, снѣдаше хлѣбъ свой“⁽¹⁾... Но тутъ обыкновенно начинались новыя безпокойства для пустытника, не дававшія ему всецѣло предаться одному созерцанію и необходимымъ для пропитанія трудамъ. Ему приходится еще отвоевывать занятое имъ пустынное пространство отъ разныхъ враговъ, оспаривавшихъ у него права на поселеніе и на владѣніе этимъ дѣйствиельнымъ уголкомъ земли.

Нерѣдко окрестные жители встрѣчали отшельника весьма недружелюбно и старались выжить его изъ своихъ предѣловъ⁽²⁾. Они предусматривали, что пустынножитель по-

⁽¹⁾ Эти выраженія, встрѣчающіяся въ житіи препод. Савватія (Ркп. № 175. л. 29), буквально повторяются въ жизнеописаніи препод. Зосимы (тамъ же л. 51.); подобныя же типическія черты находимъ и въ житіяхъ прочихъ св. подвижниковъ. Замѣчательна страсть къ многословію и употребленію типическихъ чертъ у біографа препод. Никодима Кожеезерскаго: онъ исписываетъ цѣлыя страницы идеальными изображеніями подвиговъ преподобнаго, распространяясь о томъ же самомъ, что біографъ Соловецкихъ чудотворцевъ кратко передаетъ въ 5—6 строкахъ.

⁽²⁾ Надобно впрочемъ сказать, что въ поморскомъ краѣ, гдѣ было слишкомъ еще много пустыхъ и совершенно безлюдныхъ мѣстностей, подобныхъ столкновеніямъ отшельниковъ съ мѣстными жителями было не очень много, но крайней мѣрѣ гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ болѣе населенныхъ краяхъ Руси. Въ житіи Антонія Сійскаго наприм. разсказывается, какъ его выгнали изъ своихъ предѣловъ жители веси «Скроботово», опасаясь какъ бы онъ впоследствии не завладѣлъ ими и ихъ «селитвами» (Ркп. № 230. л. 234). Соловецкій островъ старались отнять у монаховъ поморскіе жители. Сначала они не предполагали, чтобы Савватій и Германъ, старцы отшельники, могли обосноваться здѣсь на прочное житѣльство; но когда преподобные въ самомъ дѣлѣ устроились на новомъ мѣстѣ, поморы начали разсуждать иначе, — ихъ взяла зависть. — «Мы есмь», говорили они «приблизитѣ паче всѣхъ земли Корельскія сродняцы; хоцемъ и мы тамо (на Соловкахъ) участіе имѣти въ наследіе себѣ въ чадомъ нашимъ, и въ прочая родоу нашихъ лѣта.» Съ этимъ цѣлымъ однимъ челобѣтѣмъ, «ио совѣту нѣхъ подругъ своихъ», прибылъ на Соловки съ же-

строить церковь, соберетъ около себя другихъ любителей безмолвія и оснуеть тутъ монастырь. Благодаря щедрости правительства и разныхъ „христолюбцевъ“, вновь появившаяся обитель станетъ все болѣе и болѣе шириться и усиливаться,—забереть въ свои руки всѣ окрестныя земли и съ ихъ насельниками,—завладѣетъ полями, лѣсами, рыбными ловлями и другими угодьями, а окрестнымъ жителямъ рано или поздно придется ей подчиниться. Поэтому въ житіяхъ иногда приходится читать разсказъ, какъ крестьяне не давали преподобнымъ поселяться въ пустынь и какъ, не смотря на ихъ усилія прогнать его, успѣхъ въ борьбѣ все-таки оставался за подвижникомъ.

Были и другіе, болѣе лютые и свирѣпыя враги, съ которыми отшельнику предстояло бороться изъ за мѣсто-жительства.—По общему древнерусскому представленію, пустынные глухія пространства:—лѣса, болота, овраги и вся-

ною. «и нача ту жительство имѣти и рыбы ловити по езеромъ тѣмъ». Превод. Савватій пѣлъ заутреню воскресную. Вышедши изъ кельи, чтобы покатить крестъ, ояъ слышалъ голосъ «и вопль многъ вопіющъ моляся». Старець сильно ужаснулся и повѣдалъ о воплѣ этомъ Герману. Этотъ пошелъ развѣдать загадочное явленіе. Оказалось, что Савватій слышалъ не что иное, какъ вопль и крики жены рыболова, поселившагося на островѣ. Германъ спросилъ ее о причинѣ плача и получилъ такой отвѣтъ.—Когда я шла къ своему мужу, меня встрѣтили два «юноши, свѣтлы образомъ зѣло, и зѣбъ бѣху мя дубцы». «Изыди мѣста сего», приговаривали свѣтлые юноши, вразумляя женщину,—«вамъ бо не достоятъ быти здѣ, но сіе мѣсто устроилъ Богъ жилище иноческому чину, да соберутся ту множество черноризецъ, и прославится ими имя Божіе. Вы же отыдете скоро отсюду, да не злою смертію умрете; сіе рекше—невидими быша. Рыболовъ удалялся съ острова и когда сообщалъ о случившемся другимъ поморскимъ жителямъ то, по сказанію житія, «оттолѣ никтоже смѣяше изъ близъ живущихъ таковыхъ начинаній творити на островъ Соловки». Поморяне однакоже не долго помнили данный имъ урокъ. Когда на Соловкахъ организовался монастырь, «неразумніи людіе, по наущенію дьявола, и корелы не однажды приходили на островъ Соловки, ловили здѣсь рыбу въ озерахъ и творили Зосимѣ пакости и печали, не дающе ему на себе рыбы ловити.» Зосима обратился за помощію къ правительству и достигъ хорошихъ послѣдствій: въ Новгородѣ его наградили грамотами, по которымъ во владѣніе монастыря отдавались—не только Соловецкій, но и прилежащіе къ нему острова, а также нѣкоторыя изъ прибрежныхъ деревень.

каго рода захоlustья, какъ бы вѣсье не принадлежали чело-
 ловѣку; ими владѣла и ихъ ревностно охраняла чуждая,
 нечистая бѣсовская сила. Лѣса, болота, озера и рѣки, не
 говоря уже о страшной морской пучинѣ, считались излюб-
 ленными мѣстами злыхъ духовъ; тамъ гнѣздились цѣлыя
 полчища бѣсовъ, враждебно встрѣчавшихъ всякаго чело-
 вѣка, который имѣлъ смѣлость проникать въ ихъ владѣнія. Когда
 приходилъ въ пустыню инокъ-отшельникъ на постоянное жи-
 тельство; это было особенно для нихъ неприятно. Лукавые
 предугадывали, что онъ водрузитъ въ дивой глуши св. Крестъ,
 станетъ прославлять въ ней священными пѣснопѣніями Бо-
 га, создастъ церковь, и звонъ колокола, оглашающій окрест-
 ность, погонитъ ихъ далеко прочь отъ ихъ удобнаго жи-
 лица (1). Поэтому въ житіяхъ св. пустынножителѣй весьма
 часто передаются характеристическіе рассказы о борьбѣ под-
 вижника съ бѣсами изъ за правъ обладанія пустынею.—
 Страхованія за страхованіями преслѣдуютъ инока—созерца-
 теля. То кажется ему, что его хижина разметана вѣтромъ (2),
 то „вражимъ навѣтомъ“, во время сна, на него самага
 „падаетъ древо велие“ (3), то скрежетъ зубовой слышится ему
 позади него во время молитвы, то наконецъ явно присту-
 пать къ нему демоны, преобразившись въ страшныхъ обита-
 телей дикаго лѣса, „овогда во звѣри, овогдаже во зміи, поку-
 шающесе устраниши святаго“. „Изыди отъ мѣста сего! изыди
 яко да не злѣ умериши здѣ“, (4) говорятъ бѣсы старцу, скре-
 жеща зубами. Но не смущается отъ такихъ рѣчей святой
 подвижникъ. Какъ призракъ или какъ дымъ исчезаетъ предъ
 нимъ рать бѣсовская; какъ крѣпкою стѣною, ограждается
 онъ отъ этихъ враговъ силою молитвы и крестнаго знаме-
 нія; „и тако пребываше благодатию Христовою отъ нихъ не-
 вредимъ“.

(1) Стараясь изгнать изъ пустыни препод. Сергія Радонежскаго, бѣсы
 между прочимъ представляли съ своей стороны то опасеніе, что онъ
 «пустыню превратитъ въ монастырь, и населитъ, яко нѣкую весь, или
 яко нѣкую селитву, и яко нѣкой возградитъ градецъ, обитель священную
 въ веселіе мниховъ содѣлаетъ на благодареніе славословія и непрестан-
 ное пѣніе Богу.» (Ркп. № 224. л. 159.)

(2) Ркп. № 1007. л. 48—49

(3) Ркп. № 249 л. 43 на обор.

(4) Ркп. № 228. л. 41—42.

Житія св. подвижниковъ поморскаго края также богаты разсказами о борьбѣ святыхъ съ бѣсами. Замѣчательно, что такіе разсказы встрѣчаются только въ житіяхъ тѣхъ подвижниковъ, которые были колонизаторами, первыми насельниками дотолѣ пустынной мѣстности (*). Св. Филиппъ во время пребыванія въ стѣнахъ Соловецкой обители не испытывалъ нападенія отъ бѣсовъ; но когда біографъ повѣствуетъ объ его жизни въ пустынномъ мѣстѣ того же соловецкаго острова, то между прочимъ замѣчаетъ: „бѣсовскія брани Божиимъ пособіемъ державѣ побѣди“.

Изъ Соловецкихъ подвижниковъ только съ препод. Зосимомъ,—главнымъ устроителемъ обители на необитаемомъ островѣ, бѣсы вели энергическую борьбу; біографъ такъ описываетъ подвиги святаго въ этой борьбѣ „Видѣвши бѣси поругаеми себе и уничижаемы отъ преподобнаго Зосимы и тако начаша ковь ковати и вловоть многъ творити. И сподвигопася нанъ всею силою, елико ихъ тамо жилище имуще, не обрѣтахуся бо тамо человекы никогда же, отнелѣже и солнце въ небеси. Для большаго успѣха они напали на Засиму въ расплохъ, когда онъ оставался на Соловкахъ совершенно одинокимъ. „Придоша нанъ преобразившеса въ различныя звѣря и ящерица и многія гады пресмыкающіяся по земли, и устремившеса вкупѣ: змія зіяюще, хотящи ѥ пожрети, звѣріе рыкающе, мнящеса растервати ѥ“. Но безбоязненно встрѣтилъ этихъ страшителей старецъ Зосима. „О вражія грубая немощь! сказалъ онъ бѣсамъ. Аще пріяли есте на мя власть, то творите, еже хочете; ащели же ни,—то всеу тружаетея; вы отъ любви Христовы отлучити мене не можете“. Такъ понявъ преподобный дѣлъ бѣсовскаго нападенія. Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ восвѣщивнулъ: „Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его“ и т. д. Отъ этихъ словъ вся сопротивныя силы безвѣстни быша. „И оттолѣ“, продолжаетъ біографъ, „прія преподобный Зосима власть надъ духи нечистыми, и не можаху приближатися къ нему

(*) Житія: препод. Зосимы, Александра Свирскаго, Александра Ошевскаго, Антонія Сійскаго (Рко. № 230, л. 141), Трифона Печенгскаго, Никодима Кожеозерскаго, Елеазара Анзерскаго: также—житія препод. Сергія Родовещскаго, Варлаама Хутынскаго, Александра Куштскаго и многихъ другихъ святыхъ.

призраки и мятежными виды прелестей своих“⁽¹⁾. Послѣ этого бѣсы пытались было творить преподобному „пакости и печали“ чрезъ поморскихъ жителей, „да поне досады челоувѣчскія не стерпѣвъ—отбѣгнетъ мѣста того“; но и этотъ родъ нападенія не имѣлъ удачи: „тѣ спяти быша и падоша“, когда Соловецкій островъ дарственною грамотою новгородскаго вѣча былъ утвержденъ за монастыремъ навсегда.

Препод. Никодиму Кожеозерскому болѣе всѣхъ пришлось подвергаться бѣсовскимъ искушеніямъ. Это былъ человекъ по преимуществу строгой жизни, подвижникъ самый суровый, а между тѣмъ поселился въ самой дикой пустынной глуши; понятно, что и бѣсы были весьма энергичны съ такимъ праведникомъ. „Въ началѣ пустыннаго житія своего сей преподобный отецъ многа и неизрѣченна претерпѣ отъ бѣсовскаго нахожденія, ихъ же не возможно есть изглаголати вся подробно злокозненныя ихъ прелести, понеже бо хотяще преподобнаго отлучити отъ мѣста того.“

Для достиженія своей цѣли бѣсы избирали всевозможные способы⁽²⁾. Сначала они прибѣгли къ тому средству, какое обыкновенно практиковали они на югѣ Россіи съ тамошними подвижниками, но которое въ отношеніи къ свѣдѣннымъ инокамъ оказывалось далеко не подходящимъ; разумѣемъ искушеніе плоти.—Выйдя однажды за водой, Никодимъ увидѣлъ на берегу рѣчки лежащую хорошо одѣтую женщину; такъ какъ ей неоткуда было зайти въ такую глушь („яко ни откуду же и никакого пути не прилежитъ къ пустыни сей“), то подвижникъ тотчасъ же догадался, чьи это вѣзны; произнося извѣстныя слова—„да воскреснетъ Богъ...“, онъ ударилъ въ тѣло палкой и оно тутъже превратилось въ гнилой пень. Послѣ этой неудачи бѣсы придумали другое средство преодолѣть угодника. Разгнѣвавшись окаянный и разсвирѣпѣвъ вельми, дьяволъ приде съ привидѣніемъ страшнымъ и со мноюю силою своею, всеякими видами претворив-

(1) Ркп. № 175. л. 53—54. Въ лицевомъ жизнеописаніи препод. Зосимы бѣсы изображены не только въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ обыкновенно принято представлять, но и въ образѣ—драконовъ, змѣй, львовъ, медвѣдей, ящерицъ и другихъ чудовищъ, которыя уже вовсе не поддаются словесному описанію Ркп. № 175. л. 53.

(2) Ркп. № 182. л. 40 и далѣе,

шеса и вельми ревуще и претяше преподобному, и зубы своими скрежещуще и глаголюще ему: изыди, калугере и злый старче, изыди изъ пустыни сея! что ти есть приобрѣтеніе въ пустыни сей? Изыди, дондеже не убіемъ тя.“ Молитвой подвижнѣе препобѣдилъ и это искушеніе. Дьяволъ однако не хотѣлъ оставить его въ покоѣ, — „паки ину рать возставляетъ на преподобнаго; тако сотворю ему, продолжаетъ біографъ, говоря отъ лица дьявола, „аще и не хотящу ему изыти изъ пустыни сея, то и невольню изыдетъ“. На этотъ разъ лукавый зажегъ келью подвижника. Но, по молитвѣ преподобнаго, нашла туча и погасила огонь. Послѣ этого демоны приходили къ Никодиму, „яко лютіе разбойницы,“ и унесли все, что у него нашли потребнаго. Преподобный, „о всемъ хвалу Богу воздавъ и нимало убо о семъ поскорбѣвъ“, возложилъ все упованіе на Господа и „пробысть яко столбъ непоколебимъ, поя Бога Израилева и моляся усердно, яко да подасть ему побѣду и одолѣніе на дьявола и на всю его силу“. Молитва была услышана. Бѣсы, побродивъ по лѣсу, опять пришли къ кельѣ преподобнаго и возвратили похищенное, сами сознавшись предъ нимъ въ слабости своихъ силъ: „о злый калугере! уже бо всячески побѣдилъ еси насъ, и ктому убо мы не имамы болѣе приходи къ тебѣ“. Преподобный, помолвившись, дунулъ на нихъ и сказалъ подобно тому, какъ въ посланіи св. апостола Іуды (¹) архангелъ Михаилъ сказалъ дьяволу: „Господь да запретитъ вамъ, вселукавіи демони“, отъ чего они „яко дымъ исчезоша“.

Не много времени спустя, „супостать ратнивъ и врагъ паки ину рать не малу возставляетъ на преподобнаго.“ Въ одинъ день дьяволъ запрудилъ всю воду въ рѣкѣ Хозьюгѣ: вода помутилась, подошла къ самой кельѣ Никодима и такъ высоко задвинула её, что на виду оставалась только одна кровля. Но преподобный и тутъ не восхотѣлъ оставлять своего жилища: съ иконой Владимірской Божіей Матери поднялся на кровлю и молился до тѣхъ поръ, пока вода снова сошла и вступила къ свои берега.

Трудно было препод. Никодиму бороться съ бѣсами, но онъ все-таки побѣдилъ ихъ. Не то случилось, когда любитель уединенія уходилъ въ пустыню, не сообразивши пред-

(¹) Стр. 9-я.

варительно вѣрности своихъ духовно-нравственныхъ силъ. На рѣкѣ Хозьюгѣ вмѣстѣ съ препод. Никодимомъ жилъ два года іеромонахъ Θεодосій. Въ одно время онъ задумалъ уединиться „въ далечайшую пустыню“, гдѣ всегда можно было ожидать всякихъ опасностей отъ бѣсовъ. Никодимъ пытался было отклонить своего сожителя отъ такого намѣренія; но Θεодосій не послушался опытнаго пустынножителя и ушелъ. Дьяволъ заставилъ его тамъ впасть „въ вещи неудобныя и постыжныя“. Новый пустыжникъ устроилъ у себя въ жилищѣ жертвенникъ „и началъ литургисати единъ божественную службу въ томъ неосвященномъ храмѣ“. О „продерзости“ его узналъ наконецъ игумень Кожеозерскаго монастыря и выгналъ его изъ пустыни.

На преподобнаго Елеазара Анзерскаго бѣсы нападали иначе. Они старались, чтобы подвижникъ послушался голоса своихъ страстей. Такъ особенно часто нападали на него „любопытный демонъ“, домогаясь склонить его ко вкушенію рыбы. Препод. Елеазаръ противодѣйствовалъ успѣшно такимъ искушеніямъ „любопытнаго демона“, „подобныя и въ прочихъ страстяхъ непреоборимъ бываше благодатию Божию“. Но это были нападенія только приставниковъ страстей, а не самого главнаго бѣса; задумалъ испытать свои силы, чтобы искутить Елеазара, „самъ оный злодѣйственный, демонскаго того сонмища князь, Фелузеръ.“ Средство, избранное имъ для этого, было довольно удачно и едва не достигло своей цѣли. Соловецкій игумень Иринархъ сердечно любилъ и глубоко почиталъ Елеазара и потому нерѣдко или самъ навѣщалъ его для бесѣды о дѣлахъ духовныхъ, или приглашалъ его къ себѣ черезъ служителя, „едино око точію цѣло имуща“. Фелузеръ подмѣтилъ это часто повторявшееся обстоятельство и рѣшился воспользоваться имъ, чтобы „подурасти и погубити преподобнаго“. Преобразившись въ одногоглазаго слугу Соловецкаго игумена; въ одно утро, явившись съ осломъ и съ санями, онъ поднялъ у кельи Елеазара „кловоть“. Преподобный взглянулъ въ окно. „Лукавый абіе со щаніемъ подскочи и поклонися ему“ обычно, повѣдаше о себѣ, якобы отъ игумена (Иринарха) приставль по него“. Елеазаръ былъ застигнутъ имъ въ расплохъ, такъ что не успѣлъ сообразить и того, что въ ту пору совершенно невозможно было проѣхать по морю на саняхъ. „Божіимъ смотрѣніемъ утаися отъ преподобнаго діаволе злохитрство, да якоже зла-

то искушено совершенъ обрящется“. Онъ принявъ „лукаваго змія, того мнимаго служебника криваго“, и ввелъ въ себѣ въ келью. „Лукавый же улыскался въ себѣ радъ былъ, яко не позна его святой и весьма надѣяшеса злобу свою совершити на немъ:“ Елеазаръ началъ собираться въ путь и потому раньше обыкновеннаго сталъ совершать часы,— свое утреннее правило. Когда онъ пѣлъ слова молитвы Господней: „и не введи насъ во искушеніе“ и т. д.; „лукавый, не могій стерпѣти словесъ евангельскихъ“, быстро выскочилъ изъ келіи, потомъ, не много погодя, опять пошелъ; и такъ выбѣгалъ и опять входилъ нѣсколько разъ. Елеазаръ долго не понималъ причины такого явленія и обратясь къ самому кривоокому, спросилъ: „почто, о чадо, сице излазиши изъ келіи? Лукавый не негораздъ бѣше лукавити, отвѣщаваше,— яко бы осла назираеть и устроеть, и якобы не вротцѣ стоять, и подобная симъ“. Пѣніе часовъ окончилось. Наступилъ уже день. Елеазаръ захотѣлъ передъ отѣздомъ въ путь вкусить пищи и вмѣстѣ угостить пріѣзжаго слугу. Передъ обѣдомъ по обычаю сталъ читать молитву Господню; но лишь только произнесъ: „не введи насъ во искушеніе“ и проч.,—мнимый служитель Соловецкаго игумена мгновенно исчезъ. Съ ужасомъ подвижникъ взглянулъ въ окно, желая удостовѣриться въ прелести бѣсовской; но тамъ не оказалось ни служителя кривоокаго, ни осла, ни даже слѣдовъ пріѣзда. Тогда Елеазаръ вполне понялъ, что это было искушеніе; тотчасъ же пошелъ къ своимъ сподвижникамъ и рассказалъ о случившемся; всѣ принесли Господу благодарственную молитву за спасеніе своего наставника.—Фелузеръ, хотя и не довелъ дѣла до конца, однакоже хвалился и тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать. Впослѣдствіи онъ вселился въ „нѣкого брата“; когда бѣсновагаго привели къ гробницамъ Соловецкихъ чудотворцевъ, то Фелузеръ, вслухъ всѣхъ присутствовавшихъ, говорилъ его устами: „Всюю мене хотите изгонити, не самъ бо азъ внидохъ здѣ, но посланъ.. Да не мните, яко отъ простѣйшихъ есмь духовъ, ни—, но князь Фелузеръ нарицаюся,“ и въ доказательство своего могущества возвѣстилъ: „азъ убо и Авраамія Ростовскаго на пѣгой ослицѣ возитися сотворихъ, и Елеазара Анзерскаго вмалѣ убо въ море не завезохъ, да и нынѣшняго строителя Исаію на лединѣ возитися содѣлахъ по морю“. Дьяволъ пытался

еще нанести вредъ препод. Елеазару черезъ людей, внушивъ имъ ограбить его, но и на этотъ разъ неудачно⁽¹⁾.

Желая изгнать изъ пустыни препод. Антонія Сійскаго, дьяволъ подалъ мысль бывшему тогда на Двинѣ владычному намѣстнику, боярину Василию, послать „разбойниковъ на святаго, да возмутъ имѣнія его“. Но при исполненіи этого дѣла ихъ поразило видѣніе, — они увидѣли „окрестъ обители святаго множество людей со оружіемъ и древолоемъ“, и отъ страха обратились въ бѣгство, „никому же гонящу я, точію едина молитва святаго, яко оружіемъ сильнымъ, страхомъ симъ вслѣдъ гоняше ихъ“⁽²⁾.

Побѣждая всѣ подобныя нападенія и искушенія молитвою и терпѣніемъ, подвижникъ непоколебимо оставался на избранномъ мѣстѣ, говоря про себя псаломски: „На Бога уповаю, что сотворитъ мнѣ человекъ?“ и все болѣе и болѣе укрѣплялся въ пустынѣ. Принося сюда мирное настроеніе души, онъ мирно относился здѣсь и ко всему окружающему. Въ житіяхъ св. пустынножителей⁽³⁾ нерѣдко встрѣчаются разсказы, какъ мирно уживались они даже съ неразумными лѣсными обитателями—звѣрями и птицами: дикіе звѣри и ядовитыя гады не смѣли вредить угоднику Божію, видя его возвратившимся къ первобытной невинности и первобытному владычеству человека надъ всею созданною для него тварію, и даже принимали отъ него пищу. Въ житіяхъ поморскихъ подвижниковъ тоже читаемъ подобныя повѣствованія.—О препод. Никодимѣ Кожеозерскомъ замѣчается, что около него „безбоязненно ходили олени“⁽⁴⁾. Въ житіи препод. Трифона Печенгскаго находимъ „сказаніе о звѣри сотворившемъ преподобному пакость и о повиновеніи ему гнѣвливаго звѣря“⁽⁵⁾. Въ основу этого сказанія біографъ, для нравственно-назидательной цѣли, вкладетъ мысль, что человекъ, въ грѣхо-

(1) Ркп. № 182 л. 5—8

(2) Ркп. № 230. л. 145 на обор.—148.

(3) См. Житія препод. Сергія Родонежскаго, Макарія Колязинскаго, Павла Обнорскаго, Пафвутія Боровскаго, Макарія Желтоводскаго, Герасима Болдинскаго и другихъ.

(4) Ркп. № 182. л. 66.

(5) Тамъ же. л. 97—98.

паденіи утратившій владычество надъ природой, черезъ святость своей жизни снова получаетъ силу поворотять себѣ тварь; въ подтвержденіе такого положенія приводится нѣсколько примѣровъ изъ ветхозавѣтной исторіи, изъ новозавѣтной—біографъ отказывается приводить, потому что въ ней подобныхъ примѣровъ весьма много. Такое разсужденіе составило довольно значительное по объему предисловіе къ самому сказанію. „Преподобному Трифону въ келии своей устройвшу квашню ко испеченію хлѣбовъ и нѣкія ради potreбы изыде изъ келии; тогда въ келию приде великій медвѣдь, опроверже квашню и начать уготованное тѣсто ясти. Святый же приде къ келии и, видѣ звѣря, глагола ему: Іисусъ Христосъ, Сынь Божій, Богъ мой повелѣваетъ ти: изыди изъ келии и стани сѣмо кротокъ. Звѣрь же изыде, предъ ногами преподобнаго ста недвижимъ. Преподобный же взя веле древо, біяше звѣря, рече: во имя Іисусъ Христово даю ти многи раны, яко грѣшному. И наказавъ завѣща звѣрю близъ келии и лавры впредъ не пакостити и отосла въ пустыню. Отъ тогоже времени, продолжаетъ сказаніе, во славу св. Троицы и во знаменіе чудеси преподобнаго, окрестъ лавры и келий его, монастырскимъ скотомъ и еленемъ въ пустыни безстрашно пасущимся и доселѣ звѣри не пакостити“.

Самыя явленія природы не производили на подвижника такого дѣйствія, какъ на прочихъ людей.—Зимой, отъ сильной вьюги, занесетъ всю келью отшельника, а онъ живетъ спокойно, „подъ снѣгомъ, аки въ пещерѣ, и къ Богу теплыя своя молитвы съ теплыми слезами возсылаетъ“; каждую пици и питія онъ утоляетъ снѣгомъ; теплота горячихъ покаянныхъ молитвъ и слезъ согрѣваетъ и умѣряетъ для него суровый сѣверный климатъ⁽¹⁾. Лѣтомъ онъ тоже пребываетъ въ непрестанной молитвѣ и за тѣлесною работою воспѣваетъ священные гимны Богу; однѣ лишь пернатыя птицы вторятъ отшельнику въ безлюдныхъ лѣсахъ, куда до него не проникалъ человѣческой голосъ.

(1) Такъ жилъ въ строгомъ одиночествѣ препод. Никодимъ Кожезерскій, Ркп. № 182. л. 49 на обор.

„Но не мощно есть граду укрытися верху горы стоящу, ни вжигаютъ свѣтильника и подѣ одромѣ поставляютъ его, или подѣ спудомѣ покрываютъ ѣ, но на свѣщницѣ возносятъ, да свѣтитъ всѣмъ иже въ храмѣнѣ суть, яко да и входящїи свѣтъ узрятъ. Тѣмъ же и сего святаго добродѣтели не возмогоса надолзѣ времени утѣитися, но явѣ всѣмъ изнесоса святаго; аще и не хотящу преподобному, но Богу восхотѣвшу прославити своего угодника, вѣсть бо Господь, и нехотящимъ имъ прославляетъ рабы своя, славящїя бо Мѣ, рече, прославлю“. Молва о поселившемся въ пустынѣ инокъ, объ его тяжелыхъ трудахъ и подвигахъ, быстро разлетается среди окрестнаго населенїя; „слава же о немъ повсюду, яко перомъ легкимъ, обношашеся, яко доброгласная труба слухи всѣхъ оглашающи, и имя блаженнаго, яко нѣкое священїе, у всѣхъ на устѣхъ обношашеся, показующи преподобнаго достоинство“. Теперь народъ уже не страшится пустыни, — отшельникъ отвоевалъ еѣ у бѣсовъ. И вотъ начинаютъ пробираться въ глухую трущобу окрестные жители, по два, по три—„овїи благословенїя ради и пользы прихождаху къ нему (подвижнику), слышаще преславная о немъ, яко мужъ добродѣтеленъ и святъ, овїиже соизволяюще и сожительствовати съ нимъ, моляху преподобнаго, да сподобитъ ихъ иноческаго образа. Онъ же прїимаше тѣхъ съ радостїю, и сподобляше ихъ ангельскому образу, ко спасенїю наставляя ихъ“⁽¹⁾.

Мѣстность, „гдѣ не обрѣтахуса человекы нивогдаже“, теряетъ прежнїй пустынный видъ: пришельцы дѣятельно берутся за устройство жилищъ, — разчищаютъ заросли, копаютъ землю, рубятъ лѣсъ, ставятъ кельи и распахиваютъ нивы⁽²⁾. По удовлетворенїи самыхъ необходимыхъ нуждъ, первою заботою у отшельниковъ является желанїе имѣть церковь, чтобы не быть лишенными божественной службы; біографы любятъ на этомъ обстоятельствѣ сосредочивать свое вниманїе: построенїе церкви въ житїяхъ описывается обыкновенно съ значительною подробностїю и соединяется съ рассказа-

(1) Ркп. № 230. л. 148 на обор.—149, Ркп. № 228. л. 30, 48., Ркп. № 219. л. 45., Ркп. № 992. л. 72 на обор.—73, Ркп. № 499. л. 360.

(2) Ркп. № 228. л. 38 на обор.—39. Ркп. № 230. л. 153.

ми о чудесныхъ событіяхъ.—Иногда иноку покажется необыкновенное сіяніе надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ слѣдовало ставить церковь (1), то явится ему въ воздухѣ ангелъ съ распростертыми крыльями (2), а иногда видима бываетъ и самая церковь. Препод. Елеазаръ Анзерскій „надъ тѣмъ мѣстомъ, идѣ же нынѣ стоитъ святая церковь“, замѣтилъ сначала „облакъ темень, и нача быти красень, и сниде нача гремяти; обходяше около то мѣсто; попаляя и очищая островъ, идѣ же церковь и веліи нынѣ стоятъ, въ длину 50 сажень, поперекъ 40 сажень.“ Другой братъ Теофилъ видѣлъ въ воздухѣ церковь; брату Ойрсу слышался „явѣ звонъ“; третьему брату казался „на томъ мѣстѣ столбъ огонь, до небесъ восходящъ“ (3). Сами небожители облегчаютъ трудъ отшельниковъ въ построеніи храма.

Немедленно снаряжается посольство къ владыкѣ съ просьбою о дозволеніи освятить храмъ и прислать для него необходимыя принадлежности. Владыка съ радостію принимаетъ посланныхъ, даетъ имъ благословенную грамоту и всю нужную утварь, а державный князь и благочестивые бояре съ крестьянами, уже слышавъ прежде о высокой жизни подвижника, снабжаютъ старцевъ обильною милостынею, и послѣдніе съ полнымъ утѣшеніемъ возвращаются въ обитель (4).

Съ устроеніемъ церкви пустынная община получала почти полную организацію; недоставало у нея только главы—настоятеля; впрочемъ, онъ только не былъ избранъ и утвержденъ формально, на дѣлѣ же отшельники во всемъ слѣдовали главному виновнику устроенія обители.

Фактъ избранія отшельниками настоятеля біографы описываютъ такими типическими чертами.

Собравшись на совѣщаніе, отшельники сразу сходятся во мнѣніяхъ относительно личности будущаго начальника, всѣ единогласно своимъ главою изъявляютъ желаніе имѣть не иного кого, какъ тогоже виновника организаціи ихъ об-

(1) См. житія: препод. Зосимы и Савватія, Сергія Радонежскаго, Павла Обнорскаго и другихъ.

(2) См. житіе препод. Александра Свирскаго.

(3) Ркн. № 187. л. 33—34.

(4) Житія: препод. Зосимы, Александра Свирскаго, Антонія Сійскаго и другихъ.

щины (1). Пустынножители разсуждаютъ: „мы пришли сюда научиться у его святости къ достиженію своего спасенія, потому что слышали объ его добродѣльномъ житіи: слѣдовательно, нашимъ начальникомъ можетъ и долженъ быть только онъ — великій подвижникъ; ему отъ самого Бога опредѣлено быть нашимъ наставникомъ на этомъ святомъ мѣстѣ“ (2). Рѣшеніе совѣта объявляется избраннику: съ глубокою покорностію отшельники умоляютъ его „игуменства санъ воспріяти“; но отвѣтомъ на это служитъ рѣшительный отказъ и начинается трогательная сцена упрашиванія; слѣдуютъ усиленныя просьбы съ колѣнопреклоненіемъ и глубокими воздыханіями, — избранникъ непреклоненъ. „Блаженный не хотяше начальство пріяти и власти отвращашеся яко тяготы великія, и повиноватися хотяше, неже наставляти оныхъ; свѣдѣше бо, яко легчайше наставлятися ко спасенію отъ инѣхъ, паче неже самому наставляти“. Строгій, смиреннѣйшій подвижникъ не желаетъ даже и коснуться тавой чести, а хочетъ быть въ послѣднихъ. Братіи случалось при этомъ даже прибѣгать къ угрозамъ; истощившись въ доводахъ, послѣ долгихъ увѣщаній склонилъ на свою просьбу препод. Зосиму, братія наконецъ убѣдила его дать согласіе на принятіе игуменскаго званія только послѣ рѣшительнаго заявленія: „аще ли не хоцещи, отче, хиротонисатися, — разыдемся вси отсюда и даси отвѣтъ Богу за души наша“ (3).

Прибывши къ владыкѣ, преподобный влчняется ему до земли и сподобляется духовной бесѣды, а затѣмъ и поставленъ бываетъ игуменомъ во вновь открывшуюся обитель. „Тебѣ, чадо“, наставляетъ его святитель, „такъ какъ ты воспринялъ санъ духовный, подобаетъ по слову апостольскому, немощь немощныхъ носить и не себѣ угождать, но искреннимъ твоимъ, какъ и Христось не Себѣ угождалъ“ (4). Скъ-

(1) Житія — препод. Зосимы, св. Флиппа, Александра Свирскаго, Сергія Радонежскаго и другихъ.

(2) Житія препод. Зосимы и Сергія Радонежскаго.

(3) Тоже повѣствуется въ житіи препод. Сергія Радонежскаго и Антонія Сіискаго.

(4) Житія препод. Сергія Радонежскаго, Александра Садрскаго, Діонисія Глушицкаго.

завъ это и много поговоривъ о пользѣ духовной, святитель отпускалъ игумена съ благословеніемъ.

Съ великимъ торжествомъ встрѣчаетъ своего любимаго наставника братія; всѣ иноки выходятъ къ нему на встрѣчу и, при звонѣ колоколовъ, прямо паправляются, вмѣстѣ съ новопоставленнымъ игуменомъ, въ церковь; здѣсь бываетъ отслужено благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго иноки припадаютъ къ ногамъ своего игумена, а онъ молитвенно осбняетъ ихъ св. крестомъ и преподаетъ свое благословеніе (1).

Жизнь новопоставленнаго игумена не представляетъ въ себѣ отличій отъ его прежней жизни, какъ простаго подвижника.—„Блаженный отецъ нашъ аще и старѣйшинство пріять, но не измѣни правила своего чернеческаго никакоже, но паче на большіе труды и подвиги простирашеса и къ вящему воздержанію и молитвѣ непрестаннѣй упражняшеса, представляя умъ свой Богови, емуже бо, рече, дано много, множайше и възыщется отъ него; воспоминаая же святыи и сіе слово: аще кто хочетъ вящій быти въ братіи своей, да будетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга, и паки: не придохъ, да послужать мнѣ, но азъ да послужу имъ. И тако работаше съ братією си вкупѣ, на дневныя труды упражняшеса, въ ноци же на словословіе Божіе подвизашеса, бдѣніи всенощными душевное око просвѣщаше; въ церкви же Божіи прежде всѣхъ обрѣташеса и послѣжде исхождаше; къ стѣнѣ же, на пѣніи стоя, никакоже воскланаяся, ниже жезла своего пастырскаго въ руки взимаше, но тако стояше неподвижнѣ на единомъ мѣстѣ, не озираая никакоже, но точію согбеннѣ рудѣ имѣя, приложивъ къ персемъ своимъ, очима долѣ зряше, боголюбивую же свою и блаженную душу горѣ воспущаше, въ сокрушеніи сердца и со мнозѣмъ молчаніемъ божественнаго пѣнія послушаше, святаго же писанія словеса напаяше душу свою во извѣстнѣ разсужденіи. Сице же преподобный и братіи повелѣваше въ церкви благочиніе хранити, собою образъ показоваше имъ“. Вмѣстѣ съ другими онъ трудится, расчищая вокругъ обители лѣсъ и распахивая нивы; на всякую работу выходитъ первымъ и своимъ примѣромъ вызываеъ на дѣло и всю братію. Какъ

(1) Житія препод. Зосимы, св. Филиппа, Сергія Радонежскаго и другихъ

игумень, онъ постоянно поучаетъ иноковъ, напоминая имъ часъ смертный и внушая, что „многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе небесное“; каждый изъ членовъ братіи, соревнуя настоятелю по своей силѣ, старается выполнять его спасительныя назиданія. Самъ онъ, какъ чадолубивый отецъ, часто обходитъ келіи ночью, чтобы наблюдать за братією. Если находитъ учениковъ своихъ на молитвѣ,—угѣшается духомъ; еслиже застаётъ ихъ бесѣдующими послѣ вечерней службы,—даетъ имъ знать о своемъ приходѣ, слегка ударяя въ окно или въ дверь, чтобы возвратились къ должному порядку ⁽¹⁾.

Братія радуется и хвалитъ Бога, давшаго ей столь мудраго и примѣрнаго по образу жизни игумена; за великое смиреніе и труды Господь прославляетъ его даромъ прозорливости и силою чудотвореній; молва о чудесахъ подвижника летитъ все далѣе и далѣе; слухъ объ его ангельской жизни во многихъ вызываетъ желаніе насладиться его лицезрѣніемъ и бесѣдою. И вотъ въ обитель начинается новый приливъ людей изъ окрестнаго населенія ⁽²⁾: одни приходятъ въ преподобному, чтобы испросить его молитвѣ для облегченія себя въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни; другіе—предлагаютъ ему свои посильныя пожертвованія на обитель, а иные—изъявляютъ желаніе облечься отъ его руки въ ангельскій образъ. „Блаженный же со многою любовію принимаетъ тѣхъ, со смиреніемъ наказовавъ ихъ пребывать имъ въ божественныхъ заповѣдехъ; и въ малѣ времени братство множае бывае, тѣмъже нужда бысть большую церковь воздвигнути на молитвенное собраніе о Христѣ духовному братству“.

Созвавъ братію на совѣтъ, мудрый игумень объявляетъ ей о своемъ желаніи соорудить новую, большую и лучшую церковь. Съ недоумѣніемъ встрѣчается иноками такое предложеніе: „не знаешь развѣ, возражаютъ они преподобному, что здѣшнее мѣсто скорбно и во всемъ скудно? какъ и

⁽¹⁾ Житія: препод. Θεодосія Нечерскаго, Сергія Радонежскаго, Антонія Сійскаго, Александра Свирскаго, Александра Ошевенскаго, св. митр. Филиппа, Зосіи Соловецкаго, Грѣгорія Пельшемскаго, Кирила Бѣлоозерскаго и другихъ.

⁽²⁾ Тамъ же.

откуда мы можем достать для такого великаго предпріятія необходимыхъ вещей и разнаго рода матеріала, при своей бѣдности?“ Не смущается отъ такихъ рѣчей святой игумень. „Братіе“, говоритъ онъ, „якоже Богъ восхотѣ, тако и сотворить; мы же не можемъ ни единаго дѣла блага сотворити, аще не Богъ подастъ намъ, уповающимъ на всебогатую милость Его; но токмо, братіе, сотворимъ начало дѣлу, Богъ же все неоскудно на потребу подати имать“. „Благословенъ Богъ, отвѣчаютъ иноки, вразумивый тя на сіе тщаніе, преподобне отче нашъ; Той ти да будетъ помощникъ во всѣхъ дѣлѣхъ твоихъ.“

Божественная помощь дѣйствительно не оставляетъ великаго угодника; къ удивленію братіи, чудесно подаются средства для сооруженія новаго храма и предпріятіе игумена имѣетъ успѣхъ. Благолѣпно довершивъ постройку храма, расширивъ обитель и переправивъ ея зданія, игумень устраиваетъ и внутренней ея порядокъ,—самъ наблюдаетъ, чтобы въ точности исполнялись богослуженіе и строгій уставъ общегитія, данный имъ для обители. „Братія же, яко благоплодная земля, приѣмлюще сѣмена, возвращаа плодъ сторицный, во всемъ повиновахуся своему отцу, зряще чуднаго ему пребыванія во мнозѣ смиренія и терпѣнія со умиленіемъ, и въ ручныхъ дѣлѣхъ тружахуся, и отъ своихъ потовъ и трудовъ ницу приѣмлюще“ Такъ „пособіемъ Божиимъ“ и молитвами преподобнаго игумена „обитель, всѣмъ исполняшеса, и мѣсто распространяшеса и братство о Христѣ множашеса“.

Въ такихъ чертахъ обрисовывается біографіа жизнь игумена—подвижника и состояніе братіи подъ его управленіемъ⁽¹⁾. Вообще разсмотрѣнныя житія весьма бѣдны чисто историческими фактическими данными; упомянувъ только о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ жизни преподобнаго по устроенію обители, біографъ спѣшитъ остановить свое вниманіе

(1) См. житія: прелод. Феодосія Печерскаго, Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Антонія Сійскаго, Александра Свирскаго, св. митр. Филиппа, Елеазара Анзерскаго, Александра Ошевенскаго, Корнелія Комельскаго, Дионисія Глушицкаго, Ферапонта Бѣлозерскаго, Зосимы Соловецкаго и другихъ.

на изображеніи его кончины и предсмертной прощальной бесѣды съ братією. Здѣсь тоже рисуется картина типическаго характера.

Проведши многіе годы въ своей обители, преподобный скорбнымъ и тѣснымъ путемъ достигаетъ мастистой старости; предчувствуя за нѣсколько времени до блаженнаго представленія скорое свое разрѣшеніе отъ тѣла, онъ призываетъ къ себѣ братію и говоритъ: „вотъ уже, чада мои, я отхожу отъ свѣта сего и васъ предаю въ руки Божіи, а вы изберите себѣ наставника.“ Инокіи погружаются отъ такихъ словъ въ глубокую печаль; „уязви паче оружія сій гласъ очи сердца любящихъ того“. „Зачѣмъ оставляешь насъ сирыми, наставникъ нашъ?“ говорятъ они. „Кто будетъ заботиться о душахъ нашихъ?“ Умирающій твердо, успокоительно-наставительнымъ словомъ отвѣчаетъ: „не плачьте, чада! предаю васъ Всемогущему Богу и Пречистой Его Матери; да будетъ вамъ стѣна и прибѣжище отъ сѣти вражіей; вы же наипаче уврашайтесь смиреніемъ, не забывайте страннолюбія, стяжите любовь неллицемѣрную, чистоту дупевную и тѣлесную, ни во что вмѣняя славу и честь сего житія, но вмѣсто того ожидайте отъ Бога воздаянія небесныхъ и вѣчныхъ благъ.“ „Изберите себѣ, кого желаете игуменомъ на мое мѣсто“. Инокіи опять въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: „мы хотѣли бы, отецъ нашъ, всѣ быть погребенными тобою, но не отъ насъ это зависитъ; Христось Богъ нашъ, извѣстившій тебя объ отшествіи въ себѣ на вѣчныя обители,—Онъ можетъ черезъ тебя избрать намъ наставника“.

Затѣмъ умирающій назначалъ себѣ преемника по игуменскому званію, вручалъ ему монастырь и братію и изрекалъ наставленія объ образѣ жизни; старецъ умолялъ иноковъ быть вѣрными заведенному имъ порядку, убѣждалъ ихъ избѣгать соблазна, воздерживаться отъ пьянства и другихъ пороковъ. „Вы же, братія, что меня видѣли творящимъ, то и вы творите; имѣйте и по моему исходѣ любовь неллицемѣрную между собою, дабы не оскудѣло мѣсто сіе.“ Поучивъ ихъ довольно, онъ всѣхъ цѣловалъ духовнымъ лобзаніемъ и поручалъ старѣйшинство одному изъ своихъ присныхъ учениковъ, опять заповѣдавъ ему и всей братіи соблюдать уставъ общаго житія, а нарушителей его изгонять изъ обители. Если инокіи обращались къ умирающему игумену съ вопросомъ—„гдѣ положить его тѣло“, то онъ говорилъ: „из-

влеките мое грѣшное тѣло за ноги въ болото и тамъ затопчите“ (1). Инокѣ, конечно, не соглашались удовлетворить такому распоряженію своего уважаемаго наставника; тогда послѣдній указывалъ мѣсто погребенія своего тѣла внутри церкви или рядомъ съ нею.

Наконецъ въ самый часъ своего преставленія, въ послѣдній разъ благословляя своею дражащею рукою предстоящихъ съ плачемъ иноковъ, умирающій произносилъ слѣдующія, почти всегда съ буквальной точностью приводимыя біографами слова: „азъ тѣломъ отхожу отъ васъ, но духомъ съ вами неотступно буду; и о семъ разумно да будетъ вамъ, аще обрѣтъ буду благодать предъ Богомъ, то обитель сія, по моемъ отпествіи, распространится наипаче, и соберутся братіи множество въ духовной любви и умножится святая сія обитель всякимъ обильствомъ“.

Потомъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и давъ благословеніе всей братіи, преподобный поднималъ руки къ небу и въ молитвѣ предавалъ святую душу свою Богу; благоуханіе проливалось отъ его трудолюбиваго тѣла. Съ подобающею честію оно возлагалось на погребальный одръ и съ псалмопѣніемъ, при многочисленномъ количествѣ горящихъ свѣчъ и куреніи емиама, переносилось въ церковь, гдѣ сокрушенные тяжелою скорбію иноки едва могли отъ слезъ совершать надгробное пѣніе (2).

Смертію не прерывалась связь подвижника съ основанною имъ обителью и съ окрестнымъ населеніемъ; онъ и по смерти не преставалъ духомъ своимъ жить среди братіи, являлся великимъ благодѣтелемъ и для всего окрестнаго населенія. Источниками для изображенія посмертной дѣятель-

(1) Житія—препод. Александра Свирскаго, Антонія Сійскаго, Григорія Пельшемскаго, Димитрія Прилуцкаго и друг.

(2) Типическое описаніе кончины подвижника составлено нами на основаніи житій: препод. Феодосія Печерскаго, Сергія Радонежскаго, Варлаама Хутынскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго, Зосимы Соловецкаго, Александра Свирскаго, Александра Ошевскаго, Антонія Сійскаго, Антонія Римлянина, Елеазара Анзерскаго, Корнелія Комельскаго, Григорія Пельшемскаго, Діонисія Глушицкаго, Юсафа Каменскаго, Александра Куштскаго, Димитрія Прилуцкаго и Павла Обнорскаго. Всѣ они въ изображеніи кончины святаго сходны до буквальности.

ности св. подвижниковъ служить многочисленныя чудеса, сопровождающія ихъ жизнеописанія. Въ монастырской жизни чудеса св. подвижниковъ были явленіями, которыми всего болѣе дорожила братія. Они свидѣтельствовали о прославленіи почившаго на небѣ, а потому и забота о записи и сохраненіи этихъ чудесъ для памяти потомства со стороны братіи была наилучшимъ выраженіемъ глубокой благодарности и преданности къ своему покровителю.

Вотъ что читаемъ въ житіи препод. Александра Ошевскаго (1). „Всегда помогаетъ Александрова молитва. Аще ли кто не вѣровати начнетъ, то возьми писаніе о святѣмъ, и почти житіе его и чудеса, и увѣси вса о блаженнѣмъ отцѣ извѣстно по ряду испытно начертанная, и тамо пользу обрѣщени и не буди не вѣрень, но—вѣрень. Аще ли прежнимъ не вѣруещи многихъ ради лѣтъ прехожденія,—то поне нынѣшнимъ вѣру ими, и вопросы во обители пребывающихъ инокъ и во окрестныхъ всеѣхъ живущихъ чловѣкъ, надъ нимиже чудеса быша, и виждь устроеніе обители и святыхъ церковей созданіе... и вса сія увидѣвъ, и разумно зри: не Господь ли дѣйствуетъ вся сія прославляя своего угодника... Вся сія виждь и почудися неизрѣченнѣй благодати Божіи, яко на пустѣ мѣстѣ устрои Богъ такую обитель и толико инокъ пребывающихъ и тружующихся чловѣкъ своего ради спасенія, и всеѣхъ питаетъ Богъ молитвъ ради преподобнаго Александра: Ты же отложи невѣріе и всяко сомнѣніе и иди ко гробу преподобнаго Александра, припади и облобызай раку его, и умилися, и прослезися, и о прежнемъ невѣденіи проси прощенія, и въ прочая времена не невѣруй... И мы аще умолчимъ о преподобнѣмъ, то сами чудеса вопіють... Ты же, чадо, отъиди съ веселіемъ и проповѣждь чудеса святаго.“

Служа выраженіемъ вѣры ко святому и, такимъ образомъ, имѣя значеніе религиознонравственное, чудеса святыхъ имѣли кромѣ того и практическое значеніе. Узнавши о новоявленномъ чудотворцѣ, отдаленные и окрестные жители могли прибѣгать къ нему въ своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ нуждахъ за помощію,—просить его святыхъ и теплыхъ молитвъ къ Богу; поэтому скрыть чудо — считалось дѣломъ

(1) Реп., № 992. л. 125—127.

невѣжества и неразумія, за которое придется дать отвѣтъ предъ Господомъ⁽¹⁾.

Выходя изъ такого взгляда на чудеса, братія усердно заботилась объ ихъ записываніи; можно сказать, что чудесами она дорожила болѣе, чѣмъ біографическими свѣденіями о подвижникѣ. Житіе Иринарха Соловецкаго крайне скудно біографическимъ содержаніемъ; нѣсколько типическихъ словъ о жизни преподобнаго являются какъ бы только введеніемъ къ обширному описанію его посмертныхъ явленій и чудесъ. Тоже можно сказать и относительно „повѣсти о препод. Варлаамѣ Керетскомъ“.—Біографическій рассказъ въ житіяхъ вообще отличается недостаткомъ хронологическихъ и другихъ указаній, необходимыхъ для полнаго

(1) Мысли объ этомъ весьма рельефно выражены въ предисловіи къ описанію чудесъ препод. Зосимы и Савватія, чудесъ—записанныхъ св. Филлипомъ; оно повторяется біографомъ препод. Александра Ошевенскаго (см. Ркп. № 992. л. 130 на обор.—132); приводимъ подлинникъ.— „Древле убо бывшая знаменія и преславная явленія, и чудеса богоносныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія списана прежними творцы, иже люботруднѣи о семъ подвижашася боголюбивии мужіе, да не въ забвеніе преидуть многого ради времени преславная чудодѣяства Божія, иже Богъ сотворяеть угодники своими славная и дивная, и нынѣ убо видѣмъ толлика содѣяема великая чудеса богоносными отцы нашими по воляже времена и лѣта. Но да небреженіемъ нашимъ и нерадѣніемъ въ презрѣніе и забвеніа глубинѣи предана будутъ, обыче бо нерадѣніе пользу погубляти. И бисеру убо отъ своихъ скалъ не изводиму, кому того доброта познавается? и аще стануть преподобныхъ отецъ нашихъ чудотворенія неповѣдана, иже въ лѣта сіа содѣяеть Богъ святыми своими, кто отъ сего пользу прииметь? Какоеже и призовутъ ихъ въ скорбѣхъ и нуждахъ своихъ человекъци, иже не услышатъ ихъ благодѣяній? какоже услышати имуть, аще не написана будутъ сіа и оставлена нашимъ небреженіемъ, иже многихъ лѣтъ прехоженіемъ забвеніе приносящи, аки тмоу врачюу, или аки облакъ темень заступая солнечное сіяніе, еже не сіяти на вселеную? да не услышати имати реченный судъ отъ Бога: лукавый рабе и лѣтвиный, иодобаше ти было дати сребро мое торжникомъ и проч...; но надобно убо намъ со страхомъ и трепетомъ сповѣдати о великихъ благодѣяніихъ Божіихъ, иже прослави Богъ въ лѣта сіа знаменія же и чудеса, и различными силами; прославляющія убо Мя прославлю, рече Господь... (Ркп. Сол. библ. № 173. л. 183—187.). Подобныя же мысли высказываются и въ „житіяхъ“ другихъ св. подвижниковъ. См. Ркп. № 182. л. 83, также— предисловіе къ житію препод. Трифона Печевскаго.

и точнаго воспроизведенія событія; напротивъ, большая часть описаній чудесъ не лишены подробностей: имя, возрастъ, общественное положеніе получившаго благодатную помощь чрезъ святаго,—мѣсто его жительства, годъ, а иногда мѣсяць и число, и обстоятельства, при какихъ совершилось чудо,—все это писатель обозначалъ съ точностію, показывающею, что повѣствуетъ на основаніи весьма достовѣрныхъ источниковъ. Эти особенности сообщаютъ описанію чудесъ свѣжесть и живость, которыми оно отличается отъ однообразнаго біографическаго разсказа житій.

До насъ сохранились прямыя указанія на приходскія и монастырскія записи чудесъ и на процессы ихъ составленія. — Со времени открытія мощей Іоанна и Логгина Яренскихъ при мѣстной церкви велись тетради, въ которыя записывались чудеса этихъ угодниковъ. Чудеса Вассіана и Іоны Пертоминскихъ и Никодима Кожезерскаго, а также Антонія Сійскаго и Александра Ошевенскаго, очевидно, записаны не въ одно время. Съ появленіемъ житія записываніе чудесъ не прекращалось, но примыкало къ нему, какъ естественное продолженіе; такова исторія записи чудесъ препод. Зосимы и Савватія, Антонія Сійскаго и Александра Ошевенскаго. Во многихъ случаяхъ позднѣйшія прибавки чудесъ къ житіямъ необозначались никакимъ указаніемъ, отчего происходитъ одно изъ главныхъ затрудненій при опредѣленіи времени составленія житія, когда въ самомъ послѣднемъ на это не сохранилось прямыхъ намековъ.

Обыкновенно чудеса записывались со словъ самихъ испытавшихъ на себѣ чудо, или же со словъ очевидцевъ и свидѣтелей. Получивъ отъ святаго чудодѣйственную помощь, человекъ считалъ священнымъ долгомъ отправиться въ монастырь воздать благодареніе преподобному и повѣдать о случившемся тамошней братіи. Игумень повелѣвалъ записать чудо; писецъ заносилъ его на бумагу съ соблюденіемъ отбѣнокъ изустнаго разсказа и заключалъ словами: „азъ же (мы же) слышавши сія отъ него и написахъ душевнаго ради назиданія, въ пользу духовную, хотящимъ спастися.“ Или— „мы же слышавше сія и написахомъ во славу Христу Богу нашему и въ похвалу Его угоднику“. Случалось, что записи о его чудесахъ составлялись вдали отъ монастыря и, оставаясь ему неизвѣстными, ходили по рукамъ читателей

преподобнаго; такое указаніе находимъ въ житіи препод. Елеазара Анзерскаго ⁽¹⁾.

Способомъ записыванія чудесъ со словъ рассказчика объясняется разнообразіе ихъ литературнаго изложенія сравнительно съ біографическою частью житія; этотъ же способъ дѣлалъ повѣсти о чудесахъ трудно уловимыми для какогонибудь высшаго церковнаго надзора. Слущая отъ пришлого человѣка рассказъ о чудѣ или явленіи святаго, братія не имѣла возможности отнестись къ этому рассказу критически и провѣрить его чрезъ свидѣтелей и принимала извѣстіе на вѣру. Впрочемъ, монастырь и не дерзалъ относиться недоувѣрчиво къ подобнымъ сказаніямъ. Настаетъ день празднованія святаго; люди всякаго званія и состоянія, пола и возраста спѣшать къ мѣсту празднованія, одни—почтить святыню канонами и молебнами, другіе—исцѣлиться отъ недуговъ, третьи—принести благодареніе за оказанныя уже благодѣянія. И вотъ начинаются рассказы, какъ одному явился святой въ видѣніи съ благодатной помощью, другаго—„въ тоннѣ снѣ“ послалъ въ своему гробу за исцѣленіемъ, третьяго—изобличилъ въ несоблюденіи даннаго обѣта и т. п. Все это со вниманіемъ выслушиваютъ благоговѣйные иноки, хвалятъ Бога, прославляющаго ихъ святаго начальника, и прилагаютъ новыя извѣстія къ прежде уже записаннымъ чудесамъ; о достовѣрности передаваемыхъ рассказовъ нѣтъ рѣчи ⁽²⁾. Когда нѣкто Илія, удостоившись видѣнія Соловецкихъ чудотворцевъ, пріѣхалъ въ монастырь и нѣкоторымъ изъ братіи далъ знать о случившемся, иноки немедленно повели его въ церковь, къ гробамъ преподобныхъ; игумень повелѣлъ „зазвонить во вся тяжкая“ ⁽³⁾, отпѣли молебенъ, и только уже тогда братія стала обстоятельно выслушивать отъ Ильи рассказъ о явленіи святыхъ. Когда чудо совершалось въ самомъ

⁽¹⁾ Ркп. № 187. л. 22 на обор.

⁽²⁾ «Многа же она чудеса, говоритъ списатель житія препод. Александра Ошевенскаго, преминухъ множества ради, иная же и того ради не написана быша, еже не прииде въ слухи наша. Аще и помилува ихъ Богъ, ови же скрыша чудеса святаго... намъ же о томъ нѣсть отвѣта, но самъ о себѣ воздастъ слово. Намъ же о семъ золь отвѣтъ, аще слышимъ—и лѣтностію не напишемъ». (Ркп. № 992. л. 175).

⁽³⁾ Ркп. № 175. л. 269 на обор.

монастырѣ, на глазахъ братіи,—радость была еще сильнѣе. По исцѣленіи инока Савватія „бысть радость неизглаголанна во всей обители Соловецкой... вси людѣ исполнишася радости, видяще таковое и преславное чудо, и сотвориша звонъ великъ на многъ часъ“⁽¹⁾. При высокомъ чувствѣ благоговѣнія передъ святыней самое записываніе сказаній о ней разсматривалось какъ родъ подвига,—носило на себѣ характеръ священнаго дѣйствія⁽²⁾. Большая часть чудесъ выходила изъ среды самой братіи. Чудеса препод. Иринарха Соловецкаго почти всѣ (9 изъ 12) вышли изъ круга братіи.

Не безъ основанія иноки относились столь довѣрчиво къ передаваемымъ имъ со стороны рассказамъ о чудесахъ святаго; поступать иначе—значило бы относиться съ неуваженіемъ къ его личности, сомнѣваться въ его прославленіи Господомъ. Сами святые строго наказывали тѣхъ, которые изъ любопытства дерзали заглядывать въ ихъ гробъ съ цѣлю удостовѣриться въ негнѣніи мощей. Нѣкто Іаковъ со старцемъ Авраміемъ захотѣли посмотрѣть въ гроба Пертоминскихъ чудотворцевъ: едва только Авраміи „отъ невѣжества и простоты своея нѣкако дерзостно коснуся рукою своею осязати за нозѣ отъ преподобныхъ единаго, абіе, яко нѣкая сила Божія, внезапно отрину его отъ гробницы и мощей святыхъ“. Во снѣ Аврамію явились святые, „поношающе его о дерзновеніи“, заповѣдали отмолить грѣхъ и вовсе не выходить изъ Пертоминской обители⁽³⁾.

Изъ вышерассмотрѣнныхъ агіографическихъ произведеній слѣды церковной официальной повѣрки рассказовъ о чудесахъ находимъ только въ сказаніи объ Іоаннѣ и Логгинѣ Яренскихъ, и—отчасти въ грамотѣ, приложенной въ повѣсти о старцѣ Германѣ⁽⁴⁾. Последняя была послана въ 1690 году холмогорскимъ архіеп. Аванасіемъ въ Соловецкій монастырь, и содержитъ въ себѣ краткое указаніе на порядокъ производства въ XVII в. церковнаго процесса по

⁽¹⁾ Тамъ же. л. 260.

⁽²⁾ См. Ркн. № 220. л. 2 и 196 на обор. Ркн. № 392. л. 26. Ркн. л. 182. л. 83.

⁽³⁾ Ркн. № 182. л. 191 на обор. и 192.

⁽⁴⁾ Тамъ же. л. 14—15.

дѣлу канонизаціи подвижника. Отвѣчая своимъ согласіемъ на просьбу братіи праздновать въ монастырѣ память препод. Германа, архіепископъ прибавляетъ, что этого нельзя сдѣлать безъ воли государя съ патриархомъ и безъ освидѣтельствванія, „не яко унижая его преподобство, но храня цѣлость св. церкви догматовъ, яко издревле во св. православной вѣрѣ нашей обыкоша св. Божіихъ угодниковъ предлагатися прежде о житіи и чудесѣхъ ихъ свидѣтельства достовѣрныя, по свидѣтельству же со благоволенія общаго православныхъ монарховъ и архипастырскаго составляются имъ служба и канонъ, и тако устрояются празднованія; безъ свидѣтельства и безъ благословенія государскаго и святѣйшаго патриарха никакоже сіе состоятися и прочно быть можетъ“ (1).

Болѣе полное и обстоятельное изложеніе порядка производства церковнаго процесса въ подобныхъ дѣлахъ сохранилось при древнѣйшей редакціи сказанія о Яренскихъ чудотворцахъ (2). Вмѣстѣ съ извѣстіемъ патриарху о новоявленныхъ святыхъ, въ 1624-мъ году, изъ Яренги была подана „чудесѣмъ роспись“; патриархъ вступилъ въ сношеніе съ новгородскимъ митрополитомъ; послѣдній поручилъ своему боярскому сыну вмѣстѣ съ игуменомъ Никольскаго Ко-

(1) Съ фактомъ освидѣтельствванія мощей святаго можетъ знакомить сказаніе объ этомъ обстоятельствѣ, приложенное къ житію препод. Александра Свирскаго. По донесенію игумена Аврамія, царь Михаилъ Теодоровичъ повелѣлъ новгородскому митрополиту Авеонію «свидѣтельствовать мощи преподобнаго». Авеоній, вмѣстѣ съ Хутынскимъ игуменомъ Евеміемъ и Никольскаго Вяжицкаго монастыря—Іосифомъ, отслуживъ передъ литургіей водосвятный молебень, повелѣлъ «предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ открыть гробъ». Гробъ былъ открытъ, и «все видѣша преподобнаго отца не яко многа лѣта (107 лѣтъ) почвающа, но яко новоположена и зѣло ужасна бывше. И яко нѣкое извѣщеніе примѣъ святитель отъ преподобнаго, повелѣъ звонити во вся тяжкая. Вскрыты были одежды святаго. Долго святитель смотрѣлъ «прятжно» на мощи преподобнаго, и на образъ его часто взирая, бѣ бо ту образъ его въ чудесѣхъ стоящъ издавна написанъ. Видѣше же архіерей и весь священный соборъ, глаголюще: воистину сей есть преподобный и боговоленный отецъ, Александръ чудотворецъ». (Ркп. № 228. л. 112—124).

(2) Ркп. № 182. л. 126 на обор.—139.

рельскаго монастыря провѣрить означенную роспись „на мѣстѣ, обольными монастыри и государевыми черными и монастырскими волостями, и всякими людьми сыскати всякими сыски накрѣпно: сколь давно ту чудотворцы у Николы чудотворца въ Яренгѣ принесены и кто ихъ принесъ, и отъ кого тѣхъ чудотворцовъ про имена вѣдомо учинилося, и сколь давно отъ нихъ учали чудеса и проща быти“. Церковное порученіе, возложенное на игумена и боярскаго сына, митрополитъ назвалъ „государевымъ дѣломъ“. Исцѣленныхъ велѣно было ставить предъ комиссіей, которая спрашивала каждаго изъ нихъ накрѣпно объ обстоятельствахъ исцѣленія; данную исцѣленными „сказку“ велѣно было повѣрять ихъ родомъ и племенемъ, а показанія „родимцевъ“— „окольными тутошними всякими людьми“. Слѣдственная комиссія, побывавъ въ Яренгѣ, должна была проѣхать и окрестныя волости, для разсылки и письма взявши съ собою изъ волости въ волость поповъ и дьяконовъ и земскихъ церковныхъ дьячковъ. Показанія мѣстныхъ жителей, скрѣпленные руками ихъ „духовныхъ отцовъ“, комиссіи поручалось отправить въ Новгородъ, въ дворцовый приказъ митрополита.

Изъ сохранившейся копии съ официальнаго донесенія комиссіи митрополиту видно, что порученіе властей было выполнено въ точности; но самыя показанія, записанныя со словъ допрашиваемыхъ, по большей части отличаются самою сухою краткостію: отвѣты даются прямо на вопросъ и въ строго лаконической формѣ. Вотъ, наприм., что говорится отъ лица жителей Нѣнекоцкаго усолья: „сколь давно тѣ чудотворцы въ Яренгѣ проявились и откуда ихъ мощи съ морскаго берегу въ Яренгу принесены, и кто ихъ принесъ и проч... (слѣдуетъ перечень вопросныхъ пунктовъ слѣдственной комиссіи), и мы того не вѣдаемъ и даятуховъ у насъ нѣтъ, а про чудеса тѣхъ чудотворцовъ, сколь давно отъ нихъ учала проща быти, и мы отъ старыхъ людей слышали, что лѣтъ съ шестдесятъ и болши чудеса учали быти.“ Въ большинствѣ случаевъ слѣдственная комиссія узнавала только о фактѣ исцѣленія или явленія святыхъ, но не могла добиться подробностей событія, по крайней мѣрѣ объ нихъ весьма мало говорится въ сохранившейся копии этого дѣла.

Кромѣ слѣдственнаго дѣла о Яренгскихъ чудотворцахъ, не дошло документовъ официальной повѣрки относительно

чудесъ другихъ св. подвижниковъ поморскаго края. Изъ этихъ св. подвижниковъ только нѣкоторые, какъ Савватій и Зосима Соловецкіе и Александръ Свирскій, получили законную общецерковную канонизацію⁽¹⁾; большая же часть получила прославленіе, благодаря благочестію мѣстнаго населенія и иноковъ. Чудеса св. подвижниковъ сначала просто заносились на бумагу, за тѣмъ приводились въ извѣстный порядокъ, получали литературную обработку, и потомъ, вмѣстѣ съ житіемъ или повѣстію, распространялись въ читающей публикѣ, болѣе и болѣе способствуя развитію и укрѣпленію среди населенія вѣры во святаго.

Обращая вниманіе на чудеса приложенныя къ каждому изъ рассмотрѣнныхъ агіографическихъ произведеній, нельзя не подмѣтить нѣкотораго различія въ характерѣ чудотвореній извѣстнаго подвижника. — Такъ чудеса, приложенныя къ житіямъ препод. Савватія и Зосимы, отличаются сравнительно большимъ разнообразіемъ: эти святые являютъся и на морѣ и на сушѣ, на самомъ отдаленномъ бѣломорскомъ краѣ и въ мѣстностяхъ близкихъ къ центру древней Россіи⁽²⁾; они помогаютъ плавающимъ, врачуютъ болѣзни, избавляютъ отъ злыхъ духовъ и прогоняютъ душевныя скорби; впрочемъ большая часть чудесъ препод. Савватія и Зосимы все-таки касалась основанной ими обители. Количество чудесъ Савватія и Зосимы, неодинаковое въ различныхъ спискахъ житій, несравненно болѣе, чѣмъ какое сохранилось въ житіяхъ другихъ св. подвижниковъ того края. Причина такого явленія въ томъ, что Соловецкіе чудотворцы — передовые вожди прочной русской колонизаціи, краеугольные камни знаменитой обители; — въ средѣ ея иноковъ и мѣстнаго населенія пользовались наибольшимъ почетомъ и уваженіемъ, оставили по себѣ болѣе живую память и получили болѣе широкую извѣстность. Съ этой же точки зрѣнія можетъ быть объяснено, почему при житіи св. мцръ Филиппа находимъ только три чуда. Св. Филиппъ послѣдніе годы своей жизни провелъ внѣ стѣнъ Соловецкой оби-

(1) См. «соборы о новыхъ чудотворцахъ» (1547 и 1549 г.), — приложеніе къ изданію г. Ключевского, стр. 460.

(2) Ркп. № 175, чудеса 39 и 56.

тели и потому какъбы въ извѣстной степени успѣлъ утратить свой свѣтлый образъ въ памяти жителей поморья; воспоминанія о немъ ослабѣли даже и среди самихъ Соловецкихъ иноковъ. Перенесеніе мощей святителя на Соловьи оживило эти воспоминанія и вотъ „малу времени прешедшу“ послѣ этого событія, нѣкто Василій, ремесленный человѣкъ, удостоивается во снѣ видѣть бывшаго знаменитаго игумена и получаетъ исцѣленіе. Второе чудо совершено было св. Филиппомъ надъ инокомъ Соловецкой обители, который „бѣше архимогерь“ (1) по службѣ и проникнуть „теплою вѣрою въ блаженному“ и потому „теплыми вѣры достойну обрѣте мзду.“ Третье чудо совершено было надъ міряниномъ Иваномъ, серебрянымъ ковачемъ по ремеслу; этому человѣку святитель уже самъ говоритъ о себѣ, такъ какъ онъ не узналъ явившагося „свѣтолѣнна мужа“.

Чудеса препод. Иринарха почти всѣ касаются иноковъ Соловецкой обители; преподобный являлся то для утѣшенія лицамъ глубоко скорбѣвшимъ объ его смерти, то—съ цѣлію напомануть братіи объ исправленіи пороковъ; шесть разъ (всѣхъ явленій 12) являлся одному и тому же Іоанну Емельянову, работавшему въ монастырской кузницѣ.

Препод. Александръ Свирскій, подвизавшійся на югѣ поморскаго края, не творитъ ни одного чуда на морѣ; его посмертная дѣятельность простирается на недужныхъ, разслабленныхъ и бѣсноватыхъ; самое незначительное число чудесъ касается основанной имъ обители.

Посмертная дѣятельность препод. Александра Ошевскаго по преимуществу относится къ основанной имъ обители и ея инокамъ. У Антонія Сійскаго, подвизавшагося въ области ближайшей къ морю, находимъ чудеса совершенныя надъ плавающими и обуреваемыми. Препод. Елеазаръ Анзерскій всего чаще являлся инокамъ своей обители; есть и чудеса совершенныя на морѣ. Тоже слѣдуетъ сказать о чудесахъ препод. Трифона Печенгскаго.

Артемій Веркольскій творитъ чудеса надъ болящими; чудеса, приложенныя къ его житію, всѣ до одного совершенны были надъ одержимыми различнаго рода тѣлесными не-

(1) Старшій поварь. (*δ αρχιμαγειρος*).

дугами; посмертную дѣятельность Артемія весьма мѣтко характеризуютъ слѣдующія слова одной изъ церковныхъ пѣсней службы, приложенной къ житію: „яво врачъ хитрый явился въ Двинской странѣ“ (1).

Подобною же дѣятельностію заявилъ себя по смерти и препод. Никодимъ Кожеозерскій,—большая часть его чудесъ совершены тоже надъ больными. Какъ во время земной жизни Никодимъ боролся съ злыми духами, такъ и по смерти избавлялъ несчастныхъ отъ нечистой силы. Записаны также чудеса совершенныя на морѣ; впрочемъ число ихъ весьма незначительно.

Особенно ясно, по своему характеру, выдѣляются чудеса препод. Варлаама Керетскаго: кромѣ одного, они всѣ совершены на морѣ,—какъ и при жизни на землѣ преподобный подвизался среди водной стихіи

Чудеса препод. Вассіана и Іоны касаются исключительно Пертоминской обители; Вассіанъ и Іона по смерти какъ бы только осуществляютъ то, что не успѣли совершить во время земной жизни, вслѣдствіе несчастной и неожиданной кончины на морѣ. По ихъ чудесамъ весьма легко можно представить картину возникновенія обители на пустынномъ мѣстѣ. Вассіанъ и Іона являются такими же ревностными тружениками, заботливыми устроителями обители, какими другимъ подвижникамъ пришлось быть во время жизни на землѣ.

Изъ этой краткой характеристики чудесъ св. поморскихъ подвижниковъ можно заключать, что посмертная дѣятельность ихъ опредѣлялась условіями и мѣстомъ земной жизни; обитавшіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ моремъ подвижники и по смерти творятъ чудеса главнымъ образомъ на морѣ, и на оборотъ основатель обители и по смерти главнымъ образомъ трудится на ея же пользу и на пользу своихъ духовныхъ чадъ иноковъ. Слѣдовательно чудеса прежде всего обрисовываютъ намъ мѣстный взглядъ (народа и иноковъ) на посмертную дѣятельность святаго, изображаютъ дѣйствительную сторону религіозно-нравственной жизни мѣстнаго населенія; они были явленіями, проистекавшими изъ благочестиваго, нерѣдко дѣтски-простодушнаго, но тѣмъ не

(1) Ркп. № 994 см. стихиры на стиховнѣ.

меньше вполне искреннего чувства поморянъ и иноковъ того края. Далѣе, въ чудесахъ отображается бытовая сторона народной жизни; каждое чудо непременно вызывалось какими нибудь обстоятельствами, въ описаніи которыхъ и можно находить весьма много любопытныхъ бытовыхъ чертъ.

По своимъ источникамъ описанія посмертныхъ чудесъ святаго надежныѣ, чѣмъ біографическій о немъ разсказъ; чудеса сильнѣе дѣйствовали на людей и потому легче удерживались въ памяти, чѣмъ біографическія свѣденія о подвижникѣ, а по появленіи житія заносились на бумагу въ весьма скоромъ времени, какъ только становились извѣстными. На самомъ изложеніи чудесъ наименѣ замѣтны слѣды обычныхъ риторическихъ приемовъ; общія мѣста и однообразныя выраженія встрѣчаются чаще въ началѣ и въ концѣ описанія чудесъ; ихъ удобно отдѣлить отъ самого разсказа о событіи; разсказъ большею частію представляетъ близкое воспроизведеніе словъ очевидцевъ или самихъ испытанныхъ на себѣ чудо⁽¹⁾. С писатель не опускалъ даже мелкихъ подробностей, когда обрисовывалъ обстановку событія.

Загѣмъ, описанія чудесъ содержатъ въ себѣ различныя свѣденія для исторіи монастырей по смерти ихъ основателей; въ этомъ отношеніи особенно важны чудеса препод. Вассіана и Іоны Пертоминскихъ.

Такимъ образомъ описанія чудесъ сравнительно съ біографическимъ разсказомъ представляютъ для историка болѣе надежный матеріалъ по своимъ источникамъ, довольно богатый и разнообразный по содержанию и наконецъ болѣе простой по литературной своей сторонѣ. Если біографическая часть житій знакомитъ насъ болѣе съ идеальной стороною воззрѣній какъ самихъ составителей произведеній этого рода, такъ и современнаго имъ общества, — воззрѣній, зашедшихъ къ намъ подъ византійскимъ вліяніемъ, то описанія чудесъ рисуютъ намъ дѣйствительную бытовую жизнь, — знакомятъ насъ съ дѣйствительными воззрѣніями народа на

(1) Притому чудеса сохранили въ себѣ важный матеріалъ для изслѣдованія нашего родного языка и съ этой стороны дороги для любителя отечественной филологіи. См. брошюру П. В. Владимірова — Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверо-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукописямъ Соловецкой "библіотеки"). Казань. 1878 г.

св. подвижниковъ и религіозные предметы. Въ биографіи все вниманіе авторъ сосредоточиваетъ только на личности опредѣленнаго подвижника и её одну имѣетъ въ виду, тогда какъ описанія чудесъ изображаютъ намъ бытъ народа, знакомая съ его религіозно-нравственнымъ складомъ понятій. И биографъ и писатель чуда совершенно сходились во взглядахъ на цѣль своего труда (принести похвалу св. подвижнику и пользу читателю); но результаты дѣятельности того и другаго для историка совершенно различны по степени важности: первый прославлялъ подвижника общими типическими чертами,—прототипомъ имѣлъ восточное подвижничество, а второй бралъ для тойже цѣли матеріалъ изъ дѣйствительной жизни русскаго народа и иноковъ. А историкъ нуженъ не столько идеальный образъ подвижника, который въ общихъ чертахъ былъ всегда одинъ и тотъ же съ самого появленія у насъ монашества, сколько дорога самая дѣйствительная его жизнь и дѣйствительно существовавшіе на него взгляды роднаго народа; поэтому, насколько для исторіи важнѣе дѣйствительная жизнь предъ сухимъ и безжизненнымъ идеальнымъ образомъ подвижника, настолько въ томъ же отношеніи и чудеса (т. е. описанія ихъ) имѣютъ преимущество предъ биографическимъ разсказомъ житій. „Очень понятно по этому, скажемъ словами И. Я. Порфирьева, что современная наука, для которой интересно каждое указаніе на древнюю жизнь, древніе нравы и вѣрованія, не удовлетворяясь печатными изданіями житій, помѣщенныхъ въ Минеяхъ и Прологахъ, обратила вниманіе на древнія рукописныя житія святыхъ, въ которыхъ часто встрѣчаются такіа указанія“⁽¹⁾.

Въ общемъ возрѣвнн инокѡвъ и населенія поморскаго края по своему характеру не отличались отъ возрѣвнн на св. подвижниковъ всего древне-русскаго народа,—въ нихъ преобладаетъ одна и таже почти исключительно практическая сторона. Вся дѣятельность св. людей и ихъ чудеса, болѣею частью, разсматривались съ точки зрѣнн матеріальной пользы: св. угодники, переселившись въ загробную жизнь, блюдутъ матеріальныя интересы. Но и такая посмертная

(1) «Исторія Русской словесности». ч. I, стр. 530.

дѣятельность святаго простирается не на весь русскій народъ, а только на жителей опредѣленнаго края: святой является по смерти патрономъ именно той мѣстности, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни на землѣ. Отсюда произошло то весьма замѣчательное явленіе въ жизни русскаго народа, что каждая община, область, городъ или монастырь наиболѣе старалась „поставить на свѣщницѣ“, прославлять и чествовать только своего мѣстнаго святаго и иногда пренебрежительно относилась къ чужимъ святынямъ; это особенно замѣтно въ исторіи взаимныхъ отношеній преслѣдовавшей государственныя стремленія Москвы и Великаго Новгорода съ его народно-вѣчевымъ укладомъ. Мѣстный взглядъ древне-русскаго человѣка на св. угодниковъ всего лучше и яснѣе подтверждается въ этомъ отношеніи классическимъ указаніемъ изъ рукописнаго житія св. Пророка Устюжскаго ⁽¹⁾.

(1) «Великій Новградъ блажитъ архіепископовъ Іоанна и Евфимія, Никиту и Іону, и преподобнаго Варлаама, и Савву, и Михаила Клопскаго; Псковъ же градъ блажитъ блаженныхъ, благовѣрныхъ и великихъ князей Всеволода и Домонта. Московское же русское царство блажитъ и славитъ пресвященныхъ митрополитовъ Петра и Алексѣя, и Іону, и блаженныхъ Христа ради Максима и Василія, и иныхъ святыхъ. Ростовъ же блажитъ и славитъ епископовъ Леонтія и Исаію, и Игнатія, и Якова, Васіана и Ефрема, и Аврамія, и Сидора блаженнаго. Смоленскій же градъ и Ярославль блажитъ и славитъ великаго князя Феодора и чадъ его Давида и Константина. Градъ же Вологда блажитъ и славитъ преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго, и иныя же тамо окрестныя веси славятъ преподобныхъ отецъ Корнилія Комельскаго, Павла Обнорскаго и Сергія Нурменскаго, и Діонисія, и Амфилогія Глушицкихъ. Стверная же страна по Двинѣ рѣцѣ, зовомая рѣка Вага, на ней же грады и веси, и тамо блажатъ и славятъ Георгія, юродиваго Христа ради. Соловецкій же островъ въ понтѣ окіана моря, и вси окрестныя жители блажатъ и славятъ преподобныхъ отецъ Зосиму и Савватія. И кажде убо страна и градъ блажитъ и славитъ, и похваляетъ своихъ чудотворцовъ. Восточная же страна, въ нейже градъ именуемый Устюгъ и градъ Выборъ, предѣль Соли-вычегодскія, и окрестныя ихъ предѣлы и веси блажатъ и прославляютъ тебе, досточудне и преблаженне Проконіе. Изѣмъ ты вси, яко стража и хранителя, и заступника граду нашему, яко никогда убо ты воздремлещи, ниже опочіеши, во всегда сохраняя отчину свою великій градъ Устюгъ и окрестныя предѣлы, и веси, и вси живущія ту люди». Ркп. № 220. л. 188—190).

Причину „такого направленія“ въ древне-русскихъ воззрѣнiяхъ на святыхъ извѣстный ученый Шаповъ ⁽¹⁾ находить, съ одной стороны, въ историческихъ обстоятельствахъ жизни русскаго народа, съ другой — въ низкомъ уровнѣ его развитiя; мѣстный взглядъ на св. угодниковъ вытекалъ изъ религiознаго склада древне-русскихъ союзовъ, сосредоточивавшихся обыкновенно около какой нибудь святыни, а также — изъ замкнутости и взаимной розни этихъ союзовъ. Расселившись по особымъ рѣчнымъ системамъ, или по притокамъ большихъ рѣкъ, въ обширной дѣйственной еще странѣ и затерявшись здѣсь среди дремучихъ, нетронутыхъ топоромъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, каждая община рѣзко обособилась и замкнулась въ узкомъ кругѣ своихъ понятiй, а понятiя религiозныя конечно стояли у нея на первомъ планѣ и особенно выдѣлялись изъ ряда прочихъ.

Подвижники колонизаторы для окрестнаго населенiя вездѣ становились великими благодѣтелями; тѣмъ большую услугу они приносили для бѣднаго и малонаселеннаго поморскаго края, а потому еще во время земной жизни получали среди него важное значенiе. Они первые отвоевывали прежде негостепрiимную и страшную пустыню у враждебныхъ силъ; со времени поселенiя подвижника въ пустынь лѣсные бѣсы, исконные ея обитатели, прогонялись и удалялись отсюда ⁽²⁾; вмѣсто прежнихъ видѣнiй бѣсовъ въ лѣсной пустынь представляются народу разныя видѣнiя подвижниковъ чудотворцевъ, усердно и скоро отзывающихся на голосъ нуждающа-

⁽¹⁾ См. въ журн. мин. народ. просвѣщ. статью — «Историческiе очерки народнаго мiросозерцанiя и суеврiя». 1863 г.

⁽²⁾ «Прежде мѣсто сiе, на немже обитель твоя, восхваляетъ, на-прим., Антонiя Сiйскаго авторъ похвальнаго слова, — никтоже знаеше е, и никимже именовано бысть, точию звѣремъ и бѣсомъ жилище тогда обрѣташеся. Нынѣже, егда благоволи Богъ призрѣти на ны, тогда обитель твоя тобою красуется и твоимъ именованiемъ именуется; и оттогда обычай отъ всѣхъ челоувѣкъ именоватися Живоначальныя Троицы Антонiева пустыня, отъ нея же пустыни святыми ти молитвами бѣси далече прогнани суть и безвѣстни быша; вмѣсто же сихъ Богомъ спасаема и святыми ангели призираема и честными иноцы населяема, въ нейже Богъ въ Троицы присно славится и божественная пѣсни непрестанно воспѣваются, челоувѣцы спасаются». Ркп. № 230. л. 275 на обор. — 276.

гося въ ихъ помощи. Монастырь впервые вносилъ въ дикую пустыню начатки культуры и улучшенія внѣшняго быта тамошнихъ дивихъ жителей, не говоря уже о томъ, что онъ первый заносилъ туда сѣмена христіанства и своей высокой жизнію показывать образецъ лучшихъ христіанскихъ нравовъ. Высокая мудрость его подвижниковъ и тотъ авторитетъ, какой они имѣли у властей и самого правительства, заставляли окрестныхъ жителей обращаться къ нимъ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ и затрудненіяхъ жизни, искать у нихъ совѣта, благословенія, молитвы, заступленія предъ сильными міра и т. п. Поэтому еще при жизни подвижника основателя обители между нимъ и окрестнымъ населеніемъ завязывались самыя тѣсныя связи. Наприм., къ препод. Александру Свирскому обращался рыболовъ съ просьбою защитить его отъ насилія со стороны судьи за то, что онъ не отдалъ этому послѣднему пойманнаго великаго осетра. (1) Другіе обращались къ преподобному, дабы онъ помолился объ ихъ чадородіи (2). Третьяго святой изблжилъ въ непочтительномъ отношеніи къ родной матери и убѣдилъ просить у нея прощенія въ нанесенныхъ побояхъ и словесныхъ оскорбленіяхъ (3). Будучи столь близкимъ къ подвижнику при его жизни, народъ не могъ представить, чтобы этотъ добрый любвеобильный старецъ по смерти прервалъ съ нимъ свою родственную связь; въ его глазахъ святой и по кончинѣ своей оставался бдительнымъ покровителемъ мѣста своихъ земныхъ подвиговъ. Многочисленныя сказанія о чудесахъ не свидѣтельствуютъ-ли о той теплой вѣрѣ, какую питалъ народъ къ почившему подвижнику? Да и самъ подвижникъ уносилъ съ собою горячую родственную любовь къ мѣсту трудовъ своихъ всюду, куда бы ни удалили его обстоятельства, и по смерти своей только въ этомъ мѣстѣ находилъ себѣ желанное успокоеніе; эта мысль прекрасно выражена въ житіи св. митроп. Филиппа (4). Вызванный на митрополию, онъ

(1) Ркп. № 228. л. 68—70

(2) Тамъ же. л. 59, 65—67, 70—72.

(3) Тамъ же л. 77—79.

(4) Ркп. № 194 л. 175 на обор. См. также «сказаніе о перенесеніи мощей препод. Савватія на Соловки» и «посланіе брата Благочестиваго о монастыря касательно этого событія. Ркп. № 175.

„осирѣлъ“ вдали отъ своей обители и постоянно „горѣлъ по ней духомъ“. Въ самой Москвѣ онъ построилъ храмъ во имя препод. Зосимы и Савватія, и здѣсь только находилъ для себя наслажденіе. Когда, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ мученической кончины святителя, братія Соловецкая перенесла его тѣло, „въ чужестранствѣ во гробѣ затворенное“, къ себѣ въ монастырь,—„возрадовался святый, яко ко отечеству своему достиже“, и „егда, уготовльше мѣсто, погребоша его, идѣже самъ уготова..., согрѣяся сердце его въ немъ и возрадовался плоть его, яко жива и одушевленна, о Бозѣ живѣ и дарованіи чудесъ обогатися“. Въ такихъ словахъ выразили почитатели св. Филиппа его близость къ Соловецкой обители, не одновременно, быть можетъ, сами убѣдившись лично въ этой любви святителя къ мѣсту своихъ подвиговъ, любви,—которую онъ переносилъ съ собою и за предѣлы гроба. Когда братія должна была снова лишиться уже на всегда мощей святителя (въ 1652 г.), вслѣдствіе перенесенія ихъ въ Москву, хоръ благочестивыхъ иноковъ съ умиленіемъ воспѣлъ такой, нарочно по этому случаю составленный, священный гимнь.— „Не подобало бы тебѣ, о святитель Филиппъ, оставлять твое отечество, но должно къ намъ возвратиться, гдѣ ты духовно породился, гдѣ ты понесъ разнообразныя труды богоноснымъ отцамъ и гдѣ, наконецъ, воздвигъ ты великолѣпныя храмы во спасеніе иноковъ и къ славословію Творца. Моли Того, помолись Тому о спасеніи душъ нашихъ.“⁽¹⁾

Видя суровыя подвиги благочестиваго старца, народъ еще при жизни его вѣровалъ въ его святость; благочестивые почитатели его еще до его смерти иногда узнавали его будущую славу за предѣлами гроба.—Нѣкій мужъ Даніиль, челоуѣкъ благочестивый и богобоязненный, во время своей болѣзни въ 1525 году почувствовалъ себя взятымъ ангелами на воздухъ и несеннымъ на небо; но когда съ неба послышался голосъ „повесите паки душу сію вспять, отнюдуже и принесете“, тогда Даніиль со слезами обратился къ ангеламъ и сталъ просить ихъ, дабы показали ему,—„въ коемъ чину есть преподобный отецъ нашъ духовный, учитель и наставникъ Александръ, или въ коихъ святыхъ жилище его

⁽¹⁾ Опис. Соловецк. монастыря. Соч. архим. Досецка. ч. 1. стр. 140—141.

есть и гдѣ ему Богомъ уготовано есть мѣсто“. Сказавъ Даниилу, что его желаніе очень велико, ангелы однако согласились удовлетворить его моленію. Они понесли его „на восточную страну, на нѣкое мѣсто свѣтло, и преславно, и радости всякія исполнено“, и показали ему „многая жилища святыхъ, Богомъ устроены, въ нихъ же деревья многоразличны и многоплодны, и многими цвѣты цвѣтуще, посредѣ же ихъ ликуютъ души праведныхъ“. Оттуда Данииль былъ потомъ перенесенъ ангелами на другое „нѣкое мѣсто, благоуханія же и всякія свѣтлости исполнено. И видѣвъ себе въ раи восхищена, и вся благая и неизреченная соглядая, ихъ же ни умъ, ни слово человѣче можетъ изрещи, ни око видѣти: посредѣ же тоя породы бѣ градъ чуденъ, отъ злата чиста и многоцѣннаго каменія устроенъ, и мужіе крилатіи пояху пѣсни страшныя. И введоша его во оную великую и неизреченную радость и во пресвѣтлый оный градъ. Егдаже входящимъ имъ во врата неизреченнаго града того, и видѣвъ посредѣ града преподобнаго си отца и учителя духовнаго, и наставника Александра на престолѣ сѣдяща во славу величїя и на главѣ его вѣнецъ златъ, лице же его яко солнце сіяше, и одѣяніе на немъ бѣло, якоже свѣтъ. Окрестъ же преподобнаго братія его, якоже многоглаголивыя ластовицы, ликовствуютъ; одѣяніе же на нихъ такожде бѣло баше, яко свѣтъ“. „Богъ да благословитъ ты, чадо Данииле“, встрѣтилъ его Александръ и спросилъ: „что требуя пришелъ еси сѣмо?“ Данииль отвѣтилъ: „хотѣлъ же быхъ и азъ, отче, здѣ быти“. „Аще хочещи здѣ быти,—сказалъ Александръ, то иди и подвизайся“. Цѣлыхъ восемь дней лежалъ послѣ окончанія этого видѣнія Данииль „на одрѣ своемъ безгласенъ, яко мертвъ, безъ памяти“⁽¹⁾.

По смерти подвижника братія на первыхъ порахъ сильно скорбѣла о немъ, тревожная мысль занимала еѣ о состояніи почившаго въ загробной жизни; скорбь была такъ велика и мучительна, что подвижникъ съ того свѣта вынужденъ былъ являться и утѣшать сѣтовавшихъ. Въ житіи препод. Ириварха Соловецкаго передается такой рассказъ.— По преставленіи преподобнаго, на одного изъ братіи нашла „печаль велія и туга“; инокъ плакалъ по Иривархѣ съ со-

(1) Ркп. № 228. л. 60 на обор.—65.

крушеннымъ сердцемъ „на многи дни“. Наступилъ 40-й день по смерти преподобнаго; за монастырской трапезой была отслужена литія по усопшемъ. День поминованія еще болѣе усилилъ скорбь печальнаго инока; сидя за трапезой онъ поникъ головою, клобукъ спустился и закрылъ ему глаза. Долго проливалъ онъ слезы, „поминая своего духовнаго отца“, наконецъ, отъ плача задремалъ... и вотъ во снѣ является ему недавно почившій игумень „съ свѣтлымъ лицомъ“, въ епитрахили и съ вадиломъ въ рукѣ: ходитъ по трапезѣ и кадитъ братію. Увидавъ Иринарха, инокъ возрадовался „зѣло“, но открывъ глаза и посмотрѣвъ „сѣмо и овамо“,—не видалъ уже въ трапезѣ никого, кромѣ братіи. „Отъ того часа, говорить, какъ бы отъ лица того инока, составитель житія; преста ми печаль и уныніе, яко уже извѣщеніе приѣмшу ми о отцѣ моемъ игуменѣ Иринархѣ“⁽¹⁾.

Подобное явленіе было и другому ученику преподобнаго—иноку Веніамину, который тоже скорбѣлъ по Иринархѣ и проливалъ слезы „на многи дни“. Во снѣ Иринархъ явился ему, благословилъ его и спросилъ: „что скорбиши о мнѣ, о чадо, и сокрушаеши сердце твое? Азь убо отъ Владыки Христа, Бога моего, получихъ милость и добръ есмь въ повои; тыже прочее не скорби о мнѣ, но паче радуйся и подвизайся о своемъ спасеніи“. Съ великою радостію проснулся Веніаминъ и прославилъ Бога „о извѣщеніи отца своего игумена Иринарха“⁽²⁾.

Препод. Зосима Соловецкій о своемъ положеніи въ загробной жизни извѣстилъ братію въ болѣе прямыхъ и ясныхъ словахъ, и при томъ же—ранѣе, чѣмъ препод. Иринархъ.—Явившись въ 9-й день послѣ своей смерти нѣкоему старцу Даниилу, при видѣніи послѣднимъ въ воздухѣ „полка нечистыхъ духовъ и темнообразныхъ бѣсовъ, яко дыма темна“,—Зосима сказалъ старцу: „сихъ нечистыхъ и темнообразныхъ духовъ избѣжахъ многократно простертыхъ по воздуху сѣтей ихъ, и помилова мя Богъ и преподобныхъ лику причте мя“⁽³⁾.

Посмертное извѣстительное явленіе преподобнаго членамъ монастырской братіи производило столь сильное впечатленіе

(1) Ркп. № 238, л. 3, на обор.

(2) Тамъ же, л. 4.

(3) Ркп. № 175, л. 96 на обор.—97.

и такъ укрѣпляло въ ней вѣру къ почившему, что иноки всюду чувствовали присутствіе своего преподобнаго наставника, имъ все напоминало его, что освящено было при жизни его личнымъ присутствіемъ, носило печать его заботливости. Вотъ здѣсь онъ работалъ вмѣстѣ съ братіей, „лѣсъ сѣкущи, и землю копаше своима руками; здѣсь было мѣсто его за трапезой; здѣсь онъ стоялъ въ церкви, „въ стѣнѣхъ никакоже восклонялся“; здѣсь же онъ причащалъ братію Св. Тѣла и Крови Христовой. Ужели же окончилось теперь его присутствіе,—столь благодатное, всегда приносившее духовное назиданіе? нѣтъ; онъ и теперь бдитъ надъ любимой братіей; на смертномъ одрѣ онъ далъ обѣщаніе не повидать своей обители, но заботиться о ней, если только удостоится имѣть „дверзвеніе предъ Богомъ“. Теперь почившій уже извѣстилъ братію о своей блаженной участи за гробомъ⁽¹⁾, слѣдовательно, и свое предсмертное обѣщаніе не замедлитъ осуществлять. Очи нѣкоторыхъ, особенно любившихъ преподобнаго, учениковъ ясно видѣли его присутствіе въ обители.

(1) Подвизникъ скончавшійся въ стѣнѣ обители и оставшійся неизвѣстнымъ даже и по имени мѣстному населенію, самъ чудеснымъ образомъ заявлялъ о своей святости (Іоаннъ в Логвянъ Яренскіе, Василіанъ и Іова Пертоминскіе). О своемъ прославленіи особенно ревновалъ препод. Германъ Соловецкій, потрудившійся на пользу обители болѣе препод. Савватія, но удостоившійся меньшей чести въ памяти братіи. Явившись ночью священнику Григорію, Германъ сказалъ ему: «Востани и напиши ми тропарь; азъ есмь Германъ Соловецкій. Востани, не облынися». Григорій пришелъ въ недоумѣніе. взялъ бумагу съ чернилами и хотѣлъ было писать, но затруднился, «не вѣдая, — какъ разумѣннѣе написать тропарь»; однако написалъ, положилъ на аналой и легъ опять въ постель, «творя молитву Іисусову». Германъ явился снова... взялъ — посмотрѣлъ тропарь, остался имъ доволенъ и сказалъ: «достойтъ тако быти». Для большаго прославленія себя Германъ повелѣлъ тому же Григорію написать свой образъ (видѣніе было въ 1612 г.; а образа препод. Зосимы и Савватія были написаны вскорѣ послѣ ихъ кончины) и поставить на указанномъ мѣстѣ церковь во имя препод. Зосимы и Савватія «и мене Германа»; «достойтъ мнѣ здѣ проявити чудеса». Григорій снова взялъ въ недоумѣніе, — какъ написать образъ. «Напиши образъ видѣнія моего», сказалъ Германъ. Григорій повѣдалъ вѣкому иконописцу Симеону, въ какомъ образѣ видѣлъ Германа; «видѣъ препод. Германа образъ подобенъ Александру Свирскому». Иконописецъ повѣдалъ; какъ «ужно вы-

Одинъ изъ учениковъ препод. Зосимы, отшельникъ Герасимъ, пришедши въ великій четвертокъ въ монастырскую церковь, видѣлъ, какъ вскорѣ вошелъ тудаже и св. Зосима; во все продолженіе литургіи святой стоялъ вмѣстѣ съ братіей.—Когда братія стала причащаться, онъ сказалъ Герасиму: „Иди и ты причастися“. Во все время причащенія Зо-

полнить порученіе и написалъ икону. Съ того времени Григорій «глаголю держати вѣснѣмъ вѣру къ Соловецкимъ чудотворцамъ, по вся дни троярѣ прилагая въ канонѣ преподобныхъ» (Ркп. № 182. л. 44).—Игуменъ Ошевенскаго монастыря Вассіанъ сдѣлалъ съ братією совѣтъ «о украшеніи святыхъ иконъ. Навѣтъ былъ изъ города мастеръ Симеонъ съ сыномъ Іоанномъ, который и принялся за дѣло. Въ одно время нѣкто старецъ Тимофей, по окончаніи вечерней молитвы и своего келейнаго правила, легъ «мало предпочити дневнаго ради труда, и усну леготъ». Является ему «акіи на явѣ», старецъ «въ позы сѣдъ, умиленъ образомъ», и говоритъ: «Брате Тимоею! иди ко игумену и братіи, и рчи имъ, да повелятъ написать образъ игумена Александра, начальниа обители сея, и положить въ притворѣ, на гробѣ моемъ. Азъ есмь Александръ, якоже мя видиши». Тимофей сообщилъ о случившемся игумену и братіи; иконописцу вѣдѣно было писать образъ препод. Александра. «Симеонъ же, не вѣдѣвъ, како по образу подобно написать, многа бо лѣта прешла суть по преставленіи святого». Искали въ окрестностяхъ очевидца Александра, но не могли найти. «Божіимъ промышленіемъ», тогда прибылъ въ обитель нѣкто Никифоръ, житель веси Пяла, самовидецъ блаженнаго, и повѣдалъ иконописцу, что препод. Александръ «бѣ возрастомъ средній челоуѣкъ, лицемъ сухъ, образомъ умиленъ, очи имѣя плущенѣ, брада не велика и не весьма густа, волосы русы, въ позы сѣдъ». Образъ былъ написанъ и положенъ на гробѣ преподобнаго. (Ркп. № 992. л. 119—121).—Инокъ Макарій «отъ многія вѣры и любве восхотѣ написать образъ препод. Елеазара, но «подобіи невѣдѣше извѣстно, каковъ бѣше преподобный». Находясь отъ того въ печали, онъ однажды легъ на землѣ почити и мало заснулъ. Является ему Елеазаръ и говоритъ: «Что, о брате, желаетъ еси мя видѣти? се азъ есмь Елеазаръ; виждь убо, каковъ есмь». Прилѣжъ, но Макарій смотрѣлъ на преподобнаго до тѣхъ поръ, пока онъ не пересталъ быть видимымъ. «Бѣже явлейся преподобный Елеазаръ возрастомъ посредній, дебель составы и плотію, добръ образомъ, браду имѣя довольну и окруженну, сѣду весьма и не густу, и во иночествѣи одеждъ». (Ркп. № 187. л. 17 на обор.—18.). О написаніи своего образа заботился Іоаннъ Яренскій (Ркп. № 182. л. 123 на обор.), также препод. Антоній Сійскій. (Ркп. № 230. л. 242 на обор.—247).

сима стоялъ близъ св. Таинъ и, по окончаніи, сдѣлался невидимъ. Герасимъ объявилъ братіи о своемъ видѣніи (¹).

Нѣкто изъ братіи, исправлявшій пономарскую должность, въ ночномъ видѣніи увидѣлъ троихъ старцевъ стоящими предъ гробомъ преподобнаго Елеазара и молящимися. Вдругъ слышался изъ гроба голосъ, заколебался покровъ гроба и „се изыде отонуду преподобный Елеазаръ, якобы зряшеса и благословеніе подая“. Соплась братія; нѣкоторые облачились въ священные одежды и со свѣчами и кадилами встрѣтили преподобнаго, „и яко бы литію предъсоторшимъ по обычаю праздника, инѣмъ же въ компании ударяюще, ликамъ же предъидущимъ и поющимъ, всѣмъ купно веселящимся. Зряшешеса средѣ и преподобный, якобы спутешествуя съ нами“. По окончаніи обхода кругомъ скита Елеазаръ сталъ невидимъ (²).

Гробъ основателя обители въ глазахъ братіи служилъ, такимъ образомъ, какъ бы новой его кельей, гдѣ пребывая плотію, онъ жилъ и духомъ, простирая отсюда на свою обитель благотворную дѣятельность. О томъ же препод. Елеазарѣ Анзерскомъ говорится, что его часто видѣли исходящимъ изъ гробницы и снова въ нее входящимъ; „воистинну духомъ спребываетъ на мѣстѣ своемъ, говоритъ писатель житія, якоже мнозѣмъ видѣвшимъ отъ братіи, явѣ и въ видѣніи, по скиту преходяща и цѣлбы подающа“ (³).

Ученики св. Зосимы часто приходили ко гробу его просить, чтобы преподобный „сохранилъ ихъ невредимыми отъ бѣсовъ“, потому что они были „овцы ограды его“. Нѣкто братъ Тарасій особенно часто приходилъ сюда. Однажды пришедши ко гробу ночью, онъ замѣтилъ, что гробовая доска нѣсколько сдвинута съ своего мѣста и изъ подъ нея свѣсился край мантии; отервъ доску, Тарасій увидѣлъ преподобнаго „лежаща во гробѣ на версѣ земли, и образъ его свѣтло свѣтятся, якоже финиѣзъ цвѣтущъ и яко кринъ во удоляхъ сіяя, и руцѣ его на персѣхъ лежаща, такоже свѣтахуся, якоже свѣтъ, на крестѣ согбени и обнажени мало

(¹) Ркп. № 175 л. 103.

(²) Ркп. № 187. л. 21 на обор.

(³) Ркп. № 185. л. 28 на обор.

до лютей⁴. Когда объ этомъ узналъ игумень и братія, — много дивились: „какъ тѣло преподобнаго очутилось на вершину, когда они похоронили его въ глубинѣ земли“ (1)? Благочестивые иноки удостоивались видѣть свѣтъ, исходящій изъ гробовъ препод. Восима и Савватія, даже тогда когда находились вдали отъ Соловецкой обители. — Нѣкто Іосифъ, выходясь въ 30 верстахъ отъ Солонокъ, на островѣ „Кузова“, — взопедши на гору „превысоку збло“, увидѣлъ Соловецкій монастырь и посреди нѣго „два столца стояща, свѣтящася, огневидна, досяжуща до небеси“. Когда онъ разсказалъ объ этомъ другимъ инокамъ, тѣ „уразумѣли, яко речесть начальники Соловецкаго монастыря, Восима и Савватій чудотвориш сіяють отъ гробовъ своихъ“ (2).

Подобный же разсказъ находимъ въ житіи препод. Ирিনарха (3).

Пребывая и духомъ и тѣломъ въ обители, святые усердно заботились о своихъ духовныхъ чадахъ: нападетъ-ли на казого нибудь брата уныніе (4), случится-ли пропажа (5), — святой не замедлитъ явиться и успокоитъ тоскующаго; особенно святые оказывали инокамъ усердную помощь въ ихъ борьбѣ съ бѣсами. — Нѣкто Іоаннъ, читаемъ въ житіи препод. Иринарха, однажды молился въ снѣгахъ предъ иконой, при возженномъ свѣтильничѣ, и увидалъ пришедшаго къ дверямъ „кота черна, гласъ подающа“. Іоаннъ хотѣлъ было пустить кота въ свою келью, но послѣдній на пошелъ и вмгъ претворился въ большаго пса. Іоаннъ былъ обхваченъ страхомъ и началъ прилежно молиться Богу. „Человѣколюбецъ Богъ, дѣлаетъ замѣчаніе біографъ, не презрѣ ево и не остави искуситися каче, но еже понести возможно, и абіе пещи той, паче же рещи дѣволъ, всеконечно погнбе и изчезетъ“. Іоаннъ вошелъ въ келью и легъ „опочити“. Во свѣ явился ему Иринархъ и сталъ будить: „востани, Іоанне!“ Іоаннъ всталъ, поклонился и принялъ отъ преподобнаго благосло-

(1) Ркп. № 175. л. 113 на обор.

(2) Тамъ же. л. 101 на обор.

(3) Ркп. № 238. л. 10.

(4) Ркп. № 175 л. 104.

(5) Тамъ же, на оборотѣ.

веніе. „Почто, чадо, сказала Иринархъ, бѣсовскаго привидѣнія устрашился еси и, молитву оставя, изыде въ келію почити? молися убо Богу, а вражія мечтанія отнюдь не бойся, не будешь бо ничѣмъ врежденъ“ (¹).

Какъ бдительно объ этомъ Іоаннѣ заботился преподобный, свидѣтельствуемъ слѣдующій рассказъ. — Однажды Іоаннъ стоялъ на молитвѣ и услышалъ, что кто-то подъ окномъ велии творить молитву, „точію нѣкако неясно и вразумительно“. На первый разъ Іоаннъ такому явленію не оказалъ особеннаго вниманія, но за окномъ раздался голосъ: „что ты, Іоанне, ничего мнѣ не отвѣщаеши?“ Затѣмъ неизвѣстный сталъ сильно ударять въ стѣну, такъ что оконная рама выпала на полъ. Іоаннъ ужаснулся, ушелъ изъ чулана въ келью и началъ снова здѣсь молиться; но страхъ былъ такъ великъ, что испуганный не въ силахъ былъ держаться на ногахъ и потому легъ спать. Утромъ въ чуланѣ найдено было все въ порядкѣ; Іоаннъ заключилъ, что случившееся ночью было „отъ вражія козноудѣйства“. Черезъ два дня событіе объяснилось еще болѣе. Іоанну явился препод. Иринархъ. „Почто, Іоанне, сказала преподобный, третіаго дне убоялся еси и вышелъ изъ чулана? врагъ бо на тя тяготу наложи; ты же впредь не бѣгай, уповай на Бога и молися ему прилежно, не оставитъ бо Господь боящихся Его, вражія же мечтанія не бойся“ (²).

Не менѣе усердную помощь подавали святые инокамъ и въ тѣлесныхъ болѣзняхъ. — Тотъ же Іоаннъ однажды во снѣ замѣтилъ, что къ нему приползъ „зміи великъ и сѣкну его въ руку“. Іоаннъ проснулся; въ чуланѣ, гдѣ спалъ, змѣя не нашель, но его рука оказалась больной: на одномъ „перстѣ была язва, яко шиломъ утѣнута“, отъ чего рука такъ распухла, что ею нельзя было владѣть. На третью ночь, послѣ обычной молитвы, Іоаннъ увидалъ во снѣ, что дверь чулана отворилась и вошли два старца: въ одномъ изъ нихъ Іоаннъ узналъ препод. Иринарха, а другой, у котораго въ рукѣ былъ „сосудъ глиненъ съ водой и кистью“, — былъ ему неизвѣстенъ. Іоаннъ всталъ и поклонился до земли; Иринархъ

(¹) Ркв. № 238. л. 11.

(²) Тамъ же. л. 10.

благословилъ его и, взявъ у другаго старца кисть, окропилъ лице и больную руку. Проснувшись, Іоаннъ нашель платъ, которымъ была обвязана рука, мокрымъ, а руку совершенно здоровою. Братія подивилась чуду и прославила Бога, „творящаго дивная и чудная угодникомъ Своимъ“ (1). Въ другой разъ Ирinarхъ явился къ болящему Іоанну съ „блюдомъ въ рукѣ, на немъже яко три части дробленныя просфоры“ (2), причастиль его этимъ хлѣбомъ и болѣзнь его миновала.

Святые не отказывали въ своей благодатной помощи даже и тѣмъ изъ иноковъ, которые не отличались доброю жизнію и имѣли мало въ нихъ вѣры. Въ Опевенской обители находился инокъ Мисаилъ; еще съ молодыхъ лѣтъ онъ отличался порокомъ пьянства, „ибо сіе на многихъ бываетъ“, замѣчаетъ писатель чуда; при этомъ онъ былъ одержимъ еще маловѣріемъ ко святому отцу Александру. Случилось ему быть на пиршествѣ у нѣкоего христоробива мужа Никиты. Какъ и всѣмъ прочимъ гостямъ, послѣдній „достоянную честь“ воздалъ Мисаилу. „Инокъ же той много пияше питія, аки во утель сосудъ лія, и отъ безмѣрнаго того питія обюродѣвъ, и зло бесѣдоваше по пирному, неподобная дѣя, и нелѣпная глаголаше, не полезно бо писанію предати, срамна бо и скаредна таковая“. При наступленіи ночи Мисаилъ заснулъ, но скоро пробудился и, вспомнивъ о своемъ безчинствѣ, рѣшился немедленно оставить домъ Никиты, чтобы избѣжать срама. Въ легкой одеждѣ онъ отправился въ обитель, неся все прочее въ узлѣ; самъ незная какъ, онъ достигъ другаго берега „рѣки страшныя и быстрыя и обвалился въ рѣку, руцѣ же его мало удержашася на льду“. Еще не достигши трезваго состоянія, Мисаилъ сначала было подумалъ, что все это дѣлается съ нимъ во снѣ, но замѣтивъ „быстрины люющася черезъ руцѣ“, сталъ вопить громкимъ голосомъ, но такъ какъ дѣло было ночью, не получалъ себѣ ни откуда помощи. Видя „рокъ живота своего и горькій часъ смертный“, онъ обратился съ молитвою къ Господу и Его Пречистой Матери; многихъ святыхъ призывалъ къ себѣ и не получалъ помощи; наконецъ воспомянулъ и препод.

(1) Тамъ же. л. 8.

(2) Тамъ же. л. 11 на обор.

Александра. „О преподобне отче Александре!“ зывалъ несчастный инокъ. „Избави мя отъ горькаго сего часа смертнаго, не сотвори по моему невѣрiю, но содѣлай по чудесемъ твоимъ, яко да и азъ буду проповѣдатель чудесемъ твоимъ великимъ“. „О велицѣй силѣ Божiи!“ восклицаетъ авторъ разсказа. „О неизрѣченному чудеси святаго! и въ томъ часѣ слышитъ аки подпоръ нѣкій подъ ногама своима и изринуся изъ воды на ледъ до персей“. Но такъ какъ ледъ былъ не достаточно крѣпокъ, то Мисаилъ снова пошелъ-было ко дну и снова „возопилъ велимъ гласомъ: великій чудотворче Александре! избави мя отъ напрасныя сая смерти“. Послѣ этихъ словъ онъ во второй разъ вынырнулъ изъ воды „и извержеся до пояса на ледъ. И начать рукама своима иматися за снѣгъ и за ледъ, и тѣло свое оби съ руку и съ ногу до крови, и ко брегу привалися, и воста на ногахъ своихъ босъ; обувенiя же спадоша съ ногу его—не вѣде како“. Добравшись до близъ лежавшаго жилья, онъ повѣдалъ обо всемъ нѣкоему Ивану. Съ разсвѣтомъ же дня оба пришли на мѣсто несчастнаго происшествiя и увидѣли, что одежда Мисаила плавала въ рѣкѣ, примерзнувъ однимъ краемъ ко льду. Глубина воды на томъ мѣстѣ оказалась въ четыре сажени (1).

Иногда достаточно было только одного посѣщенiя святымъ недужнаго, чтобы прекратились всѣ его страданiя. Препод. Зосима, явившись въ священномъ одѣянiи нѣкоему Стахию, страдавшему зубною болью, сказалъ: „Азъ, брате, днесъ божественную литургию служу;“ и у Стахи перестали болѣть зубы (2). Приведемъ еще любопытный разсказъ изъ житiй Соловецкихъ чудотворцевъ (3).

Былъ нѣкто инокъ Савватiй, жившiй въ обители около 50 лѣтъ. Во время игуменства Исаи, незадолго до св. Пасхи, Савватiй вмѣстѣ съ другими братiями дѣлалъ трапезу. Является къ работающимъ игуменъ „слезень вельми и ужасень, яко нѣкоимъ видѣнiемъ движимъ“, и говоритъ: „Кто, братiе, отъ васъ хочетъ потрудитися до Шужьмаго острова?“ Островъ этотъ отстоитъ отъ Соловецкой обители

(1) Ркп. № 992. л. 161 на обор.—165.

(2) Ркп. № 173. л. 249 на обор.

(3) Тамъ же. л. 115—120.

на 60 версть. Не зная причины такого вопроса и соображая, что „море не учинилося, ледомъ зѣльнѣ належащимъ“,— всѣ стали отказываться отъ такого опаснаго послушанія. Игуменъ сказалъ: „есть тамо на Шужьмаѣ островѣ нужно мучатся православнїи христіане, въ велицей бѣдѣ страждуть.“ Савватїй сжалился объ несчастныхъ и проникся желанїемъ удовлетворить требованію игумена, но не сообщилъ объ этомъ никому. Не много времени спуста, игуменъ послалъ Савватїя въ Вирму рѣку, въ монастырское село, гдѣ былъ монастырскїй дворъ и хранились братскїе запасы. Пришедши вмѣстѣ съ братомъ Ѳерапонтомъ къ морскому берегу и оглянувшись назадъ, чтобы помолиться на церковь, Савватїй увидѣлъ „отъ востока, яко плащаницу огнену по воздуху летящу, и прилетѣвъ прямо гробницы преподобнаго Зосимы,—невидима бысть.“ Страхъ и радость объяла Савватїя. Помолвившись Господу и призвавъ на помощь преподобныхъ, иноки отплыли отъ берега, „вѣтру погодну сушу“. Не доѣзжая 15 версть до Шужьмая, они пристали къ нѣкоей Лудѣ. „Мнѣ же Саватїю возрѣвшу на Шужьмой островѣ, пробѣгохомъ его мимо, идѣже имамъ игуменскую заповѣдь. Показамися знаменїе нѣкое на краи острова того, якобы два столпа богрянovidны, не вельми велики.“ Рѣшившись въ Лудѣ переночевать, пловцы разложили огонь, „зимняго ради стуженїа.“ Во время ночи, легши къ огню, Савватїй „внезая слышитъ за собой человѣка огонь спотыкающа и говоряща къ нему: „Саватїе ѣхати ли вамъ въ Шужьмай островъ?“—Аще Богъ повелитъ, отвѣчалъ Савватїй, и начальники Зосима и Савватїй благословятъ ѣхати.—„Богъ тя благословитъ, поѣди!“ Осмотрѣвшись кругомъ, Савватїй никого не нашелъ близъ себя. Утромъ путники прибыли въ Вирму. Здѣсь Савватїй сталъ спрашивать жителей,—„есть-ли каковы люди зимовники въ Шужьмай островѣ“, и получилъ отвѣтъ: „судно разбило тамо еще съ перевозимїя; иного не вѣдѣмы ничтоже.“ Отплывши изъ Вирмы, Савватїй кое-какъ уговорилъ Ѳерапонта доѣхать до Шужьмая; оба направились къ острову и при попутномъ вѣтрѣ благополучно достигли его. Много труда стоило имъ ходить тамъ по великимъ сугробамъ, чтобы „обрѣсти искомое“; наконецъ, въ одномъ мѣстѣ они натолкнулись „на хранилку малу при камени, въ ней же два человѣка нага и гладна, и ногамъ ихъ гниющимъ вѣло, токмо еле живымъ сущимъ.“ При видѣ инововъ, несчастные вос-

влинули: „Кто есте, Господіе? или вась Соловецкіе старцы прислаша къ намъ?“—Которые старцы? спросили Савватій и Ѳерапонтъ. „Два старца часто посѣщашу насъ здѣ приходяще, единому имя Зосима, а другому—Савватій; егда прихождаху къ намъ, тогда и болѣзнь облегчеваше и гладъ отхождаше, и студень престаеше, и нынѣ быша предъ нашимъ приходомъ глаголюще: „уже пришлемъ по вась, не скорбите! ино онѣ ли то прислали вась?“ Савватій съ Ѳерапонтомъ пришли въ великое удивленіе отъ такой рѣчи, слыша, „какову пріязнь имѣють преподобніи отцы, аще кто ихъ съ вѣрою на помощь призываетъ. Симъ же (т. е. страдавшимъ на Шужмаѣ) ничтоже того разумѣвшимъ и мнящимъ имъ, яко по существу приходятъ къ нимъ простиі старцы, тако зовоми.“ Накормивъ голодныхъ и отнеши ихъ въ лодку, Савватій съ Ѳерапонтомъ, при благопріятномъ попутномъ вѣтрѣ, отплыли отъ Шужмаи; когда они были посреди моря, вдругъ нанесло массу льда къ ихъ лодкѣ, „елико не лѣтъ протиснутися“. Ѳерапонтъ началъ „воторати“ Савватія „о взятіи больныхъ“; послѣдніе, услыхавъ объ этомъ, стали говорить промежь себя: „почто старецъ бранить Савватія и насъ, не видятъ-ли людей онѣхъ, иже ледъ распахнувшихъ?“ Ни Савватій, ни Ѳерапонтъ не видѣли никого, но ледъ дѣйствительно сталъ предъ ними расплываться. Пловцы благополучно и съ радостію достигли монастыря.

Въ другой разъ Савватій, вмѣстѣ съ братомъ Даниломъ, Филаретомъ и Елисеемъ, былъ посланъ игуменомъ монастыря ловить рыбу на рѣкѣ Выгѣ, у порога Золотца. Когда рыболовы платили сѣти, неизвѣстно „по коей примѣтѣ“, Данилъ сталъ говорить Елисію: „Почто, брате Елисей, всуе тружаешься, платя сѣти сія? а уже твоя ловля минулася, этому ти уже не ловити рыбы, вскорѣ бо ти смерть приближися есть“. Отъ такихъ словъ Елисей начатъ тѣломъ утерпати, душею же ужасатися; объять же его скорбь велика, понеже не у сподобися великаго образа ангельскаго, еже есть схима“. Съ рыболовами не было ниодного священноиннока, который бы могъ постричь его въ схиму. Всѣ стали утѣшать его, дабы онъ не малодушествовалъ и все упованіе возложилъ на Бога. „Ты же, говорили ему, сотвори:—„Достойно есть,“—и, перекрестяся, положи на себе схиму, молитвы призвавъ преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія.“ При наступленіи ночи, Елисей проникся еще большею скорбію,—отъ словъ Даниила его какъ бы „копіемъ пробило“. Облачился въ схи-

му и почувствовали себя еще хуже; его положили на постель. Когда, крѣпко соснувши, старцы пробудились, то не нашли Елисея на постели и стали его отыскивать; въ скоромъ времени они увидали его идущимъ къ нимъ на ветрѣчу и уже безъ схимы на головѣ. „Гдѣ, брате, схи́ма бывшая на главѣ твоей?“ спрашивали старцы Елисея, и онъ отвѣтилъ имъ слѣдующее. — „Придоша здѣ множество бѣсовъ и восхитиша мя отъ мѣста, на немъ же лежахъ, сняша же и схиму съ мене и не вѣмъ, гдѣ положиша.“ На дальнѣйшій вопросъ — „каво избѣжа изъ бѣсовскихъ рукъ“ — Елисей сказалъ: „Зосима начальникъ нашъ отгяеть мя у нихъ“. Схи́ма найдена была „довѣшенною на вляпинѣ“⁽¹⁾. Елисей снова началъ скорбѣть и умолять старцевъ, „каво бы мощно домыслитися въ схиму пострижи его“. Тѣ положили его въ судно и поплыли внизъ по рѣкѣ Быгѣ; но по причинѣ пороговъ и быстрого теченія въ этой рѣкѣ воды скоро пришли въ ужасъ. „Не бойтеса, братіе, сказалъ Елисей, ободряя ихъ. Зосима отецъ нашъ здѣ съ нами есть“. И дѣйствительно, призвавъ преподобнаго на помощь, путники успѣли благополучно спуститься въ море. Между тѣмъ Елисей продолжалъ доучать имъ, толкуя о своемъ желаніи принять схиму, и иноки рѣшились наконецъ отвезти его въ Суму рѣку, близь которой только и можно было найти священника. Но только лишь поворотили судно по направленію къ Сумѣ, какъ на морѣ поднялась страшная буря; на лодкѣ разодрался парусъ и сломилась мачта; волны, какъ горы, катились на лодку; всѣ стали отчаяваться въ спасеніи своей жизни и начали упрекать Савватія и Елисея. Ночью, когда находившіеся въ суднѣ не могли даже видѣть другъ друга, Елисей снова обратился къ нимъ съ словомъ утѣшенія: „Не скорбите, братіе, и не бойтеса! вижу бо отца нашего святаго Зосиму въ суднѣ помогающа намъ; сія же вся случаются намъ отъ бѣса, хотящаго погубити душу мою; Богъ же да посрамитъ супостата молитвами преподобнаго Зосимы.“ Вскорѣ послѣ этого вѣтеръ началъ улегаться и мало по малу на морѣ водворилась „тишина велія“. Пловцы спокойно вошли въ Суму, доѣхали до монастырскаго двора и отыска-

⁽¹⁾ По словарю Памвы Берныды «вляпина» означаетъ «всякое дерево вагнивное».

ли священника; но послѣдній нашель Елисея уже скончавшимся. Со слезами благочестивые старцы начали вопить въ преп. Зосимѣ: „О что, преподобне отче, колико труда положихомъ, колику въ мори бѣду подыхомъ, а надѣяхомся на твоя молитвы и вступленіе? нынѣ же всего тщи быхомъ, еже уповахомъ и не получихомъ.“ Тотчасъ же мертвый началъ двигаться и ожилъ; его немедленно доставили на монастырское подворье, постригли въ схиму и приобщили св. Тайнъ, послѣ чего онъ снова скончался⁽¹⁾.

Нѣкто Іона, читаемъ въ тѣхъ же житіяхъ Соловецкихъ чудотворцевъ, инокъ-тихварисъ на возвратномъ пути изъ Москвы въ обитель заболѣлъ и долженъ былъ остановиться на монастырскомъ подворьѣ въ Вирмѣ; здѣсь ему прислуживалъ братъ Иринархъ. Однажды ночью, пробудившись отъ сна, Иринархъ примѣтилъ за занавѣсомъ въ хранилѣ, гдѣ почивалъ Іона, „свѣтъ пресвѣтелъ зѣло и двухъ свѣтоносныхъ мужей“. Одинъ изъ нихъ былъ въ священной, свѣтлоблистающей одеждѣ, а другой—въ мантии; оба мужа стояли и произносили „нѣкая священнословія“. Иринархъ долго смотрѣлъ на происходившее и остановился на мысли, что это какою нибудь священникъ призванъ и поеть надъ больнымъ. Какъ же онъ вошелъ сюда, не разбудивъ меня? дивился Иринархъ. По любопытству пошелъ къ занавѣсѣ, „творя молитву Іисусову“, и едва только прицѣлъ къ ней,— „оба мужа были не видимы и свѣтъ пропалъ“. Иринарха обьялъ страхъ и ужасъ,—онъ недоумѣвалъ о видѣніи; ему пришла другая мысль объяснить случившееся: это представилса больной и „по душу его приидоша святїи.“ Иринархъ зажегъ огонь и нашель Іону живымъ и сладко спящимъ; тогда какъ въ предшествующія ночи больной не спалъ и, „въ забытїи ума лежа“, бредилъ и „не составная глаголаъ“. По утру Іона проснулся, не ощутивъ въ себѣ и слѣда болѣзни. Иринархъ разсказалъ ему о видѣніи „и уразумѣхомъ, заканчиваетъ авторъ разсказа, яко воистинну преподобнїи отцы наши Зосима и Саватїе чудотворцы своимъ посвѣщенїемъ болящему брату подавше вскорѣ исцѣленїе“⁽²⁾.

Превод. Зосима и Саватїи: во многихъ случаяхъ благодатной помощи страждущимъ являются дѣйствующими вмѣ-

(1) Ркп. № 175. л. 124—126.

(2) Ркп. № 175. л. 192—194.

стѣ; они даже навѣщали другъ друга во гробахъ. Братъ Герасимъ нѣкогда остался по окончаніи заутрени въ церкви и, когда уже при полномъ разсвѣтѣ пошелъ къ гробницѣ препод. Савватія, то увидаль идущимъ старца къ гробницѣ препод. Зосимы. Герасимъ узналъ въ этомъ старцѣ самаго Зосиму. „Подвизайся“, сказалъ старецъ Герасиму, „да приимеши воздаяніе трудовъ твоимъ и, взлезши въ свою гробницу“, затворился въ ней. Герасимъ посѣщилъ ему во слѣдъ; но уже ничего болѣе не увидѣлъ (¹). Такъ св. основатели Соловецкой обители не разлучались между собою и лю смерти; эта неразрывность ихъ весьма ясно выражена еще въ одномъ изъ чудесъ.

Къ гробницѣ препод. Зосимы была приведена бѣсноватая жена дьякона Анисима, — Марья; это оскорбило препод. Савватія. „Почто, о жено, и мене не призываеши на помощь?“ сказалъ онъ ей, явившись въ то время, когда она лежала безъ памяти, поверженная дьяволомъ. „Не вѣси-ли яко едино есѣ?“ Только заступничество препод. Зосимы, отиравшаго въ то время изнеможенное лицо больной своей мантией, спасло её отъ наказанія. „Не бѣй ея, отче“, сказалъ Зосима Савватію, „поможе въ болѣзни и скорби есть“. Больная исцѣлѣла помощію обоихъ святыхъ (²).

Вообще, народъ любилъ связывать святыхъ единствомъ цѣлей и дѣйствій, представлять подвизавшихся вмѣстѣ во время земной жизни такими же собратіями и за гробомъ. Святой по смерти ревнуетъ о славѣ своихъ сподвижниковъ. Такъ; Германъ повелѣлъ священнику Григорію поставить церковь не только въ свое имя, но вмѣстѣ и въ честь препод. Зосимы и Савватія (³). Иногда Зосима и Савватій являлись вмѣстѣ съ старцемъ Іоанномъ (⁴), который былъ тоже подвижникомъ Соловецкой обители, „любилъ пустынное житіе, отличался смиреніемъ, послушаніемъ“ и проч.. Вассіанъ и Іона Пертоминскіе рѣшительно во всѣхъ случаяхъ являются вмѣстѣ: какъ ихъ соединила кончина на морѣ, такъ и за гробомъ они не отлучаются другъ отъ

(¹) Тамъ же. л. 102 на оборѣ.

(²) Тамъ же. л. 134. Сравни тамъ же. л. 118.

(³) Ркп. № 182. л. 11.

(⁴) Ркп. № 175. л. 137—138; 187—188.

друга. Іоаннъ и Логгинъ Яренгскіе являлись вмѣстѣ съ святителемъ Николаемъ, имени котораго былъ посвященъ храмъ въ Яренгѣ⁽¹⁾. Александръ Ошевенскій являлся вмѣстѣ съ святителемъ Николаемъ, въ честь котораго былъ посвященъ храмъ въ обители, и съ преп. Кирилломъ Бѣлоозерскимъ, въ обители котораго самъ принялъ постриженіе⁽²⁾. Препод. Никодимъ Кожеозерскій являлся вмѣстѣ съ игуменомъ Авраіемъ⁽³⁾; Трифонъ Печенгскій—съ іеромонахомъ Іоною⁽⁴⁾, который былъ замученъ неприятелями при раззореніи Печенгской обители.

До сихъ поръ были приводимы рассказы о дѣятельности святыхъ подвижниковъ на пользу отдѣльныхъ личностей—иновоу; обратимся теперь къ господствовавшимъ въ монастыряхъ представленіямъ о дѣятельности святыхъ на пользу цѣлой обители вообще; говорящіе объ этомъ предметѣ факты яснѣе обнаружатъ намъ мѣстный практическій взглядъ иноковъ на посмертныя отношенія подвижника къ своей обители. Указанія на заботливость о своей обители можно находить безъ исключенія въ каждомъ изъ жизнеописаній святыхъ основателей монастырей.

Вотъ, наприм., какъ говорится объ этомъ въ общихъ чертахъ въ житіи преп. Александра Ошевенскаго.⁽⁵⁾ „Повѣда ми діякъ Иванъ“ (отъ котораго писатель узналъ о многихъ чудесахъ святаго), говоритъ авторъ разсказа, „еже слыша онъ въ монастырѣ томъ отъ живущихъ въ немъ древнихъ иноковъ, яко начастъ ихъ посѣщаше преподобный... многажды являся имъ во снѣхъ; видяще его—овогда казну посѣщающа, иногдаже на мельницу идуща и паки въ монастырь возвращающася. Иногда же недостатки бываху потребныхъ въ монастыри, братіямъ же скорбачимъ, святыи же аки на явѣ являся нѣкимъ отъ братій и, сихъ утѣшая, рече: не скорбите, братіе, прочее, вся бо недостатки ваша Богъ исполнить, токмо миръ имѣйте между собою. Егдаже снова нѣбая отъ діавола прихождаше, наносимыя скорби на нихъ,

(1) Ркп. № 183. л. 95 на обор.

(2) Ркп. № 992. л. 100—103., 133—137.

(3) Ркп. № 182: л. 77 на обор.

(4) Тамъ же. л. 108 и 110.

(5) Ркп; № 992. л. 123—124.

насиліе отъ властей и отъ злыхъ чловѣкъ озлобленіе нѣкое, — преподобный же Александръ, такоже являясь, повелѣваше имъ ко Господу Богу и пречистѣй Его Богоматери мольбы простирати, и Николу чудотворца призывать на помощь, еже о нихъ молитися. И тако оны скорби ни во чтоже бываху, молитвами преподобнаго. Многажды же и роптанія нѣбая бываху во обители отъ неискусныхъ иновъ и отъ ненаказанныхъ чловѣкъ. Но и тогда святой не оставяше, паки являясь, — повелѣваше имъ отъ таковыхъ престати и любовь имѣти другъ съ другомъ; ащели не престанете, рече, отъ таковыхъ, претяше имъ искушеніемъ нѣвѣимъ, еже и бываше грѣхъ ради нашихъ, — овогда пожаромъ, иногда голодомъ, иногдаже скотомъ паденіе и инѣми скорбьми, не злое намъ содѣвая, но наказуя отъ злыхъ удалитися и благая утвержая дѣлати, яко чадолюбивый отецъ наказуя насъ своя чада и утвержая обитель своихъ трудовъ, и сохраняя отъ всѣхъ злыхъ напастей, наносимыхъ діаволимъ навѣтомъ: не нашихъ ради грѣховъ не оставляя насъ святой, но своего ради святаго и славнаго имени и своя прославляя великая чудеса“.

Кто не увидитъ въ этомъ безыскусственномъ очеркѣ того же добраго рачительнаго отца игумена, какимъ былъ святой при жизни на землѣ? Да, онъ дѣйствительно навсегда оставался главнымъ начальникомъ и хозяиномъ своей обители, которую, въ собственномъ смыслѣ, „трудами своими на слезахъ основа“⁽¹⁾. На службѣ ей протекли лучшія минуты его жизни, въ ней онъ видѣлъ осуществленіе самыхъ завѣтныхъ своихъ думъ, на ней наконецъ, приближаясь къ давно желанному покою въ Господѣ, съ сожалѣніемъ и любовію останавливалъ свой, уже угасающій, взоръ, „зѣло бо хочу, со слезами молилъ онъ свою духовную братію, да ничтоже разоритися имать во обители моей отъ преданныхъ вамъ мною грѣшнымъ, по моему отшествію къ Богу; но якоже при моемъ живогѣ, сице же и по смерти моей не уято будетъ отъ общежительныхъ ничтоже, елико возможно будетъ мѣсту“⁽²⁾. По кончинѣ святаго его преемники по управленію обителию были только его намѣстниками; святой строго требовалъ отъ нихъ отчета въ управленіи, по своей волѣ смѣнялъ ихъ, когда находилъ то нужнымъ, — наказывалъ

(1) Ркп. № 230. л. 274 на обор.

(2) Тамъ же. л. 195. на обор.

даже и тѣхъ изъ братіи, которые не удерживали порочныхъ игуменовъ, нарушителей устава.

Сійская обитель, когда въ ней не стало въ живыхъ ни одного изъ учениковъ препод. Антонія, пребывая „аки градъ не остѣненъ, пуста души настоящаго покрова“,—пригласила къ себѣ въ игумены челоуѣва изъ какаго-то другаго монастыря. Пришлецъ оказался пастыремъ только по имени, а на дѣлѣ совершенно не соблюдалъ преданія блаженнаго основателя обители. Приведши съ собою двухъ иноковъ, такой недостойный игумень „нача съ ними во обители питіе пѣанственное держати и не подобно жити, якоже не повелѣ преподобный.“ Братія часто напоминала, какъ ученику святаго основателя обители, пѣвоему священно-иноу Титу о преданіи препод. Антонія, чтобы онъ сообщилъ объ томъ же игумену; но Титъ „обычай имаше преспрѣсть и кротокъ зѣло: съ ними (т. е. съ иноками) вельми скорбяше о поведеніи игумена, „воспомянути же“ послѣднему—„не смѣяше, начальствующаго ради страхованія“. Въ одинъ вечеръ, по окончаніи молитвеннаго правила, находясь „въ тонкомъ снѣ“, Титъ видитъ, „аки на явѣ, св. отца Антонія, пришедша къ нему въ келлію со двѣма ученикома“. Въ рукахъ святаго былъ „обычный жезлъ“, а у пришедшихъ съ нимъ двухъ иноковъ — „наказательная прутія“. Наказавъ словесно Тита за то, что онъ не говорилъ игумену о превращеніи нетрезваго образа жизни, Антоній приказалъ пришедшимъ съ нимъ ученикамъ, „единому преклонше (т. е. Тита), другому — принесеннымъ отъ нихъ прутіемъ раны нещадно предати ему“. Титъ разскался и при поручительствѣ со стороны этихъ двухъ учениковъ далъ обѣщаніе „вся повелѣнная хранити“. Заповѣдавъ Титу вторично „безъ боязни воспоминати игумену о своемъ преданіи“, св. Антоній сталъ невидимъ. Титъ сообщилъ о случившемся игумену, „и по малу во обители престатіе пѣанственного обычая сего приде и до сего дне“ (1).

Въ житіи препод. Иринарха Соловецкаго встрѣчаемъ еще болѣе замѣчательный разсказъ (2) относительно посмертныхъ заботъ святаго подвижника касательно обители и распоряженій надъ своими преемниками въ ней по игуменско-

(1) Ркп. № 230. л. 221—224.

(2) Ркп. № 238. л. 6.

му званію.—Одинъ изъ Соловецкихъ иноковъ—Маркеллъ, отлучившись изъ монастыря на службу, видѣлъ во снѣ, какъ будто бы онъ стоитъ въ монастырской церкви и замѣчаетъ: стоитъ предъ царскими дверьми лѣстница, вершиною своею уходящая въ куполь, и оттуда по ней спускается препод. Иринархъ. Сошедши, онъ сталъ предъ царскими вратами, гдѣ, подлѣ игуменскаго мѣста, вдругъ очутился и бывший въ то время Соловецкимъ игуменомъ Варфоломей. Препод. Иринархъ подошелъ къ нему и, взявъ изъ его рукъ игуменскій посохъ, сказалъ со властію: „довольно ти есть, брате! нѣсть бо сіе твое дѣло“! Потомъ, обратясь къ Маркеллу, позволялъ его къ себѣ и вручилъ игуменскій жезлъ. Проснувшись, Маркеллъ недоумѣвалъ о видѣніи. Вскорѣ послѣ этого видѣнія, „по повелѣнію царскому“, Варфоломей былъ смѣненъ и на его мѣсто поставленъ Маркеллъ, „по явленію св. Иринарха“.

Какъ ни умолялъ на смертномъ одрѣ подвижникъ свою братію жить въ мирѣ, согласіи и взаимной любви, его увѣщанія не всегда соблюдались; пока онъ былъ живъ, онъ служилъ самымъ сильнымъ связующимъ центромъ для братіи; только его святость и энергическая воля держали монастырь въ опредѣленныхъ границахъ и не давали возможности неблагопрістойно выдѣляться изъ общаго строя заведенной жизни тѣмъ „неискуснымъ инокамъ“, которые шли въ обитель часто только по увлеченію, или избѣгая земскаго труда, и потому вскорѣ сильно разочаровывались въ своемъ поступкѣ, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ суровой, трудовой монастырской жизнью. Поэтому, послѣ смерти святаго основателя, въ обители его поднималась страшная неурядица. „Неискусные иноки и ненаказанные люди“ сдѣлали разбѣжаться, захвативъ съ собою, среди безпорядка, что попадалось получше подъ руку изъ бѣдныхъ и безъ того недостатковъ монастыря; на мѣсто ихъ приходили другіе „ненаказанные люди“ и тоже грабили обитель. Самъ святой основатель обители предвидѣлъ такіе безпорядки и потому предъ смертію молилъ братію все сносить съ терпѣніемъ, ожидая помощи Божіей (1). Особенно плохо приходилось монастырю, когда святой игумень умиралъ, не успѣвъ назначить по себѣ преемника; тогда посмертная забота его о своей обители оказывалась особенно нужною.

Ркп.—72 л. 93 л. 287 (1)

101—101 л. 93 л. 287 (1)

(1) Ркп. № 992. л. 89. Тамъ же л. 114—115, 121—123.

По смерти препод. Александра Ошевенскаго, его обитель осталась въ крайне бѣдственномъ положеніи (1): въ ней была только одна деревянная церковь и нѣсколько келій; имѣніе вскорѣ было почти все расхищено разными лицами, которые видѣли его „никимъ же блюдомо и брегомо“; завелись безпорядки, — крестьяне возстали на обитель „безъ пастыря и священника“, гнали монаховъ вонъ, хотѣли поставить для себя своего священника и оттягивали монастырскія угодья. Чтобы спасти обитель, братія, въ числѣ пяти человѣкъ, задумала избрать игумена и обратилась съ просьбою — принять на себя это почетное званіе — къ нѣкоему Матѳію, — сыну іеромонаха Варлаама, жившаго недалеко отъ монастыря въ уединенной часовнѣ; но Матѳій отказывался. Въ это время нѣкоему „Марку“, какъ бы въ удостовѣреніе братіи въ постоянномъ присутствіи съ ней ея святаго начальника, — было во снѣ слѣдующее видѣніе (2). — „Видѣ на монастырѣ и около монастыря множество деревьевъ великихъ и малыхъ, и множество человѣкъ древодѣлатель: церкви воздвизаютъ, келіи поставляютъ, монастырь огражаютъ“. „Что се есть, и откуда толико народа въ пустыни сей?“ подумалъ онъ въ удивленіи и нѣсколько оглядѣвшись, замѣтилъ тутъ ходящими четырехъ мужей. Двое изъ нихъ были „свѣтоносны образомъ и украшены сѣдинами:“ одинъ — „во святительскую одежду одѣянь, образомъ возлысь, власы главныя аки волна чиста, браду имѣя круглу, а въ рудѣ держа крестъ, крестомъ-же огражая и благословляя мѣсто и дѣлателей. Другій же свѣтоносный старецъ — такоже сѣдинами украшенъ, браду имѣя не малу, яко до персій; той-же хождаше, имѣя въ рудѣ своей воду святую, окропляя и благословляя такоже-мѣсто и дѣлателей. Третій же старецъ возрастомъ средній человѣкъ, и той бѣ образомъ умиленъ, власы имѣя русы, брада не велика и не вельми густа, въ полы сѣдъ; сейже имѣя въ рудѣ вандило; той-же хождаше, показая мѣсто и дѣлателей, благословляя такоже. Четвертый же мужъ мало вдальѣ послѣди ихъ хождаше; сей младъ бѣ, возрастомъ не малъ“. Когда всѣ они проходили мимо Марка, послѣдній покло-

(1) Тамъ же. л. 95—99.

(2) Тамъ же. л. 100—106.

нился и, вставши, узналъ въ третьемъ мужѣ средняго роста игумена Александра, начальника мѣсту тому. „Повѣждь ми, отче, истинну, да услышу отъ неложныхъ устъ твоихъ, кто еста сія святая и свѣтоносная мужа, иже зракъ ею удивилъ мя, яко николиже тацѣхъ мужей видѣхъ въ житіи семъ“? спросилъ Маркъ препод. Александра. „Сего ли ты не позна, иже предъ образомъ его предстоя молишися всегда“, сказалъ святой. „Той есть славный и великій чудотворецъ Николае“. „Да почто бѣ“, снова спросилъ Маркъ, „ему дѣло здѣ и почто приде сѣмо“? Преподобный отвѣтилъ: „Како не разумѣши? яко здѣ есть храмъ во имя его; онъ же приде посѣтити храма своего. Господь же повелѣ ему снабдѣти монастыря сего и хранити мѣсто сіе“. „Не возбрани, отче, снова продолжилъ рѣчь Маркъ, еще спросити тя“. „Повѣждь ми, чадо“, сказалъ на это Александръ.—„Другій же свѣтоносный мужъ, иже воду святую ношаше, кто есть и како именуется?“ „То есть, говорилъ Александръ, проподобный Кириль зовомый Бѣлоозерскій чудотворецъ“. „И сей убо, отче“, заговорилъ снова Маркъ, „что ради приде сѣмо, толикъ путь преиде, и кѣмъ позванъ бысть“? Александръ отвѣтилъ: „се есть отецъ нашъ и наставникъ, и учитель, понеже постриженіе имѣхъ азъ въ его монастырѣ, того ради ученикъ его именуяся; егдаже бѣхъ въ тлѣннѣмъ житіи, онъже многажды мя посѣщая и укрѣпляя на подвиги, иногда же въ болѣзни посѣти мя и молитвами его здравіе получихъ, и нынѣже молихъ его, да приидеть посѣтити мѣсто сіе“. На вопросъ Марка о четвертомъ монахѣ, святой объявилъ, что это дѣякъ Матѣй, находящійся въ этой обители и избираемый братіей въ игумена; а о множествѣ народа, собравшагося въ пустынѣ и о томъ, кто можетъ прокормить ихъ здѣсь, Александръ сказалъ: „Чадо Маркъ! Богъ, создавый сихъ и совокупивый и пославый къ намъ на помощь, можетъ Той и напитати ихъ. Ты же, чадо, подивися чудесемъ Божиимъ неизрѣченнымъ, иди съ Богомъ въ созданную обитель сію и восприми иноческій образъ, и буди тамо до дне исхода своего... Аще кто претерпитъ на мѣстѣ семъ, благодаря Бога, со многимъ смиреніемъ и покореніемъ, надежду имамъ на Господа, не лишенъ будетъ милости Божіи; такоже и ты, чадо, аще претерпиши на мѣстѣ семъ, примѣши жребій съ нами и мздовоздаяніе отъ Бога по своему труду.“ Послѣ этого видѣніе прекратилось. Когда на-утро Маркъ разска-

заль о видѣніи Іоанниму, ключнику боярыни Анастасіи, на землѣ которой стояла обитель, — тотъ замѣтилъ: „благо тебѣ, яко не лиши ты Господь милости своея; блюди словеса сія въ сердцы своемъ и совершай дѣломъ повелѣнія святымъ. На мѣстѣ семъ возсіяетъ велика благодать Божія, и церковь водвигнетъ Господь, и обитель умножится и всѣмъ довольствомъ исполнится“. Дѣйствительно Матеей былъ уговоренъ къ принятію игуменскаго званія и съ этихъ поръ помощь и благодѣянія святаго не оставляли обители. Бояринъ Іоакимъ далъ первый въ монастырь милостыню довольну и обѣщался ему помогать всякими нужными потребамъ. При новомъ игуменѣ востановился въ обители и порядокъ. Чудеса преподобнаго вскорѣ разнеслись „во градѣ и во окрестныхъ весѣхъ, и до Лукъ морскихъ, и мнози приходяще начаша стрищися, и приношаху отъ имѣній своихъ всяко требованіе, и братія множахуся, и обитель распространяшеса и всякимъ довольствомъ исполняшеса“⁽¹⁾. Пророчество святаго о неоскудѣніи его монастыря, подтвержденное сейчасъ описаннымъ видѣніемъ, явно исполнялось предъ глазами братіи.

Подобные примѣры содѣйствія святыхъ устройенію своей обители очень многочисленны. То придетъ святой съ благодатной помощью къ игумену, когда у того за болѣзнію остановится дѣло⁽²⁾; то, по его внушенію, изъ дальнихъ странъ придутъ мастера на созданіе обители⁽³⁾, то явится онъ во время работъ главному мастеру и распорядится вѣстельно самаго плана постройки, какъ, наприм., Александръ Ошевенскій явился мастеру Василию, который, будучи призванъ перестроить церковь „трудомъ самого святаго“, боялся приступить къ ея разрушенію. „Авъ готовъ есмь помогати тебѣ“, сказалъ ему святой. „Се придохъ, да повѣдаю ти сіе: егда начнеша здати храмъ во имя Николы чудотворца, и одесную страну олтаря сотвори притворъ и присовокуня во олтарю, ту бо лежать мощи моя; надъ мощми же моими — содѣлай раку“⁽⁴⁾.

(1) Ркн. № 992. л. 109.

(2) Ркн. № 230. л. 243—246.

(3) Ркн. № 992. л. 116.

(4) Тамже. л. 117—118.

Заботясь столь дѣятельно объ устройствѣ обители, святые усердно помогали, когда въ ней ощущался недостатокъ матеріальныхъ средствъ. — Монастырь препод. Александра Ошевенскаго, наприм., на первыхъ порахъ по смерти святаго основателя кормился только скупными приношеніями гостей, такъ что, когда однажды предъ храмовымъ праздникомъ настала оттепель, совершенно испортившая дороги, игумень хотѣлъ отложить праздничныя службы. „Яко на праздниѣ сей (6 декабря) не будетъ къ намъ никто же отъ приходящихъ гостей; мы же убо будемъ тщи надежды, яко“, замѣчаетъ авторъ разсказа, „ни нужная имѣяхомъ и нѣколико время ни сѣятвы, ни оратвы бысть, но токмо отъ христомлюбецъ приносимыми питахомся. Нынѣ же убо что сотворимъ? понеже—скудость хлѣба и мало рыбыцѣ“. Въ этомъ недоумѣніи игумень заснулъ... „Воздремавъ мало, онъ слышитъ гремянїе доскамъ и видитъ въ видѣніи изъ гробницы изшедца старца свѣтоносна и умилна образомъ, градуща къ земли его“. Подойдя къ окну, старецъ этотъ сказалъ ему: „Како, брате, хощени таковой праздникъ безъ службы оставити? не буди того ни помыслити, ничто же разсуждая, ни размышляя; и не буди не вѣренъ, но вѣренъ,—и праздниѣ честве проводивше, вся бо недостатки ваша Богъ исполнить, еще же и изобилуетъ, и въ прочая времена не скудны будете“. Въ ночь дѣйствительно подморозило; „бысть буря велія и сланы, и снѣзи, и паки уяснися небо и бысть тишина велія, и примерзе снѣгъ къ мокротѣ леда, и устроися путное шествіе, якоже прежде“. Во время утрени „придоша множество гостей и даша въ монастырь отъ имѣній своихъ и отъ рыбъ множество“. Игумень благословилъ ихъ и обѣщался за нихъ отслужить молебень. „И по семъ придоша множество народа отъ окрестныхъ весей и вдаша въ монастырь отъ сребра и отъ хлѣба всякаго жита и всяко требованіе“ (1). Праздникъ прошелъ весело, братія радовалась.

Святые покровители обители не оставляли бдительнаго своего надзора за всевозможными ея интересами и при существованіи въ ней достаточныхъ средствъ къ содержанію. Въ

(1) Ркп. № 992. л. 106—109.

житіяхъ св. Зосимы и Савватія Соловецкихъ находимъ довольно выразительный въ этомъ отношеніи рассказъ (1). Нѣкоторый земледѣлецъ Мелетій, жившій на рѣкѣ Онегѣ, обѣщаль однажды дать въ монастырь часть своей земли, но потомъ позабылъ о своемъ обѣтѣ. Случилось ему захворать довольно сильною болѣзнію. Въ одну ночь, лежа въ придѣлкѣ въ своей хранилѣ, онъ замѣтилъ въ послѣдней свѣтѣ и свѣтолюбнаго черноризца предъ иконами. „Откуда ты, отче?“ спросилъ Мелетій гостя. Получивъ въ отвѣтъ, что изъ Соловецкаго монастыря, онъ началъ спрашивать его, куда и съ кѣмъ онъ идетъ и какъ рѣшился пуститься по морю „въ осеннее безвременное шествіе.“ „Зосима ми имя“, отвѣчалъ старецъ, и другаго брата имамъ съ собою,—нынѣ въ суднѣ есть на рѣцѣ. Нужа насъ и безвременство нивагое не удержитъ. А быть намъ нужно въ Пялѣ, а оттуда идемъ къ Москвѣ“. „Помниши ли, человѣче“, присовокупилъ старецъ послѣ разговора, „дати хотѣлъ еси жребій земли своея въ монастырь на Соловкѣ?“ и послѣ этого сталъ невидимъ. Больной почувствовалъ себя здоровымъ. С писатель этого чуда въ концѣ оставилъ такое поясненіе его: „ни того есть прейти въ мимохожденіи просто и неистязанно, яже рече святой челоуѣку тому, яко быти намъ въ Пялѣ, да оттуду къ Москвѣ грядемъ. Тако именуется мѣсто то Пяла, на тойже Онегѣ рѣцѣ, ту стоятъ варницы Соловецкія и два старца пребываютъ у промысла того, и повелѣвають соль варити на монастырь, идѣже святой обѣщался быти. А къ Москвѣ такожь въ тоже время два старца ходятъ, соль монастырскую продають и на тѣ деньги на монастырь хлѣбъ купятъ и всякой запасъ. Видѣсте-ли, братіе, яко аще гдѣ какова служба есть монастырская, вездѣ преподобніи отцы наши Зосима и Савватій чудотворцы посѣщаютъ. Такожде тогдаже, тоеже осени и въ то самое нужное и безгодное время, игумену Филиппу обители Соловецкія путешествующу къ Москвѣ изъ великаго Новгорода, и преподобныхъ предстательствомъ и помощію не токмо въ путномъ его шествіи соблюде его Богъ, но и на Москвѣ во всѣхъ прошеніихъ извѣсти Богъ христоролюбивому царю и вельможамъ его“. Такъ недовѣдомо для

(1) Ркп. № 175. л. 221 на обор.—224

самихъ иноковъ всюду содѣйствовали, всюду помогали имъ своею невидимою силою святые хозяева монастыря! Малѣйшая нужда братіи не скрывалась отъ ихъ взора; ииодна, незначительная повидимому, часть монастырскаго имущества не могла утратиться безъ того, чтобы они не указали пропажи. Такъ св. Зосима и Савватій явились къ брату Филимону⁽¹⁾, на котораго пало подозрѣніе въ утайкѣ 12-ти гривенъ и указали ему, гдѣ находится пропажа. Препод. Александръ Ошевенскій явился во снѣ нѣкоему старцу⁽²⁾ и открылъ, гдѣ можно отыскать уже немного истраченныя деньги, которыя у утайившаго ихъ для себя отъ братіи старца Захвѣя были украдены нѣкимъ пришлецомъ Василиемъ. Вотъ какой еще разсказъ читаемъ въ житіи препод. Антонія Сійскаго⁽³⁾. Былъ въ монастырѣ нѣкто Симеонъ „работу имяше на скотинномъ дворѣ, идѣже млеко и масло, и сыры крадя измѣняше на сребренники; и въ таковѣй же ему злохитрой пакости безъ исправленія не мало времени пребывшу.“ Въ одно время этотъ Симеонъ, на ряду съ прочими монастырскими работниками, въ день воскресный, пришелъ къ заутренѣ; стоя въ церкви на обычномъ своемъ мѣстѣ, онъ увидаль, какъ отворились трапезныя двери и вошелъ въ трапезу преподобный Антоній, подпираясь жезломъ, и сталъ на игуменскомъ мѣстѣ, а немного погодя, пошелъ въ церковь и началъ тамъ кадить св. иконы и всю братію; послѣ чего опять дошелъ до игуменскаго мѣста и, взявши свой жезлъ, „пойде по мѣстомъ, идѣже братія предстоятъ“. Дошедши до того мѣста, гдѣ находился келарь Вассіанъ, преподобный сталъ „наказывать его со многою яростію, ударяя своимъ жезломъ въ его перси“ и говоря: „како презираеши службу твою; отъ мене преданную ти, и сего ради въ братіи мятежъ не малъ творини, по службамъ служителей не дозираеши? работницы наши монастырскіи о службахъ не радятъ, мздоимствуютъ въ работахъ своихъ, якоже сей работникъ“; при этомъ онъ указалъ рукою на Симеона. „Игумень же Геласій и братія, ни сей келарь, замѣчаютъ повѣствова-

(1) Ркв. № 175. л. 104.

(2) Ркв. № 992. л. 121—123.

(3) Ркв. № 230. л. 224 на обор.—229.

тель, никакже видать дивнаго сего видѣнія, ниже чують глаголемыхъ отъ блаженнаго, но томо работникъ сей видить и слышитъ бываемое.“ Оставивъ келаря, Антоній направился къ мѣсту, на которомъ находились „мирстіи чловѣци“ и въ числѣ ихъ Симеонъ. „Се здѣ пришелъ еси“, сказала ему преподобный, „а живоначальныя Троицы (въ честь Которой былъ храмъ въ Сійской обители) и наше врада не престаеши, и она многа зла твориши, и въ братіи ропоть сотворяеши“. И сказавъ это, ударилъ его „о помость трапезный“ и сдѣлался невидимъ. Работникъ, громко вскрикнувъ, сдѣлался безгласенъ „и расслабленъ всѣми уды; пѣны течаще изъ усть его“. Черезъ три дня преподобный снова явился ему и, „наказавъ много ктому зла не творити въ службахъ своихъ“, даровалъ ему испѣленіе, заповѣдавъ при этомъ, чтобы сообщилъ обо всемъ случившемся братіи и сознался предъ нею въ прежнихъ утайкахъ монастырскаго добра.

Особенно заботливую дѣятельность проявляли святые на пользу своей обители, когда имуществу послѣдней грозила опасность со стороны морской непогоды или пожара ⁽¹⁾, или же со стороны злыхъ людей. Однажды, читаемъ въ житіи препод. Антонія Сійскаго, купецъ холмогорскій плылъ изъ Варзуги съ рыбой; въ числѣ товара на лодкѣ была часть и монастырскаго рыбы. Въ ночь поднялась сильная буря, такъ что всѣ, находившіеся въ лодкѣ, отчаялись остаться въ живыхъ; изнеможенные матросы бросили свое дѣло; самъ купецъ, укачанный волнами, впалъ въ забытѣе. И вотъ видится ему, —какой-то старецъ ходитъ по лодкѣ, останавливается на носу ея, распространяетъ свою мантию и руки на море, ограждая лодку отъ волнъ. „Всѣхъ святыхъ на помощь призываеши, говоритъ старецъ, мене же почто презрѣлъ еси призывать? Не вси-ли, яко и нашего монастыря участокъ есть въ лодіи сей? Тѣмъ же, отнюдуже прія дація нашего монастыря, по вся дни съ вами есмь, способствуя вамъ. Нынѣ же, чадо, не бойся; азъ съ тобою есмь; ты же воставъ

(1) Во время пожара монастырскихъ келій старецъ Герасимъ видѣлъ препод. Александра Ошевенскаго на церкви: святой стоялъ на самомъ ея верху, ухватившись руками за крестъ и „осѣнавъ мантию своею верхъ церковный“. Пожаръ не коснулся церкви, хотя келіи, находившіяся во-кругъ нея, сгорѣли. См. Рян. № 992. л. 109 на обор. — 110.

ноиди въ путь свой, да дастъ ти Богъ благостройну тишину“. На вопросъ купца—„кто еси, Господи мой? что ти есть имя твое, яко вижу тя такова честна суща, и свята, яко мѣсти отъ Бога послану быти ти“,—старецъ отвѣтилъ: „Имя ми есть Антоній, начальникъ обители живоначальныхъ Троицы, иже на Михайловѣхъ езерѣхъ, на рѣкѣхъ на Си“. Купецъ благополучно совершилъ свое плаваніе и послѣ самъ поступилъ въ обитель препод. Антонія (1).

Нѣкоторый человекъ боярскаго рода, новгородецъ, по имени Василій, „живый несурядное житіе, сирѣчь бунчесвое“, надумалъ однажды для покаянія въ грѣхахъ своей жизни постричься на Соловахъ. Въ монастырѣ онъ жилъ нѣкоторое время въ обычномъ повиновеніи; но натура его затѣмъ не выдержала монашескаго житія и онъ задумалъ бѣжать. Въ одно время, когда братія улеглась спать, Василій укралъ корбасъ, наполнилъ его книгами, платьемъ и другими монастырскими вещами и пустился въ открытое море. Вѣтромъ прибило его въ Анзерскому острову; здѣсь имъ овладѣла столь сильная дремота, что онъ принужденъ былъ причалить къ берегу и уснулъ весьма крѣпкимъ сномъ. Во снѣ явились ему два старца. „Како, окаянне, крадеши мя?“ съ гнѣвомъ сказали одинъ изъ нихъ. „Азъ созидаю, а ты разоряеши.“ „Отче, прости!“ началъ каяться виновный, все еще находясь во снѣ. „Прощеніе получиши“, отвѣчалъ старецъ; „а сѣдѣти ти у мене три дни на мѣстѣ семъ плачася!“ Послѣ этого онъ пробудился, — но на берегу не оказалось ни старцевъ, ни его лодки, и пришлось ему дѣйствительно просидѣть на берегу три дня, пока проѣзжающіе съ Двины гости не взяли его и не отвезли на Соловки.

Въ то же время Соловецкій старецъ Фотій, постриженіемъ св. Зосимы, ловилъ на монастырѣ рыбу вмѣстѣ съ другими старцами на рѣкѣ Умбѣ, за 500 верстъ отъ обители. Однажды ему во снѣ явились два старца. „Какъ бы ты знаю“, сказалъ Фотій, взглянувъ на одного изъ нихъ. „Зосима ты еси отецъ нашъ?“ „Азъ есмь“, отвѣчалъ старецъ. „Привезохъ корбасъ вамъ, аще требуете, а же въ корбасѣ—вся сохраните, да ничтоже погибнетъ отъ положенныхъ.“ А корбасъ въ это

(1) Рку. № 230. л. 238—244. См. также л. 296—299.

время быть очень нуженъ ловцамъ. Проснувшись, Фотій объявилъ о видѣніи своимъ товарищамъ; на берегу моря они действительно нашли карбась съ украденнымъ монастырскимъ добромъ. „Видите-ли, братіе, каково пощеченіе имать о мѣстѣ семь: отецъ нашъ блаженный Зосима!“ заключаетъ свое повѣствованіе списатель чуда (1).

Кромѣ мелкихъ воровъ, подобныхъ этому Василію; у монастырей бывали иногда враги гораздо страшнѣе, вредъ отъ которыхъ могъ простираться не только на ихъ благосостояніе, но даже на самое ихъ существованіе. Это разнаго рода властныя лица, послывшіяся „на обдержаніе странны“, которое на тогдашнемъ современномъ языкѣ очень мѣтко обозначалось словомъ „вормленіе“; отъ такихъ людей монастырю иногда приходилось очень плохо и въ этихъ случаяхъ помощь святаго покровителя его являлась крайне желанною и необходимою. Приводимъ одинъ фактъ изъ житія препод. Александра Ошевенскаго (2).

По повелѣнію Ивана Васильевича Грознаго, прибылъ въ Каргополь „во обдержаніе“ бояринъ Іоаннъ Михайловичъ, сродникъ „царицы Анастасіи“. „Сей убо, говоритъ списатель, богатствомъ и славою превзыде паче многихъ, еще же въ величій гордости и величаніи тщашеся творити неправая, такоже яко и прежде его иніи бѣша“. Къ этому-то боярину случилось обратиться по поводу одного монастырскаго дѣла игумену Кассіану съ братомъ Евсеіемъ. Когда эти пришли въ нему и, „потребная вдавше, еже отъ обители, въ дары ему“, показали жалованныя государевы грамоты, между ними изъ за чего-то вышелъ споръ, при чемъ Евсеій высказалъ что-то обидное для боярина; послѣдній разгнѣвался, и игумень съ Евсеіемъ ни съ чѣмъ должны были возвратиться въ монастырь. „Какъ неукротимый звѣрь; яряся и дыша на святую обитель ту“, бояринъ сталъ измышлять, — какъ бы „сотворить какую нибудь павость святому мѣсту тому и по своей воли не може никого обрѣсти такова“. По отшествіи игумена онъ вышелъ на крыльце и сталъ вызывать „суперника на Ошевень монастырь, наипачеже на ино-

(1) Ркп. № 175. л. 144—147.

(2) Ркп. № 992. л. 137—145.

ка Евсевія“. Три дня сряду дѣлалъ онъ это, но такого чело-
вѣка не нашлось. Тогда, разъярившись еще сильнѣе, онъ
созвалъ своихъ приближенныхъ и среди пьянства съ ними
надумалъ послать одного изъ нихъ „ара нѣкоего и зѣло сви-
рѣпа“ въ монастырь съ тѣмъ, чтобы съ великимъ безчестіемъ
взять оттуда Евсевія, бросить въ темницу и держать тамъ,
пока онъ бояринъ надумаетъ, что съ нимъ сдѣлать далѣе.
Послѣ такого рѣшенія онъ въ сильномъ оцѣненіи уснулъ
крѣпкимъ сномъ. Когда же, проспавшись нѣсколько, онъ еще
въ дремотѣ лежалъ на своей постели, ему явились Николай
чудотворецъ съ какимъ-то обнаженнымъ оружіемъ и пре-
подобный Александръ. „Аще не покаеши“, говорилъ пер-
вый, „то злѣ умрети“. „Аще не послушаеши, говорилъ вто-
рой, святаго Николы и мене, то не имаша живъ быти, вскорѣ
рѣ умрети“. „По образу писанному“ бояринъ узналъ въ од-
номъ изъ явившихся мужей Николая чудотворца; страхъ
овладѣлъ имъ. „О великій архіерею Божій Николае!“ возо-
пилъ онъ; не погуби мене грѣхъ ради моихъ; другагоже
свята мужа не вѣмъ имени его, како нареку его въ молит-
вахъ“. „Сего ли ты не знаеши, сказалъ святитель Николай
чудотворецъ, егоже ты Богомъ созданную обитель его хва-
лишия разорити и ученикъ его Богомъ собранное стадо
хочещи разгнати? То есть преподобный Александръ, началь-
никъ обители тоя, того ради приде прещаше ти, соблюдая
трудоу своихъ обитель; поятъ же и мене съ собою; такоже
и мнѣ повелѣно Богомъ хранити мѣсто то, понеже церковь
во имя мое тамо есть“. Еще большій ужасъ овладѣлъ боя-
риномъ. „О великій чудотворче Николае!“ возопилъ онъ.
„Ты еси отъ древнихъ святыхъ и велія чуда твориши, и
вѣмъ чуда твоя и молотиса всегда. О преподобне отче
Александрѣ! отдай же ми за невѣжество мое, понеже не
вѣдѣхъ имени твоего, ни слышахъ чудеса твоихъ; нынѣже
познахъ и познаю и прославлю имя твое святое, и пропо-
вѣдаю дивная чуда твоя, истинный рабе Божій Христовъ
угодниче и сопричастниче въ чудесахъ великому чудотворцу
Николѣ. И нынѣ, отцы святіи, простите мя, понеже въ не-
вѣденіи сія сотворихъ. Отселѣ убо Бога свидѣтеля поставляю
и обѣтъ свой полагаю, ничимъже вредити монастыря вашего,
но и помогати готовъ есмь“, Въ страхѣ и трепетѣ, весь въ
слезахъ, проснулся бояринъ и обо всемъ видѣнномъ рассказалъ
своему священнику.—Когда игумень возвратился въ мона-

стиръ и повѣдалъ братіи о случившемся съ ними въ дому боярина, сильный ропоть поднялся на старца Евсевія. „Великую бѣду сотворилъ ты! говорили ему. „Если не Господь Богъ избавитъ насъ и чудотворецъ Николай, и не поможетъ намъ молитва отца нашего Александра, то мы изъ за тебя погибли“. Старецъ Евсевій огорчился и всю ночь проплакалъ, молясь объ утоленіи гнѣва боярина; на другой день онъ объявилъ о своемъ намѣреніи идти къ боярину, прося игумена, въ случаѣ какаго либо насилія, помочь ему „порученіемъ или искупомъ“. Въ городѣ Евсевію встрѣтился боярскій священникъ. „Радуйся, брате!“ сказалъ послѣдній. „Помилова васъ Богъ и великій чудотворецъ Николае, и вашу начальникъ избави васъ отъ гнѣва бояринова нашего господина“. Узнавъ отъ священника о всемъ случившемся, старецъ Евсевій отправился къ боярину. Тотъ принялъ его ласково, сталъ называть отцомъ, просить прощенія и „со слезами умильно и жалостно повѣдалъ ему все, еже на немъ бывшее чудо и явленіе святыхъ чудотворцовъ Николы и Александра“. „Аще бы вѣдалъ азъ, продолжалъ бояринъ, такую благодать Божию въ вашемъ монастырѣ и чудеса святыхъ чудотворцовъ, то, приѣхавъ на градъ, не ѣхалъ бы во дворъ, въ государево жалованье, но ѣхалъ бы прежде въ монастырь вашъ и помолился бы Спасу и пречистѣй Его Богоматери, и Николѣ чудотворцу, и у гроба Александрова приложился; таже ѣхалъ бы во свой дворъ, въ государево жалованье“. Съ богатыми дарами и милостынею отпустилъ онъ Евсевія, къ великой радости всей братіи, воздавшей хвалу Богу и чудотворцамъ.

Но не безусловны были благодѣянія святаго, изливаемыя имъ на обитель трудовъ своихъ; только подъ условіемъ взаимной любви иноковъ и братскаго общенія общали святыя благодѣнствіе обители, а потому,—какъ скоро нарушался данный святымъ ея основателемъ уставъ, какъ скоро оскудѣвала братская любовь⁽¹⁾,—видимо для всѣхъ оскудѣвало и

(1) «Аще и во гробѣ положенъ святой», читаемъ въ житіи препод. Александра Ошевенскаго, «но духомъ всегда съ нами есть и видѣть всѣхъ, аще по заповѣдемъ его живемъ и преданія твердо хранимъ, богоугодно пребывающе. И о, семя, радуется и молодявно приближается къ намъ, и

благосостояніе монастыря и святой „съ прещеніемъ“ являлся къ виновнымъ съ своимъ игуменскимъ жезломъ или неси „наказательная прутія“, невидимые удары которыхъ причиняли различныя болѣзни⁽¹⁾. Отъ бдительнаго надзора святаго не укрывались даже самыя, повидимому, маловажныя отступленія отъ устава, которыя, впрочемъ, будучи оставлены безъ отеческаго внушенія, могли подать поводъ братіи къ большимъ погрѣшностямъ. Нѣкоторый братъ Каріонъ, читаемъ въ описаніи чудесъ препод. Антонія Сійскаго, находясь въ службѣ на рѣкѣ Сии, часто ходилъ въ баню „старости ради и ведуга своего“. Однажды явились къ нему два какия-то лица съ прутьями и били его до ранъ, говоря: „да не ктому обычай имани часто ходити въ баню“⁽²⁾.

Самый наилучшій, наиболее характерный, и при томъ же расположенный въ послѣдовательномъ порядкѣ, матеріалъ для обрисовки монашескихъ взглядовъ на отношенія святыхъ къ своей обители даетъ сказаніе о чудесахъ препод. Вассіана и Іоны Пертоминскихъ. Въ посмертной жизни этихъ лицъ какъ бы отобразилась земная жизнь св. подвижниковъ—основателей обителей; вся дѣятельность препод. Вассіана и Іоны, по сказаніямъ объ ихъ чудесахъ, была направлена исключительно на Пертоминской монастырь.

Обрѣтши мощи преподобныхъ на морскомъ берегу, рыболовы „съ радостію“ повезли „драгоценное сокровище“ въ свою Лудекую весь, но послѣ продолжительнаго плаванія опять очутились въ Унской губѣ, гдѣ взяли мощи. Здѣсь въ ночномъ видѣніи Вассіанъ и Іона явились рыболовамъ и сказали: „Положите убо наю на пустомъ семъ мѣстѣ, на бору, подъ великою сосною вышше, противно тогожде мѣста, на немъже первѣе обрѣтосте насъ, и тамо погребите насъ; въ

хранить, и блюдетъ насъ, акъ чада своя возлюбленная. Аще ли нерадѣти начнемъ о своемъ спасеніи, и не творимъ заповѣди Божія и закона монастырскаго, наказанія отца своего, — то сами Божія помощи лишаемся и яко кромѣ отеческихъ молитвъ сами вѣсмы мощиа что сотворити благо. (Ркв. № 992. л. 168).

(1) Ркв. № 230. л. 221—224; Ркв. № 226. л. 94, 132 и 135; Ркв. № 992. л. 182—183.

(2) Ркв. № 230. л. 304 на обор. — 305.

Лудскую же весь—не возите насъ; изъ воды убо взясте наю, пави ли въ воду хотите положите и тамо насъ погребсти? Ибо егда благословить Богъ, неизреченною мудростію своею,—устроить и на семь мѣстѣ пѣніе и звонъ“⁽¹⁾. Такъ препод. Вассіанъ и Иона избирали для своего упокоенія пустынное мѣсто, подобно тому какъ святой отшельникъ, послѣ долгаго странствованія по лѣснымъ чащамъ и дебрямъ,—останавливался на какомъ нибудь дикомъ пространствѣ и говорилъ: „се покой мой въ вѣкъ, здѣ вселюся“! Рыболовы поняли, что явившіеся имъ мужи благоволятъ почивать на указанномъ мѣстѣ,—похоронили ихъ мощи и на могилѣ водрузили крестъ.

Спустя нѣкоторое время жители тойже Лудской веси рубили „боровую лѣсъ“ около того самаго мѣста, гдѣ были положены мощи препод. Вассіана и Ионы. Когда они возвращались домой, одному изъ нихъ во снѣ явились Вассіанъ и Иона и сказали: „Такъ какъ вы рубили лѣсъ по невѣденію, то это прощается вамъ; впередъ тамъ лѣсъ не рубите, и другимъ повѣдайте о томъ же, будетъ убо на семь мѣстѣ, егда благословить Богъ, монастырь и той лѣсъ на созиданіе монастыря угоденъ будетъ“. Видѣніе было объявлено жителямъ Луды; однакоже между ними нашлись тавіе, которые не повѣрили разсказу и сами отправились по морю рубить лѣсъ, но на возвратномъ пути святые послали на нихъ страшную бурю на морѣ; нарубленный лѣсъ разнесло волнами, и „тогда“, заканчиваетъ писатель разсказа, „бысть страхъ на всѣхъ живущихъ во странѣ той“⁽²⁾.

Въ 1599 г. святые приступаютъ уже къ самому осуществленію своего желанія: прославить мѣсто своего погребенія и основать на немъ монастырь. Случилось въ этомъ году старцу Сергіева монастыря Маманту „вмѣстѣ съ трудники“, по причинѣ морской непогоды, пробить нѣсколько дней въ Унской губѣ; въ одинъ изъ этихъ дней, во снѣ являются скорбящему Маманту два неизвѣстныхъ лица; на вопросъ: „откуда есте, о братіе, прийдосте до здѣ и како суть имена ваша“,—явившіеся мужи сказали: „единъ наю нарицается

(1) Ркп. № 182. л. 185

(2) Тамъ же. л. 187.

Вассіанъ, другій же—Іона. Плыли мы изъ Двинскаго устья по морю,—потонули, и вотъ здѣсь на бору, у великой сосны, положены правовѣрными христіанами“. „И ты“, продолжали преподобные, „повели поставити надъ нами часовню и мощи наша выкадити; Богъ тебѣ подастъ способенъ вѣтрѣ къ плаванію“. Мамантъ исполнилъ желаніе преподобныхъ и при попутномъ вѣтрѣ отправился въ путь свой (1). Отъ мощей преподобныхъ стали проявляться чудеса; слава о новоявленныхъ угодникахъ Божіихъ все болѣе и болѣе росла среди окрестнаго населенія. Свою вѣру къ чудотворцамъ народъ выражалъ тѣмъ, что, проходя мимо мѣста ихъ погребенія или будучи застигнутъ на морѣ непогодою и пристава въ Унскую губу,—полагалъ преподобнымъ въ часовнищѣ серебряницѣ и свѣщи; пріемлющаго же не бѣ ту никого же“. Въ одно время въ Лудскую весъ пришелъ „отъ російскихъ монастырей ябкій старецъ духовенъ“, жители повѣдали ему о препод. Вассіанѣ и Іонѣ и посовѣтовали поселиться около часовни. Старецъ согласился; помолившись Богу и призвавъ преподобныхъ на помощь, онъ „возградилъ себѣ келейцу малу“. Число милостыней и подаваній въ часовню возрастало все болѣе и болѣе, такъ что старцу хватало ихъ съ избыткомъ.— онъ могъ жить на эти средства и не одинъ. И вотъ мало по малу приходятъ къ нему другіе старцы,—собирается община и колонизируетъ дотолѣ безлюдное дѣвое пространство; но это еще не былъ монастырь; необходимо было поставитъ церковь. Средствъ къ сооруженію послѣдней у братіи было недостаточное количество; нужна была помощь преподобныхъ.

Нѣкто Козма съ своимъ сыномъ ходилъ по Россіи отъ одной изъ обителей собирать на монастырское строеніе; побывавъ въ разныхъ мѣстахъ, онъ достигъ до сѣвернаго поморья и прибылъ въ Унскую губу. Здѣсь онъ сильно разболѣлся. Въ одно время являютъ ему Вассіанъ и Іона и дѣлаютъ такое неожиданное имъ предложеніе: „О человѣче! еже собралъ еси въ мірѣ на строеніе монастырское и тое собранное все отдай въ монастырь нашъ, и будеши здравъ“. Странанія Козмы были настолько сильны, что онъ согласил-

(1) Тамъ же. л. 188.

ся на слова преподобныхъ и собранное на какой-то другой монастырь отдалъ въ Пертоминскую обитель; мало того, — по чувству благодарности за исцѣленіе согласился и самъ остаться въ этой обители и даже съ своимъ сыномъ. Любопытно, какъ Сказаніе сглаживаетъ поступокъ этого сборщика: „И сего ради сотворилося сіе чудо на недужномъ преподобными, даже (дабы) пророчеству ⁽¹⁾ ихъ не солгати-ся.“ Получивъ отъ Козмы деньги, братія дружно принялась за работу, „начали лѣсъ сѣщи и на плечахъ своихъ носить на мѣсто“, гдѣ предполагалось быть церкви; „Божія же помощь, говоритъ писатель, поспѣшествова работъ своимъ ко благому дѣлу, молитвами преподобныхъ отецъ“.—Въ то время вѣтромъ принесло съ моря въ Унскую губу „двѣ лодіи обѣтныхъ“ людей, идущихъ на моленіе въ Соловецкій монастырь“; приставши къ берегу и увидавши трудящихся инокъ, пловцы присоединились къ нимъ, „помощи ради Божіи и преподобныхъ“, и „начаша купно лѣсъ сѣщи и носить“. Богъ послалъ имъ за такіе труды попутный вѣтеръ и благополучное плаваніе. Вообще, для поддержанія монастырскаго братства Пертоминскіе чудотворцы пользовались тѣмъ, что посылали пловцамъ попутный вѣтеръ, за что послѣдніе дѣлали посильные вклады и подаванія въ новоустроенную обитель; однако ея средства все-таки были скудны, а потому Вассіанъ и Іона особенно заботливо охраняли ихъ и строго наказывали тѣхъ, кто посягалъ на монастырское достояніе.

Нѣкоему Василию, жившему въ Пертоминскомъ монастырѣ въ качествѣ наемника, „діаволь вложилъ въ сердце неприязненъ помыслъ“; Василій задумалъ украсть монастырскія сокровища, но преподобные предупредили его намѣреніе: злоумышленникъ внезапно былъ пораженъ „язвою лютою, нарицаемою волосатецъ, въ ногу, и страдаше зѣло“. Болѣзнь принудила его сознать преступность своихъ намѣреній и обратиться за помощію къ Вассіану и Іонѣ; онъ обѣщался преподобнымъ трудиться цѣлый годъ въ ихъ обители безнаемно и получилъ исцѣленіе. Такъ, „сохраненіемъ

⁽¹⁾ Разумѣются, очевидно, слова Вассіана и Іоны, сказанныя Луцкимъ рыбакованъ. Ркп. № 182. л. 189.

преподобныхъ сокровища церковная соблюдошася некрадомы" (1).

Вассіанъ и Іона принимали самое дѣятельное участіе въ построеніи Пертоминской обители; но иноки завѣдовавшіе постройками, впали въ неосмотрительность, — скотный дворъ былъ поставленъ близко къ монастырю и къ церкви, что съ одной стороны не совсѣмъ пріятно могло дѣйствовать на благочестивое чувство древнерусскаго человѣка, а съ другой — было не особенно удобно для самаго ухода за скотиной. Въ одно время этотъ дворъ сгорѣлъ, при чемъ погибли двѣ скотины и нѣсколько корму; „и начаша братія скорбѣти о семъ, яко скудость велія настояше тогда во обители.“ Вскорѣ послѣ пожара являются преподобные старцу Аврамію и объясняютъ причину несчастія: „Не скорбите убо, братія, о случившемся вамъ пожарѣ! сіе бо созженное исполнитъ вамъ Богъ; дворъ же той стоялъ баше не угодно близъ монастыря, нынѣ же паки устройте [той дворъ близъ езера своего“. Черезъ три дня, послѣ этого явленія, „прииде въ монастырь звѣрь, нарицаемый россобаха“; помощію преподобныхъ братія поймала звѣря и продала за 20 гривенъ серебра; на эту сумму и былъ выстроенъ новый скотный дворъ на указанномъ мѣстѣ (2). Съ подобною же помощію явились преподобные братія во время безденежья, когда пришелъ срокъ разплаты съ работниками (3). Въ ночь бурей выкинуло къ обители огромнаго кита, на диво братіи, что святые такъ скоро поспѣшили на помощь; 230 пудъ сала китоваго было продано за 500 гривенъ. Это надолго обезпечило обитель.

Приведемъ еще рядъ фактовъ заботливости Пертоминскихъ чудотворцевъ, фактовъ — хорошо знакомящихъ насъ какъ съ мѣстными нуждами, такъ и съ дѣятельностію святыхъ, которая проявлялась здѣсь соотвѣтственно этимъ нуждамъ въ своеобразной мѣстной формѣ.

Былъ въ монастырѣ нѣкто „трудниезъ“ Никита, ухаживавшій за скотомъ; разъ онъ находился въ очень затруднительномъ положеніи, — нечѣмъ было кормить скотъ. Печалл-

(1) Тамъ же. л. 195.

(2) Тамъ же. л. 194.

(3) Тамъ же. л. 196.

ся онъ о вѣрннхъ ему животныхъ и день и ночь молился преподобнымъ о помощи. Однажды послѣ молитвы онъ уснулъ и въ этомъ состояніи увидѣлъ явившихся Вассіана и Іону. „Что убо наю желая просилъ еси, не бывшимъ намъ здѣ во обители своей?“ сказали они. „Выхожь убо мы во оной веси, промышляхомъ съ куплющими въ потребѣ монастырствѣ сѣна на пищу скотомъ нашимъ; нынѣже приидохомъ пакы и здѣ есмы, въ мѣствѣ своемъ обрѣтаемел, исполняюще прошеніе твое. Радуйся! шедъ—повѣдай братіи, дабы посланны быша трудники во оную близъ прилежащихъ весей купити сѣна на прокормленіе скоту нашему; уже мы купихомъ малую цѣною“. Посланные дѣйствительно купили до 90 возовъ сѣна по такой дешевой цѣнѣ, по какой прежде никогда не покупали: за возъ платили всего по 6 денежекъ ⁽¹⁾. Такъ выгодно преподобные сторговали товаръ для своей обители!

Гораздо нужнѣе и ощутительнѣе была помощь преподобныхъ, когда голодать приходилось самой братіи; а такіе несчастные случаи бывали съ Пертоминскою обителью нерѣдко: мѣстность, гдѣ выстроена была эта обитель, весьма часто страдала отъ неурожаевъ, притомъ же находилась вдали отъ плодородныхъ краевъ, отчего инокамъ часто приходилось крайне бѣдствовать. Голодь въ обители однажды достигъ до такой степени, что братія хотѣла разойтись. Тогда явились преподобные одному старцу и сказали: „не скорбите, братіе, о семъ, за еже скудость хлѣбная ваетъ постиже, и не расходитесь убо“. И вотъ, спустя немного времени, пришли съ моря жители Кандолажскаго монастыря и сообщили, что когда они плыли съ хлѣбомъ, ихъ охватило на морѣ мракъ и нанесло лодку на камень,—едва сами спаслись. „Подите, прибавили они, возьмите рожь вмѣствѣ съ лодкой въ свой монастырь“. Братія Пертоминская обрадовалась: подареннымъ хлѣбомъ она кормилась цѣлыхъ полтора года. „Такъ, замѣчаетъ писатель событія, молитвами преподобныхъ отъ глада избыша братія Пертоминскія обители въ скудное оно время ⁽²⁾“.

(1) Тамъ же. л. 202.

(2) Тамъ же л. 193 на обор.—194.

Суровость климата и бесплодіе почвы заставляли бѣдныхъ иноковъ Пертоминскихъ бродить по окрестнымъ, тоже небогатымъ поселеніямъ поморянъ и вымалывать подаваніе. Вмѣстѣ съ своими духовными дѣтьми также путешествовали и святыя покровители обители, являясь чувственнымъ очамъ людей въ видѣ такихъ же бѣдныхъ иноковъ.

Однажды священникъ Лудской веси, возвращаясь изъ Архангельска, гдѣ былъ по своимъ дѣламъ, замѣтилъ стоящими на берегу двоихъ иноковъ, видомъ „смирненныхъ“, которые, справившись—куда онъ ѣдетъ, сказали: „Молимъ тя, отче, спровади насъ до онаго (Пертоминскаго) монастыря“. „Прошу васъ, отцы,—садитесь въ ладійцу мою!“ сказалъ онъ обрадовавшись, что не одному придется плыть по морю. Иноки сѣли около паруса и, молча, начали управлять имъ, съ улыбкою посматривая другъ на друга; священникъ тоже молчалъ, потому что ничего не могъ говорить отъ радости.—Плаваніе было благополучно и они скоро пристали къ Унскимъ рогамъ. Невѣдомые иноки поблагодарили хозяина лодки и направились въ монастырь; тогда только вздумалъ священникъ спросить ихъ: „Отколѣ вы отцы свягги и куды грядете?“ „Въ городѣ мы были, промышляли на братію хлѣба“, отвѣчали тѣ, продолжая идти по дорогѣ въ монастырь. Священникомъ овладѣло любопытство — распросить иноковъ поподробнѣе объ ихъ путешествіи. Поспѣшно привязавъ онъ къ берегу свой карбасъ и отправился за ними въ обитель, — они показались ему „вельми благоговѣйными иноками“. Но напрасно искалъ онъ ихъ среди братіи. „Видѣлъ я сейчасъ, какъ два инока пришли въ часовню (гдѣ почивали мощи преподобнаго Вассіана и Іоны), но они еще не выходили оттуда“, замѣтилъ одинъ братъ. Тогда всѣ иноки поняли, что это было чудо,—что это святыя начальники заботились объ обители во время бывшей въ ту пору скудости хлѣба, и, помолвившись предъ ихъ гробницею, тотчасъ же отправили одного брата въ городъ за подаваніемъ. Дѣйствительно, когда этотъ братъ приплылъ въ городъ и началъ молить христіолюбцевъ о подаваніи хлѣба,—какой то купецъ тутъ же доставилъ ему хлѣба столько, сколько было угодно (1).

Въ другой разъ, тоже во время голода, братія на общемъ совѣтѣ снарядила въ городъ за милостыней искусный-

(1) Тамъ же. л. 204.

шаго на то инова Варсонофія, который былъ назначенъ въ обители, а сама по обычаю отправилась въ часовню къ гробамъ преподобныхъ помолиться о пропитаніи. Варсонофій долго напрасно бродилъ по городу, испрашивая у христороуцельца „на братію пропитанія хлѣбнаго“, между прочимъ надумалъ сходить къ одному радѣтелю обители—Стефану Дмитріеву, но и у этого имѣлъ мало успѣха. — „Не имѣю азъ тебѣ что дати или кого свѣтъ дающаго“, сказалъ Стефанъ, самъ однакоже скорбя о нуждахъ обители и имѣя сильное желаніе подѣлиться съ нею своимъ достаткомъ. Его особенно отвращала отъ исполненія этого намѣренія скупая жена, запретившая и напоминая объ этомъ, „всѣчески понесившая инововъ и житіе чернеческое“. И вотъ однажды, когда Марья вздремнула послѣ обѣда, предъ ней явились два благоговѣйные инова. „Марія!“ сказали они ей. „Умилися о нашихъ чернцахъ Пергоминской пустыни и не помори ихъ голодомъ, ни же запрещай мужу своему о благомъ дѣлѣ, во еже бы не дати хлѣба. Господь Богъ вашу житницу во всемъ исполнитъ“. Женищина пробудилась, — около нея не было никого. „Почто вотще отпустисте инововъ?“ спросила она домашнихъ. Ей отвѣчали, что никакихъ инововъ въ домѣ не было. Тогда она поняла, что это было чудное видѣніе, а по именѣ Вассіана и Іоны узнала самихъ явившихся. Со слезами она начала у нихъ просить прощеніе за свое жестокосердіе и повѣдѣла мужу своему „безъ скупости снабдить обитель“ (1). Обрадованный Варсонофій до земли поклонился Стефану, когда отъ него узналъ о щедрой милостынѣ, и съ 30 мѣрами хлѣба возвратился къ братіи.

Мы подробно остановились на чудесахъ препод. Вассіана и Іоны, потому что въ нихъ особенно выразительно передается взглядъ инововъ на св. основателей обители, какъ на усердныхъ ея патроновъ; въ этихъ чудесахъ посмертная дѣятельность святыхъ представлена въ особенно чувственной формѣ: бѣдные инови втягивали Вассіана и Іону во всѣ свои нужды и, такимъ образомъ, загробную духовную жизнь преподобныхъ тѣсно соединяли съ своею земной жизнью со всѣми ея несчастіями и тревогами.

Примѣры хозяйственной заботливости о своей обители встрѣчаемъ въ описаніяхъ посмертныхъ чудесъ и другихъ

(1) Тамъ же. л. 204—206.

ев. подвижниковъ поморскаго края; мы уже имѣли случай приводить ихъ выше; при этомъ нельзя не замѣчать того обстоятельства, что дѣятельность святаго по смерти на пользу своей обители зависѣла отъ внѣшняго положенія послѣдней.

Обитель Пертоминская всего болѣе страдала отъ скудости своихъ матеріальныхъ средствъ; и вотъ препод. Вассіанъ и Иона постоянно заботятся о прокормленіи братіи, то сами лично отправляются просить на нее хлѣба, то приводятъ въ свою обитель съ моря пловцовъ, чтобы послѣдніе сдѣлали посильное пожертваніе, за что святые подаютъ имъ попутный вѣтеръ, то изъ глуши лѣсовъ и изъ глубины безднъ морскихъ высылаютъ къ стѣнамъ монастыря звѣрей и китовъ. Бѣдственное внѣшнее положеніе Пертоминской обители повторялось такъ часто, что какъ бы поглощало собою все вниманіе преподобныхъ; не до заботъ имъ было о внутреннемъ благоустройствѣ своей обители, объ религіозно-нравственномъ положеніи иноковъ; мы не находимъ ни одного чуда или явленія, которое бы указывало на такую сторону дѣятельности этихъ святыхъ.

Иное было положеніе Печенгской обители. На первыхъ порахъ своего существованія, она (въ 1566 году) получила отъ Грознаго грамоту⁽¹⁾, которая могла хорошо обезпечивать ее внѣшнее благосостояніе. Неудивительно, что и въ разсказахъ о чудесахъ препод. Трифона онъ вовсе не представляется такимъ заботливымъ и рачительнымъ хозяиномъ обители, какими представляются препод. Вассіанъ и Иона. Передается только, что препод. Трифонъ два раза⁽²⁾ спасалъ отъ потопленія „монастырскую лодію“. Болѣе дѣятельное участіе въ судьбѣ своей обители препод. Трифонъ оказалъ тогда, когда игумень Іоаннь, „побѣжденный властолюбіемъ“, задумалъ лишить еѣ самостоятельности и приписать къ ставропигіи. Забравъ изъ церкви Печенгскаго монастыря окладныя иконы, священную утварь и одежды, денежную и ефимочную казну, Іоаннь отослалъ все это въ Воскресенскій монастырь, „а наипаче похитилъ себѣ, втому же сталъ ко-

(1) См. Истор. Россійск. іерархіи т. IV. стр. 582—583.

(2) Ркп. № 182. л. 113—114.

пять надъ гробомъ преподобнаго“. Трифонъ поразилъ его за это невидимою силою; „отгнанный Божіимъ страхомъ“, игумень „со стыдомъ велимъ возвратился въ Воскресенскій монастырь; здѣсь онъ вналъ въ болѣзнь „и нечаяемо разсѣдеся чрево его, и злѣ скончася“. „Такъ, замѣчаетъ писатель этого событія, милостію святыхъ Троицы (въ честь Которой былъ построенъ храмъ Печенгскаго монастыря) и преподобнаго молитвами, святая обитель сія отъ сѣти ловащаго избавльшеса“⁽¹⁾.

Въ разсказахъ о чудесахъ препод. Александра Свирскаго, основателя обители въ мѣстности не столь отдаленной отъ населенныхъ краевъ Россіи, получившаго прославленіе вскорѣ послѣ своей кончины,—не встрѣчаемъ ни одного факта, который бы говорилъ объ его хозяйственной дѣятельности на пользу своего монастыря. Разсказы объ его чудесахъ замѣчательны тѣмъ, что онъ почти во всѣхъ ихъ является только исцѣлителемъ одержимыхъ различными болѣзнями⁽²⁾.

Соловецкая обитель тоже еще при жизни препод. Зосимы получила въ свое владѣніе не мало волостей и разнаго рода угодій, а съ теченіемъ времени становилась все богаче. Святыхъ начальникамъ по этому мало приходилось заботиться объ хозяйственныхъ дѣлахъ. Два раза Соловецкій монастырь посѣщали пожары. Преподобные въ одинъ разъ (въ 1601 г.) предохранили отъ сожженія самый монастырь,—погорѣли только мельницы и жигницы; для богатой монастырской казны это несчастіе было мало ощутительно, такъ что описывавшій событіе не выразилъ и сожалѣнія о погибнувшемъ, и закончилъ свой разсказъ обычной замѣткой: „такъ соблюде Богъ монастырь отъ огненнаго заpalенія, отъ пожара мельничнаго, молитвами Богородицы и преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія чудотворцовъ“⁽³⁾. Совершенно иное впечатлѣніе произвелъ на братію пожаръ болѣе ужасный по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ, случившійся въ то время, когда Соловецкая обитель была не такъ бога-

(1) Тамъ же. л. 117.

(2) Рзд. № 298. л. 98, 90, 94, 97, 101, 102.

(3) Рзд. № 175. л. 253.

та, какъ въ началѣ XVII вѣка; великое несчастіе требовало и болѣе дѣятельнаго вниманія святыхъ начальниковъ (1). Сто- рѣла въ обители трапеза со всѣмъ монастырскимъ запасомъ, который хранился подъ ней; при этомъ погибли и нѣкото- рые изъ церковныхъ вещей,—иконъ, ризъ, сосудовъ и бо- гослужебныхъ книгъ. Братія такъ была поражена несчасти- емъ, что хотѣла было даже разойтись; но потомъ, убѣдив- шись доводами нѣкоего Макарія, рѣшилась построить но- вую трапезу и снарядила—„овыхъ къ Москвѣ, къ великому князю, а иныхъ—въ Великій Новъ-градъ ко архіепископу и къ православнымъ христіанамъ на запросъ“. Извѣстный уже намъ инокъ Савватій, опытный морякъ, отправился ру- бить лѣсъ для трапезы; во время работы, въ ночномъ видѣ- ній, къ нему нѣсколько разъ приходилъ какой то старецъ и говорилъ: „Саватіе! буди готовъ ѣхать на море, за Саль- му, проводить братію, ихъ же отпустисте на службу“, но онъ считалъ это „привидѣніе за бѣсовское мечтаніе“; однако- же долженъ былъ понять его смыслъ. Вернувшись въ монастырь, онъ узналъ, что иноки, которымъ было назначено ѣхать за море, возвратились назадъ въ обитель, такъ какъ на морѣ оказалось много плавающего льду, и получилъ отъ братіи опасное порученіе проводить ихъ за Сальму.

Помолившись предъ гробомъ преп. Зосимы, Савватій оправился съ иноками въ путь и благополучно проводилъ посланныхъ до Луды, но здѣсь случилась съ ними большая бѣ- да. Была ночь и пловцы расположились „мало опочити“, а судно поставили у берега, не смотря на то, что Савватій совѣтовалъ втащить его на сушу повыше. Проснувшись утромъ, пловцы замѣтили у берега только одну лодку, весла и дрова водой унесло въ море; плыть же безъ веселъ было невозможно. Съ угоризной Савватій тогда сказалъ печали- вшимся инокамъ: „Смотрите теперь, какая бѣда случилась отъ вашего непослушанія!“ Обратились за помощію къ пре- подобнымъ; не много спустя иноки увидали на морѣ, что ихъ весла и дрова плывутъ назадъ къ берегу,—„отнюдь не изгибе ничтоже“. Обрадованные иноки прославили Бога и преподобныхъ. Вскорѣ послѣ этого Савватій, взглянувъ на

(1) Тамъ же. л. 127 и далѣе.

монастырь, увидалъ, что оттуда летать „двѣ птицы бѣлы“, не особенно велики — „поменьше гуса“, но „нѣкоторымъ птицамъ приличны“. Онѣ летѣли къ тому мѣсту, гдѣ находилась Савватій. Внимательно всмотрѣвшись, онъ далѣе замѣтилъ, что по морю плыветъ тудаже „судно вельми хорошо“, — услышалъ съ того судна и говоръ людской „на русскомъ языкѣ глаголющій“. Позвалъ къ себѣ слугу... „и я вижу“, сказалъ этотъ. Долго Савватій со слугою дожидались приближенія къ себѣ судна; но оно только было подошло къ нимъ, какъ стало невидимо. Изъ послѣдующаго будетъ видно, что въ чувственномъ образѣ необыкновенныхъ птицъ летѣли святые чудотворцы препод. Зосима и Савватій; лодка и слышавшійся съ нея людской говоръ только болѣе очевидно свидѣтельствовали о путешествіи преподобныхъ. На морѣ стало меньше льда. Пловцы поѣхали „безбѣдно управленіемъ преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія“. Достигши берега, иноки разбредлись по разнымъ мѣстамъ. Савватій направился къ рѣкѣ Шуѣ и на пути изнемогъ; взглянувъ по направленію къ мѣсту своего путешествія, онъ замѣтилъ „человѣка, на кони скоро гоняща, сѣдяща на дровняхъ“; то былъ нѣкто Еремѣй. „Далече ли, господине, ѣдешь?“ спросилъ его Савватій. „Не знаю, — кто то пришелъ ко мнѣ и послалъ меня за тобой“, сказалъ Еремѣй и повезъ Савватія въ Вирму къ монастырскому приваачику, — старцу Зосимѣ. „Приехали ли что нибудь служебники (т. е. иноки отправившіеся для сбора милостыни) изъ Новгорода?“ спросилъ Савватій Зосиму. „Служебники еще до Новгорода не успѣли и дойти“, отвѣчалъ Зосима и прибавилъ: „впрочемъ, не знаю, — кто то безъ меня привезъ коробію велику за печатми и приказалъ вручить тебѣ“. Распечатали коробію и нашли въ ней „вѣща нужныя — священническія и церковныя“, о какихъ именно и наказывали инокамъ, отправившимся для сбора за милостыней, игуменъ и братія. Иноки объяснили этотъ фактъ тѣмъ, что „коробія съ сокровищами“ была добыта чудеснымъ образомъ препод. Зосимою и Савватіемъ.

Другихъ разсказовъ, въ которыхъ бы препод. Зосима и Савватій были представлены столь ревностно заботящимися объ удовлетвореніи имущественнымъ нуждамъ Соловецкой обители, — не встрѣчается; преподобные болѣе трудятся на пользу отдѣльныхъ личностей изъ иноковъ своей обители, (*)

(*) Ркн. № 175. л. 104. 115—126, 155—158 и друг.

исцѣляютъ ихъ отъ различныхъ недуговъ тѣлесныхъ и избавляютъ отъ нападеній со стороны ѡбсовъ.

Въ описаніяхъ чудесъ препод. Иринарха Соловецкаго не встрѣчаемъ ни одного такого, въ которомъ бы онъ былъ выставленъ заботящимся о хозяйственныхъ нуждахъ обители; по причинѣ пониженія уровня нравственной жизни среди иноковъ Иринархъ являлся Іоанну Емельянову (1) и чрезъ него грозно напомнилъ брагій о правилахъ иноческой жизни.

Благодатною помощію святаго основателя обители пользовались не однѣ „овцы ограда его“. Къ великому подвижнику, еще при его жизни на землѣ, приходили окрестные жители, чтобы принять отъ него благословеніе и испросить его теплыхъ молитвъ; послѣ его смерти народъ не оставлялъ обитель своимъ посѣщеніемъ и шѣлъ тамъ, у гроба почившаго, панихиды. Понятно, что какъ только раздалась вѣсть о посмертномъ явленіи подвижника, народъ съ радостію относился къ ней, проникался еще большею вѣрою къ святому и могъ болѣе надѣяться на полученіе отъ него помощи. Если тѣ, которые, еще при жизни подвижника на землѣ, „призывали его имя, яко да избавлены будутъ его святыми молитвами,—не погрѣшали“ (2), то что сказать объ уваженіи народа къ нему прославленному, ставшему святымъ? Народъ сѣвернаго поморья, особенно въ древнее время, былъ по преимуществу бѣдный; насущныя потребности его удовлетворялись при затратѣ великихъ усилій и тяжеломъ трудѣ.—Звѣроловъ и рыболовъ постоянно сталкивается съ дикою суровой природою, которая на каждомъ шагу грозитъ ему опасностію жизни. И тотъ и другой, отправляясь на промыселъ, разсчитываетъ, такъ сказать, наугадъ,—вполнѣ полагается на волю Божию; застигнутый опасностію и истощивъ свои силы въ борьбѣ съ нею, онъ только и можетъ облегчить себя въ такомъ печальномъ положеніи надеждою на сверхъестественную помощь. Будучи язычникомъ, суевѣрный промышленникъ въ несчастныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни прибѣгалъ за помощію къ за-

(1) Ркн. № 238. л. 9.

(2) Ркн. № 182. л. 44 на обор.—45. Житіе препод. Никодима Кожозерскаго.

говорами, къ чудесамъ и другимъ подобнымъ средствамъ; когда онъ сталъ христіаниномъ, ему всего ближе и естественнѣе казалось отдать себя подъ неусыпное покровительство новоявленного святаго, который при жизни въ томъ же самомъ краѣ имѣлъ силу преобѣдѣть дѣвственную глухую природу съ ея „небылиными зраками“, прогнать изъ пустыни бѣсовъ и своими молитвами предъ Господомъ подавать помощь всякому нуждающемуся. Дикіе лѣса, голыя скалы, непроходимыя тундры, страшное „дышащее“ бурное море,— все это располагало утомленнаго промышленника къ мыслямъ о чудесномъ. Возвращаясь съ промысловъ, поморы при встрѣчѣ другъ съ другомъ передавали страшныя повѣсти объ опасностяхъ, испытанныхъ ими во время своихъ промышленныхъ работъ,— о сильныхъ буряхъ, о смерти товарищей, заѣденныхъ звѣрами или затертыхъ льдинами, утонувшихъ въ волнахъ моря или унесенныхъ вѣтромъ въ неизвѣстную даль. При такихъ страшныхъ разсказахъ, усиленно работаетъ воображеніе помора. Понятно, какъ на него должны были дѣйствовать извѣстія, что наприм. такой-то знаемый имъ когда-то умершій подвижникъ явился одному изъ инокъ и сообщилъ о своей блаженной участи на небѣ, или что преподобный спасъ такого-то отъ бѣсовскаго искушенія, или — что такой-то больной получилъ отъ него исцѣленіе болѣзни. Быстро разлеталась молва о новоявленномъ святомъ; народъ встрѣчалъ ее съ великою радостію, потому что подвижникъ жилъ въ томъ краѣ и чрезъ это какъ бы сроднился съ тамошними жителями. Если еще при жизни онъ не отказывалъ приходившимъ въ своихъ молитвахъ и подавалъ помощь, то ужели теперь, пребывая на небѣ и удостоившись святости, онъ не отзовется сочувствіемъ на просьбы тѣхъ, среди которыхъ благоволилъ обитать на землѣ? И вотъ къ гробу прославившагося подвижника начинаютъ стекаться изъ окрестныхъ странъ, городовъ и весей больные, слѣпые, глухіе, бѣсноватые и другіе несчастные страдалцы, и получаютъ исцѣленія. Какъ сильна была среди окрестнаго населенія вѣра въ новоявленного святаго и къ какимъ средствамъ прибѣгалъ народъ, чтобы получить себѣ въ нуждахъ благодатную помощь,— на это находимъ выразительныя указанія въ житіи праведнаго Артемія Веркольскаго.— По переложеніи мощей Артемія въ новую гробницу, нѣкто пожелалъ доски прежней употребить на иконы; стружки, оста-

взялся отъ досокъ гробницы, собрали мѣстный священникъ и „въ сохраненіе положи; взимающе убо тѣ стружки съ вѣрою и оттого исцѣленіе получаху“⁽¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ описанія чудесъ прав. Артемія читаемъ: „овогда отъ гроба святаго получаху исцѣленія, иногдаже отъ образа его, овогда же отъ стружекъ святаго гробницы емлюще иногда тайно, а овогда — явѣ, иногдаже изъ крова, еже речется береста, у гробницы его взимающе исцѣленіе получаху“⁽²⁾. Встрѣчаемъ указанія⁽³⁾, что стружки, взятыя у гробницы праведнаго, больными привѣшивались на гайтанѣ и носились на тѣлѣ.

Подобныя же указанія встрѣчаемъ въ житіи препод. Никодима Кожеозерскаго⁽⁴⁾. — Нѣкто Іоаннъ Дятловъ, исцѣленный преподобнымъ еще при его жизни, „грѣхъ ради своихъ и небреженія о своемъ спасеніи“, снова впалъ въ прежнюю болѣзнь: въ рождественскій постъ, за недѣлю до праздника онъ пилъ вино „и отъ сего весьма изнемогъ тяжцѣ очною болѣзнію и всею главою“. Больной пытался лѣчиться отъ нѣкоего человѣка „быліемъ“ — „и ничтоже успѣ“, послѣ такого лѣченья болѣзнь еще болѣе усилилась, — „потече изъ гортани кровь неуставная, яко вода.“ Обращался Дятловъ и къ другимъ врачамъ, тоже не было пользы. Наконецъ онъ вспомнилъ о препод. Никодимѣ, что Богъ, „ради святыхъ молитвъ преподобнаго, поставляетъ исцѣленія съ вѣрою въ нему притекающимъ“. У больного былъ „малъ лоскутъ отъ мантии преподобнаго“: этимъ лоскутомъ Іоаннъ завязалъ свои „уста и ноздри, и отъ того часа по малу преста теши кровь молитвами преподобнаго“. Исцѣлѣвшій предлагалъ и другимъ больнымъ обращаться къ тому средству, благотѣльную силу котораго испыталъ на себѣ. У нѣкоего Иларіона Слотина заболѣла дочь „черною болѣзнію“. Дятловъ далъ Иларіону часть мантии преподобнаго, „повелѣ ему воды почерпсти и въ ту воду положить часть оную, и тою водою заповѣда дщерь его напоити“. Средство это было испытано и оправдалось.

(1) Ркп. № 994. л. 194 на обор.

(2) Тамъ же. л. 195.

(3) Тамъ же. л. 183 на обор.

(4) Ркп. № 182. л. 66—67, 69, 74—75.

Келарь Кожезерской обители, старецъ Аврамій страдалъ зубною болѣзнію; приложивъ къ зубамъ своимъ жезлъ препод. Никодима, онъ тоже получилъ исцѣленіе; „и инія мнози“, повѣствуетъ писатель чуда, „сею болѣзнію страждущи отъ жезла исцѣленіе приимаху молитвами преподобнаго.“

Получивъ исцѣленіе, бывшій больнои разглашалъ о чудѣ другимъ окрестнымъ жителямъ; слава о святомъ летѣла далѣе и далѣе, привлекая къ его гробу новыя толпы недужныхъ.

Иногда святой самъ являлся больному и предлагалъ ему средство, чтобы избавиться отъ недуга.—Такъ, препод. Антоній Сійскій, явившись нѣкоему Θεодору, у котораго гнила рука, — сказалъ: „аще получиши хочещи здравіе себѣ скоро, то иди во обитель мою и не всеу трудъ твой будетъ“ (1).

Вотъ какія слова говорилъ тотъ же святой нѣкоему Омѣ, страдавшему „нутреннею болѣзнію“: „Почто, человекъ, Бога оставляеши, къ прелестнымъ же врачемъ прибѣгль еси и отъ сихъ требуя помощи? Не вѣси ли, яко сію болѣзнь на врачеваніе душевныхъ недугъ твоихъ Господь сотворилъ есть, яко да увѣдавъ своя согрѣшенія, къ Богу прибѣгнеша на покааніе и тако приимеши отъ него всебогатую милость? Нынѣ же аще хочещи здравъ быти, то покайся, о нихъ же согрѣшилъ еси; себе же повели вести во Антоніеву пустыню на праздникъ пресвятыя и живоначальныя Троицы и тамо здравіе получиши“ (2).

Препод. Никодимъ, явившись нѣкоему Іоанну, страдавшему „огневичною болѣзнію“, говорилъ:—„Что скорбя многи дни лежиши, никимъ же брегомъ? призови убо на помощь преподобнаго Никодима Кожезерскаго и вскорѣ исцѣленіе получиши“. Іоаннъ невнимательно отнесся къ этимъ словамъ; преподобный является къ нему въ другой и третій разъ. Во время послѣдняго явленія Никодимъ высказалъ угрозу: „аще имени преподобнаго не призовеши, здравія не получиши и умреши“ (3).

У нѣкогого человѣка Дометія жена „изступи естественнаго ума своего, нача нелѣпая глаголати и дѣяти, — одежду

(1) Ркп. № 230. л. 243.

(2) Тамъ же. л. 245. См. также л. 263 на обор. — 264, 300—304.

(3) Ркп. № 182. л. 82—83.

съ себе метати и безъ срама бѣгати въ лодехъ и на дѣсь“. Мужъ сталъ вязать жену; когда она была связана, однажды во снѣ является Дометію нѣкій старецъ и говоритъ: „Почто тако мучиши и вяжеша жену свою?—человѣче! общайся идти во обитель св. Богоявленія Господня, въ Кожеозерскій монастырь, и совершити молебное пѣніе всемогущему Богу и преподобному Никодиму“. Дометій пробудился и никого посторонняго не замѣтилъ въ своемъ домѣ; сталъ было размышлять—„истинное ли это явленіе, или нѣкоторое мечтаніе“, но вскорѣ заснулъ опять и видѣніе повторилось. Теперь Дометій понялъ, „яко не ложно есть явленіе преподобнаго, и начать съ жены пути снимати, и повѣда ей, какъ явился преподобный“. Жена тоже сказала: „и азъ видѣхъ въ сій часъ преподобнаго отца молящагося о мнѣ, да подасть ми Господь здравіе. „Давъ былъ обѣтъ исполнить повелѣніе преподобнаго, „и отъ того часа жена бысть здрава, яко николѣже ей болаци“ (1).

Препод. Александръ Ошевенскій юношѣ, страдавшему болѣзнію ноги, говорилъ: „Юноше! что спиши? возстани, иди въ притворъ и приложися у гроба моего, и наки къ заутрени иди и помолися Николѣ чудотворцу, и мене призывай на помощь; надѣвесея на Бога, яко испѣлѣши“ (2). Подобнаго рода рассказы во множествѣ встрѣчаются и въ описаніяхъ чудесъ другихъ св. подвижниковъ.

Стараясь разглашать все, что относилось къ славѣ мѣстнаго святаго, монастырская братія или извѣстный округъ мірскихъ людей впадали въ нѣкоторое соревнованіе, старались выставлять на видъ преимущества святыхъ своей мѣстности предъ другими. Перечитывая описанія чудесъ, весьма часто приходится встрѣчать заключительныя слова рассказа: „мы же, слышавше сіа, воздахомъ хвалу Богу, прославляющему, угодника своего преподобнаго отца нашего“; находимъ и другія мѣста, въ которыхъ еще яснѣе проглядываетъ желаніе мѣстнаго населенія выставить на видъ именно своего святаго.

Напр. въ рассказѣ объ одномъ изъ чудесъ препод. Александра Ошевенскаго надъ бѣсноватымъ юношей читаемъ слѣдующее: „Многоже ко святымъ молебная пѣвше—малу

(1) Тамъ же. л. 75—76.

(2) Ркп. № 992. л. 134 на обор.—135; см. также—л. 199 на обор. и 130, 163.

пользу обрѣтше. Помянуша же чудеса преподобнаго Александра, начальника Ошевена монастыря, и начаша его призывать въ молитвахъ своихъ глаголюще: Господи, помози чаду напему молитвъ ради преподобнаго отца Александра... О великій чудотворче, преподобне Александре! похвала нашей страны сѣверныя Онежскія земли! помилуй мя бѣснующагося"... У одного Новгородскаго купца былъ очень сильно боленъ его сынъ Юаннъ; всѣ врачебныя средства перепробовали его родители—и безъ всякой пользы; носили они его и по церквамъ, и по св. мѣстамъ; обращались съ молитвою къ разнымъ святымъ,—болѣзнь не уменьшалась; исцѣляющая благодать Божія посѣтила болящаго только послѣ молебствія св. Зосимѣ и Савватію. „Дивитижеся сему“, говоритъ по этому поводу писатель чуда, „и премного благодарити Бога, яко толь велико разстояніе мѣста обдержитъ, и тамо святыхъ своихъ прославляетъ Богъ великими чудесы и преславными знаменіи и силами. И еще чудо чудеси ужаснѣе, яко родителемъ отрока многихъ святыхъ моляще и призывающе на помощь, иже въ Великомъ Новѣ-градѣ и окрестъ града просіавшихъ, и не бысть имъ помощи, и исцѣленія чаду своему не получиша, а святыхъ Соловецкихъ новоявленныхъ чудотворцовъ, ихъ въ молитвахъ призываніемъ, благодать Божія чудодѣйствова! Богу тако смотрѣніемъ Своимъ божественнымъ дѣйствующу угодники Своими; но тѣмъ святѣмъ (т. е. новгородскимъ) и преподобнымъ слава отъ Бога во ино время блюдется, или же преже прослави ихъ Богъ. Сихъ же (Соловецкихъ) святыхъ великихъ угодникъ Своихъ прослави Богъ на земли въ послѣднее нынѣшнее, и еще прославляетъ многотруднаго и постническаго, и богоугоднаго житія ихъ, а на небесѣхъ славою вѣчною и безконечною вѣнчаютъ ихъ, и веселятся со ангельскими лики въ непрестающіе вѣки“ (*). Очевидно, авторъ приведенныхъ словъ старается поставить своихъ—Соловецкихъ чудотворцевъ выше новгородскихъ святыхъ.

Мѣстное населеніе особенно радовалось, когда его святые помогали жителямъ другихъ областей; здѣсь, на его взглядъ, высказывалось особенное могущество его святыхъ покровителей, а съ другой—разносилась ихъ слава.—Препод. Нико-

(*) Ркп. № 173. л. 211—217.

днѣ Кожеозерскій избавилъ отъ потопленія тѣхъ около пятидесяти лѣтъ и повелѣлъ ему сходить въ свой монастырь, чтобы принести благодареніе; вотъ какою восторженно-хвалебною рѣчью закончилъ рассказъ писатель этого событія (1). „Мы же слышавше прославихомъ Бога даровавшаго намъ предивнаго сего отца, въ чудесѣхъ скорого помощника и заступника, и ходатая о нашихъ согрѣшеніяхъ, и въ печали утѣшителя, въ скорбѣхъ безмезднаго врача, на морѣ сущимъ правителя. Оле предивнаго сего чудотворца, егоже дарова Богъ Кожеозерской обители похвалу и утвержденіе! Сей же пятидесяти лѣтъ прежде сего вмалѣ слыша о святѣй обители сей, а о преподобномъ же отцѣ никогда даже слышаше. Егда же бивъ носимъ въ мори, тогда призываше въ молитвахъ своихъ всѣхъ святыхъ въ помощь; милостивый же Иисусъ Христосъ некотораго же отъ древнихъ святыхъ посла на избавленіе мужу сему, но сего угодила Своего преподобнаго отца Никодима, не токмо при животѣ, но и по смерти прославить хотя и явна міру показати, — не точю въ сихъ поморскихъ странахъ, но и всей Россіи славна сотвори и, яко пресвѣтлый свѣтильникъ, на свѣщницѣ поставити; да приходящии во святую (Кожеозерскую) обитель, и видѣвши преславная бываемая чудеса отъ святаго его гроба, представлять Господа, прославившаго Своего раба славою многую и чудесъ даровавши“. Подобнымъ образомъ писатели чудесъ прославляютъ и другихъ св. подвижниковъ; этимъ объясняются, встрѣчающіяся въ описаніяхъ чудесъ, однообразныя, преувеличенія и хвалебныя выраженія: каждый писатель любитъ сказать, что болѣзнь извѣстнаго лица достигла крайнихъ предѣловъ развитія, разрослась до ужасныхъ размѣровъ, такъ что страдалецъ уже отчаялся въ своей жизни; каждый рассказчикъ называетъ своего святаго болѣею частью однимъ и тѣми же эпитетами (2).

Въ службахъ святымъ также можно находить весьма многочисленныя указанія, свидѣтельствующія объ особенномъ стремленіи извѣстной мѣстности прославить святаго своего покровителя. Этимъ вполне удовлетворительно можно объ-

(1) Ркп. № 182. л. 71—72.

(2) Напрямъ «скорый же на помощь преподобный отецъ нашъ...; дивный въ чудесѣхъ...; славный въ чудесѣхъ...»

явить то явление; что составители службъ, какъ и составители житій, старались компилировать службы, составленыя въ честь извѣстнаго наиболѣе прославленнаго святаго, приспособляя ихъ къ личности своего святаго. Такъ, наприм., служба препод. Александру Ошевенскому представляетъ собою передѣлку службы св. благовѣрному великому князю Александру Невскому⁽¹⁾. Тропарь препод. Антонію Сійскому есть дословное повтореніе тропаря препод. Сергію Радонѣжскому; авторъ только въ самомъ началѣ сдѣлалъ незначительное добавленіе, даже не совсѣмъ грамматичное: новые, введенные имъ, эпитеты, выраженные въ формѣ винительнаго падежа, никакъ не могутъ стоять рядомъ съ подобными же эпитетами Сергіева тропаря, выраженными въ падежѣ именительномъ⁽²⁾. „Ликую веселится наша страна со дерзновеніемъ, поется въ одной изъ стихирь въ честь препод. Александра Ошевенскаго, яко сугубымъ вѣнцемъ украшается отъ Господа. Радуйся граду нашему похвала и утверженіе!..“⁽³⁾ „Прійдите людие вси града нашего и вси градстїи хвалу принесеиъ отцу нашему, вопіюще сице: радуйся пресвѣтлїи столпе, просвѣщая насъ чудесы своими! радуйся звѣздо отъ юга возсія на сѣверныхъ странахъ, просвѣщая насъ чудесы своими“⁽⁴⁾! „Велїй явися ты, Антоніе“, поется въ службѣ этому святому, „иже въ послѣднемъ родѣ просїавше чудесы и осїавающїй западныя мѣста, и на востокъ

⁽¹⁾ Ркп. № 992. см. стихирь на л. 1. 9 на обор. и друг. Сравн. съ службой св. благов. кн. Александру Невскому на 23 ноября.

⁽²⁾ Ркп. № 230. л. 17. Тропарь съ тропаремъ препод. Сергію Радонѣжскому. Начало Сергіева тропаря читается такъ: «Иже въ добродѣтеляхъ подвижникъ, яко истинный воинъ Христа Бога, на страсти подвижался еси въ жизни временитѣи, въ бдѣнїихъ же и пощенїихъ образъ бывъ твоимъ ученикомъ, тѣмъ же... Тропарь Антонію Сійскому: «Иже воинствяну на земли тя ангела Божїа и на небеси чловѣка, сію жизнь суетную оставь, яко воинствяну преудобрень воинъ Христа Бога, на страсти душепагубныя подвижался въ жизни сей суетнѣи, бдѣнїемъ и пощенїемъ бывъ образъ своимъ ученикамъ, тѣмъ же... (далее слѣдуетъ дословное сходство съ подлинникомъ).

⁽³⁾ Ркп. № 992. л. 10 на обор. и 7 на обор.

⁽⁴⁾ Тамъ же л. 11.

просвѣщая, аки солнце вселенную обходя, благодатию просвѣщая (1)“. „Рака твоя полна чудесъ явися; ученицы бо твои красуются ею паче каменія прозрачна и бисера, и злата многоцѣннаго, не осудно бо подаваеши всемъ исцѣленія. (2) Аще, Антоніе преподобне, и на послѣдствѣ лѣтъ отъ земли яко солнце возсиялъ еси, но паче солнца древнихъ отецъ, иже прежде тебѣ бывшихъ, чести и дару отъ Бога сподобися, будутъ бо, рече Господь, послѣдній якоже первій“ (3).

Если святые иногда даже сами являлись больнымъ и предлагали имъ средства для избавленія отъ страданій, то въ тѣхъ случаяхъ, когда несчастные сами обращались за помощію, — они тѣмъ болѣе не медлили оказывать ее. Рассказы о чудесахъ этого рода столь многочисленны и характерны, что даже трудно становится выбрать изъ нихъ болѣе замѣчательные по своей важности для обрисовки народныхъ воззрѣній на святыхъ; ограничиваемся приведеніемъ не многихъ. Вотъ, наприм., какой замѣчательный для характеристики народныхъ представленій о болѣзняхъ рассказъ находимъ въ житіи преп. Трифона Печенгскаго.

Вдовица Марія была 40 недѣль одержима „чревною болѣзнію; утроба ея подымашея и необычно опухла, яко и живота отчаятися“. Несчастливая обратилась съ молитвою къ св. Троицѣ и призвала на помощъ препод. Трифона. Въ одно время, когда въ домѣ не было никого, „въ храмину“, гдѣ лежала больная, „явъ“ входятъ два монаха, неся съ собою на блюдѣ ножъ. Одинъ изъ нихъ взялъ этотъ ножъ, „разрѣза“ утробу“ больной „и изъять“ болѣзнь ея, образѣтъ и твердостью подобно древу; и паки рѣзаню заишета, и поведе жень изымати болѣзнь воснутися. Она же правая руни перстомъ вознуса, и на томъ персту ста валъ, подобно огурцу“. После этого цѣлители сказали жень: „Имѣи вѣру во св. Троицѣ и смиренныхъ Трифона и Іону призывай“, — за тѣмъ стали невидимы (4).

Нуждающіеся въ чудодѣйственной помощи святаго, болѣшею частію, сами текли къ его гробу; ивѣки встрѣчали при-

(1) Ркп. № 230. л. 3 на обор.—4.

(2) Тамъ же. л. 55.

(3) Тамъ же. л. 89.

(4) Ркп. № 182. л. 110.

ходившихъ весьма сочувственно и не оставляли безъ своего руководства,—они научали одержимаго известною болѣзнію, какъ нужно, молиться святому, а въ случаѣ неполученія отъ него помощи нуждающимся старались и умѣли подыскать въ объясненіе этого причину. Земледѣецъ Горяинъ страдалъ „очною болѣзнію“. Наслышавшись о чудесахъ бывающихъ у гроба препод. Зосимы, онъ дождался отправиться на Соловки; въ монастырѣ его отвелъ къ одному старцу, дабы этотъ научилъ его, „како помолиться святому, бже бо, замѣчаетъ писатель чуда, человекъ онъ (Горяинъ) претпростъ поселянинъ“. Старецъ научилъ: „студай“, сказалъ онъ больному, „къ священнику, котораго идеть подѣла, и дай на молебень и на обѣдню, а самъ иди въ гробину и стань у гроба святаго, молясь прилѣжно Богу и препод. Зосимѣ, да не вли милостивъ будетъ Богъ молитвами святаго и получиши желаемое“. Горяинъ послѣдовалъ совѣту старца, и дѣйствительно исцѣлѣнъ. Поспѣшно пошелъ онъ въ трапезу, гдѣ ѣлъ и пилъ „веселся и радуся“; но когда вышелъ изъ трапезы, „всѣа врагъ въ сердце его, яко не молитвами святаго прозрѣ, но тако просто болѣзнь мину“, и тотчасъ же на него напалъ мракъ и онъ снова лишился зрѣнія. Осѣдшаго опять привели къ тому же старцу, „отъ него же пріять преже совѣтъ“. „Старецъ же онъ“ замѣчаетъ писатель, ивусень сый вешемъ, вопроси его; что помысли во умѣ своемъ, егда прозрѣ? Горяинъ, сначала тайлся, но старецъ испытывалъ его „прилѣжно“ и добился признанія; „начать тязати и сице глаголати досадительными словесы: о окаянне и страстне! како дерануль еси сице помыслити о святѣмъ и раздражилъ еси святаго, наипачеже Бога прогнѣвалъ еси? Нынѣ же совѣтъ даю къ твоей пользѣ; аще хоцещи всяко помилованъ быти; иди во гробу преподобнаго и истинноу плачися о своемъ безуміи, и молися Богу прилѣжно, да не вли помилуетъ тя Богъ молитвами святаго, и отпуститъ ти согрѣшеніе, еже сопрѣши въ безуміи своемъ“ (1). Совѣтъ былъ исполненъ и слѣдой снова получилъ прозрѣніе.

Среди нуждающихся въ чудодѣйственной помощи святаго находились и такіе простодушны—благочестивые люди,

(1) Рил. № 175. л. 159—161.

которые обращаясь къ нему съ молитвою, старались какъ бы искушать его святость и могущество, наивно говоря преподобному, что если онъ не озаботится на нихъ своею силою, то они не могутъ вѣровать рассказамъ о его чудесахъ. — „О преподобне отче Александре“? взывалъ къ святому инокъ Игнатій, по клеветѣ враговъ напрасно посаженный въ темницу и закованный въ цѣпи. „Слышу чудеса твоя, но не вѣрва мною, понеже маловѣренъ есмь, сего ради не могу отъ слышанія увѣритися; аще не исполниши на мнѣ Богомъ данныя ти благодати: помилуй мя маловѣрнаго, да и азъ начну вѣровати чудесемъ твоимъ“⁽¹⁾.

„Прости мя, отче святыи Александре“! вопилъ нѣкто Ермилъ Павловъ, наказанный святымъ слѣботою за намѣреніе удалиться изъ его обители—„еже ти согрѣшихъ своимъ неразуміемъ и грубостію, и даруй ми поне единому оку прозрѣніе, не моихъ ради грѣховъ остави мя, ни помани моего невѣжества, но своя прослави чудеса. И ты отче, аще и весь міръ удивили чудеса, мене же презриши, то како имѣмъ проповѣдаю чудеса твоя, самому не получившу твоего дара“⁽²⁾. „Аще не поважени на мнѣ отъ Бога дарованныя ти чудеса благодати“, говорилъ святому юноша пришлецъ, „то не могу отъ слуха увѣритися, ни проповѣдати чудеса твоихъ“⁽³⁾.

Въ описаніяхъ чудесъ св. поморскихъ подвижниковъ встрѣчаются и такія, которыя прямо говорятъ о суевѣрнн обитателей того края, а потому имѣютъ важное значеніе для изученія религіозной стороны народнаго быта.

Нѣкоторые изъ одержимыхъ различными болѣзнями искали себѣ помощи у чудесниковъ; благочестивые иноки, всегда ревностно заботившіеся о славѣ своего святого, старались отвращать суевѣрныхъ отъ привязанности къ чудотѣйственной силѣ угодника Божія. У одного жителя Новгорода, по имени Алексѣя, трехлѣтній сынъ Василій былъ одержимъ бѣсомъ, „якоже много случается младымъ отрочатамъ“. Алексѣй силь-

(1) Рян. № 992. л. 131 на обор. — 132.

(2) Тамъ же. л. 149.

(3) Тамъ же. л. 155.

но скорбѣлъ о страждущемъ сынѣ; но, какъ „простѣйшій человекъ, не разумѣ прежде твердаго пристанища, еже прибѣгнути къ Богу и ко святымъ Его приложитися; плотстїи бо духовная мудрствовать не могутъ“. Къ своему сыну Алексѣй приставилъ нѣкоего кудесника; послѣдній „по волхвомъ пошаше его и ничтоже успѣяше“. Болѣзнь только усилилась. Наконецъ Алексѣй „приде во умъ и начатъ размышляти въ себѣ; колико время погубилъ и многа имѣнїя истощилъ волхвомъ и кудесникомъ, и ни мало пользы получилъ! како бо мощно бѣса бѣсу изгнати, паче же дружбу естественную межи собою имущимъ? Вспомнивъ о чудесахъ препод. Зосимы, онъ рѣшился побесѣдовать съ однимъ Соловецкимъ инокомъ и сталъ его просить, „дабы нареклъ имя препод. Зосимы надъ отрочатемъ и въ молитвѣ бы его призывалъ“. Старецъ приказалъ привести страждущаго къ себѣ; когда дитя было принесено (кудесникъ шелъ вслѣдъ за дитятей); старецъ, взявъ его, сказала: „перекрестися, чадо! и возмъ руку его начатъ крестити, глаголи: молитвами святаго старца Зосимы буди здравъ“. Тотчасъ дитя повеселѣло, стало креститься само своею рукою и „очистися отъ лютаго бѣса северныхъ дѣйствъ“ (1).

Личности кудесниковъ, отношенїя къ нимъ поморскаго населенїя, взглядъ его на злыхъ духовъ и борьба послѣднихъ со святыми изъ за своей жертвы — довольно характерно обрисовываются въ слѣдующемъ разсказѣ объ одномъ изъ чудесъ препод. Зосимы!

Бѣсъ наналъ на нѣкоего Никона, жителя наволока Унежмы; страданїя его продолжались цѣлыхъ полтора года и были столь сильны, что „Никонъ уже и живота отчаялся“. Причиною такого нечестїа съ Никонемъ послужило слѣдующее обстоятельство.—Въ той волости было два кудесника, „имуще между собою нѣкую прю; Никону тому случился промежу ихъ свидѣтельствовать, единому ихъ угоди, а другаго оскорби“. Оскорбленный началъ „бить кудеса“ и насалъ бѣса на Никона. Послѣдній понялъ изъ за чего произошло съ нимъ такое несчастье и позвалъ къ себѣ на выручку того кудесника, которому сдѣлалъ добро; этотъ оказался помня-

(1) Рго. № 475. л. 167—168.

щимъ услугу. Призванный, онъ „пораазсмотрѣлъ въ волхваваніи“ и отвѣтилъ: „не мощно ми отъ тебе бѣса отвести, понеже преданъ еси самому сатанѣ, да и кости твоя на раздѣленіе бѣсомъ“. Помогу тебѣ нѣсколько за твое добро ко мнѣ, но только на одинъ мѣсяць, „прочее же самъ промысли о себѣ. Азъ ти совѣтъ даю: аще хоцещи совершенно избыти отъ бѣса того, то побди себѣ на Соловьи къ тамошнему старцу, а инаво не можещи избыти отъ него, понеже сатанѣ преданъ еси въ даръ“. Никонъ рѣшился послѣдовать совѣту своего благодѣтеля, а бѣсъ началъ мучить его еще сильнѣе. „Лукавый проразумѣ“, говоритъ списатель чуда, „скорое свое побѣжденіе отъ св. Зосимы“. Никонъ былъ привезенъ на Соловки и положенъ у гроба препод. Зосимы, гдѣ и находился цѣлыхъ три часа; сначала съ нимъ пребывали „въ гробницѣ“ его дѣти, но потомъ прищель къ нимъ одинъ старецъ, выслалъ ихъ оттуда, и удалился самъ. Никонъ остался наединѣ. Придя опять къ нему, старецъ увидалъ его уже исцѣлѣвшимся. „Какъ ты получилъ исцѣленіе?“ спросилъ онъ. „Зосима чудотворецъ исцѣлялъ меня“, отвѣчалъ Никонъ и рассказалъ: „Придоша здѣ (т. е. въ гробницу) множество бѣсовъ и начаша влокоть великъ творити, идѣ же азъ лежахъ, начаша стѣну надымати, хотяще мя восхитити отсюду; гласы же страшными устрашаху мя, овии же врючіе поддѣвающе влечаху мя, кождо ихъ поглотити мя хотяху. Симъ же тако бывающимъ, слышу гласъ изъ гроба преподобнаго отца, къ себѣ мя зовуща: приближися ко мнѣ, а козней ихъ ничто же бойся“. Никонъ на эти слова сказалъ святому: „Не могу, господи мой, восклонитися“. Голосъ продолжалъ: „Опирайся руками и ногами, и Богъ поможетъ ти“. „Азъ же, говорилъ Никонъ, возстахъ, елико возмогохъ, и приползохъ ко гробу святаго; онъ же пріять мя своими руками и посади мя здѣ и рече ми: Богъ помилова тя, яко здѣ прибѣгль еси; нынѣ же не бойся лаянія ихъ, ктому бо уже не узриши ихъ“. Между тѣмъ въ бѣсовской толпѣ происходила сильная брань: бѣсы съ гнѣвомъ напали на того изъ собратій, который былъ приставленъ мучить Никона и упустилъ его изъ своихъ рукъ: „Почто, окаянне, говорили они, пустилъ еси его сѣмо ко прелатаю сему? или не вѣси, колико много зла творяше намъ? что ради не предашь еси его тамо (т. е. въ Унежмѣ) горцѣй смерти? сей былъ преданъ отцу нашему сатанѣ“. Опозоренный бѣсъ только и

могъ сказать въ свою защиту: „добрѣ умучихъ его, но не вѣмъ—како гонзе отъ мене“ (1).

Вѣра въ чудесничество была весьма сильна на отдаленномъ поморьѣ, и не только среди простаго народа, но даже и въ кругу церковнаго вліяра. Упомянутый выше дьяконъ Анисимъ былъ самъ свидѣтелемъ чудесной помощи его женѣ, оказанной чрезъ препод. Зосиму, и все таки, когда случилось ему захворать самому, то, „забывъ благодѣяніе святаго къ себѣ, прельстився яко человѣкъ“, призвалъ на помощь себѣ не святаго чудотворца, а вѣоего чудесника. Препод. Зосима не стерпѣлъ такого поступка съ его стороны; когда Анисимъ, его жена и чудесникъ сидѣли за столомъ, вдругъ чудесникъ закричалъ „нелѣпными гласы, втому же сталъ и очи развращати“; въ домѣ произошло великое смятеніе,—раздался плачь. Оказалось, что причиною такого переполоха было явленіе чудеснику препод. Зосимы, Савватія и старца Іоанна. Зосима явился ему съ жезломъ въ руцѣ и началъ этимъ жезломъ бить его, приговаривая: „Почто прииде, окаянне и страстне, къ рабу Божию? не подобаеъ ти сѣмо приходити, но иди къ подобнымъ себѣ, сія же остави“. Самого Анисима святой помазалъ кистью, обмоченною въ сосудѣ, по головѣ и лицу, и потомъ повелѣлъ ему въ праздникъ св. Богоявленія „искупатися во Іердани“. Анисимъ исполнилъ это и исцѣлѣлъ. Побитый чудесникъ остался въ сильной обидѣ на исцѣлѣвшаго дьякона: „Почто настъ“, говорилъ онъ Анисиму, „призываеши на срамоту токмо, а имѣя у себе лѣкаря, отъ него же азъ злѣ пострадахъ“ (2)?

Призывая святыхъ на помощь себѣ противъ нечистой бѣсовской силы, древне-русскій народъ представлялъ ихъ также дѣятельными помощниками себѣ и противъ стихій природы и всякихъ физическихъ бѣдствій. Вотъ, наприм., что читаемъ въ житіи препод. Антонія Сійскаго.—„Бысть сице: отъ сотворенія міра въ лѣто 4371 (1672 г.) отъ дождевныя мокроты и отъ великихъ бурь и отъ облачныя толстоты на многое солнца не видѣти, и земнымъ плодомъ замедленіе бысть веліе, и ржаные плоды отъ того дождя и бури изгледли и не исправились, и цвѣту въ нихъ не бысть, яко протягнутись іюля мѣца до 3 числа, и иному всякому плоду не

(1) Рѣп. № 175. л. 149—155.

(2) Рѣп. № 175. л. 137—138.

растущу, человѣкомъ же всякому роду зѣло о семъ скорбящимъ, паче же въ скудости пребывающимъ; но человѣколюбивый Господь Богъ, не хотя своего созданія до конца погубити, и на долгъ времени отъ безмѣрныхъ тоя скорби человѣкомъ истаяти, но полезное о всѣхъ промышляя, посылаетъ милостивымъ явленіемъ заступника нашей странѣ и общаго предстателя преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія, чудотворца Сійскаго. Святой явился нѣкоему Іоанну Тырыданову, повелѣвая ему сходить къ настоятелю обители, дабы тотъ заповѣдалъ братіи „во вся среды и пятки поститися, наипаче же во святыя посты“,—и совершить со всѣмъ духовенствомъ и народомъ крестный ходъ на то мѣсто, гдѣ преподобный нѣкогда самъ въ 1520-мъ году водрузилъ крестъ, и отпѣть тамъ молебень о благообразованіи воздуха и о умноженіи плодовъ земныхъ. Воля преподобнаго была исполнена.—и „отголѣ премѣнися воздухъ, и дарова Богъ теплоту солнечную, и бысть время зѣло благостройно ко умноженію плодовъ земныхъ, и рожь тогда нача цвѣсти, и иные земные плоды нача снѣти и совершишася благопотребнѣ, молитвами и заступленіемъ общія наша заступницы, христіанскія надежды, пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и предстателя нашего и заступника и о нашихъ согрѣшеніихъ общаго ко Христу ходатая и молебника, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія чудотворца“ (1).

О препод. Иринархѣ Соловецкомъ повѣствуется, что онъ явился однажды нѣкоему Іоанну и сказалъ: такъ какъ старцы (Соловецкой обители) живутъ „неподобно“, то постигнетъ ихъ Божіе наказаніе; черезъ 50 дней наставеть „туча снѣжная велія и будетъ мразъ, яко роспуску людіамъ и на службы братіи, и міряномъ на промыслы не будетъ до Ильина дня“. Предсказаніе сбылось; черезъ 20 дней послѣ наступленія мороза и снѣжныхъ заносовъ братія установила въ предотвращеніе бѣдствія крестный ходъ вокругъ монастыря и начала пѣть панихиду надъ гробомъ препод. Иринарха, и внѣзапу въ томъ часѣ хладъ преложиися въ теплоту и дождь благотворный велій на землю спаде и пролива-

(1) Ркп. № 230. л. 100—104.

шеся весь день той до самыя ноши, наутріе же бысть солнечная теплота велія, губа морская отъ льдовъ вскорѣ остылась и езеро растаяло ⁽¹⁾.

Слѣдствіемъ народнаго представленія святыхъ строго ревнующими о своей славѣ, и притомъ—вникающими во все хозяйственныя нужды своей обители, было то явленіе въ области религіозно-нравственной жизни, что людьми нуждающимися въ благодатной помощи святаго, особенно лицами находящимися на одрѣ болѣзни, приносились различнаго рода обѣты, имѣвшіе цѣлю умиловити чудотворца. Святые принимали эти обѣты милостиво, но въ тоже время строго и зорко слѣдили за точностью ихъ выполнения, не позволяя дѣлать въ нихъ даже малѣйшаго опущенія ⁽²⁾. Изъ многочисленныхъ разказовъ въ подтвержденіе этого приводимъ слѣдующій.—У нѣкоего Ивана Никифорова была больна дочь Параскева; они дали обѣтъ—сходить въ Кожеозерскій монастырь и тамъ отцѣть молебень „Богоявленію Господню и препод. Никодиму у гроба его“. Преподобный избавилъ Параскеву отъ болѣзни; исцѣлѣвшая отправилась съ отцомъ въ обитель, гдѣ и отслужили оба обѣщанныхъ молебна вмѣстѣ, а у гроба преподобнаго только воздали должное поклоненіе. Ночью Никодимъ является Параскевѣ, беретъ ее за плеча и говоритъ: „Параскева! зачѣмъ ты забыла свой обѣтъ? когда была больна, то обѣщалась пѣть молебень Богоявленію Господню въ церкви, а преподобному—у гроба его; теперь же исполнила свое слово не такъ“. Исцѣлѣвшая исполнила послѣ этого обѣтъ въ точности ⁽³⁾.

Также строго святые наблюдали за исполненіемъ обѣщаній касательно какихъ нибудь вкладовъ въ ихъ обители, ревнуя о выгодахъ послѣднихъ. Вѣра въ охранительную силу святымъ своего имущества была настолько сильна въ народѣ, что нѣкоторые, желая сберечь что нибудь изъ своего достоянія отъ гибели, записывали это на имя святаго; благочестивые иноки заботливо поддерживали такой народный

⁽¹⁾ Ркп. № 238.

⁽²⁾ См., наприм., ркп. № 175. л. 267 на обор. и далѣе; л. 222—283; 194—201, 140—143, 245—250.

⁽³⁾ Ркп. № 182. л. 77—78.

взглядъ на святыхъ.—Тамъ, нѣкоторый старецъ Соловецкой обители на просьбу однихъ родителей помолиться о выздоровленіи больнаго ихъ сына отвѣчалъ: „Аще хощете его жива видѣти, то общайте его на Соловки препод. Зосимъ“ (1). Въ другой разъ, монахъ покупаетъ больнаго отрока за одну „сребреницу“ на имя преподобнаго (2). Старецъ Савватій у одного новгородскаго купца, у котораго всѣ дѣти умирали, купилъ за „двѣ мѣдницы“ еще неродившееся дитя (3).

Среди суевѣрной и неразвитой массы поморскаго населенія въ числѣ обѣтныхъ жертвователей на известную обитель бывали и такіе, которые своимъ обѣтомъ хотѣли какъ бы искусить силу святаго, даже обманывали его: общались наприм. принести въ даръ святому то, что для самихъ было ненужно, или что нибудь негодное, дурное. Но святые, не пренебрегая и такими обѣтами, не вдавали себя въ обманъ, потому что, при помощи своей чудодѣйственной силы, могли и негодное привести въ совершенное состояніе, — сдѣлать полезнымъ, и черезъ то увеличить имущество своей обители.

„Вездѣ и всюду посѣщаютъ (Соловецкіе чудотворцы) данною имъ отъ Бога благодатию“, читаемъ въ предисловіи къ описанію одного чуда; „иже аще кто во обстояніихъ нужныхъ и призоветъ ихъ съ вѣрою, или кто завѣщаетъ дати что во обитель преподобныхъ, или ино что сотворити общается,—вся сія назирають святіи и исправляють во общему спасенію“. Самый разсказъ о чудѣ выразительно обрисовываетъ религіознонравственную сторону жизни поморянъ. Нѣкому Теодору, жившему близъ р. Онеги, „случися жребя свое сконити, сирѣчь исхластити, и оттолѣ жребя его начать болѣзновати, и отнюдь ухуждаше, и уже приближашеся снѣдъ псомъ и птицамъ быти“. Завѣщаемъ, обратился Теодоръ къ своимъ домашнимъ, завѣщаемъ жребя свое чудотворцамъ въ монастырь на Соловки; аще оздравѣетъ жребя наше, дадимъ его въ монастырь на службу братіи“. Жеребенокъ немедленно сталъ поправляться, вскорѣ выздоровѣлъ совсѣмъ „и израсте конь добръ и борзъ“. Но послѣ этого дьяволъ подбужтилъ Теодора не исполнять обѣта и не от-

(1) Ркп. № 175. л. 166 на обор. Ркп. № 230. л. 232.

(2) Тамъ же. л. 171 на обор.

(3) Тамъ же: л. 173.

давать пова своего коня на Соловки. Этого мало; чтобы конь какимъ либо образомъ все-таки не попалъ въ монастырь, дьяволъ вздумалъ понудить нѣкоторыхъ злыхъ людей урвать животное, а когда эти воры почему-то замедлили, „воздвиже людей боярскихъ на полцѣны коня того взяти или туне. Феодоръ же, не стерпя стуженія насилующихъ, скоро продаетъ своего коня“ и послѣ этого совсѣмъ уже забываетъ объ обѣтѣ. „Чтоже“, съ удивленіемъ продолжаетъ повѣствователь чуда, „по сихъ сотворяетъ всесильный Богъ и каковымъ художествомъ исправляетъ сія? Не замедли на долго время, но скоро отмщаетъ, да не преобидима будетъ благодать Его, юже дарова угодникомъ Своимъ. Той же ночи человекъ онъ (Феодоръ) въ недугъ впадаетъ лють зѣло: лице бо ему превратися назадъ и гортанъ искривися на едину страну; и всѣмъ зрачимъ ужасно есть видѣти наказаніе Божіе“. Сталъ онъ размышлять о причинѣ приключившагося несчастія и догадался, въ чемъ дѣло. Тогда онъ началъ усердно молиться къ преподобнымъ и снова повторилъ прежнее обѣщаніе, намѣреваясь уже выполнить оное на самомъ дѣлѣ; послѣ усердной молитвы онъ заснулъ, а на утро — „болѣзнь въ немъ ни слѣда обрѣтеса“. Всѣ дивились чуду. „Феодоръ же дастъ конь той въ монастырь на Соловки не замедливъ, наказанъ бо бѣ, и обѣтъ свой исполни“. „О преславныхъ дѣл Твоихъ, Владыко Христе!“ заключаетъ свой рассказъ писатель, „ни весьма терпя преобиженія угодникъ Своихъ, но скоро отмщаеши, скоро же и милость Свою посылаеши, спасаеши обращающихся теплѣ, якоже рече отъ лица Божія Моусей боговидецъ: Азъ поражу и Азъ исцѣлю, и нѣсть, иже изметъ изъ руку Мою“⁽¹⁾.

Въ другой разъ нѣкто обѣщаль отдать на Соловки пропавшаго мерина; какъ только дано было такое обѣщаніе, въ тотъ же вечеръ меринъ очутился у воротъ своего хозяина. Послѣднему стало жалко разстаться съ животнымъ, и вотъ онъ предложилъ Соловецкому игумену Алексію, на этотъ разъ случившемуся въ томъ седѣ, — взять вмѣсто мерина деньги. Игумень пожелалъ поемотрѣть мерина и его вывели на улицу — на показъ; игумень согласился взять деньги. Вдругъ меринъ вырвался изъ рукъ слуги, который

(1) Ркп. № 175. л. 225—228.

держалъ его за удило, „поразилъ“ этого слугу, устремился вдоль улицы „и не вниде ни во единъ дворъ, но идѣже игумень Соловецкаго монастыря обитая, ту и прибѣже, и скоро вниде и ста съ монастырскими коньми при яслѣхъ“. Обстоятельству этому игумень Алексѣй и хозяинъ мерина дали такое объясненіе: „Аще и нехотящимъ намъ, но Богъ сія приводитъ, и безсловесный сей скоть самъ собою хочеть служити во обители преподобныхъ“. Меринъ дѣйствительно былъ взятъ на Соловки и тамъ работалъ на братію; „воспоминаемъ нань зря“, заканчиваетъ писатель разсказа, „чудо то бывшее преподобныхъ отецъ нашихъ, и славимъ всѣхъ сихъ одинаго чудотворящаго Бога святыми своими“ (1).

Чудеса, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, по своему характеру, сходны съ встрѣчающимися въ житіяхъ св. подвижниковъ, обитавшихъ и въ другихъ краяхъ нашего отечества: кромѣ чудесъ этого рода въ житіяхъ св. поморскихъ подвижниковъ есть другія, имѣющія болѣе мѣстный, областной характеръ. Относительно такихъ чудесъ слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что они не особенно многочисленны. Къ этому разряду чудесъ можно напр. отнести помѣщенное при житіи преп. Никодима Кожеозерскаго, чудо преподобнаго о нѣкоемъ отроцѣ пастырѣ, характерно обрисовывающее вѣрованія жителей тамошняго лѣснаго края въ разныхъ лѣсныхъ демоновъ. 15-го мая 1688 года, говорится здѣсь, Григорій, сынъ Васильевъ, житель села Кирнешки, принадлежавшаго Кожеозерскому монастырю, пасъ скоть; наступилъ вечеръ и Григорій отошелъ за рѣву Кирнешу собирать стадо, но какъ то потерялъ дорогу и самъ не зналъ, куда шель. Блуждая по незнакомому пространству, онъ увидаль передъ собою „яко челоувѣка привидѣнемъ, въ сѣромъ одѣяніи, и коволоецъ малъ въ руцѣ имуща, въ онъже бряцаше“. Призракъ этотъ шель впереди Григорія и звалъ его за собой; пастухъ сначала слѣдовалъ зову, но потомъ, не много опомнившись, началъ многихъ святыхъ призывать къ себѣ на помощь, призывалъ и препод. Никодима. А родители заблудившагося пастуха между

(1) Тамъ же. л. 229—231.

(2) Ркп. № 182. л. 80 на обор.—81.

тѣмъ плавали и тоже молился преподобному, полагали обѣты, чтобы идти въ Кожезерскую обитель и молеbstвовать. И вскорѣ потомъ несчастному пастуху въ лѣсу предсталъ преподобный. „Григорій чувственно видитъ, какъ нѣкій старецъ слѣдуетъ за нимъ. Когда Григорій пѣлъ подь деревомъ пѣсни (священныя), то видѣлъ—старецъ зоветъ его въ себѣ и велитъ креститься знаменіемъ честнаго креста; и когда онъ знаменовался крестомъ—лѣсной демонъ становится невидимъ, а старецъ оный приближался въ нему; когдаже Григорій забывался—демонъ опять показывался; долго такимъ образомъ „страдалъ“ пастухъ, но святой не оставлялъ его, шелъ за нимъ, достигъ рѣки Сыртуги, откуда оба прибыли „на рѣку Кирнешву въ верхотню“. Здѣсь Григорій „видитъ храмину, а въ ней мечтается ему якобы древіе великое и малое и старца нѣкоего знаема ему, на верху древесъ лежаща, и юношѣ нѣкихъ знаемыхъ ему, овыхъ спящихъ, а овые приносяще ему ясти, а иные одѣваніе и обуваніе снемлюще съ него“. Въ 18-й день тогоже мѣсяца, милостію всецѣдраго Бога и молитвами преподобнаго, утромъ пастухъ увидѣлъ себя въ селѣ Кирнешвахъ у монастырскаго двора; тутъ его нашли служители: стоитъ Григорій, руки въ сердцу приложивъ, дрожить весь, руки и ноги обиты зѣло и кровь течетъ изъ ранъ. Служители взяли Григорія и воздали хвалу Богу и препод. Никодиму.

Лѣсныя мѣстности не составляли впрочемъ особенности поморскаго края и чудеса, подобныя приведенному, могли случаться развѣ въ одиѣхъ болѣе южныхъ его частяхъ. Главною особенностію его было, разумѣется, сѣверное море съ его страшными бурями, капризными теченіями и гибельными для помора промышленника льдами. Поэтому и мѣстный характеръ чудотворной дѣятельности поморскихъ святыхъ главнымъ образомъ отразился въ чудесахъ ихъ, совершенныхъ на морѣ. Чудеса этого рода встрѣчаемъ при житіяхъ Зосимы и Савватія, игумена Ирнарха, Антонія Сійскаго, Варлаама Керетскаго и въ Сказаніи объ Іоаннѣ и Логгинѣ Яренгскихъ. Всѣ они довольно однообразны, но тѣмъ не менѣе имѣютъ важное значеніе по тѣмъ образамъ и формамъ, въ какихъ, по мѣстному народному представленію, святые проявляли свое покровительство находящимся въ опасности потовуть въ морской пучинѣ.

Плыветь по морю лодка или карбась. Промышленники озабочены мыслию объ удачѣ своего предпріятія. Но вотъ подулъ сильный и порывистый вѣтеръ, погода на морѣ перемѣняется: на поверхности водной появляется пѣна, волны поднимаются, какъ горы, съ великою силою и напоромъ ударяются о судно и готовы разбить его; а тутъ еще на встрѣчу несутся громадныя льдины, грозящія собою совершенно затереть пловцовъ. Истомленнымъ и перепуганнымъ, имъ остается одна надежда—искать спасенія въ молитвахъ и въ чудесной помощи; усердно, изъ глубины сердца, обративъ взоръ въ небо, начинаютъ несчастные молиться Богу и призывать къ себѣ на помощь мѣстныхъ святыхъ; при этомъ обыкновенно произносятся ими разныя обѣты.

Горячая молитва бываетъ услышана. Кому нибудь изъ тружениковъ во снѣ является старецъ; иногда онъ только произнесетъ слово утѣшенія, скажетъ „не бойтесь, но безпечальни будьте“; а то явится сидящимъ на кормѣ и искуснымъ управителемъ судна, или—въ положеніи инока распростершаго надъ судномъ свою мантию и такимъ образомъ защищающаго его отъ волнъ, или же расталкивающимъ льдины и проторяющимъ путь для лодки. Проснувшійся немедленно же возвѣщаетъ о видѣніи своимъ сотоварищамъ; ободренные пловцы дѣятельно принимаются направлять судно; погода мало по малу перемѣняется въ лучшему, обуреваемые спасаются отъ явно-угрожавшей опасности и достигаютъ берега.—Вотъ что общаго можно читать почти въ каждомъ изъ описаній морскихъ чудесъ.

Въ одномъ изъ чудесъ этого рода чудесный избавитель отъ потопленія является въ образѣ птицы.—Нѣкоторый земледѣлецъ, плывя съ своимъ сыномъ по Куть-озеру, началъ тонуть: лодка полна налилась воды и выбросила пловцовъ въ озеро. Утопавшій крестьянинъ привелъ себѣ на память Соловецкихъ чудотворцевъ и тотчасъ же ухватился одною рукою за край лодки, а другою—началъ спасать сына; вдругъ прилетѣлъ орелъ, сѣлъ на конецъ судна и „крылами своими скоро, безъ лѣности воду изъ ладійцы зачерпая, вонъ излія и сотвори празду, и отлетѣ на брегъ“. Земледѣлецъ съ сыномъ спаслись (1).

(1) Рун. № 175. л. 174—175.

Замѣчательно еще въ такихъ разсказахъ то, что увидѣвшій явившагося старца обыкновенно не узнаетъ святаго и потому спрашиваетъ: „Кто ты, отче? Отвѣтъ на это дается самый краткій. „Азъ есмь Варлаамъ изъ Керети“; или—„азъ есмь Соловецкаго монастыря игумень Иривархъ“. Иногда отвѣтъ дается въ формѣ вопроса: „Знаете-ли Хозьюгскаго пустынника Никодима, его же въ молитвѣ своей призываете на помощь? Произнесши тавія слова, явившійся старецъ становится невидимъ⁽¹⁾.

Прославленные поморскіе угодники, Зосима и Савватій, представляются помогающими несчастнымъ пловцамъ только тогда, когда послѣдніе обращались къ нимъ съ молитвами и давали имъ разные обѣты. Нѣкто монахъ Митрофанъ разсказалъ Соловецкимъ инокамъ, что, когда еще онъ былъ въ мірѣ, то однажды вмѣстѣ съ товарищами плылъ по морю; „и приде буря вѣтреная велия, и трусь великъ въ мори, и волны морскія устремляющеса вельми зѣло и покрывающе ладію нашу“. Пловцы начали молиться Богу и призывать на помощь препод. Зосиму, при чемъ обѣщались дать въ Соловецкій монастырь приношеніе на молебень и на службу. „И внезапно обрѣтесе на лодіи нашей старецъ, на кормѣ сѣдя, и приходяще волны морскія съ великимъ устремленіемъ, хотяще покрыти лодію нашу; старецъ же онъ простираше воскрилія мантии своея обѣма рукама на обѣ страны лодіи и соблюдаше ю отъ волнъ; волны же проходяще лодію нашу мирно и тихо, не врежающе насъ. Плывшимъ же намъ день и ночь вѣтренымъ дыханіемъ носими, старецъ же онъ стояше на кормѣ лодіи, соблюдаше-ю отъ волнъ и праваше насъ даже и до берега, и невидимъ бысть“⁽²⁾.

Разъ плывшіе съ товаромъ были застигнуты на морѣ бурю и тоже стали призывать къ себѣ на помощь препод. Зосиму и Савватія, обѣщаясь „дать на молебень и на службу на Соловки“. И вотъ, въ скоромъ времени одному во снѣ является старецъ „святостию почтенъ и сѣдинами украсенъ свѣтолѣпными“. „Спите прочее безъ печали, сказалъ онъ, и не скорбите; азъ убо затоптахъ якорь твердо ногами“. Про-

⁽¹⁾ См. ркп. № 182. л. 160; тамъ же—л. 55 на обор. 56. Ркп. № 238. л. 7. Ркп. № 230. л. 240 на обор.

⁽²⁾ Ркп. № 175 л. 98—99. Срав. ркп. № 230. л. 238—241.

снувшійся повѣдалъ о видѣннн своихъ товарищамъ; всѣ повѣрили и, „отложивше всю скорбь свою“, сказали: „Аще чудотворцы соблюдаютъ лодію нашу и велятъ намъ спати, то уже о томъ не скорбимъ, понеже слышимъ многа чюдеса ихъ преславна“. Обнадеженные помощію святаго легли спати и спали „довольно“ (¹).

Подвижники, не получившіе большой славы и распространеннаго чествованія, являлись обуреваемымъ, даже не дожидаясь съ ихъ стороны призыва,—сами заявляли имъ о себѣ и предлагали имъ свои услуги.

Препод. Иринахъ, какъ духовный сынъ Зосимы и Савтія и какъ бывший Соловецкій игумень, являясь добровольно мореплавателямъ,—повелѣваетъ имъ молиться Богу и Соловецкимъ чудотворцамъ: „Встаните, молитесь Богу и Соловецкимъ чудотворцамъ, призывайте ихъ на помощь и будетъ вамъ милость Божія вскорѣ“,—слова преподобнаго въ одному изъ юровщиковъ (²).

Препод. Антоній Сійскій два раза являлся на морѣ потому, что грозила опасность потонуть въ водѣ монастырскому имуществу (³).

Препод. Варлаамъ Керетскій, являясь пловцамъ безъ призванія съ ихъ стороны, имѣетъ послѣдствіемъ явленій прославленіе себя. Такъ онъ открылъ себя сначала нѣкому купцу Евфимію Каргопольцу, избавивъ его отъ потопленія. Евфимій прибылъ въ Кереть, рассказалъ о случившемся и „повелѣ отъ имѣнія своего поставить сѣнь надъ гробомъ святаго и свѣщу предъ святителевымъ образомъ возжигати“ (⁴). Въ другой разъ, спасши нѣкогого Петра Буторина съ отцомъ, препод. Варлаамъ сказалъ: „Потонуть было бы вамъ, аще не бы азъ Варлаамъ Керетскій,—и повелѣ повѣдати людямъ“. Когда Петръ медлилъ исполненіемъ этого повелѣнія, преподобный явился снова, „поношая и ужасая, и хотяще его бити дубцы и глаголаше: что ты, мною бывшее вамъ, не повѣда всѣмъ человекамъ дѣянія моего?“ (⁵) Плыли моремъ

(¹) Тамъ же. л. 210.

(²) Ркп. № 238. л. 5.

(³) Ркп. № 230. л. 238—241; 296—299.

(⁴) Ркп. № 182 л. 156.

(⁵) Тамъ же. л. 157.

торговцы; поднявшаяся буря нанесла вокруг ихъ судна много льдинъ, такъ что ему было невозможно пройти; льдины наваливались одна на другую и грозили страшною опасностію торговцамъ. Одному изъ нихъ, находившемуся въ сонномъ состояніи, является старецъ и спрашиваетъ: „Далече ли путь вамъ, братіе? идемъ въ поморіе торговати“, былъ отвѣтъ, и нынѣ насъ ледомъ затерло и вси погибнути хощемъ“. „Не скорбите, братіе! утѣшалъ старецъ; „но поѣдите вы въ Кереть и Богъ дастъ вамъ путь чистъ“. Сказавъ эти слова, старецъ пошелъ на носъ судна и началъ раздвигать льдины. Проснувшійся разсказалъ о видѣніи прочимъ; „и внезапно бысть яко дорога сквозѣ лоды“, подулъ попутный вѣтеръ и торговцы прибыли въ Кереть. Въ благодарность за избавленіе отъ опасности они построили надъ гробомъ преподобнаго часовню (¹).

Представленный нами, по возможности подробный, критическій разборъ избранной нами серіи житій достаточно показываетъ, какъ съ одной стороны не удобно историку пользоваться этими произведеніями безъ предварительной критической ихъ разработки, а съ другой какъ мало чисто-историческаго матеріала онъ можетъ извлечь изъ нихъ даже и при такой ихъ разработкѣ.

По времени происхожденія, всѣ они принадлежатъ къ такому періоду агіографической литературы, когда въ ней господствовало стремленіе къ подражанію образцовымъ составителямъ житій до XVI-го вѣка. Главныя изъ этихъ житій, касающіяся наиболѣе выдающихся лицъ изъ ряда св. поморскихъ подвижниковъ, преимущественно предъ прочими носятъ на себѣ слѣды уже извѣстнаго намъ искусственнаго стиля агіографіи того времени; другія представляютъ даже чистую копію съ житій св. подвижниковъ другихъ мѣстностей нашего отечества. Притомъ же и тѣ и другія написаны не современниками очевидцами, которые могли бы внести въ свои произведенія сколько нибудь живыя черты изъ жизни описываемыхъ ими личностей, и главнымъ, даже ис-

(¹) Ркп. № 182 л. 159

включительнымъ содержаніемъ своей біографической части имѣютъ описаніе подвиговъ своихъ святыхъ на поприщѣ одного нравственнаго самоусовершенствованія, съ цѣлями прославительно-назидательными. Отсюда понятно, что вся біографическая сторона этихъ житій можетъ дать историку нужный ему матеріалъ только развѣ для изученія идеальныхъ взглядовъ народа на подвижничество, но съ этими взглядами знакомятъ историка и житія св. подвижниковъ всякаго другаго края. Напротивъ, изъ сказаннаго нами о чудесахъ св. подвижниковъ поморскихъ легко можно убѣдиться, что этою частію вышерассмотрѣнныя житія представляютъ богатый и весьма важный матеріалъ для изученія бытовой стороны народной жизни того края; въ этомъ и состоитъ, главнымъ образомъ, значеніе упомянутыхъ памятниковъ въ историческомъ отношеніи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Изъ житія препод. Сергія Радонежскаго: сказаніе о изведеніи источника. (Ркп. Соловецк. библ. № 499. л. 363 на обор.—365. Миней четья. Сентябрь).

Хошу же вашей любви прострети о преславныхъ чудесѣхъ, яже сотвори Богъ угодникомъ своимъ, якоже предвоспоянухомъ сего великаго пастыря и доброразсудную главу, еже въ пустыню пришествіе, якоже единому тому хотящу на томъ мѣстѣ безмолствовати, водѣ же не сущи близъ обители, братству же умножающуся, и имѣху нужу велию, отдалеча бо воду приносяще, и сея ради вини нѣцми поропташа на святаго, вскую, глаголюще, не разсуждая сѣль еси на семь мѣстѣ обитель здати, водѣ же не сущи близъ ея; и сія многожды съ досадами глаголаху. Къ нимъ же святыи отвѣ-

Изъ житія препод. Александра Свирскаго: сказаніе „о произведеніи воды отъ горячаго езера въ нижнее, і о поставленіи мельницы“. (Ркп. Солов. биб. № 228 л. 54—57).

И о семь же пакы хошу вашей любви бесѣду прострети отъ преславныхъ чудесъ, яже сотвори Господь Богъ угодникомъ Своимъ, якоже предъ воспоянухомъ сего великаго пастыря и доброразсудную главу, еже въ пустыню пришествіе, яко единому хотящу безмолствовати на томъ мѣстѣ, но о семь же Богу благоволящу, братству умножшуся, мельницѣ же не сущи на приложеніе трудолюбія ради, имяху-же нужду велию о семь, яко и во время жатвы сами меляху, и сея ради вини нѣцми отъ братій ропташа на святаго, вскую, глаголюще, не разсуждая томиши насъ во время се, и сія многожды и

щаваше: азъ убо единъ на семь мѣстѣ хотѣхъ безмолствовати, Богъ же восхотѣ толлику обитель воздвигнути и прославитися святому Его имени, держайте убо въ молитвѣ своей и не премогайте. Аще бо непокоривымъ людемъ еврейскимъ отъ камене воду источилъ есть, васъ же, работающихъ Ему день и ночь, презрѣти ли имать? и тако отпусти ихъ во своя ихъ келія,

съ досадами блаженному глаголаху. Къ нимъ же святыи отвѣщаваше: азъ убо, братіе, единъ на семь мѣстѣ хотѣхъ безмолствовати, Богу же изволюшу толлику обитель воздвигнути во славу Свою; прочее же подвизайтесь, въ молитвахъ вашихъ, и не премогайте. Оставимъ же о семь, братіе, Богу о насъ пещися. Аще бо и непокоривымъ и жестокосердымъ людемъ еврейскимъ въ пустыни пищу неоскудиѣ подавъ, и воду изъ камене источи, васъ же, присно работающихъ Ему, братіе, никакоже презрѣти имать. И тако увѣщаваше ихъ немощь. Начать же преподобный помышляши въ себѣ: како бы и гдѣ поставити ему мельницу на упокоеніе братіи, многихъ ради трудовъ и зѣлнаго подвига ихъ, и воздержанія. Бяше же подъ бегомъ монастыря блаженнаго езеро глубоко суще и воду довольну имуще, и паки же убо другое езеро равно монастырю въ высотѣ горѣ стоя, такожде убо воду имуще довольну суще, на устроеніе мельницы потребну, разстояніе же бяше отъ монастыря недалече промежь езеръ тѣхъ имущи, яко единомъ или дважды стрѣлою стрѣдати токмо. Посемъ же преподобный Александръ, во время благополучно, помѣсь съ

самъ же изыде изъ монастыря, и нѣ-когого брата поемъ съ собою, и сниде въ дебрь, яже подь монастыремъ. иже не бѣ ту никомже текущая вода, яко же и древнїи чловѣцы яко извѣстїиша; обрѣтъ же святыи во единомъ ровѣ мало воды отъ наводненїя дождевнаго,

и, преклонь колѣнѣ, начать молитися глаголю. Молитва.

Боже, Отче Господа нашего Ісуса Христа, сотворивый небо и зем-

нобу старѣйшую братїю, и сниде съ ними во стремнину горы тоя и въ чашу лѣса вшедше, въ разстоянїе отъ края вышняго езера, і сотворивъ преподобный молитву, и оттуду же рыти начать. ископовая же та самая посредѣ стромная и высоки мѣста, и творяше сквозѣ прокопанїя рѣки проходъ отъ многихъ водъ, съ высоты горы тоя къ монастырю низвести хотя. Повелѣ же преподобный всѣмъ братїямъ коемуждо ахъ рыла взяли, и прокопанїе сотворити отъ горняго езера въ нижнѣйшее. Сотворшимъ же имъ ископанїе, якоже преподобный повелѣ, и тако внезапно устремися вода, яже своимъ сходженїемъ съ высоты горскїа нашедъ, съ великимъ шумомъ и гремѣнїемъ воднымъ; мнѣти же убо блаженному, яко отъ шума того и прещенїя воднаго паденїе быти монастырю и всѣмъ братїямъ погубленїе. Преподобный же Александръ, теченїе водное съ великимъ устремленїемъ свыше сходящее видѣвъ, яко и рву превелику изрытися подь монастыремъ отъ многого сходженїя воднаго, преклонивъ же блаженный колѣни, начать молитися. — Молитва святаго.

Боже, Отче Господа нашего Ісуса Христа, сотворивый небо и зем-

лю, и вся видимая и невидимая, и создавый человека от небытія, и нехотѣи смерти грѣшникомъ, но живымъ быти. Тѣмъже молимся мы грѣшніи и недостойніи рабы твои, услыши насъ въ сїи часъ, и яви славу свою, якоже и въ пустыни чудодѣйствоваше Моисеомъ крѣпкая десница твоя, и отъ камене твоимъ повелѣніемъ воду источи, такоже и здѣ яви силу твою. Ты бо еси творецъ небу и земли, даруй намъ воду на мѣстѣ семъ, и да разумѣютъ вси, яко послушаеши боящихся Тебе, и имени Твоему славу воздающихъ, Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

И се убо рекшу святому, и мѣсто назнаменовашу, внезапно источникъ велиїи явися, иже и до нынѣ всѣми видимъ есть, отъ него же почерпаютъ вси на всякую потребу монастырскую, благодаряще Бога и сего угодника Сергія. Многа же и исцѣления бывають отъ воды тоя приходящихъ съ вѣроу, и различными недуги одержиміи исцѣления приемятъ, и не токмо иже на самую воду ту приходящїи исцѣления сподобляются, но и отъ дальнихъ странъ приходящїи и почерпающе воду оную, и во своя жилища относятъ, и

лю, и вся видимая же и не видимая: создавый человека отъ небытія, и нехотѣи смерти грѣшникомъ, но живымъ быти. Тѣмъже молимся мы грѣшніи и недостойніи рабы твои, услыши насъ въ сїи часъ, яви славу Твою, якоже и въ Колоссаехъ чудодѣйствоваше архистратигомъ Михаиломъ крѣпкая ти десница, воду внутрь каменїи сохранивъ, такоже и здѣ яви силу Твою. Ты бо еси творецъ небу и земли, подаждь устalenie водамъ сїимъ, и да разумѣютъ вси, яко послушаеши боящихся Тебе, и имени Твоему славу воздающихъ, Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

И сїя рѣкшу святому, и великимъ гласомъ Христова имя призвавъ, и десную руку простеръ, образъ на стремленіе быстринамъ честнаго креста возложивъ, и абїе на стремнищѣ горѣ низходящяя воды, молитвою святаго, уставившася, и теченіе водамъ преста, и тако прославиша Бога, творящаго дивная чудеса. Сотвориша же на томъ мѣстѣ мельницу, купно же и толчею устроиша на единой водѣ, вельми устроину, и зѣло потребну на служеніе братїи, яко единою водою бѣше мелюще и толчущи на всякую потребу монастырскую.

больныхъ своихъ напаяюще и кропяще, исцѣленія приѣмлютъ. Не бо единъ или два, но много и неисчетно бывають даже и до днесь. И оттогѣ источникъ той прозвася Сергіевымъ именованіемъ, даже до десяти или пятнадцатъ лѣтъ. Разсудная же она глава, яко не любя славы, о семъ вельми негодоваше глаголя, яко да никогдаже услышу отъ васъ моимъ именованіемъ источникъ онъ зовомъ, не бо азъ дахъ воду сію, но Господь дарова намъ недостойнымъ».

И тако братіямъ покой приѣмлющимъ молитвами преподобнаго Александра».

№ 2.

„О посвѣщеніи Богоматере къ святому. (Тамъ же. л. 357—359).

«Нѣкогда же убо блаженному отцу молящуся во обычїи своемъ правдѣ предъ образомъ Матере Господа нашего Иисуса Христа, и часто взврая на икону глаголаше: Пречистая Мати Христа моего, ходатаице и заступнице, крѣпкая помощнице роду человѣческому! буди намъ недостойнымъ ходатаица, присно молящися къ Сыну Твоему, и Богу нашему, яко да призрѣтъ на святое мѣсто

„О видѣніи Пресвятыя Богородицы, како явился святому на основаніи церкви честнаго ея Покрова. (Тамъ же. л. 72—75).

«Нѣкогда убо блаженному отцу молящуся во обычномъ своемъ правдѣ предъ образомъ Матере Господа нашего Иисуса Христа, и часто взврая на образъ Пречистыя Богородицы глаголаше: Пречистая Мати Христа Бога моего, ходатаице и заступнице, крѣпкая помощнице роду человѣчу! буди и намъ недостойнымъ ходатаица, присно молящися къ Сыну своему и Богу нашему, яко да при-

сіе, еже возложено есть въ похвалу и честь святому имени его во вѣки. Тебе убо, Мати сладкаго ми Христа, раби Твои предлагаемъ ходатаицу и молитвенницу, яко много дерзнове- ніе къ Нему стяжавши, и яко всѣмъ спасенному упокоенію и пристани- щу уповаемъ. И тако ему молящуся, и поющу благодарный канонъ Пре- чистѣй, еже есть акаѣстовъ, совер- шившу же ему правило, и сѣдшу ма- ло почити, и се рече ученику своему, ему же имя Михай: чадо! трезвися и бодрствуй, понеже посѣщеніе чудно хощеть намъ быти и ужасно въ сій часъ. И се ему глаголющу, и абіе гласъ слышашеся: се Пречистая гря- деть. Святыи же слышавъ скоро изы- де изъ келіи въ прусьтъ, еже есть сѣни, и се свѣтъ велій осѣни свята- го, зѣло паче солнца сіяющъ. И абіе зрѣть Пречистую съ двѣма апостола- ма Петромъ же и Іоанномъ въ неиз- речениѣй свѣтлости облисташася, и яко видѣ святыи паде ниць, не мо- гій терпѣти нестерпимую ону зарю. Пречистая же своимъ рукама при- коснуса святаго, глаголя: неужасай- ся, набранниче мой, приидохъ бо по- сѣтити тебе. Се услышана бысть мо- литва твоя о ученицѣхъ твоихъ, о нихъ же молишися, и о обители твоей

зрѣть на святое мѣсто сіе, еже воз- ложено есть въ похвалу и честь свя- тому Его имени во вѣки. Тебе, Бого- мати сладкаго ми Христа, ходатаицу предлагаемъ и молитвенницу, яко мно- го дерзновение къ Нему стяжавше ра- би твои, яко всѣмъ спасенному при- станищу упокоенія. И тако блажен- ному молящуся и благодарный канонъ Пречистой, еже есть акаѣсть, со- вершившу же ему правило, и сѣдшу мало препочинути, рече ученику сво- ему, ему же имя Аванасій: чадо, трез- вися и бодрствуй, понеже посѣщеніе чудно хощеть намъ быти, и ужасно въ сій часъ. И се ему глаголющу, и абіе гласъ велій зѣло слышашеся: се Господь грядеть, и родышая Его Пре- чистая Владычица наша Богородица. Той же святыи слышавъ скоро изыде изъ келіи на предсѣніе, и видѣть свѣтъ велій осіяющъ святаго, зѣло паче солнечныхъ лучъ надъ всѣмъ монастыремъ. Возрѣвше преподоб- ный, и видѣть Пречистую Богороди- цу на основаніи церкви честнаго Ея Покрова, иже во олтарнѣмъ мѣстѣ, яко на престолѣ сѣдящу, и Господа нашего Іисуса Христа, яко младен- ца, на руку свою держаша, и округъ престола множество ангельскихъ во- инствъ, предстоящихъ въ неизречен-

да не скорбиши прочее, ибо отнынѣ
всѣмъ избобительствуешь, и не токмо
дондеже въ житіи еси, но и по тво-
емъ еже ко Господу отхожденіи, не-
отступна буду отъ обители твоея, по-
требная подавающи, неоскудно снаб-
дящи и покрывающи.

нѣи свѣтлости блистающе; видѣвъ же
преподобный чудное видѣніе, паде
ницъ на землю. не могій терпѣти не-
стерпимую ону зарю. Пречистая же
преподобному глаголаше: востани,
неужасайся, избранниче мой, приидохъ
бо посѣтити тебе, возлюбленне, и
соглядати основаніе церкви моея.
Се бо услышана бысть молитва твоя,
а еже молился еси о ученицѣхъ тво-
ихъ, такожде и о обители твоей, да
нескорбиши прочее, себо отнынѣ
всѣмъ избобляествуешь, и не токмо
же дондеже въ житіи семъ еси, но и
по твоемъ еже ко Господу отхожде-
ніи, неотступна буду отъ обители
твоея, потребная подающи, не оскуд-
нѣ снабдящи и покрывающи. Смотри
же опасно и виждь множество инокъ
во имя святыхъ Троицы сошедшихся
во твою паству тобою наставляеми.
Святый же возрѣвъ и видѣвъ множе-
ство инокъ своихъ, идущихъ на осно-
ваніе церкви святыхъ Богоматере и
несуще—ови каменіе, ови же кир-
пичъ, а инии же извѣсть носяще на
согражденіе церкви. Святый же зря
дивляшеся оному неизреченному ви-
дѣнію. И слышати наки гласъ гла-
голющъ къ нему: Александре! яко
аще кто и единъ кирпичъ принесеть
на согражденіе церкви моея, во имя

И сія рекши и невидима бысть. Святый же во изступленіи ума страхомъ и трепетомъ велиимъ одержимъ бываше. И помалѣ въ себе пришедъ, обрѣте ученика своего лежаща отъ страха яко мертва, и воздвиже его. Онъ же начатъ пометати себе на носѣ старцу, глаголя: извѣсти ми, отче, Господа ради, что бысть чудное се видѣніе, понеже духъ мой вмалѣ не разлучися отъ плотскаго ми союза, ради блистающагося видѣнія. Святый же бѣ радуяся душею, яко и образу ея цвѣтушу отъ радости оная и ничтоже можаше отвѣщати, токмо се: «потерпи, чадо, понеже и во мнѣ духъ мой трепещеть отъ чуднаго видѣнія. Стояще же и дивящися въ себѣ. Но малѣ же рече ученику своему: чадо, призови ми Исаака и Симона. И пришедшимъ имъ исповѣда вся порядку, како видѣ Пречистую со святыми апостолами, и что изрече святому чудная обѣщанія. Сія же яко слышаша, радости неарѣченныя, исполнишася, и тако вси вкупу отиѣвши молебень Богоматери и прославиша Бога; пребысть же святый всю ночь безъ сна, внимая умомъ о неизреченомъ видѣніи.

Исуса Христа Сына и Бога Моего, то избавлю его отъ вѣчнаго мученія. И сія рекши ко преподобному, невидима бысть. Святый же, видѣвъ и слышавъ отъ святыя Богоматере, во изступленіи ума страхомъ и трепетомъ велиимъ одержимъ бѣяше. И помалѣ въ себѣ пришедъ, обрѣте ученика своего на земли лежаща отъ страха, яко мертва, и воздвиже его. Онъ же начатъ плакати со слезами и пометати себе на носѣ преподобному глаголя: извѣсти ми, отче, Господа ради, что бысть чудное се видѣніе, понеже духъ мой вмалѣ не разлучися отъ плотскаго ми союза, ради блистающагося видѣнія, Святый же бѣ радуяся душею, яко и образу его цвѣтушу отъ радости оная, и ничто же можаше отвѣщати: потерпи, чадо, глаголаше, понеже духъ мой трепещеть отъ чуднаго видѣнія. Стояща же и дивящися въ себѣ, но малѣ же рече ученику своему: чадо, иди и пригласи ми отца моего духовнаго Исаію; пришедшу же ему исповѣда вся порядку како видѣ Пречистую на основаніи церкви, яко на престолѣ сѣдящу, и Господа яко младенца, на руку своею держащу, и ангельскія силы округъ престола предстоящихъ, и како

изрече святому чудная обѣщанія. Сія же яко услышаша, радости неизреченныя исполнишася, и тако вси вкупѣ благодарныя молитвы Богу воздавше и Пречистѣй Его Матери; пребысть же святыи всю ночь безъ сна, внимая умомъ о неизреченномъ видѣніи. Сіе же чудо исповѣда святыи смиренному мнѣ Иродіону, аки отъ иного лица глаголаше, а не яко отъ себе, и того ради и Аванасія себе прешменовъ.

№ 3.

„Чудо святаго Варлаама окнязѣ Константиновѣ“. (Ркп. Соловецк. библ. № 226. л. 67 на обор.).

«Потребно есть ни сезабвенія глупинѣ предати, но на свѣщникъ сердце нашихъ поставити. Бѣ бо, рече, князь въ томъ же и великомъ Новѣ градѣ Константиновѣ имя ему, и сей въ болѣзнь лютую владѣ, и отъ зѣльных болѣзней къ концу живота приближашеся, и слышавъ яже о святѣмъ, колико чудеса исцѣленіемъ творить Богъ угодникомъ Своимъ Варлаамомъ, глаголя слугомъ своимъ въ церковь святаго принести его,

„Чудо святаго (Александра Свирскаго) о женѣ разслабленнѣй“ (Ркп. Соловецк. библ. № 228. л. 89 на обор. 90).

«Ниже се да покрывается молчаніемъ чудо святаго, еже предъ очима нашими сотвори святыи. Приде нѣкій человекъ, иже послѣднею нищетою одержимъ быше, Ілія именемъ, жилище имѣя недалече отъ обители святаго, яко а поприщъ преити, или вѣщше, еже есть на рѣцѣ на Олтѣ. Жѣна же ему быше Ирина именемъ, и та быше лежащи въ недузѣхъ разслабленія три лѣта, не владѣющи ни рукама, ни ногама, и много ей о

на пути же жестоко болѣзни наско-
чившей. Принесше же его въ церковь,
близъ раки положиша святого, тому
ни глаголати могущу, ниже отнюдь
кого отъ своихъ познающа Тѣмъ-же
и отчаяніе живота его всѣхъ обдер-
жаше и едио токмо отъ гробныхъ
мысляще

Благочестивіи же иноцы и старцы
держати глаголаху и неослабну вѣру
имѣти, вѣдуще скорого послушателя,
яко моленія ихъ не презрѣти, и тѣмъ
молебная-совершающимъ. Святой же
силу исцѣленія подаваше. Князь же
позамалу яко отъ вѣскоега глубока сна
возбужашеся. Отпѣвши же обычная
правила и сѣдшимъ на трапезѣ ясти,
боляре его и слуги предстояще и
теплымъ хлѣбъ представляющимъ, и

томъ плакати и скорбѣти, и неумѣ-
яшеса что сотворити. И слышавъ
яже о святѣмъ, коллика чудеса исцѣ-
леніемъ творить Богъ угодникамъ
Своимъ Александромъ, и глаголаше
мужу своему; везите мя въ монастырь
Пречистыя Живоначальной Троицы,
и приложуся ко гробу святого, и вся-
ко исцѣлитъ мя святой. И вскорѣ
сотвориша тако, празднику же сушу
въ той день Духа святого шествію
и множества народу бывшу. Оной же
женѣ у гроба святого стоящи и клича-
щи. И молебная пѣнія совершающимъ,
и припадши ко гробу святого, начать
плакати и вопити со многими сле-
зами глаголющи: помилуй мя, рабе
Христовъ, яко да исцѣлю молитвами
ти отъ горькія сея болѣзни, вѣмъ бо
воистинну яко всякъ, иже отъ вѣры
ниѣя надежду на тя, не погрѣшитъ
своего прошенія, священноиноцы дер-
зати ей глаголаху, и неослабно на-
дежду имѣти, вѣдуще бо скорого по-
слушателя, яко не презрѣти моленія
ея, и тѣмъ же молебная совершив-
шимъ, святой же исцѣленія силу по-
даваше,

абіе тѣхъ теплая молитва къ Богу и Его угоднику приближашеся. Пришедъ же нѣкто отъ слугъ возвѣсти глаголя: князь убо добрѣ здравствуетъ. Возведоша же очи свои видать неизрѣченное чудо: иже прежде ни мало глаголати не могій, нынѣже въ церкви ходяща. И абіе трапезу оставльше на чудо обратившеся, елма видѣть его яко николиже болѣвша, ниже пострадавша что отъ таковыхъ. Князь же, пришедъ къ раки святаго, радостно облобызавше и благодарная принося глаголаше: величаю и хвалю, и прославляю честныя мощи твоя, яко не въ конецъ мене презрѣлъ еси, моленія моего ниже отрину. Се во истинну разумѣхъ, яко не токмо здравіе даруеши, но и царствія небеснаго молитвами си сподобяеши. Лицы же инокъ тако же хваленія, чудеса удивляеми, Богу возсылаху глаголюще: слава творящему дивная и славная, иже видѣста очи наши. Князь же исцѣленіе получивъ, и монастырю потребная давъ, отъиде въ домъ свой радуся, хваля и благодаря Бога и святаго Варлаама.

и абіе въ томъ часѣ бысть здрава, яко николиже болѣ, ниже пострадавша что отъ таковыхъ. И пакы же припадъ ко гробу святаго, радостно облобызаше, и благодарная принося святому глаголюще: величаю и хвалю и прославляю честныя мощи твоя, яко не презрѣлъ еси моленія моего и не токможе здравіе даруеши, но и царствія небеснаго молитвами ти сподобяеши. Лицы же инокъ такоже хваленія, чудеса удивляеми, благодаренія Богу возсылаху глаголюще: слава Единому творящему дивная и преславная, иже видѣста очи наши. Жена же исцѣленіе получивъ и тако отъиде въ домъ свой радуся, хваля и благодаря Бога, и святаго отца Александра, яко молитвами его исцѣленіе получи.

№ 4.

Изъ житія препод. Кирилла
Бѣлоозерскаго. (Ркп. Соловец.
библ. № 219 л. 39.

...выну моляся Богу и Пречистой Его Матери, глаголя: Пречистая Мати Христа моего, Ты вѣси яко всю мою надежду по Бозѣ на Тебе возложивъ отъ юности моея. Ты убо якоже Сама вѣси, настави мя на путь, въ немъ же возмогу спастися, и тако ему многаци молящуся. Бяше же обычай святаго, по многомъ своемъ правилѣ и славословленіихъ, въ глубокой вечеръ, егда хотяше нѣчто мало сна вкусити, абіе послѣдъ акаенсть Пречистой поаше, тако бо всегда творяше. Случижеса ему въ едину отъ ношей молящуся, вечеру глубоку сущу и акаенсть Пречистой по обычаю поюшу предъ образомъ ея. И егда дойде мѣста писаннаго въ икось: Странное рождество видѣвше устранимъ ся міра, и умъ на небо преложимъ, и абіе слышитъ гласъ глаголющъ: Кирилле, изыди отсюда, и иди на Бѣлоозеро, тамо бо уготовахъ ти мѣсто, въ немъ же возможеши спастися. И абіе съгласомъ онѣмъ и свѣтъ велий явися тогда. Отворивъ же оконце келіи, видитъ свѣтъ велий

Изъ житія Александра Свирскаго (Ркп. № 228. л. 27).

«И нами же иногда во едину убо ночь блаженный моляшеся Богу и Пречистой Его матери: Пречистая Мати Христа Бога нашего, Ты вѣси, яко всю мою надежду по Бозѣ возложихъ на Тя.... Ты убо Сама вѣси, настави мя на путь, въ немъ же возмогу спастися, и тако ему многожды молящуся,

и абіе же слышитъ гласъ глаголющъ: Александре, изыди отсюда, и иди на преждепоказанное тебѣ мѣсто, въ немъ же возможеши спастися. И абіе со гласомъ онѣмъ и свѣтъ велий явися тогда. Открывъ же блаженный оконце келіи, и видитъ свѣтъ великъ

сіяющъ полунощнымъ странамъ Бѣлоозера, и гласомъ онѣмъ яко перстомъ показаше мѣсто то, идѣже нынѣ монастырь стоитъ. Тѣмъ же святыи Кирилъ отъ гласа онаго и видѣнія радости многи исполнися, разумѣ бо отъ самого того истоваго видѣнія, яко не презрѣ Пречистая Богомати прошенія его, и всю ночь бдяше дивяся бывшему гласомъ видѣнію, и не бдяше ему она ночь яко ночь, но яко день пресвѣтлый. И понеже убо симъ тако бывающимъ, по малѣ времени прииде Ферапонтъ отъ Бѣлоозера, едино постриженіе имый съ святымъ. Начатъ же его блаженный Кирилъ вопрошати, есть ли мѣста тамо на Бѣлоозерѣ, идѣже бы мощно безмолствовати иноку. Ферапонтъ же, ей, рече, зѣло суть многа мѣста къ уединенію. Блаженный же видѣнія ему не повѣда, но тако просто вопрошаше его, таже по времени согласившеся оба

осіяющъ къ востоку и къ полудни и гласомъ онѣмъ яко перстомъ показаше мѣсто оно, идѣже нынѣ монастырь стоитъ, всѣмъ зрится благодатию Христовою. Преподобный же отъ гласа онаго и видѣнія радости многи исполнися, разумѣвъ бо отъ самого того истиннаго видѣнія, яко не презрѣ Господь моленія его, и всю ночь бдяше и молящеся, дондеже время бдяше утрени. И по малѣ же времени паки приходитъ ко игумену и припадъ на землю, и молится, и повѣдаеть ему вся бывшая: како ему на пути и како въ монастырѣ явленная вся по ряду сказуеть. Игумень же се слышавъ отъ устъ блаженнаго и прозряше и внутренними очима, яко благодать Божія бѣ на немъ, и глаголаше: воля Господня, чадо, да будетъ. И паки же блаженный припадаетъ къ ногамъ игумену, прося благословенія и молитвы отъ него, и аще благословенъ и отпущенъ будетъ. Игумень же моленіе его приємлетъ, и тако къ нему глаголаше: Богъ да благословитъ тя, чадо! якоже годѣ Господеви, тако и будетъ. Блаженный же Александръ, благословенъ бывъ отъ игумена, радости исполнися, и слезамъ же многимъ отъ очю его изливатися. И помолися на много чась всемилости-

изыдоша отъ монастыря

идѣже святыи жилище имѣше, и тако Богу послѣдствующе имъ пути касаются, и многи дни шествіе творяще, приидоша на Бѣлоозеро. И тако облождаху многа мѣста, но нигдѣже святыи не възлюби мѣсто къ житію, но искаше указаннаго ему мѣста, на неже Пречистою преже, еще сый въ древней обители, званъ быше. По обхоженіихъ многихъ мѣстъ, послѣдѣ приидоша на мѣсто, идѣже нынѣ монастырь стоитъ. Абиѣ позна святыи преже указанное ему мѣсто, и возлюбилъ е зѣло, и сотворивъ молитву и рече: «се покой мой въ вѣкъ вѣка! здѣ вселюся, яко Пречистая изволи его. Благословенъ Господь Богъ отнынѣ и до вѣка, Иже услыша моленіе мое».

тому Спасу и Его пречистѣй Богоматери и ноши наставши изыде отъ монастыря, ничтоже вземъ, развѣ потребную ризу, идѣже преподобный жилище имѣше, Богу послѣдствующе ему пути касаются, и не многими денми шествія путь преиде. И тако

приходить на преже показанное ему Богомъ мѣсто

и възлюбилъ его зѣло, и сотворивъ молитву и рече: се покой мой въ вѣкъ вѣка! здѣ вселюся, яко Господь изволи его. Благословенъ Богъ отъ нынѣ и до вѣка, Иже услыша моленіе мое».

№ 5.

Изъ житія препод. Сергія Радонежскаго. („Минея четья. Сентябрь. Риз. Соловец. библ. № 499 л. 355—356)

Блаженный же отъ чрева матери освященный пребываше во всемъ повинованіи родителямъ своимъ и тѣшася

Изъ житія препод. Александра Свирскаго (Риз. Соловец. библ. № 228. л. 7—8).

Во ученіи же преспѣвая день и ношь, внимая божественныхъ книгъ чтенія, и пребываше во всемъ повинованіи роди-

ни въ часомъ же преслушати ихъ, по божественному Писанію глаголющему: чти отца и матеръ, да будещи долгодѣтень на земли. Начать же и воздержатися зѣло, нестомъ тѣло оное изнуряя, и во вся дни единою хлѣба причащашеся, и се въ мѣру нѣкакю и не до сытости, дебелия же пици весьма ошашеся, въ нощи же нѣчто мало сна принимаше, яко дивитися родителемъ его чудному воздержанію его, не бо есть чинъ таковымъ сего зѣльнаго дѣланія. Мати же его любезными глаголы увѣщаваше, глаголющи: возлюбленное мое чадо! почто тако сокрушаеши си тѣло, вѣси-ли, яко многое воздержаніе изву тѣлеси наводитъ, паче же юну тисущу и плоти цвѣтущи, и намъ симъ не малу скорбь исходатайствуеши. Тѣмъ же, чадо, не преслушайся насъ, но съ нами причащайся вкупѣ пици и сну, якоже и мы. Благоразумный же отрокъ отвѣща, глаголя: почто, мати, тако вѣщаеши ми, отлучая сладкаго ми воздержанія. егоже имущимъ ничтоже полезѣйши нию быти! ни бо слышахъ родителей, чада на зло и не полезно учащихъ; плоти бо угрождающіи удаляются отъ Бога, паче же юну ми сущу, и плоти воюющу. Писано бо есть, яко брашно и дитіе не

телемъ своимъ, и тщашеся ни въ чемъ же преслушати ихъ, по божественному Писанію глаголющему: чти отца и матеръ, да будещи долгодѣтень на земли. Начать же и воздержатися зѣло, постомъ тѣло свое изнуряше и по вся дни единою хлѣбу причащашеся, и сего въ мѣру и не до сытости, многія же пици весьма ошашеся, въ нощи же нѣчто мало сна принимаше, яко дивитися родителемъ его чудному воздержанію, не бо есть чинъ таковымъ сего зѣльнаго дѣланія. Мати же его любезными глаголы увѣщаваше, глаголюще: возлюбленное мое чадо! почто тако сокрушаеши си тѣло, не вѣси-ли, яко многа воздержанія изву тѣлеси наводитъ, паче же юну тисущу и плоти цвѣтущи, и намъ симъ не малу скорбь исходатайствуеши. Тѣмъ же, чадо, не преслушайся насъ, но съ нами причащайся вкупѣ пици и сну, якоже и мы. Благоразумный же отрокъ отвѣща, глаголя: почто, мати, тако вѣщаеши ми, отлучаяся сладкаго ми воздержанія, егоже имущимъ ничтоже полезѣйши нию быти! ни бо слышахъ родителей, чада на зло и не полезно учащихъ; плоти бо угрождающіи удаляются отъ Бога, паче же юну сущу и плоти воюющу. Писано бо есть яко брашно и

поставить насъ предъ Богомъ, но остави убо мене, мати, якоже начяхъ, и совершати тако ми, на се Богу помогающу. Мати же дивляшеся премудрому отвѣту, паче же видящи, еже по Бозѣ доброе его произволеніе, и рече ему: якоже хочещи творити, чадо, — твори.

Чудный же отрокъ, больши къ подвигамъ поучашеся и николи же умъ ему уклонися, якоже обычай есть младенствующимъ играти, или смѣхотворная словеса глаголати, но въ смѣха мѣсто дряхлое и плачевное хожденіе, и елико попеченіе • простотѣ имъ, толико питаше умъ свой премудростію, и насыщашеся восхвалениемъ воздержаніемъ, вмѣняя наслажденіе алкоту и во время зимное нетоту теллоту.

питіе не поставитъ насъ предъ Богомъ, но остави убо мене, мати, якоже начяхъ и совершати тако ми, на се Богу помогающу. Мати же его дивляшеся премудрому отвѣту, паче же видящи еже по Бозѣ доброе его произволеніе, и рече ему: о чадо! якоже хочещи — твори.

Чудный же отрокъ больши къ подвигамъ поучашеся и николиже умъ ему уклонися, якоже обычай есть младенствующимъ играти или смѣхотворная словеса глаголати, но въ смѣха мѣсто дряхлое и плачевное хожденіе, и елико попеченіе о простотѣ имъ, толико питавше умъ свой премудростію, насыщашеся всегдашнимъ воздержаніемъ, вмѣняя наслажденіе алкоту, и во время зимное наготу тѣлесную, и бѣ видѣти разумъ блаженнаго въ дѣтскомъ возрастѣ удивленъ, яко всѣмъ глаголати: ново нѣкое знаменіе отрока сей будетъ, ядо благодать Божія бѣ на немъ, и отсюду убо зачалю премудрости приимаше—Божій страхъ, и совосприимашеся божественныя любви день отъ дне, огонь ко огню прилагая, желаніемъ насыттымъ, славу же и богатство, и вся же въ мірѣ многа чужду и непостоятелну разумаше; и добротѣ зримыхъ житія облакъ яко

сѣнь вмѣняше, многоцнщіе же и вселеніе, и вся елика челоувѣческая на земли, суетна и несуща разумѣвъ, деснаго пути емлется, поученіемъ божественныхъ книгъ упражняшеса, къ церкви же по вся дни бѣвъ аѣности хощаще и послушающе божественнаго пѣнія, пощеніе же любляще и сукходеніе; празднословія же и смѣхотворенія безгоднаго, сквернословесныхъ же и душевредныхъ пѣсней юношескаго желанія, ослабляющихъ душу, до конца неавдѣяше, бѣ бо благъ и кротокъ, ко всѣмъ уяѣтливъ, и ницелюбивъ по премногу, и наипаче же инокескій чинъ яко любляше и почиташе, яко и самѣмъ родителемъ его дивитися такового описанія отрока и благоправія, видящимъ въ нѣ возрастѣ, и не яко отъ ннѣ рожденна, но яко по истиннѣ отъ Бога данна и нещечаху.»

№ 6.

Изъ житія препод. Сергія, л.
354—355.

«Бѣ радуяся душею и сердцемъ, яко сподобися такового старца видѣти и молитвами его благодать мріати, и моляше его, глаголя: гряди, о чест-

Изъ житія преп. Александра
Свирскаго л. 13-й на обор.

И бѣ блаженный радуяся душею и сердцемъ, яко сподобися такового старца видѣти и благословенъ отъ него быти, и моляше его глаголя

вый старче, въ домъ нашъ, яко да и родители мои сподобятся святаго ти благословенія. Старець же почуди-ся, зря отрока юностию обложена и многолѣтнимъ превшедша разумомъ, и якоже приблизитися къ дому, изыдоша родители во срѣтеніе старца, бяху бо зѣло ижѣюще любовь ко инокамъ, и сотворше ему метаніе, и получивше отъ него благословеніе, нудяху его внити въ домъ ихъ и причаститися пици. Онъ же отвѣща: чада, подобаетъ прежде духовныя пища причаститися. Вниде же въ храмъ молитвенный, и поимъ съ собою и освященнаго отрока, и начать пѣти часъ третій; повелѣ же отроку шестопсалміе глаголати. Отрокъ же недоумѣяся глаголаше: како, Господи отче, могу глаголати ненаучився. Старець же рече: глаголи, о чадо послушанія Христова, отверзи уста своя да привлечени духъ, паче еже дарова Богъ въ сердца твоемъ, изорцы усты твоими, уста бо твоя возглаголютъ премудрость и въ поученіи сердца твоего разумъ, воспой внутрь зрящему ти Богу; по словеси же святаго старца, паче же по Божію откровенію, отрокъ начать стихословити добръ же и стрейнѣ, яко дивитися родителямъ отрока. Бысть

градъ, честный старче, въ домъ нашъ, яко да и родители мои сподобятся святаго ти благословенія.

же, якоже нѣкогда пророку Исаи,
отъ серафима угленое прикосновение,
такъ и сему отроку, — тамъ серафи-
момъ, здѣ же старцемъ, или глаголю
паче ангеломъ Божиимъ. Старецъ
же благослови родители и отрока,
ныде отъ нихъ сія рекъ: яко сынъ
вашъ велиій будетъ предъ Богомъ, и
многія ради добродѣтели его сосудъ
избранъ хоцетъ быти Богу и слу-
жительъ Живоначальныя Троицы. И
сія рекъ, отиде въ путь свой.

Старецъ же, шедъ въ домъ его, бла-
гослови родители и отрока, и тако
ныде отъ нихъ, сія рекъ, яко сынъ
вашъ велиій будетъ предъ Богомъ, и
многія ради добродѣтели его сосудъ
избранъ хоцетъ быти Богу и служи-
тельъ Святыя Живоначальныя Троицы,
и, сія рекъ, отъиде.

№ 7.

Изъ житія препод. Θεодосія
Печерскаго. (Патерикъ печер-
скій. Ркп. Соловецк.: библи.
№ 629 л. 54 на обор.—58).
„О пришествіи матери святаго
къ Киеву“.

«Мати же его много поискавши
въ градѣ своемъ и въ окрестныхъ
градѣхъ и яко не обрѣтше его, пла-
чущая по немъ, лютѣ біюще въ пер-
си своя, яко и по мертвомъ. И запо-
вѣдано же бысть по всей странѣ той,
аще гдѣ видѣвше такового отрока,
да пришедши возвѣстятъ матери от-
рока и мзду примуть о возвѣщеніи
его. И се пришедше отъ Киева повѣ-
даша ей: яко, прежде сихъ четырехъ

Изъ житія препод. Алекса-
ндра Свирскаго. (Ркп. № 228.
л. 19 на обор.—24). „О еже
взысканіи блаженнаго отрока“.

«Родители же, блаженнаго отро-
ка много понавше во градѣхъ и во
окрестныхъ мѣстѣхъ, и странахъ, и
всѣхъ, и не обрѣтше его, плакаста-
ся по немъ, яко по мертвомъ, въ пер-
си своихъ біуще. Заповѣдано же быше
всей странѣ той, идже аще кто видѣ
видѣвъ или слыша такового отрока,
да пришедши возвѣстятъ о немъ онцу
его и мзду примуть о возвѣщеніи его.
И се убо во единъ день мужи стари
пришедше отъ страны Корѣвскія и

лѣтъ, видѣхомъ его въ нашемъ градѣ
ходяща и хотѣща остришися во еди-
номъ отъ монастыревъ. И то слышав-
ши жена и не обдѣнвися тамо ити;
ни мало же закосявши, ни долготы
пути убоявшися, въ прежереченный
градъ поиде на взысканіе сына сво-
его. Иже и пришедши въ градъ той
обходя вся монастыри, ищущи его;
послѣже повѣдаша ей, яко въ печерѣ
есть у преподобнаго Антонія; она же
тамо иде, да его обрящетъ. И се на-
чать старца лестію звати, глаголю-
ще, яко рыцте преподобному, да
изыдетъ, се бо путь много гнавши при-
идохъ, хотѣща бесѣдовати къ тебѣ и
поклонитися святыни твоей, ~~и~~ бла-
гословена буду отъ тебе. И возвѣще-
но бысть старцу о ней и изыде къ ней.
Она же, видѣвши старца, поклонися
ему до земли. Старецъ же сотворъ
молитву и благослови ю, и по мо-
литвѣ сѣдшима има, и начать жена
простирати къ нему бесѣду многу,
послѣди же объяви вину, еяже ради
приде, глаголаше же: отче! молю-
тися, повѣждь ми, аще здѣ есть сынъ
мой; много бо си жалю его ради, не
вѣдуши, аще живъ есть. Старецъ же
сынъ простъ умошъ и не разумѣ лѣсти
ея, и глагола ей: яко здѣ есть сынъ
твой и не жали си его ради, себо

рѣши отцу блаженнаго; мы убо из-
вѣстнѣ увѣдѣхомъ о сынѣ твоемъ,
яко прежде траю сихъ лѣтъ, видѣ-
хомъ его въ нашихъ странахъ при-
шедшиа въ монастырь святаго Спаса
на Вазаамъ и ту постригшася, и
добрѣ въ немъ труждающася. Отецъ
же его Стефанъ, слышавъ сіе, яко
сынъ его въ монастырь отшедъ и
пострижеся, и ни мало же помедливъ,
ни долготы пути убояся, и во пред-
реченный монастырь отходитъ на
взысканіе сына своего. Пришедшу
же ему въ монастырь той, ищущу
сына своего, и повѣдаша ему отъ
яко въ монастырѣ самъ сынъ твой
постриженъ есть; онъ же, вшедъ въ
монастырь, приде ко игумену и при-
надъ къ ногамъ его и рече: благо-
слови мя, честный отче, себо яко
видиши мя путь много труждавшася;
придохъ убо помолитися святому
Спасу и у тебе благословитися. Игу-
мень же видѣвъ его въ печали еуща
и рече: Богъ да благословитъ тя,
чудо! Потомъ же игумень повелѣ
ему сѣсти; сѣдшима же има вкупѣ
и начать ко игумену простирати бе-
сѣду многу, послѣди же и вину объ-
яви, ея же ради приде, глаголаше
же: молютися, отче, повѣждь, аще
здѣ есть сынъ мой, много бо жалю

живъ есть сынъ твой. Также она къ нему рече: то почто, отче, не вижу его? много бо путь шествовавши приидохъ въ сій градъ, токмо да вижу сына своего и тако возвращуся въ градъ свой. Старець же рече къ ней: то аще хочещи видѣти его, да идеши нынѣ въ домъ свой, и азъ шедъ увѣщаю его, не хочеть бо видѣти никого, ты же, во утрій день пришедши, видиши его. Тоже слышавши жена отъиде, чаючи въ приидущій день видѣти его. Преподобный же Антоній, вшедъ въ пещеру, возвѣсти вся сія блаженному Θεодосію. Сія же слышавъ сжали си зъло, яко не може утатися ея. Въ другій же день пакы прииде жена; старецъ же много увѣщаваше блаженнаго изыти къ ней и видѣти мать свою; онъ же не восхотѣ изыти. Тогда старецъ изшедъ глагола ей, яко много молихъ его, да изыдетъ къ тебѣ и не хочеть. Она же ктому уже не со смиреніемъ начать глаголати къ старцу, но съ гнѣвомъ великимъ вопіаше: о нужда старца сего! яко имѣи сына моего и скры его въ пещерѣ и не хочеть его явити. Изведи ми, старче, сына моего, да вижу его, не стерплю бо жива быти, аще не вижу его; яви ми сына моего, да не злѣ умру; се

его ради, не вѣдуци, аще живъ есть. Игумень же помысливъ, яко просто о семъ вопрошаетъ его, и глаголаше къ нему, яко здѣ есть сынъ твой; не жали си того ради, себо живъ есть. Тогдаже онъ мужъ глаголаше ко игумену: то почто, отче, не вижу его? много бо путь шествовахъ его ради, и того ради приидохъ во обитель сію, токмо да вижу сына моего, и тако да возвращуся въ домъ свой. Игумень же рече: аще хочещи видѣти его, то да идеши нынѣ въ гостинницу предпочнути, и азъ шедъ увѣщаю и, не бо хочеть видѣти никогоже отъ приходящихъ; ты же, во утрій день пришедъ, видиши его. Сіе же слышавъ онъ отъиде, чая его въ приидущій день видѣти. Игумень же вшедъ возвѣсти вся блаженному Александру; и егдаже сія услышавъ отъ игумена блаженный Александръ сжаливъ си вельми того ради, яко не возможе отъ родителей утатися. Игумень же много увѣщаваше блаженнаго изыти на предсѣніе келіи и видѣти отца своего; онъ же не хотяше изыти. Тогдаже игумень изшедъ глагола отцу блаженнаго, яко много молихъ его, да изыдетъ къ тебѣ и не восхотѣ. Онъ же ктому уже не со смиреніемъ глаголати начать ко игумену, но со

бо сама ся погублю предъ дверми пещеры сїа, аще не покажеш ми его: Тогда Антонїй, въ скорби велицѣй бывъ, шедъ въ пещеру моляше блаженнаго изыти къ ней. Онъ же, не хотяше ослушатися старца, изыде къ ней. Она же, видѣвши сына своего въ таковой скорби суща, бѣ бо лице его измѣнилось отъ многого труда и воздержанїа, и охавившись емъ на долзѣ плакася горько и едва мало утѣшився и начать увѣщевати Христова слугу, глаголюще: поиди, чадо, въ домъ свой и еже ти на потребу и спасенїе души да дѣлаеш въ дому си по смлѣ своей, точию да не отлучайся мене; и егда умру, тыже погребеш тѣло мое и тогда возвратишися въ пещеру сїю, якоже хочеш; не терпю бо жива быти, не видящи тебе. Блаженный же рече къ ней: о мати моя! то аще хочеш ми видѣти по вся дни, прииди въ сїи градъ и вшедъ въ единъ отъ монастыревъ женескъ, и ту остризися; тако приходящи сѣмо видиши мя, къ симъ же и спасенїе души приимеш; аще ли сего не сотвориши, и истину ти глаголю: ктому лица моего не имаш видѣти. Сицевымъ же и инѣми многими наказанїи пребываше по вся дни увѣщевая матеръ свою; ей же о томъ

гнѣвомъ великимъ вопїаше: о нужда пронырливаго сего старца! яко имый сына моего въ монастыри у себе и не хочетъ ми его явити. И пакы ко игумену глаголаше: изведи ми сына моего, да вижду и, не могу бо живъ быти, аще не вижду его; яви ми сына моего, да не злѣ умру его ради; аще не покажеш ми его, то самъ ся погублю предъ враты монастыря. Тогдаже игумень, въ скорби велицѣй сый, шедъ въ келїю моляше блаженнаго изыти къ нему. Блаженный же Александръ, не хотя ослушатися, изыде ко отцу своему. Отецъ же его видѣвъ и въ таковѣй скорби суща, бѣ бо лице его измѣнилось отъ многого труда и воздержанїа, и охавився емъ и плакася горько, и едва мало утѣшився сѣде, и начать увѣщевати Христова слугу, глаголющи: поиди, чадо, въ домъ свой и еже ти на потребу и спасенїа души да дѣлаеш по воли въ дому своемъ, токмо да не отлучишися наю, родителей своихъ; и егдаже умрѣвъ, ты же погребеш тѣло наю и тогда пакы возвратишися въ монастырь свой, якоже хочеш сотвориши. Егда же блаженный яко услыша сїа глаголы отца своего, оскорбїа о семъ злѣо и рече отцу своему: аще обрщю предъ тобою

не хотяши ни поне слышати словесъ его. Иегда отхождаше отъ него, тогда блаженный, вшедь въ пещеру, моляшеся Богу приѣжно о спасеніи матери своея и о обращеніи сердца ея на послушаніе его. Богъ же услыша молитву угодника Своего; о семъ бо и пророкъ рече: близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, во истину волю боящихся Его сотворить и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ ихъ. Во единъ же убо день, пришедъ къ нему, мати глагола ему: се, чадо, вся великая тобою сотворю, и кому не возвращуся во градъ свой, но, яко Богу волящу, иду въ монастырь женскій и ту остригнись пребуду своя прочая дни; се бо отъ твоего ученія разумѣхъ, яко ничтоже есть свѣтсій маловременный. И сіе слышавъ блаженный Феодосій возрадовася духомъ и вшедь повѣда великому Антонію. Сія слышавъ преподобный прослави Бога, обратившаго сердце ея на таковое покаяніе. И шедъ къ ней великій Антоній и много поучивъ ю еже о пользѣ души, и возвѣсти о ней княгинѣ впусти ю въ монастырь женскій, именуемый святаго Николы, и ту постриженъ ей бывши и въ мнишескую одежду облеченъ. Поживши же ей лѣта многа въ добрѣ

благодать, отче мой, и едино ти хощу глаголати: да идеши ты въ домъ свой съ миромъ, и вшедь въ монастырь Пречистыя Богородицы во островъ, и туда пострижешися, и спасеніе души своей приобрящеша; аще ли сего не сотвориши, отче мой, и истину ти глаголю: кому лица моего не имаши видѣти. Сицевыми же глаголы и инѣми многими наказаннъ блаженный Александръ увѣщавая отца своего; оному же о томъ не хощащу ни послушати его. Егдаже отиде отецъ его отъ него въ гостинищцу, и тогда вшедь блаженный въ келію свою моляшеся Богу приѣжно о спасеніи отца своего, и о обращеніи сердца его на послушаніе его. Богъ же услышавъ молитву угодника Своего; о семъ бо пророкъ глаголаше: близъ Господь призывающимъ и, во истину волю боящихся Его сотворить и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ ихъ. И пакы же, во единъ убо день пришедшу отцу его и глаголаше блаженному: се отынь, чадо, вся великая тобою сотворю, и кому уже не возвращуся въ домъ свой, но, якоже Богу хощащу, отъ сего часа иду въ монастырь, идѣже ми реклъ еси, и ту остригнись пребуду прочее время живота своего; и се убо, ча-

исповѣданіи съ миромъ успе о Господѣ.

до, отъ твоего ученія разумѣхъ, яко ничтоже есть свѣтъ сей маловременный. Сія же слышавъ блаженный Александръ отъ отца своего возрадовалася душею и шедъ ко игумену вся ему исповѣда. Игумень же отъ устъ блаженнаго слышавъ сіе, и прославіста о семъ Бога, скоро обратившаго сердце его на таково покаяніе. И шедъ блаженный къ нему пакы и многа поучивъ его еже души на пользу, и возвѣсти о немъ игумену блаженный, яко отецъ его хощеть отъйти въ путь свой. И тако благословенъ бывъ игуменомъ отходить во свояси, и малыми деньми долготу пути проходить; и пришедъ въ домъ свой, и ни мало о семъ помедливъ, и въ дому своемъ добръ вся устроишь, самъ же отходить въ преждереченный монастырь Пречистыя Богородицы, честнаго ея Введенія, иже во Островѣ, и ту постригаетъ власы главы своей, вкушѣже и плотокая мудрованія вся отверже; и нарекоша имя ему Сергій. Поживъ же мало время въ добръ исповѣданіи и успе съ миромъ о Господѣ. Такжеже и мати блаженнаго, именемъ Василиса, и сія также приемиши ангельскій образъ и наречено бысть ей имя Варвара, и

добрѣ поживши богоугоднѣ съ миромъ успе».

№ 8.

Изъ житія препод. Θεодосія Печерскаго. (Ркп. № 629 л. 69 на обор.—70).

«Отець же нашъ Θεодосій смѣреннѣемъ смысломъ и послушаніемъ вся претерпѣваше, трудомъ и подвижаніемъ и дѣломъ тѣлеснымъ, бѣше бо и тѣломъ благъ и крѣпокъ, и съ поспѣшествомъ всѣмъ служаше, и воду нося и дрова изъ лѣса на свою плещу, бдя по вся нощи въ славословленіи Божіи и братія же на опочителнн суще, блаженный же вземъ раздѣленное жито, и кождо часть измѣлъ, и поставляше на своемъ мѣстѣ. Другоици же оводу (сущу) многу и комаромъ въ нощи излѣзъ надъ пещеру, и обнаживъ тѣло свое до пояса, сѣдѣаше, прядый волну на сплетѣніе конытцемъ, и поалтирь же Давидову поя, отъ множества же овода и комара все тѣло его покровено будяше, и ядаху плоть его о немъ, виюще кровь его; отецъ же нашъ пребываше неподвижимъ, ни востая отъ мѣста того, дондеже годъ будяше утрени, и тако прежде всѣхъ обрѣгашеся

Изъ житія препод. Александра Свирскаго. (Ркп. № 228. л. 24.

«Потомъ же блаженный въ пещарню посылается, и тамо добрѣ терпя тружаяся со всякимъ смиреніемъ и послушаніемъ пресѣваше трудомъ и подвижаніемъ дѣломъ тѣлеснымъ; бѣше бо и тѣломъ здравъ и крѣпокъ, и споспѣшеніемъ всѣмъ служаше, и воду на себе носаше, и дрова изъ лѣса влачаше, по вся же нощи безлѣности Богу моляся. Къ сему же и ноцію изъ келіи излазаше, и тѣло свое до пояса обнажаше отъ множества же овогда (1) и комаровъ все тѣло ему покровено бѣше, и ядаху плоть его, кунно же и кровь его пїяху; и стояше блаженный неподвижимъ, не востая ни преступая отъ мѣста на мѣсто, дондеже утренній годъ бѣаше, и тако прежде всѣхъ обрѣгашеся въ церкви ставъ на своемъ мѣстѣ и непоступенъ сый пребываше, ни умомъ си мятаяся, бже-

(1) Ошибка—«овогда» вмѣсто «овода».

въ церкви, и ставъ на своемъ мѣстѣ, непоступень смѣи, ни мятися умомъ, божественное словословіе совершаше, и тако пакы изъ церкви послѣже всѣхъ излажаше; и сего ради вси любляху и зѣло, и яко отца иишу и, зѣло дивящися смиренію его и покоренію».

ственное словословіе совершал, и тако пакы послѣже всѣхъ изъ церкви исхождаше, и сего ради вси его любляху, и почитаху и вельми, не яко новоначальна суца, но яко въ первоначальныхъ добродѣтелями сіяюща, или яко отца его имѣяху, дивящися такому смиренію его и покоренію».

№ 9.

Изъ житія препод. Сергія; глава—, о постриженіи святаго“.
(„Минея четья. Сентябрь. Ркп. № 499 л. 358—360).

Изъ житія препод. Александра Свирскаго; глава—, о приходѣ въ нему старца Никифора“.
(Ркп. № 228. л. 39—42).

«Малу же времени мимошедшу, прилучися пріяти къ нему старцу освященну.

«И пакы же, малу времени мимошедшу пріиде къ нему нѣкій старецъ, именемъ Никифоръ, велию тягость желѣзну на себѣ носяше, яко и жуемъ желѣзнымъ превившимся ему по всему тѣлу, еще же и чепемъ многимъ о чреслѣхъ его препоясаннымъ; и пріиде поклонися, глаголя: «благослови мя, рабе Божій. «Преподобный же Александръ, видѣвъ его, радостень бысть зѣло, слышалъ бо бѣ о немъ, яко великъ бѣ житіемъ старецъ, и пріяти его яко отъ Бога посланна и моли его пребыти съ нимъ. Старецъ же видѣвъ велие усердіе блаженнаго, и взирая на душевное

Святый же, видѣвъ его, радостень бысть зѣло, и пріяти его яко отъ Бога посланна и моли его пребыти съ нимъ. Старецъ же видѣвъ усердіе его, и взирая душевное незлобіе и премногу чистоту, пребысть съ нимъ желательнѣ. Освященный же юноша

Варфоломѣй, зря старца омаго въ добродѣтеляхъ сіяюща, велию пользу приимаше отъ него, и помышляше въ себѣ, яко отъ Бога посѣщеніе пришествіе его къ нему. Также молитъ его еже возложити на нь ангельскій образъ. Видѣвъ же старецъ совершенное желаніе его, и доброе произволеніе и смиреніе много, облачить его во святыи иноческій образъ, и нарече имя ему Сергіе. Пребысть же съ нимъ мало дній,

его незлобіе и премногую любовь, пребысть съ нимъ желательнѣ лѣта довольна. Блаженный же Александръ зряше старца омаго въ добродѣтеляхъ сіяюща, велию пользу приимаше отъ него, и помышляше въ себѣ, яко отъ Бога посѣщеніе пришествія его къ нему есть; старецъ убо пребывая со преподобнымъ, живый время довольно со многою любовію и смиреніемъ, и послушаніемъ. Во единъ же убо день старецъ Никифоръ приходитъ ко преподобному Александру и рече: азъ убо, отче, хочу пойти въ Киевъ, въ Печерскій монастырь Пресвятыя Богородицы и святыхъ преподобныхъ отецъ Антонія и Феодосія; тыже, отче преподобне, моли о мнѣ Бога, яко да святыхъ твоихъ ради молятъ, безъ пакости путь шествія преиду. Слышавъ же сія преподобный отъ старца глаголы, вельми о томъ стуживъ си, и начатъ молити старца да пребудеть съ нимъ въ пустыни не отходя, дондеже, брате, о наю Богъ всемогій восхоцеть и сотворить. Старецъ же къ моленію его никакоже преклоняется, зреть же преподобнаго вельми по немъ жаяща и рече ко преподобному: ни, брате мой Александре, не жали си мене ради, но сотвори о мнѣ къ Богу молитву, яко

и посемь рече къ-нему:

Азь, чадо, отхожду въ путь свой, тебе же предаю въ рудѣ Божіи; Той да будетъ тебѣ прибѣжище и сила на враги, и на противленіе кознемъ и лаянію его; прорекъ же ему глаголя: яко на мѣстѣ семъ распространитъ Богъ обитель велику и преславну, въ нейже прославятися имени Его во вся страны. И тако, молитву сотворивъ, отъиде въ путь свой⁽¹⁾ ... Воздержаніе же его бѣше выше чело-вѣчскія силы, алкотою безѣрною, наготою въ зимное время, яко и самой земли разсѣдаться отъ зельнаго мраза. Онъ же въ единой ризѣ яко безплотенъ подвизаяся, аще бо и

да путь шествиа засвятыхъ ради твоихъ молитвъ спасенъ буду. Аще и тѣлеснѣ разлучивъся другъ друга, но духомъ пакы пребудемъ вкупѣ, и сотворше молитву, плакастася на много чась, слезы же отъ очію ихъ яко рѣки изливахуся, и о Христѣ лобзаніе другъ другу подавъ, миръ же и благословеніе каждо ею себѣ испросивъ; по семъ же убо старецъ Никифоръ глагола ко преподобному Александру: Азь убо, отче и брате Александре, отхожду въ путь свой, тебе же предаю въ рудѣ Божіи; Той да будетъ тебѣ прибѣжище и сила на враги, и на противленіе кознемъ его и лаянію его; прорекъ же ему глаголя: яко на мѣстѣ семъ распространитъ Богъ обитель велику и преславну, хочеть же Богъ воздвигнути и церкви каменны, въ нейже прославятися именемъ Его во вся страны. И тако, молитву сотворивъ, отъиде въ путь свой. Блаженный же Александръ бѣше воздержаяся выше чело-вѣчскія силы, алкотою же безѣрною, и наготою въ зимное время, яко и самой земли раз-

(1) Дальнѣйшія за этими слова главы «о постриженіи святаго» нами приведены ранѣе (стр. 352), параллельно съ выдержкою ихъ у Иродіона въ главѣ—«о еже взыскаіи блаженнаго отрока». См. Рив. № 228. л. 19 на обор.—2ѣ. Рассказъ объ удаленіи препод. Александра изъ Валаамскаго монастыря въ пустыню.

люту зиму видяше, но сладко о сихъ воздаяніе ожидаше, и студенію тщашеся грядущаго огня избѣжати. Видѣвше же бѣси себѣ утѣсняемы и по малѣ боящися изгнанія отъ мѣста онаго, и преображахуся убо овогда во звѣри, овогда въ змія, покушающися устрашити святаго. И бѣ видѣти чудно бореніе мужа: ови свисканіемъ и звѣрскимъ свирѣцствомъ устремляющися. Сей же, молитвою отражая, яко паутину присно раздрараему сотворяше, и тако благодатію Христовою пребываше отъ нихъ невредимъ. Во едину же отъ ношей восхотѣ ити въ церковь, на обычное свое правило; и зрѣть явленно множество полкъ бѣсовскихъ, якоже нѣкое великое воинство, ярость на святаго показующе, и зубы скрегчуще, яко мѣти пламени велику исходити изъ усть ихъ, и яростнѣ глаголаху ко святому: изыди отъ мѣста нашего, изыди, яко да не злѣ умреши здѣ. Святый же на молитву вооружашеся, никакоже бояся, ниже устрашаяся тѣхъ козней и свѣрѣпаго лаянія, вѣдыше бо не крѣпкую ихъ силу. Молитва бо святаго, изъ усть яко пламень изшедши, абіе же тѣхъ попали и невидимы сотвори.

сѣдатися отъ зѣльнаго мраза. Онъ же во единой ризѣ яко безплотенъ подвижаяся, аще бо и люту зиму видяше, но сладко о сихъ воздаяніе ожидати, и студенію тщашеся грядущаго огня избѣжати. Видѣвше же бѣси себе утѣсняемы и по малѣ боящися изгнанія отъ мѣста онаго, преображахуся убо овогда во звѣри, овогда же во зміи, покушающися устрашити святаго. И бѣ видѣти чудное бореніе мужа: ови свисканіемъ и звѣрскимъ свирѣцствомъ устремляющися. Сей же, молитвою отражая, яко паутину присно раздрараему сотворяше. Ктому же и иная многа и неизрѣченна пріятъ отъ бѣсовъ досажденія, ихъ же невозможно глаголати подробну. И тако благодатію Христовою пребываше отъ нихъ невредимъ. Во едину же отъ ношей восхотѣ ити проподобный Александръ во отходную свою хлѣвину, на обычное свое правило; и зрѣть явленно множество полкъ бѣсовскихъ, якоже нѣкое великое воинство, ярость на святаго показующе, и зубы скрегчуще, яко мѣти и пламени велику исходити изъ усть ихъ, и яростнѣ ко святому глаголаху: изыди отъ мѣста сего, изыди, яко да не злѣ умреши здѣ. Святый же молитвою вооружашеся, и никакоже

бояся, ниже устраниаяя тѣхъ козней
и свирѣнаго лаяннѣ, вѣдѣше бо не
крѣпкую ихъ силу. Молитва бо свя-
таго, изъ устъ яко пламень изшед-
ши, абіе же тѣхъ попали и невидимы
сотвори».

№ 10.

Изъ житія препод. Θεодосія,
изъ главы „О поставленіи свя-
таго на игуменство“.

Отець же нашъ Θεодосій, аще и
старѣйшинство примъ, не измѣни
своего смиренія и правидѣ, на памя-
ти имѣя Господа рекшаго: иже аще
кто въ васъ хоцетъ быти старѣй, будь
всѣхъ мнѣй и всѣмъ слуга. Тѣмъ же
смиряшесѣ, мнѣй всѣхъ ся твора и
всѣмъ служа, и собою образъ всѣмъ
дая, и на дѣло прежде всѣхъ исходя,
и въ чину святыхъ литургіи предстой.

И оттогѣ цвѣташе и умножашесѣ
мѣсто то праведника молитвою; пра-
ведникъ бо, рече, яко единикъ про-
цвѣтетъ и яко кедръ, иже въ Ливанѣ,
умножится. Умножахубося оттогѣ
братія и цвѣташе мѣсто то добрыми
правы и молитвами ихъ, и инѣмъ бла-
гочестивымъ и многимъ отъ вельможь

Изъ житія преп. Александра
Свирскаго, изъ главы „О соб-
раніи преподобнаго о Христѣ
съ братією и о поставленіи
церкви начальныя“.

...Добродѣтелемъ же дѣлатель,
преподобный отецъ нашъ Александръ,
аще и старѣйшинство примъ, не измѣ-
ни правила своего, но смиренія об-
разъ показуя, поминая Господа ре-
кша: иже аще кто въ васъ хоцетъ
быти старѣй, да будетъ всѣхъ мен-
ши и всѣмъ слуга. Тѣмъ же блажен-
ный смиряшесѣ, меньши всѣхъ се-
бе твора и всѣмъ служа, и собою
образъ всѣмъ дая, и на дѣло прежде
всѣхъ исходя, и въ чину святыхъ
литургіи усердно прилѣжа въ мо-
литвахъ.

И оттогѣ же цвѣташе и умножа-
шесѣ мѣсто то праведника молитвами;
праведникъ бо, рече, яко единикъ
процвѣтетъ и яко кедръ, иже въ Ли-
ванѣ, умножится. Умножаху бо ся

приходити къ нему благословенія ради, и отъ истиннѣй своихъ малу лѣнакову часть подавающе имъ.

(Оттуда же, изъ главы— «о трудолюбіи святаго» см. л. 86 на обор. 88).

Исповѣдати хочу о тацѣмъ свѣтилѣ, святѣмъ и велицѣмъ отцѣ нашемъ Феодосіи,

бѣше бо по истинѣ человекъ Божій, свѣтило видимое, въ мѣрѣ просіявшее всѣмъ черноризцемъ смиреннымъ смысломъ и послушаніемъ, и прочими труды подвижанся, дѣлая по вся дни своими руками; еще же и въ пекарницу часто входаше и съ пекущими работаше веселяся духомъ: тѣсто мѣсяше и хлѣбы печаше. Бѣше бо, якоже и прежде рѣхъ, крѣпокъ тѣломъ и силенъ; и вся страждущая уча и утвержая утѣшаше никакоже разслабѣти въ дѣлѣхъ своихъ. Во единъ же отъ днѣй хотящимъ имъ праздникъ творити Святыя Богородицы и водѣ несущи. Прежеимѣнному Феодору сущу тогда келарю, иже и многа ми исповѣда о преславнѣмъ мужи семъ. Той же шедъ повѣда блаженному

братію оттолѣ и цвѣтяще мѣсто то добрыми нравы и молитвами преподобнаго, и многимъ отъ вельможъ приходити къ нему благословенія ради, и отъ истиннѣй своихъ на строеніе монастырю подаваху, и съ миромъ въ дома своя отхождаху, благодаря Бога.

И пакы же о семъ блаженномъ повѣсть достойну предложити возможемъ, якоже достойная о немъ своя ему исправленія Божію благодатию исповѣдая свѣтила просвѣщеннаго отца нашего Александра; бѣше по истинѣ человекъ Божій, свѣтило во всемъ мѣрѣ просіявшее смиреннымъ смысломъ и послушаніемъ, и прочими труды подвижанся, дѣлая по вся дни своими руками; еще же и въ пекарню часто ходаше и съ пекущими хлѣбъ веселяшеся духомъ; тѣсто же самъ мѣсяше и хлѣбы печаше. Бѣше бо блаженный, якоже прежде рѣхомъ, крѣпокъ тѣломъ и силенъ; вся же страждущія укрѣпляше и утѣшаше ихъ немощь никакоже разслабѣти въ дѣлѣхъ своихъ. Во единъ же убо отъ днѣй хотящимъ праздникъ творити Пресвятыя Живоначальныя Троицы и братіямъ приготавливающимъ, еже бѣ на потребу гостемъ, водѣ же несущи приготавливаннѣ къ потребѣ, тогда же

Феодосію, яко нѣсть кто воды нося; таже блаженный, съ усѣхомъ, востать, начать воду, носити отъ владыка; и се единъ отъ братіи, видѣвъ его воду носяща, скоро шедъ возвѣсти нѣколику братіи; иже со тщаніемъ пришедше наносиша воды до избытка. И сеже паки дровамъ не приготовленнымъ судимъ на потребу варенія; шедъ же Феодоръ, келарь блаженному Феодосію глаголя: яко да поведиши, отче, единому отъ братіи, сущему праздну, да шедъ приготовить дровъ, еже на потребу. Таже блаженный глаголя: то се азъ празденъ есмь и се иду; бѣ же тогда обѣду, годъ; блаженный же повелѣваетъ братіи на трапезницу ити, Самъ же, вземъ съчиво, нача сѣчи дрова; и се, по отъяденіи, братія изшедши и видѣша преподобнаго своего игумена съкуща дрова и тако труждающася, и взяша кождо свое съчиво, тожде тако приготовиша дровъ, яко довольнымъ днѣ быти на многи дни.

убо сущу въ то время Роману келарю, иже многа ми исповѣда о преславнѣмъ мужи семъ. Той же Романъ шедъ повѣда блаженному Александру, яко нѣсть кто воды нося; тожде блаженный слышавъ, съ великимъ спѣхомъ воставъ, начать отъ езера въ поварню носити воду; и се единъ отъ братіи видѣвъ преподобнаго воду носяща и скоро шедъ возвѣсти нѣколику братіи; такожде и тѣи со тщаніемъ притекше и наносиша воды до избытка. И сеже убо иногда паки дровамъ несущимъ приготованнымъ на потребу варенія; шедъ же прежде реченный Романъ келарь ко блаженному Александру и глаголаше: яко да повелить единому отъ братіи, сущему праздну, да шедъ приготовить дровъ, еже на потребу. Тоже слышавъ блаженный глаголя: то се азъ празденъ есмь и се пойду приготовить на потребу, елика довлѣетъ. Таже преподобный повелѣ братіи коемуждо пойти на заповѣданную ему службу; самъ же вземъ съкиру и начать дрова сѣчи; и се нѣколику братіямъ отъ келии изшедшимъ и видѣвше преподобнаго дрова съкуща, и тако труждающася; взять же кождо ихъ свою съкиру и тѣи такожде приготоваша дрова, якоже тѣмъ довольнымъ быти на

многи дни. И пакы же убо иногда,
 во едину отъ ноцей, иде блаженный
 во служебницу, идѣже братія рожь и
 жито меляху на строеніе хлѣбовъ.
 Братіямъ же еще на опочиваніи су-
 щимъ; видѣвъ же блаженный приго-
 тованную рожь и жито, и вземъ же
 коегождо брата раздѣленную часть,
 и измолвъ на томъ же мѣстѣ поста-
 вляше, и пакы во свою келію отхож-
 даше. И се же ни единою, ни дважды,
 но многажды преподобному творящу.
 Сеже бѣяше уставъ братіи отъ препо-
 добнаго, яко да койждо ихъ въ нощи
 свою часть измеляше на строеніе
 хлѣбовъ, таже потомъ начатокъ пѣ-
 нію утреннему творяху, и такожде
 пакы дѣлаху ручное свое дѣло; дру-
 зіи же отъ нихъ во оградѣ копаху зе-
 лейнаго ради растенія, дондеже годъ
 будяше божественное словословіе; и
 пакы вси вкупѣ, вшедше въ церковь,
 пѣніи часовъ творяху, такожде и свя-
 тую литургію совершивше, и тако
 вкусивше мало хлѣба пакы о дѣлѣ сво-
 емъ койждо ихъ прилѣжа, и тако, по
 вся дни трудящися, пребываху въ
 любви Божіи. Сичево же бѣ тщаніе
 къ Богу блаженнаго отца нашего Феодо-
 сія; имѣяше бо смиреніе истинное, кро-
 тость велику; о семъ бо подражая Хри-
 ста, истиннаго Бога, глаголавшаго:

Сиче бо бѣ тщаніе къ Богу блажен-
 наго и духоваго отца нашего Феодо-
 сія; имѣяше бо смиреніе истинное, кро-
 тость велику; о семъ бо подражая Хри-
 ста, истиннаго Бога, глаголавшаго:

Навыкните отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Тѣмъ же, на таково наказаніе взирая, смиряшеся и послѣдній всѣхъ творяшеся; и тако работая и служа, и на дѣло прежде всѣхъ исходя и въ церкви прежде всѣхъ обрѣтаяся и послѣжде всѣхъ исходя⁽¹⁾, и никтоже николиже его видѣ на ребрехъ своихъ лежаща, или воду на тѣло свое возливающа, развѣ точію рудѣ умывающе, одежда же его бѣ свита власяна, остра на тѣлѣ; извну же на ей иная свита и та вельми худа сущи; и туже сего ради возмачаше на ся, яко не явится власяница сущая на немъ. И о сей одежди худѣи мнози несмысленніи укоряху и ругахуся ему; блаженному же съ радостію приємлюще укоризну ихъ; имѣ на памяти слово Господне, и тѣмъ утѣшая веселяшеся: блажени бо есте, рече, егда укорятъ вы, и егда рекутъ всякъ золь глаголь, на вы ажуще Мене ради, возрадуйтесь въ той день и възиграйте; се бо мзда ваша многа на небесѣхъ. Сіа воспоминающая блаженный и о сихъ утѣшашеся, терпяще укоризну и досаду отъ всѣхъ.

глаголавшаго: навъкните отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Тѣмъ же, на таково наказаніе взирая, смиряшеся, и послѣдній ся всѣхъ творя служебникъ, и собою всѣмъ дая образъ; въ церкви же преподобный прежде всѣхъ обрѣташеся; и никтоже видѣ на рогозинѣ лежаща, или воду на тѣло возливающа; а одежда его бѣ свита толста и истропана вельми, рубищемъ же многшвеннымъ на ризѣ его. И бѣ видѣти блаженнаго не лѣпо одѣянна; мнози же не смысленніи укоряюще ругахуся ему; блаженному же сіа укоризны отъ нихъ съ радостію приємлющу, поминая присно слово Господне: блажени бо, рече, есте, егда укоряють вы и егда рекутъ всякъ золь глаголь, на вы ажуще Мене ради, возрадуйтесь въ той день и възиграйте, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Сіе же воспоминающая блаженный и о сихъ утѣшашеся всегда.

(1) Далѣе въ подлинникѣ слѣдуютъ такіа выраженія. — Многажды же великому Никому сѣдашу и стрѣлаша книги, и блаженному же вскрия его сѣдашу и прядушу вервѣе, еже на потребу таковому дѣлу; таково бѣ то его смиреніе и простота...

Оттудаже, изъ главы—«О раз-
смотрѣніи и наказаніи ученикомъ
его».

Имѣяше же обычай сице Вели-
кій Θεодосій, яко до вся нощи обхо-
дити ему всѣхъ келей мнихъ, хотя
увѣдати кождо ихъ житіе. И егда
же слышаше кого молитвы творяща,
и ставъ прославляше о немъ Бога; ег-
да же ли паки кого слыша бесѣду-
юща, два или трие сошедшея вкупиъ,
по павечерней молитвѣ, тожде ту
ударивъ своею рукою въ двери и та-
ко отхождаше, назнаменавъ тѣмъ свой
приходъ. Таже во утрій день приз-
вавъ ихъ и не ту абіе обличаше ихъ,
но яко и далеча, притчами наказуя,
глаголаше къ нимъ, хотя увѣдати еже
къ Богу тѣшаніе ихъ. Аще бываше
братъ легокъ сердцемъ и теплъ на
любовь Божию, то сій, вскорѣ разу-
мѣвъ свою вину, падъ поклоняшеся,
прошенія прося отъ него пріяти. Аще
ли бываше братъ омраченіемъ бѣсов-
скимъ покровено имый сердце, то
сій стояше, мня, яко о иномъ бесѣ-
дуетъ, самъ ся чистъ творя, дондеже
блаженный обличаше его и, епити-
мією того утвердивъ, отпущаше. И
такъ вся учаше прилѣжно молитися
Богу и не бесѣдовати по павечерній
молитвѣ, и не переходити отъ келии

Имѣяше же обычай преподобный,
яко по вся нощи обходити ему мона-
хови келии, хотя увѣдати кождо
ихъ житіе. И егда бо слышаше ко-
го молитву творяща, ту же ставъ
прославляше о немъ Бога; егда же
ли паки слышаше кого бесѣдующа,
два или трие сошедшихся вкупиъ, тож-
де ту ударяюще во двери и тако от-
хождаше, назнаменавъ тѣмъ свой
проходъ. Во утрій же день призвавъ
я и ту абіе обличаше ихъ, но яко и
далеча, притчами глаголаше къ нимъ,
хотя увѣдати къ Богу тѣшаніе ихъ.
И аще будетъ братъ легокъ серд-
цемъ и теплъ на любовь Божию, то
сій вскорѣ разумѣвъ свою вину и
падъ поклоняшеся, прошенія прося
отъ него пріяти. Аще ли же паки бу-
детъ братъ той омраченіемъ бѣсов-
скимъ сердце имѣя прикровено, то
сій стояше, мня, яко о иномъ бесѣ-
дуетъ, и самъ ся чистъ творя, дон-
деже блаженный обличаше и, епити-
мією того утвердивъ, отпущаше и.
И тако вся учаше прилѣжно молити-
ся Богу и не бесѣдовати по павечер-
ній молитвѣ, никогдаже и не прохо-
дити отъ келии въ келию, но во своей

въ келію, но во своей келіи молити Бога, якоже кто можетъ, — руками своими дѣлати до вся дни, псалмы Давидовы, во устѣхъ ямуше.

Сяде же имъ глаголаше: молю убавы, братіе, подвижемся постомъ и молитвою и пощениемъ о спасеніи душъ нашихъ, и возвратимся отъ злобъ нашихъ и отъ путей лукавыхъ, еже суть сія: любодѣянія, татьбы, клеветы, празднословія, которы, пьянства, обьяденія, братоненавидѣнія; сихъ, братіе, уклонимся, сихъ возгнушаемся; не осквернимъ сими души своея, но пойдемъ по пути Господню, ведущему ны въ породу, и възыщемъ Бога рыданіемъ и слезами, пощеніемъ и бдѣніемъ, докореніемъ же и послушаніемъ, да тако обратимъ милость отъ него; еще же возненавидимъ міра сего, всегда поминающе о семъ Господа рекша: аще кто не оставитъ отца своего и матеръ, жену и дѣти, и селъ Мене ради и Евангелія, — нѣсть Ми достоинъ. И пакы рече: обрѣтый душу свою, погубитъ ю, а погубивый ю Мене ради — той спасетъ ю; тѣмъ же, братіе, и мы, отрекшеся міра, отвержемся и сущихъ въ немъ; возненавидимъ всяку неправду, еже мерзкаго не сотворити и не обра-

келіи Бога молити, якоже кто можетъ, — руками же своими дѣлати до вся дни и псалмы Давидовы, всегда во устѣхъ имѣти, во срѣтеніи же нашемъ да ся поклояете другъ другу, якоже есть дѣло монаху. И сяде же имъ глаголаше: молюже вы, братіе, подвижемся въ малое сіе время постомъ и молитвою, пощениемъ о спасеніи душъ нашихъ, возвратимся отъ злобъ нашихъ и отъ путей лукавыхъ, еже суть сія: любодѣянія, татьбы, клеветы, празднословія, которы, пьянства, обьяденія, братоненавидѣнія; сихъ, братіе, уклонимся, сихъ возгнушаемся; не осквернимъ же сими души своея, но пойдемъ по пути Господню, ведущему ны въ жизнь вѣчную; възыщемъ Бога рыданіемъ и слезами, пощеніемъ и бдѣніемъ, докореніемъ же и послушаніемъ, да тако обратимъ милость отъ него; еще же возненавидимъ суетнаго міра сего, всегдаже поминающе о семъ Господа рекша: аще кто не оставитъ отца и матеръ, и жены, и дѣтей, и селъ Мене ради и Евангелія, — нѣсть Ми достоинъ. И пакы рече: обрѣтый душу свою, погубитъ ю, а еже погубитъ ю Мене ради — спасетъ ю; тѣмъ же и мы, братіе, отрекшеся міра, отвержемся и сущихъ въ немъ; возненави-

Тѣмъ на первыя грѣхи, якоже пещь на своя блевотины. Никтоже бо, рече Господь, возложь руку на рало и зря вспять—управленъ есть въ царство небесное. Како же мы убъжимъ мукѣ безконечныя, скончавающе время живота своего въ лѣности и не имуще покаянїя? Лѣно бо есть намъ, братіе, нарекишимся инокомъ по вся дни каятися грѣховъ своихъ; покаяніе бо есть путь, приводящій къ царству; покаяніе есть ключъ царству небесному, безъ того бо не удобъ жити никому же; покаяніе есть путь вводящій въ породу; того пути, братіе, держимся, на томъ пригвоздимъ плеснѣ и стопы; къ тому пути не приближается змїи лукавый; того бо пути шествїя нынѣ прискорбна, послѣдїе радостна суть. Тѣмъ же, братіе, подвигнемся прежде дни онаго, да получимъ благая она и избъжимъ всѣхъ, хотящихъ быти на нерадивыя и не въ покаянїи живущихъ. Святый убо сїи наставникъ сице творяше и учаше братїю. Они же, яко земля жаждущая воды, тако приимаху слово его, приносящи трудовъ своихъ плоды къ Богу: овъ во 100, овъ же въ 60, овъ же въ 30; и бѣ видѣти на земли чело-вѣки житїемъ точно ангеломъ, и монастырь той подобенъ небеси, въ немъ

дѣмъ же всяку неправду, и къ кому мірскихъ не творимъ и не обратїемъ на первыя грѣхи, якоже пещь на своя блевотины; рече бо Господь: никтоже возложивъ руки своя на рало и зря вспять—управленъ есть въ царство небесное. Какоже мы убъжимъ мукѣ безконечныя, братіе, скончавающе время свое въ лѣности и не имуще покаянїя? Лѣно есть нарекишимся монахомъ по вся дни каятися грѣховъ своихъ; покаяніе бо есть путь, приводящій къ небесному царству; покаяніе бо есть ключъ царствїя и безъ того вводящій въ породу; того пути, братіе, держимся, на томъ пригвоздимъ плеснѣ и стопы наша; къ тому бо пути не приближается змїи лукавый; того пути шествїя суть нынѣ прискорбна, послѣдїе же радостна и утѣшанна. Тѣмъ же, братіе, держимся и подвигнемся прежде дни онаго, да получимъ благая она и избѣгнемъ всѣхъ, хотящихъ быти на лѣннвыхъ и не въ покаянїи живущихъ. Святый убо сїи наставникъ сице творяше и учаше братїю. Они же, яко земля жаждущая воды, тако примаху слово его, приносяще трудовъ своихъ плоды къ Богу: овъ во 100, овъ же въ 60, овъ же въ 30; и бѣ видѣти на земли чело-вѣки подобны, яко

же блаженный отецъ нашъ Феодосій просія паче солнца добрыми дѣлы.

ангельское житіе имуще. Мнози же Христоробіивіи мужіе, иже отъ многихъ странъ слышавше доброе ихъ житіе, приходяду ко предодобному отцу Александру, исповѣдающе тому грѣхи своя, и велику пользу приѣмлюще отъ него отхождаду; и тако пакы приносяще отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на строеніе монастырю.

№ 11.

Изъ житія препод. Варлаама Хутынскаго; глава: „О началѣ зданія церкви каменныя Всемилостиваго Спаса“. (Ркп. Сол. библ. № 226; л. 52—53).

«Понеже святыи желаніе ведіе имаше еже при своемъ животѣ воздвигнути церковь каменну Христу Богу нащему, честнаго Его Преображенія, и нача церковь основати, до верхнего прага воздвигъ ю».

И во семь разумѣвъ святыи еже къ Богу свое отхожденіе, и призывавъ братію и рече имъ: се уже, братіе, конецъ живота моего приближися, и азъ убо отхожду отъ житія сего, васъ же предаю въ руки Божіи.

Наставникъ же будетъ вамъ въ мѣсто мое сверстникъ мой Антоній. Не предъ многими бо времени пошеть

„О преставленіи предодобнаго Александра чудотворца“. (Ркп. № 228. л. 81—84).

«Посихъ же убо разумѣвъ святыи еже къ Богу свое отхожденіе, и призывавъ братію рече имъ: се уже, братіе, конецъ живота моего приближается, и азъ убо отхожду отъ житія сего, васъ же предаю въ руки Божіи.

бѣ Антоніи въ Константиинѣ градѣ. Тѣмъ же святыи, яко имѣя духа прозорливаго благодать, пророчествова о пришествіи его, и еше святому глаголющу, Антонія сказаша, въ монастырскомъ пристанищи, якоже прииде въ монастырь о Христѣ цѣлованіе давшѣ другъ другу. Святыи же зѣло возрадовася о пришествіи Антоніевѣ. И тако предасть ему монастырь и братію вручивъ ему глаголя: се убо съ Богомъ оставляю тя строителя и окормителя святому монастырю, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ да сохранитъ вы и утвердитъ вы въ любви Его. Азъ же аще и тѣлеснѣ отхожду отъ васъ, но духомъ съ вами неотступенъ буду. И о семъ буди вамъ разумно: аще буду обрѣлъ благодать предъ Богомъ, монастырь и по моей смерти, якоже и при моемъ животѣ, ничимъ же оскудѣетъ, аще любовь между вами будетъ.

Той да сохранитъ вы и утвердитъ въ любви Его. Азъ же аще и тѣлеснѣ отхожду отъ васъ, но духомъ съ вами неотступенъ буду. Но и о семъ да будетъ вамъ разумно: аще буду обрѣлъ благодать предъ Богомъ, то монастырь сей и по смерти моей ничимъ же оскудѣетъ, аще любовь между вами будетъ. Подобаеть же вамъ убо, братіе, со всякимъ прилѣжаніемъ и со страхомъ Божиимъ въ покореніи и любви быти. И тако блаженный вся со слезами учаше, еже о спасеніи души и богоугоднѣмъ житіи, и о пощеніи, и еже ко церкви тцаніи, и въ той со страхомъ стояніи, обратоловіи же и о покореніи, и еже не токмо старѣйшинамъ, но и къ сверстнымъ себѣ,

Изъ житія препод. Сергія Радонежскаго — слова о преставленіи святаго. (Ркп. № 499. л. 394 на обор.) — ...непреткновенно въ православіи пребывати рече, и единомысліе другъ ко другу хранити завѣща, имѣти же чистоту душевную и тѣлесную, и любовь велицею, отъ злыхъ же и скверныхъ похотей отлучатися, пищу же и питіе имѣти нематежно, наипаче смиреніемъ украшатися, страннолюбія не забывати, спротивословія удалятися, и ничтоже вмѣнати житія сего честь же и славу, но вмѣсто сихъ, еже отъ Бога издвоздаанія ожидать небесныхъ вѣчныхъ благъ наслажденіе.

Изъ житія препод. Кирилла Бѣлоозерскаго (Ркп. № 219. л. 53 на обор 54). ...медъ же или иное питіе, елика пѣанства имуть, никакоже въ монастыри обрѣтатися повелѣ.

любовь же и покореніе имѣти, и се яко видѣте мя къ концу приближающася, се оставляю вамъ въ себе шестю братья во священноиноцѣхъ: Исаію и Никодима, Леонтія, Продиона, и отъ тою же четырехъ братья, его же Богъ восхощетъ и архіепископъ Макарій благословитъ, той да будетъ вамъ игумень въ мое мѣсто, и тому во всемъ да повинуетеся духовнѣ, вкушъ же и тѣлеснѣ, того послушайте, и отца духовнаго себѣ имѣйте его, того бойтеся и повелѣнія его вся творите... и непреткновенно въ православіи пребывати рече, и единомысліе другъ ко другу завѣща, имѣти же чистоту душевную и тѣлесную, и любовь велицею, отъ злыхъ же и скверныхъ похотей отлучатися, пищу же и питіе имѣти нематежно, наипаче же смиреніемъ украшатися, страннолюбія не забывати, спротивословія удалятися, и ни во чтоже вмѣнати житія сего честь же и славу, по вмѣсто сихъ еже отъ Бога издвоздаанія ожидать небесныхъ вѣчныхъ благъ наслажденіе. Ктому же и осемъ заповѣдавъ рече: братіе, да якоже животѣ питія пѣанственнаго не бысть въ монастырѣ, медъ же или иное питіе, и елика пѣанства имуть, никакоже въ монастыри семъ обрѣтатися повелѣвъ

И тако блаженный симъ уставомъ зміеву главу піянство отрѣза и корень его прочее исторже. Устави же не токмо при своемъ животѣ меду и иному питію, елика піянства имуть не быти, но паче и по своемъ преставленіи таковымъ не обрѣтатися заповѣдавъ.

Изъ житія препод. Сергія Радонежскаго (Рки. № 499. Л. 395.) — и прочее много наказавъ рече: азъ, Богу зовущу мя, отхожду отъ васъ, предаю же васъ всемогущему Богу и Того пречистѣй Его Матери, да будетъ вамъ приближище и стѣна отъ сѣтей вражнѣхъ и лаяннѣхъ.

И тако блаженный симъ запрещеніемъ уставомъ зміевъ главу съ піянствомъ отсече, и ктому прочее и кореніе его исторже; заповѣда же и о семь преподобный, яко не токмо при моемъ животѣ не быти піянственному питію въ монастыри семь, наипаче же и по преставленіи моемъ не повелѣваю сему быти..., и прочее много наказавъ рече: азъ отхожду отъ васъ предаю же васъ всемогущему Богу и Того пречистѣй Богоматери, да будетъ приближище и стѣна отъ сѣтей вражнѣхъ, и лаяннѣхъ. Вопросившимъ же братьямъ святаго, гдѣ его погребутъ по преставленіи его; онъ же завѣща имъ глаголя: братіе! мое грѣшное тѣло свяжите по ногѣмъ и влещите и въ дебрь блата, и во мху покопавше, ногами своимъ да попереете и. Они же глаголаху: ни, отче, не сотворимъ сего, но да у Святѣй Троицы въ монастырѣ да погребенъ будеши. Паки же глагола святой: аще сего, братіе, не сотворите, то да нагребете мя у святаго Богодѣльнаго Христова Преображенія, идѣже вся братія погребаются. Бяше же церковь та, кромѣ монастыря, яко одною или дважды стрѣлою стрѣтили, воотходнѣй святаго пустыни, тамо же и вся отшедшая братія погребяхуся. И сей же яко по

Изъ житія препод. Варлаама Ху-
тынскаго (Рип. № 226. л. 53)... и
такъ поучивъ ихъ довольно и конеч-
ное слово изрекъ: Господи! въ рудѣ
Твои предаю духъ мой, и тако пре-
дастъ небесную душу свою въ ру-
дѣ вѣхъ Бога.

Изъ житія препод. Сергія Ра-
доужскаго. (Рип. № 499. л.
393.)... чистую свою и священ-
ную душу съ молитвою Господеви
предать, въ лѣто шестысящное,
девятьсотъ пятое; мѣсяца сентеб-
рія, въ двадцать пятый день. Живъ
же преподобный лѣтъ семьдесятъ и
осмь. Изліяжеса тогда благоуханіе
веліе и неизреченно отъ тѣлесе свя-
таго. Братіи же, всѣмъ собранномъ,
плачемъ и рыданіемъ сокрушася
и на одрѣ честное и трудолюбное тѣ-
ло положивше честно, псалмопѣ-
емъ и надгробными того провождаю,
ученикъ слезъ истонницы проливаху-
ся, корничя отшетившеса и учителя
отъяти бывше, и отча разлученія, не
терпяще плакаху, аще бы имъ мо-
щно и соумрети тогда съ нимъ. Лице
же святаго свѣдѣннєся яко снѣгъ, а
не яко обычай есть мертвымъ, но яко
живу или ангелу Божию, пролезуя ду-
шевную его чистоту, и еже отъ Бога
иммородаванія трудомъ, его. Подожи-

степенемъ приближающимся къ Богу,
разумѣвъ же святыи прежде еднаго
лѣта свое къ Богу преставленіе, и та-
ко поучивъ ихъ довольно, и духовнымъ
лобзаніемъ одаривъ ихъ, и тако поживъ
довольна лѣта, скорбнымъ и узкимъ
путемъ шествуя, достиже честныя
старости, и маситы свѣтолюбными и
постническими сѣдинами украсився,
и воздвиже на небо рудѣ, и молитву
сотворивъ, конечное слово изрекъ:
Господи! въ рудѣ Твои предаю духъ
мой, чистую свою и священную душу
съ молитвою Господеви предать въ
лѣто 73ма, мѣсяца августа въ 14 день
Живъ же преподобный лѣтъ 66. И та-
ко совершается соборъ его во обители
святыя Живоначальныя Троицы, въ
созданнѣмъ отъ него монастырѣ. Бра-
тіямъ же, всѣмъ собраннымъ, плачемъ
и рыданіемъ сокрушася, и на одрѣ
честное и трудолюбное его тѣло поло-
живше, псалмопѣемъ и надгробными
того провождаю, ученикъ слезъ ис-
точнички проливахуся, корничя отше-
тившеса, и учителя отъяти быти, и
отча разлученія, не терпяще, плака-
ху, яко аще бы имъ мощно и соумре-
ти тогда съ нимъ. Лице же святаго
свѣдѣннєся лаче, а не яко обычай
есть мертвымъ, но яко живу или ан-

ша же честное его гѣло во обители,
иже отъ него созданный.

тому Божію, показавъ душевную еѹ
чистоту, и еже отъ Бога мѣдовозда-
нїя трудовъ еѹ, Положиша же чест-
ное его гѣло, въѣ монастыря, у свя-
таго Божодѣльнаго Христова Преобра-
женїя, въѣ церкви, одесную страну
олтаря, и погребоша его честныя и
чудотворныя мощи, иже исцѣленїя
подають съ вѣрѹ приходящїимъ къ
рацѣ мощей еѹ. И тако отъиде бла-
женный въ вѣчную жизнь, слава Свя-
туѹ Троицу, Отца и Сына, и Свята-
го Духа, ныне и присно и во вѣды вѣ-
ковъ. Аминь.

№ 10.

Братская редакція житїя св. митрополита Филиппа. (Ркп.
№ 191 л. 1—3). Досвятительской періодъ.

Во время великаго князя Василья Ивановича, въ царствующемъ градѣ
Москвѣ, — препоситъ вѣкшїи, именовъ Стефанъ Колычевъ; сему Стефану ро-
дїся благочестивъ отрочъ и нареченъ бысть Феодоръ. И егда достиже воз-
раста, вдалъ бысть въ изученїе грамотъ. Но вѣколнцѣ же времени представи-
ся великій князь Василїй Ивановичъ, во вноцѣхъ Варлаамъ; по немъ же при-
емлетъ отчеа достойнїе сынъ еѹ—Иванъ Васильевичъ; окипетръ царствїя.
Отрочъ Феодоръ любїишъ бѣ сему Ивану Васильевичу. Слышавъ же отрочъ Фе-
одоръ о Соловецкомъ монастырѣ, въ морокомъ отоцѣ, во странїи северной, —
о обители преподобныхъ отецъ Зосїмы и Савватїя, и отъиде отъ царствующа-
го града Москвы, и прииде до Великаго Новграда, на езеро Онега, и дости-
же вѣкшей веси, глаголемой Кижї, и прильпїся единому отъ жителей веси
той, полже не имѣше ничтоже съ собою, токмо нужная одѣянїя, иже мона-
ше, и начѣ овцы паствити. Потомъ же и въ обитель Соловецкую достиже, и

бѣ во обители труждаея годищное время и полѣ, дрова сѣкій и землю кошая, и каменіе нося, и всяку работу монастырскую работаше. Посемъ же постригается во иноческій образъ и, вмѣсто Теодора, нареченъ бысть Филиппъ; и пребысть во иноческихъ подвижѣхъ девять лѣтъ. Тояже обители игуменъ Алексѣй въ то время уже престарѣя; поручаетъ же сему Филиппу власть свою, такожде и вси братія возлюбиха его и избраша. И идоша съ нимъ въ Великій Новъ-градъ, ко архіепископу Теодосію, и тамо поставленъ бысть игуменомъ отъ архіепископа Теодосія и отпущенъ вскорѣ во обитель. Святыи же Филиппъ печашеся о обители; и совѣтовавъ съ братією и воздвиже церковь пресвятѣй Богородицѣ честнаго Успенія; и въ томъ храмѣ прегради престоль Іоанна Предтечи, тамъ же пресовокупивъ и трапезу, 12 сажень внутрь имущи; и горы великія прокопа, и удолія избразди, и воду текущи отъ езера во езеро сотвори и подъ монастырь во езеро проведе, толчи же и молоти къ покою братскому сотвори, и полаты благостройны содѣла. Призываетъ же на помощь святыхъ отецъ Зосиму и Савватія, и восхотѣ создати церковь величайшу Преображенія Господа нашего Ісуса Христа, — плинфеную, идѣже видѣ преподобный лучу пресвѣтлу сіяющу. Святыи же Филиппъ якоже восхотѣ—такъ и сотвори; присовокупи же ту церковь преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, и архистратига Михаила, на иной же странѣ иныхъ четверехъ, на высотѣ соградивъ церковь 12 апостоль и церковь 70 апостоль, и церковь преподобнаго Іоанна Лѣствичника, и церковь святаго великомученика Теодора Стратилата; и украси святыми иконами и освященными сосуды, и всякимъ церковнымъ украшеніемъ; въ той же церкви, отъ сѣверныя страны, и гробъ себѣ ископа; ту бѣ и мощи его положены, егда отъ заточенія принесены....
